

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 17(6) • 2024

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 21,59 усл. п.л. Заказ № 1994.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 17(6) • 2024

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 7 Юнгблюд В.Т. – Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980)
- 33 Арабаджян А.З. – В борьбе за альтернативное мироустройство: от истории к современности антиимпериализма на Кубе
- 58 Суховерхов К.К. – Формирование внешнеполитической платформы Республиканской партии США и проблемы её реализации в 2000–2004 гг.
- 85 Рябов С.М. – Проекты франко-шведского альянса против Русского государства в 1572–1575 гг.
- 112 Петрова М.А. – Языки письменного и устного общения российских императоров и курфюрстов Священной Римской империи в 1725–1799 гг.

Мировое большинство

- 139 Данилин И.В. – «Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией

- 155 Morales-Fajardo M.E. – Liquid Regionalism in Latin America: The Institutional and Trade Dynamics of the Latin American Integration Association
- 175 Садыков Р.Р., Учаев Е.И. – Помощь школьному образованию в повестке Нового банка развития

ЕС в мировой политике

- 205 Шишкина О.В. – Инструменты внешней политики ЕС в странах «Восточного соседства»: от помощи развитию к помощи войне
- 230 Соколов А.П., Проценко С.Е. – Концепция Zeitenwende в зеркале стратегических документов правительства Олафа Шольца

Table of Contents • 17(6) • 2024

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations

- 7 Yungblyud V.T. – Trade and Scientific-Technical Cooperation with the USSR on the U.S. Leadership's Agenda During the Era of Détente (1969–1980)
- 33 Arabadzhyan A.Z. – Striving for an Alternative World Order: The Journey of Cuban Anti-Imperialism from History to Modernity
- 58 Sukhoverkhov K.K. – Evolution of the U.S. Republican Party's Foreign Policy Platform and Its Implementation Challenges (2000–2004)
- 85 Ryabov S.M. – Projects of the Franco-Swedish Alliance against the Russian State in 1572–1575
- 112 Petrova M.A. – Languages of Written and Oral Communication between Russian Emperors and Electors of the Holy Roman Empire, 1725–1799

World Majority

- 139 Danilin I.V. – “National Champions” and Technological “Little Giants”: Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition

- 155 Morales-Fajardo M.E. – Liquid Regionalism in Latin America: The Institutional and Trade Dynamics of the Latin American Integration Association
- 175 Sadykov R., Uchaev Ye. – New Development Bank as Aid Donor to School Education

EU in World Politics

- 205 Shishkina O.V. – EU Foreign Policy Tools in the Eastern Partnership: From Development Assistance to Military Support
- 230 Sokolov A.P., Protsenko S.E. – Zeitenwende Through the Lens of Olaf Scholz's Government Strategic Documents

Торговля и научно-техническое взаимодействие с СССР в повестке американского руководства в годы разрядки (1969–1980)

В.Т. Юнгблуд

Вятский государственный университет

В структуре разрядки напряжённости в американо-советских отношениях 1970-х гг. вопросы торговли и взаимодействия в сфере науки и технологий занимали важное место. К концу 1960-х гг. в противостоянии США и СССР был достигнут стратегический паритет. На гонку вооружений стали смотреть как на дорогостоящее и бесперспективное дело. С одной стороны, временное равновесие военных потенциалов вело к смягчению прямой конфронтации и снижало угрозу войны, с другой – способствовало распространению убеждения в том, что интенсификация коммерческих связей и развитие научно-технологических программ и обменов создаст материальную основу прочного мира. В Москве эта мысль приобрела статус программной установки, в то время как в Вашингтоне исповедовали более прагматичный подход. С опорой на имеющееся историографическое наследие и документы российских архивов (РГАНИ, РГАЭ), а также опубликованные материалы Государственного департамента США, доступные электронные коллекции документов американских разведывательных служб и некоторых научных сообществ в статье показано, как на протяжении 1970-х гг. в Вашингтоне менялись подходы к формированию политики в отношении Советского Союза и какое место в этой политике отводилось торгово-экономическому и научно-техническому взаимодействию сверхдержав. Обоснованы выводы о том, что свёртывание разрядки в сфере торговли и научно-технического взаимодействия шло в три этапа. С принятием поправки Джексона-Вэника (1974) двусторонние отношения перестали быть равноправными, не говоря о существенных коммерческих потерях советской стороны. Приход к власти администрации Картера в январе 1977 г. внёс в повестку отношений Вашингтона и Москвы тему прав человека и угрозу применения санкций в случае их нарушения, неоднократно приведённую в исполнение. На рубеже 1979–1980 гг. начался третий этап, завершившийся в конце 1982 г. демонтажем инфраструктуры сотрудничества в сфере науки и технологий.

Ключевые слова: разрядка международной напряжённости, советско-американские отношения, научно-техническое сотрудничество, технологические обмены, Р. Никсон, Дж. Картер, Л.И. Брежнев

УДК: 94(73:47)"1969/1980":327:338.9:62-052

Поступила в редакцию: 11.10.2024

Принята к публикации: 15.12.2024

В истории международных отношений 1970-е годы отмечены ослаблением напряжённости в противостоянии Востока и Запада. Советско-американский межгосударственный диалог в то время развивался интенсивно и охватывал обширную повестку. Разрядка сверхдержав¹ имела сложную разноуровневую структуру и, по сути, служила важным стабилизирующим фактором миропорядка. Помимо вопросов контроля за вооружениями, создания всеобъемлющей системы безопасности в Европе и внимания к проблеме прав человека, важное место в политике разрядки занимали вопросы торговли и взаимодействия в сфере науки и технологий.

В Советском Союзе исходили из того, что интенсификация коммерческих связей и развитие научно-технологических программ и обменов создаст «надёжную материальную основу прочного мира»² и будет содействовать укреплению «достигнутой разрядки международной напряжённости»³. В руководстве США в течение 1970-х гг. в основном разделяли мнение о преимуществах разрядки по сравнению с политикой конфронтации и гонкой вооружений, характерных для предшествующей четверти века⁴, однако приоритеты американской политики каждая из последовательно сменявших друг друга администраций расставляла по-разному⁵.

В настоящей статье будет показано, как на протяжении десятилетия разрядки в Вашингтоне менялись подходы к формированию политики в отношении Советского Союза и какое место в этой политике отводилось торгово-экономическому и научно-техническому взаимодействию сверхдержав. Историография данной проблемы включает значительное количество работ, вышедших как в нашей стране, так и за рубежом, разбору которых посвящены отдельные недавно опубликованные статьи (Юнгблюд, Ильин 2023b; Юнгблюд, Ильин 2024).

С опорой на имеющееся историографическое наследие и документы российских архивов (РГАНИ, РГАЭ), а также опубликованные материалы Государственного департамента США, доступные электронные коллекции документов американских разведывательных служб и некоторых научных сообществ в настоящей статье будут раскрыты специфические (по сравнению с советскими) характеристики американского понимания места научно-технической проблематики в структуре политики разрядки.

¹ Подробнее об особенностях разрядки в советско-американских отношениях и её месте в общем процессе снижения международной напряжённости в 1960-х 1980-х гг. см.: (Юнгблюд, Ильин 2023a: 77–78).

² Протокол №5 заседания Пленума ЦК КПСС за подписью Секретаря ЦК КПСС Брежнева Л.И. «6–27 апреля 1973 г. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 292. Л. 37 (Л. 1-80).

³ Отчёт о выполнении ГКНТ СМ СССР плана и эффективности научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами за 1975 год. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 102. Л. 24, 25.

⁴ О месте внешнеторговых отношений и соперничества СССР – США в научно-технической сфере см.: (Юнгблюд 2022).

⁵ В 1970-е гг. в США сменились администрации Р. Никсона (20.01.1969 – 9.08.1974), Дж. Форда (9.08. 1974 – 20.01. 1977), Дж. Картера (20.01.1977-20.01.1981).

Двусторонняя торговля и научно-техническое сотрудничество с СССР в контексте политики «увязок»

Одна из особенностей историографии советско-американских отношений эпохи разрядки состоит в том, что главные американские участники событий – президенты, государственные секретари и некоторые члены администраций – «по свежим следам» запечатлели собственный опыт в воспоминаниях, дневниках и иных текстах, повлиявших на последующий исследовательский дискурс (Brzezinski 1983; Carter 2020; Gates 1996; Kissinger 1979; Nixon 1978; Vance 1983). Более поздняя историография, прежде всего англоязычная, в значительной степени опирается на свидетельства и выводы, впервые сформулированные и обоснованные этим поколением авторов.

В этой связи, в первую очередь следует остановиться на тактике «увязок», утвердившейся в дипломатической практике Р. Никсона – Г. Киссинджера на начальной стадии «запуска» процесса нормализации советско-американских отношений. Своим появлением она была обязана тезису об относительно невысокой заинтересованности американской стороны в торговле и научно-технических контактах с СССР при том, что для советского руководства желание получить доступ к американским технологиям было доминантным. В Белом доме этот постулат считали базовым при ведении переговоров с Кремлём и особо его не камуфлировали. В Советском Союзе отмечали, что даже после подписания первых соглашений Госдепартамент затягивал согласование межправительственных рабочих программ, «исходя из тенденциозных представлений, что развитие научно-технического сотрудничества между СССР и США выгодно, якобы, преимущественно советской стороне»⁶.

Во главу угла в американо-советском диалоге с конца 1960-х гг. Белый дом ставил политические проблемы. Темы торговли, кредитов, трансфера технологий и развития научных контактов изначально рассматривались с позиций их «разменного потенциала». Инструктируя своего советника по национальной безопасности Киссинджера перед поездкой в Москву для подготовки саммита в мае 1972 г., Никсон наказывал с самого начала фокусировать переговорный процесс на проблеме Вьетнама, не затрагивая вопрос о торговых соглашениях, «заключения которых жаждали» в Москве, до тех пор, «пока они [руководство СССР – Авт.] конкретно не подтвердят, что помогут закончить войну» (Nixon 1978: 61). Дипломатический торг и «увязывание» разрозненных элементов велись таким образом, чтобы настроить советскую сторону на максимальные уступки в ключевых для США вопросах, используя в качестве приманки аргументы из области торговли, кредитов и технологий. «Увязки» изначально были

⁶ Отчёт Госкомитета СМ СССР по науке и технике о научно-техническом сотрудничестве СССР с зарубежными странами за 1974 год. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 523. Л. 24–25.

положены в основу американской переговорной стратегии. Впоследствии фокус заинтересованности Вашингтона с Вьетнама сместился на условия соглашений по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), ближневосточное урегулирование, проблему еврейской эмиграции из СССР, права человека и изменение советского поведения на международной арене в целом, но базовый принцип несимметричных увязок оставался неизменным.

В 1980-х гг. Киссинджер, суммируя опыт предшествующего десятилетия, писал: «Сдвиг настроений в пользу торговли между Востоком и Западом стал ощущаться в конце 1960-х – начале 1970-х гг. ... Американская администрация ... исходила из того, что торговля должна идти вслед за демонстрацией Советами готовности придерживаться более мирного курса, и её следует связывать с советским поведением на международной арене. По мере того, как Советы включились в несколько серьёзных переговоров, ... Соединённые Штаты постепенно смягчили свой подход, руководствуясь принципом взаимности и увязывая эти шаги со специфическими договоренностями. ... Независимо от всех выгод исходной теории, сейчас ясно, что торговля и кредиты могут сдерживающим образом влиять на советское поведение только в том случае, если Кремль будет опасаться, что неуступчивость будет стоить ему тех экономических выгод, на которые он рассчитывает» (Kissinger 1982: 14).

Пришедшая к власти в 1977 г. демократическая администрация Дж. Картера критиковала своих предшественников за использование «увязок» в качестве переговорного инструментария (Strong 2005: 99–100), но на практике этот приём также регулярно применяла, хотя комбинации подлежащих «увязыванию» элементов менялись (Brzezinski 1983: 323). В ходе предвыборной кампании 1976 г., критикуя «секретную» внешнюю политику Никсона–Форда («политику одинокого рейнджера»), Дж. Картер указывал, что «отношения Востока и Запада будут как кооперативными, так и конкурентными ещё долгое время», но Соединённые Штаты не станут искать компромисса за счёт собственных национальных интересов или интересов своих союзников⁷. В последующих выступлениях он неизменно подчёркивал, что согласие его правительства на продолжение сотрудничества с СССР будет зависеть от состояния дел в этой стране с правами человека. Советник президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский в мае 1978 г. в одном из интервью заявил, что всем ещё предстоит осознать, «что из себя представляет разрядка, и чем она не является». Далее он пояснил, что разрядку не следует считать «эквивалентом всеобъемлющего, или даже полного примирения между Соединёнными Штатами и Советским Союзом», и сам он не видит ничего ужасного в том, чтобы обусловить торговлю и предоставление американских технологий «поведением Советского Союза»⁸.

⁷ Doc. 6. Address by Jimmy Carter, New York, June 23, 1976. *Foreign Relations of the United States* (данее – FRUS), 1977–1980, Vol. I, Foundation of Foreign Policy. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d6> (accessed 10.12.2024).

⁸ Doc. 81. Editorial Note. *FRUS*, 1977–1980, Vol. I. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d81> (accessed 10.12.2024).

Барьеры режима наибольшего благоприятствования

Важное место во внешнеполитических расчётах руководства США в 1970-е гг. занимали соображения относительно распространения на СССР режима наибольшего благоприятствования (РНБ) в торговле и допустимости давления на Кремль с целью влияния на его внутреннюю политику. В этом вопросе и республиканцы, и демократы после прихода к власти, как правило, предпочитали позиционировать себя прагматиками, противостоящими «идеалистично» настроенным конгрессменам и сенаторам, принявшим поправку Джексона-Вэника к Закону о торговле 1974 г. (Юнгблюд, Ильин 2020), хотя отправные точки, как и итоговые оценки у них существенно различались. Дебаты вокруг поправки регулярно обострялись в связи с закупками Советским Союзом патентов, наукоёмкой продукции и технической документации, а также заключением контрактов на строительство и оснащение высокотехнологичных предприятий. Каналы трансфера технологий, едва наметившиеся после подписания в октябре 1972 г. советско-американского торгового соглашения, были существенно сужены принятием поправки, обусловившей предоставление статуса РНБ либерализацией эмиграционного законодательства. К. Нельсон справедливо указывает, что поправка Джексона-Вэника и принятая вслед за ней поправка Стивенсона к Торговому акту (1975), ограничившая банковские кредиты Советскому Союзу, «нанесли разрядке ошеломляющий удар»: объём двусторонней торговли сразу снизился наполовину (Nelson 2019: 149). Моральные издержки также были значительными – в Москве восприняли поправку как унижительную и неприемлемую попытку вмешательства во внутренние дела страны, несовместимую с её сверхдержавным статусом.

Лишение СССР статуса наиболее благоприятствуемой в торговле нации изначально было творением демократического большинства в Конгрессе, вознамерившегося не только торпедировать один из ключевых актов разрядки, но и нанести чувствительный ущерб республиканской администрации. Киссинджер потратил немало сил, чтобы нивелировать значение поправки. Он исходил из того, что «экономические стимулы в принципе не могут заменить баланс сил», а Запад, лучше подготовленный к экономическому соревнованию с социалистическими государствами, не нуждается в специальных дискриминирующих законах. Статус наибольшего благоприятствования, по его мнению, представлял лишь те условия, которые «и так уже были распространены на сотню других государств» и по этой причине он был всего лишь индикатором равенства, а не особым «пожалованным» даром⁹ (Kissinger 1979: 247, 982–983, 986).

⁹ Именно на таком подходе основывались переговорные позиции советской стороны. О том, что статус наибольшего благоприятствования является общепринятой нормой, а не «особой привилегией», писал Г. Арбатов в секретариат ЦК и в Совет министров СССР накануне майского советско-американского саммита 1972 г. См.: *РГАНИ*. Ф. 80. Оп. 1. Д. 792. Л. 98.

С этих позиций он оппонировал сторонникам поправки на стадии её обсуждения и критиковал «их» – «людей Джексона», «людей правого крыла»¹⁰. Сменивший в августе 1974 г. Никсона Джеральд Форд в целом разделял этот подход (Ford 1979: 138–139). Члены республиканских администраций лично и через своих сторонников из сферы крупного бизнеса пытались довести до сведения советского руководства, что будут предпринимать меры для отмены дискриминационной нормы¹¹, однако не преуспели в этом деле.

Позиция команды Картера была более нюансированной. С одной стороны, курс на защиту прав человека по всему миру, декларированный в качестве стратегической цели и морального императива администрации, хорошо сочетался и с духом, и с буквой поправки Джексона – Вэника (к тому же оба автора поправки играли заметную роль в демократических фракциях своих палат в Конгрессе).

В то же время, к моменту прихода Картера в Белый дом политика разрядки себя не исчерпала. И сам президент, и, особенно, госсекретарь С. Вэнс не раз выступали в пользу её продолжения (Carter 2010: 282; Vance 1983: 21–23, 31)¹². В переговорах с советскими представителями Картер сетовал на то, что поправка «досталась ему по наследству», высказывался в пользу расширения сотрудничества, но тут же обуславливал подвижки в этом вопросе либерализацией политики советских властей в отношении диссидентов и реальных шагов к отмене поправки не предпринимал (Carter 2010: 105). Максимум, на что он соглашался – использовать президентские полномочия для снятия дискриминационных ограничений в отношении СССР¹³.

Главный идеолог внешней политики демократической администрации Бжезинский в апреле 1977 г. предложил (в соавторстве с С. Хантингтоном) концепцию «экономической дипломатии», суть которой сводилась к использованию американских технологических преимуществ для достижения политических целей (Vaisse 2018: 299). Её центральным звеном стала формула, фактически сохранившая значение вплоть до начала 1981 г.: «Противостоять советской идеологической экспансии, с максимальной последовательностью продвигая американскую позицию в области глобальных прав человека, при этом постоянно изыскивая способы сделать детант более всеобъемлющим и более взаимным» (Brzezinski 1983: 54).

¹⁰ Kissinger H. Interview for the Gerald R. Ford Oral History Project on April 8, 2009 (by Richard Norton Smith). *Gerald Ford Foundation*. URL: <https://geraldrfordfoundation.org/centennial/oralhistory/henry-kissinger/> (accessed 10.12.2024)

¹¹ Московский представитель «Чейз Манхэттен банка» Дэвид Бакман, например, в июле 1975 г. заверял своих собеседников в ГКНТ СМ СССР, что поправка будет отменена в ближайшие месяцы. См.: Запись беседы тов. Айкказяна Э.А. с представителем «Чейз Манхэттен банк» в Москве Дэвидом Бакманом. 7 июля 1975 г. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2563. Л. 5.

¹² Carter J. 2010. *White House Diary*. N.Y., Farrar, Straus and Giroux. P. 282; Vance C. 1983. *Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy*. Simon and Shuster. P. 21–23, 31.

¹³ Запись основного содержания беседы А.А. Громыко с президентом США Дж. Картером, 23 сентября 1977 года, Вашингтон. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 71. Д. 9. Л. 80.

В отличие от Киссинджера, также ратовавшего за использование экономических и научных «приманок» ради достижения политических результатов, Бжезинский учитывал в двустороннем соревновательном раскладе не только военно-стратегические показатели, но и весь перечень системных характеристик сверхдержав, включая уровни жизни и положение дел в «третьей корзине». В этой связи Ю. Ханхимёки справедливо отметил, что «политика Картера в области прав человека была контрпродуктивной. Увязки были неявными, а открытая поддержка со стороны США диссидентов возбуждала сомнения насчёт пригодности разрядки – или по крайней мере о цене детанта для Советов» (Hanhimäki 2013: 116). Под «ценой» в данном случае подразумевался отказ Москве в торговых преференциях и доступе к новейшим технологиям.

Разногласия между американскими политиками высшего уровня по поводу форматов и масштаба «увязок» при обсуждении вопроса о возможной отмене поправки в 1977–1980 гг. проявлялись всё отчетливее. С одной стороны, госсекретарь Вэнс призывал в отношениях с Москвой «поддерживать интонацию равенства», которому советские руководители придавали исключительно большое значение¹⁴. Но в других случаях согласие на отказ от ограничений связывалось или с общим улучшением двусторонних отношений, или только с позитивной динамикой еврейской эмиграции, иногда – с продвижением переговоров по ОСВ.

Оценивая внешнюю политику США в конце 1970-х гг., Б. Глэд пришла к заключению, что «моралистский подход Картера не только существенно затруднил дипломатические взаимоотношения с СССР, но и привёл к таким действиям, которые можно было интерпретировать как манифестацию двойных стандартов» (Glad 2009: 282). Действия администрации США в сфере торговли и трансфера технологий в СССР дают многочисленные примеры, подтверждающие этот вывод.

Экспортный контроль – инструмент технологического превосходства

Одним из сильнейших мотивов политики США на всём протяжении 1970-х гг. было желание сохранять технологическое превосходство. Оно поднимало до высшего уровня проблему экспортного контроля. «Разрядка задумывалась как взаимоотношения между конкурентами, она не предполагала дружбу», – отмечал Киссинджер (Kissinger 1979: 469). В том же духе высказывались и другие американские руководители. Бжезинский, например, предлагал воспринимать разрядку «как разновидность соперничества» (Brzezinski 1983: 50), а Вэнс уже после завершения карьеры госсекретаря отмечал, что в конечном

¹⁴ Doc. 82. Letter from Secretary of State Vance to President Carter, Washington, May 29, 1978. *FRUS*. 1977–1980. Vol. I. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d82> (accessed 10.12.2024).

итоге «состязательная природа отношений с СССР оказалась недооценённой» (Vance 1983: 27).

Следует отметить, что установки Москвы в то время почти зеркально отражали настрой Вашингтона. «США отнюдь не стали нашими союзниками», – с трибуны апрельского пленума ЦК 1973 г. напомнил Л.И. Брежнев¹⁵. Выступление Ю.В. Андропова на пленуме вообще было посвящено разъяснению тезиса о том, что разрядка «является классовой борьбой в той форме, которая наилучшим образом соответствует нынешней расстановке классовых сил, нынешней международной ситуации»¹⁶.

О.А. Вестад, обращаясь к причинам, побудившим американских лидеров в начале 1970-х гг. пойти на сближение с СССР, сделал важное наблюдение: «Специфическое стечение обстоятельств породило смыслы, о которых не думали ни Никсон, ни Киссинджер. Их миры продолжали оставаться в пространстве Холодной войны. Тем не менее их действия побудили некоторых людей начать думать за рамками Холодной войны» (Westad 2017: 414–415). В меньшей степени этот вывод справедлив и в отношении советского руководства. Примечательно, что и приведённые цитаты из материалов апрельского пленума 1973 г., и наиболее решительные шаги лидеров США в сторону сближения Востока и Запада пришлось на май 1972 – июнь 1973 гг. – «кульминацию “эйфорической” фазы разрядки» (Litwak 1984: 9). Дальше ситуация стала меняться, и не в лучшую сторону. Сначала Уотергейт «убедил многих американцев в том, что в стране, которой управляют Никсон и Киссинджер, что-то не так», а «разрядка – это одна из многих уловок, при помощи которых Никсон дурачил американский народ» (Westad 2017: 476). Затем к власти пришла администрация Картера, настроенная в одностороннем порядке пересмотреть многие решения предыдущего периода с позиций «всеобъемлющего» (в отличие от никсоновского «селективного») понимания детанта.

Применительно к научно-технологическому сегменту повестки двусторонних отношений такой поворот событий порождал противоречивые, и даже взаимоисключающие подходы. С одной стороны, постоянное сопоставление экономической эффективности и жизненных уровней систем капитализма и социализма, СССР и США, побуждало американцев демонстрировать свои достижения в сфере производства потребительских товаров, увеличивать экспорт за счёт наукоёмких изделий, в том числе и созданных на основе новейших технологий (включая технологии военного и двойного назначения)¹⁷.

¹⁵ Протокол № 5 заседания Пленума ЦК КПСС за подписью Секретаря ЦК КПСС Брежнева Л.И., 6–27 апреля 1973 г. *РГАНИ*. Ф. 2. Оп. 3. Д. 292. Л. 417.

¹⁶ Апрельский Пленум ЦК КПСС (26–27.IV.1973 г.). Стенограмма третьего заседания 27 апреля 1973 г., утреннего *РГАНИ*. Ф. 2. Оп. 3. Д. 296. Л. 100.

¹⁷ В отдельных случаях такая политика приводила к неожиданным и далеко идущим результатам. Например, принятое по рекомендации СНБ в марте 1974 г. решение о существенном ослаблении ограничений трансфера компьютерных технологий, первоначально, судя по всему, преследовало чисто коммерческие цели: в СССР

В фондах Российского государственного архива экономики сосредоточено немало документов, свидетельствующих о том, что на протяжении 1970-х гг. по линии ГКНТ, АН СССР и отдельных министерств велось значительное количество переговоров, по итогам которых заключались соглашения о совместных исследованиях, обмене научной информацией, а также о закупке технологий, или строительстве предприятий, предусматривавших внедрение инновационных производственных комплексов. Были заключены масштабные сделки и запущены проекты, в том числе и с партнёрским участием фирм, занимавших лидирующие позиции в своих отраслях: Boeing, Rockwell International, Occidental Petroleum, Sperry Rand, Revlon, General Electric, Hewlett-Packard, CBS, Coca-Cola, PepsiCo, Gulf Oil, Lockheed Aircraft, Union Carbide, Pfizer Inc. и ряд других. С другой стороны, во второй половине 1970-х гг. советская сторона констатировала «противоречивость позиции американского правительства»: «На словах – говорят о повышении эффективности сотрудничества, на практике – затягивание сессий смешанных комиссий, перенос в одностороннем порядке и без должной аргументации сроков заседаний рабочих групп и встреч экспертов»¹⁸. Кроме того, американские партнёры сетовали на трудности в получении экспортных лицензий, а также иные законодательные и процедурные ограничения, нередко становившиеся непреодолимыми.

На экспортную политику США в отношении СССР и других социалистических государств в начале 1970-х гг. влияли к тому же различия в ведомственных подходах: а) в Министерстве обороны считали, что законодательному ослаблению торговых ограничений должны предшествовать политические уступки со стороны СССР и его союзников; б) эксперты Государственного департамента предлагали внести на рассмотрение Конгресса законопроект о либерализации экспортного контроля, тем самым обеспечив благоприятные условия для достижения желаемых результатов на переговорах по политическим вопросам; в) в Министерстве торговли настаивали на немедленном законодательном снятии ограничений на торговлю с государствами восточного блока и на упрощении

и странах Восточной Европы ощущался острый дефицит в компьютерах. Выполненные в 1975 г. исследования ГКНТ о состоянии работ по созданию средств вычислительной техники и автоматических систем управления в народном хозяйстве отмечали существенное отставание от развитых стран Запада («Перечень основных научно-технических проблем и доклад ГКНТ о ходе работ по созданию и применению средств вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народном хозяйстве». РГАН. Ф. 5. Оп. 68. Д. 524. Л. 2–18). И, хотя основными направлениями развития народного хозяйства СССР предусматривался комплекс первоочередных мер по улучшению ситуации в этой области, сократить отставание не удавалось. В конечном итоге была сделана ставка на закупку на Западе компьютеров, программного обеспечения, запасных частей и периферийного оборудования. На этом основании английский историк Дж. Хэзлэм сделал вывод, что из-за того, что к началу 1970-х гг. СССР «был далеко позади» Соединённых Штатов в области компьютерных технологий, «в Москве приняли решение о закупках компьютеров IBM вместо того, чтобы развивать собственное производство» (Haslam 2011: 318). Эта история отражала характерную для 1970-х гг. тенденцию в наиболее важных и технологически насыщенных отраслях идти по пути закупки не только сложных технологий, но и конечной продукции (Митрохин 2023: 148–157).

¹⁸ «Справка о состоянии советско-американского научно-технического сотрудничества, подготовленная к 6-й сессии Смешанной советско-американской комиссии, февраль 1979 г.» РГЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 1329. Л. 64–65.

таможенных процедур, чтобы использовать новые возможности для наращивания торгового оборота и получения максимальных коммерческих выгод. Киссинджер, замкнувший на себе решение вопросов, непосредственно связанных с американо-советскими отношениями, соглашался с тем, что следует привести перечень запрещённых к экспорту в социалистические страны товаров в соответствие со списком CoCom¹⁹, за исключением сверхсовременных компьютеров, где США, по его мнению, должны были сохранять единоличное лидерство (Chapman 2013: 63).

В 1979 г. после длительной полемики был опубликован «Список критически важных военных технологий» (Militarily Critical Technologies List, MCTL), которые, согласно оценкам Минобороны, обеспечивали Соединённым Штатам превосходство в военной области. Список включал новейшие достижения в сфере биологического, химического и ядерного оружия, а также технологии производства средств доставки. MCTL использовался в качестве нормативно-технического основания для принятия решений по вопросам экспорта, включая выдачу лицензий; для предварительной цензуры научных трудов, подготовленных Национальной академией наук, университетами или исследовательскими центрами корпораций; для постановки задач по сбору разведданных; для организации R&D²⁰, а также при планировании международного сотрудничества и трансфера технологий (Chapman 2013: 110).

Главные разделы MCTL включали системы авиации, оружие, энергетические материалы, химические и биологические системы, электронику, информационные технологии и системы телекоммуникации, системы конструирования, сенсоры и лазеры; космические системы, системы имитации оружия и системы нейтрализации вооружений и ряд других прорывных изобретений и технологий (Chapman 2013: 110–111). В стране постепенно нагнетались алармистские настроения, призывы к ужесточению экспортного контроля с тем, чтобы исключить передачу прорывных технологий социалистическим, а также несоюзническим некоммунистическим государствам. Картер и особенно Бжезинский сочувственно относились к этим настроениям, в отдельных случаях вносили заметный вклад в их эскалацию (Gates 1996: 537; Ильин, Юнгблюд 2024; Крынжина 2020: 64–65).

В 1978–1980 гг. администрация предприняла ряд шагов, совокупность которых, по словам Бжезинского, означала, что «в высшей степени либеральном подходе к экспорту технологий в СССР наступил поворот» (Brzezinski 1983:

¹⁹ КоКом – Координационный комитет по экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom) – созданная в 1949 г. международная организация со штаб-квартирой в Париже для контроля над экспортом в СССР и социалистические страны стратегических товаров и технологий. Подробнее см.: (Ильин, Юнгблюд 2024).

²⁰ R&D (Research and development – исследования и развитие) – устойчивое словосочетание, обозначающее комплекс мероприятий по выполнению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и эффективному внедрению полученных результатов в производство.

323). Р. Гейтс оценил этот поворот как «начало экономической войны», которая началась задолго до событий конца 1979 г. в Афганистане (Gates 1996: 535–537).

А что же бизнес?

Ещё до прихода в Белый дом Р. Никсон зарекомендовал себя последовательным сторонником фритредерских взглядов. Согласно его предвыборным установкам, «нормализация советско-американских отношений могла привести к экономическому процветанию американских экспортёров». Хотя этот тезис не был ключевым в его предвыборной программе, с началом разрядки он стал употребляться в качестве одного из аргументов при общении с представителями бизнеса для объяснения решения администрации пойти на «оттепель» в Холодной войне (Smell 1999: 98–99). Пользуясь этим аргументом, Никсон добился взаимопонимания с обеими палатами Конгресса в процессе принятия в декабре 1969 г. Закона об экспортном контроле, который позволил ему начать либерализацию торговли со странами Восточной Европы, где западноевропейские союзники США с середины 1960-х гг. не без успеха формировали свои экономические плацдармы. Однако этот Акт не предоставил СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле (Юнгблюд, Ильин 2023а : 80–89).

В Москве были осведомлены о взглядах президента и осознавали важность установления тесных контактов с наиболее влиятельными представителями американского бизнеса. Ещё в конце октября 1968 г. в разговоре с заместителем главного редактора газеты «Известия» М. Сагателяном президент американского Института политики и планирования А. Барбер «с явной целью довести свои высказывания до “соответствующих кругов”» рекомендовал незамедлительно установить контакты как с членами команды Никсона («республиканскими Гарриманами»), так и с вхожими в узкий круг лидеров будущей администрации бизнесменами, непосредственно влиявшими на выработку республиканской стратегии. Американский собеседник подчеркнул, что среди собственников и акционеров крупнейших компаний растут настроения в пользу расширения сотрудничества с СССР, в том числе в областях, где СССР уже установил связи с западноевропейскими партнёрами. Отчёт об этой беседе незамедлительно поступил в ЦК КПСС²¹.

Последующие месяцы продемонстрировали своевременность этого предупреждения; на фоне неспешной нормализации политических отношений Вашингтона и Москвы довольно впечатляюще выглядели интенсивные и разнообразные контакты советских властей с лидерами американского делового мира

²¹ Запись беседы М. Сагателяна с президентом американского Института политики и планирования Артуром Барбером. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 469. Л. 97, 99–100.

(Юнгблюд, Ильин 2023а: 80–84). К концу 1972 г. по оценке такого квалифицированного эксперта, как С. Пизар²², «настроения американских деловых людей в вопросе о торговле с Востоком» приобрели характер «повального увлечения», «вошли в моду», при том, что лишь немногие компании действительно могли «что-то предложить», тогда как остальные «просто сами себя гипнотизировали» и их предложения были «не актуальны»²³. Пизар с тревогой предсказывал, что не оправдавшиеся надежды скорее всего приведут к разочарованию.

В администрации Никсона повальное увлечение части американского бизнес-сообщества российской тематикой также не вызывало энтузиазма. В начале февраля 1973 г. Москву посетил специальный помощник президента Ч. Колсон, который, беседуя с Председателем Президиума Торгово-промышленной палаты СССР Б.А. Борисовым, напомнил, что в конечном итоге для серьёзных американских корпораций значение имеют не столько соглашения сами по себе, сколько примеры удачных сделок, «для которых необходимо создавать хорошие условия». Колсон высказал пожелание, чтобы поток устремившихся в СССР предпринимателей строго контролировался, пояснив, что настроения деловых кругов США сравнимы с «золотой лихорадкой», которая может резко пойти на убыль из-за «перегрузки и несоответствия appetites реально существующим условиям, как это бывало ранее»; по поводу целесообразности приглашения в СССР американских деловых лиц чиновник рекомендовал консультироваться с работниками посольства США в Москве²⁴. Администрация, таким образом, желала контролировать и интенсивность американо-советского сближения, и персональный состав участников этого процесса.

Как бы то ни было, прогнозы Пизара и Колсона относительно предстоящего снижения ажиотажного интереса к торговому и научно-техническому сотрудничеству с СССР в целом подтвердились. Причины носили комплексный характер. Сказалось то, что противников у советско-американского сближения также было немало: только 1969–1971 гг. протекционисты в Конгрессе внесли более 200 биллей, призывавших к ограничению импорта, в первую очередь – в СССР и страны Восточной Европы (Smell 1999: 147). В 1973–1974 гг. эти силы получили серьёзную поддержку вследствие принятия поправки Джексона–Вэника, энергетического кризиса, а затем и разразившегося Уотергейтского скандала. Определённую роль сыграл резкий рост в США цен на продовольствие, который в общественном мнении связывался с масштабными закупками Советским Союзом американского зерна в 1973–1974 гг.²⁵. На этом фоне давление на администрацию Дж. Форда со стороны представителей делового мира, желавших развивать свой бизнес в Советском Союзе, существенно ослабло.

²² Сэмюэль Пизар – известный американский юрист и дипломат, советник Д. Рокфеллера и А. Хаммера.

²³ Запись беседы в ИСША АН СССР 12 декабря 1972 г. с Сэмюэлем Пизаром. *РГАНИ*. Оп. 64. Д. 6. Л. 72, 73.

²⁴ Запись беседы Председателя Президиума ТПП СССР Б.А. Борисова со специальным помощником президента Чарльзом Колсоном, 19 февраля 1973 года. *РГАЭ*. Ф. 413. Оп. 31. Д. 5921. Л. 43, 45, 46.

²⁵ Меморандум о беседе Алхимова В.С. с Ч. Вэником 15 октября 1975 года. *РГАЭ*. Ф. 413. Оп. 31. Д. 7469. Л. 134, 135, 136.

18 июня 1976 г. Г. Арбатов направил секретарю ЦК КПСС кандидату в члены Политбюро Б.Н. Пономарёву записку, в которой, в частности, сообщал, что США вступают в период относительной экономической и политической стабилизации. В связи с этим осторожно прогнозировалось, что «укрепление внутренней стабильности сделает США более надёжным партнёром по переговорам» и правящие круги «получат возможность планировать и проводить свою политику более последовательно и продуманно, без оглядки на демагогию правых»²⁶.

Записка готовилась в разгар президентской избирательной кампании в США, но автор отмечал, что при любом исходе голосования у власти на ключевых постах в скором будущем окажутся новые лица, с которыми придётся налаживать контакты. Одним из серьёзных вызовов для будущей администрации, по мнению Арбатова, могла стать проблема торговли между СССР и США, т. к. на волне Уотергейта и почти совпавшего с ним по времени «нефтяного шока» 1973–1974 гг. противникам разрядки удалось изобразить её как «улицу с односторонним движением». Продажа в СССР зерна, оборудования и машин, несмотря на заинтересованность в этих сделках американских поставщиков, в целом «изображалась чуть не как “помощь” Советскому Союзу»²⁷. Чтобы снять негативный фон, оставленный пропагандистской кампанией правых, автор записки рекомендовал сосредоточиться на мерах «материализации разрядки», в том числе и при помощи развития взаимовыгодного сотрудничества. Для этого предлагалось сосредоточиться на укреплении связей с представителями американского бизнеса. «Из влиятельных сил этой страны, – писал Арбатов, – деловые круги играли до сих пор наиболее активную роль в развитии советско-американских отношений. Их поддержку важно сохранять и впредь. Поэтому стоило бы активизировать контакты с представителями деловых кругов США по обсуждению различных проектов, в т. ч. наиболее перспективных и выгодных нам в сложившихся условиях проектов производственного кооперирования. В связи с возможным приходом к власти Картера стоило бы обратить внимание на завязывание отношений с особенно близкими к нему корпорациями», среди которых особо была выделена компания Coca Cola, руководство которой играло видную роль в родном штате Картера Джорджии²⁸.

Примечательно, что директор Института США и Канады советовал немедленно приступить к «наведению мостов» с командой Дж. Картера и близкими к нему представителями бизнес-элиты в тот момент, когда победа кандидата в президенты от демократической партии была не очевидной, что, безусловно, свидетельствует о его информированности и политической проницательности.

²⁶ Записка директора Института США и Канады РАН Г. Арбатова секретарю ЦК КПСС Б.Н. Пономарёву «О некоторых вопросах советско-американских отношений». *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 69. Д. 210. Л. 55.

²⁷ Там же. Л. 57.

²⁸ Там же. Л. 57, 62, 63.

Однако надежды на снятие дискриминационных ограничений в торговле с СССР, которые Арбатов связывал с приходом к власти администрации Картера, не оправдались. Первый год президентства Картера был отмечен лишь тремя значимыми договорами между ГКНТ и крупными американскими корпорациями (Cameron Iron Works, май 1977 г. – соглашение об обмене специалистами информацией в области нефтехимии; Babok & Wilcox, май 1977 г. – соглашение о совместных исследованиях в области энергетики; E.I. Dupon de Nemur, август 1977 г. – соглашение о совместных исследованиях и поставках химических удобрений) (Bornstein 1985: 167–176).

В последующие годы ситуация не улучшилась. Крупный американский бизнес в конце 1970-х – начале 1980-х гг. не выразил готовности стать драйвером «конвертации» достижений разрядки в совместные с советскими партнёрами высокотехнологичные предприятия или научные разработки. Причин было несколько: сказались пропаганда правых, о которой писал Арбатов, и ограничительные нормы американского законодательства в сфере экспортного контроля и торговли с Востоком; затем стала набирать обороты кампания в защиту прав диссидентов в Советском Союзе, в ходе которой идеологию сотрудничества в США всё сильнее вытесняли алгоритмы санкционного давления; определённую роль сыграли естественные для 1970-х гг. трудности в налаживании практического взаимодействия между американскими корпорациями и советскими контрагентами, возникавшие вследствие различий в формах собственности и систем финансирования, управленческих культурах, оценках масштабов коммерческих выгод от совместных усилий; наконец, имели место чисто политические и оборонные соображения, побуждавшие партнёров уклоняться от обмена данными в наиболее «чувствительных» отраслях научного знания и высокотехнологичного производства²⁹.

Совет академика Арбатова, предлагавшего для укрепления двусторонних экономических и научно-технологических связей использовать влияние лично близких Картеру бизнесменов, не сработал. Компания Coca Cola, на которую он указывал, подписала с ГКНТ R&D договор ещё в 1974 г. и иных амбиций на российском рынке, судя по всему, на том этапе не имела. К тому же президент Картер не приветствовал попытки своих друзей-«джорджийцев», включая спонсоров

²⁹ Примеры успешного, или относительно успешного, сотрудничества свидетельствуют о том, что американская сторона стремилась максимально насытить программы сотрудничества коммерчески привлекательными для себя обязательствами в виде поставок готовых изделий. В тех же случаях, когда чисто коммерческие отношения дополнялись научными контактами, взаимодействие, как правило, ограничивалось простыми формами: обмены делегациями, проведение симпозиумов и семинаров. В редких случаях речь шла о совместной разработке нового оборудования или технологий (например, в рамках договора с нефтегазовой компанией Dresser Industries), однако эти попытки привели к скромным результатам. Наиболее яркими примерами успешного американско-советского сотрудничества, увенчавшегося значительными и долговременными результатами, стали проекты Арманда Хаммера, опиравшегося в их реализации прежде всего на ресурсы Occidental Petroleum. Эта страница истории 1970-х гг. заслуживает отдельного изучения.

президентской кампании, лоббировать зарубежные проекты, зато активно привлекал их к решению собственных политических задач, в том числе не способствовавших укреплению разрядки в советско-американских отношениях. В частности, генеральному директору компании Coca Cola П. Остину в феврале 1978 г. он поручил конфиденциально обсудить с Ф. Кастро возможность «американо-кубинского примирения» на условиях отмены экономических санкций в отношении Острова свободы в обмен на освобождение кубинских политических заключённых и вывод кубинских вооружённых подразделений из Анголы и других африканских государств. Цель такой инициативы, по признанию самого Картера, состояла в том, чтобы «оторвать Кубу от Москвы» (Carter 2010: 145, 168–169).

В конце 1979 г. Комитет по науке и технологиям Палаты представителей Конгресса США подготовил доклад об итогах выполнения «Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники» 1972 г., в котором сообщалось, что за семь с половиной лет между ГКНТ и отдельными советскими ведомствами, с одной стороны, и американскими фирмами, с другой, было подписано примерно шестьдесят соглашений. В основном «это были не более, чем “декларации о намерениях”» и фирмы, подписавшие такие документы, «сотрудничали единственным способом – ведя переговоры об экспортной торговле». В докладе подчёркивалось, что «продажи всех товаров, технологических данных или имеющих к ним отношение материалов» подвержены «обычным для США процедурам экспортного контроля, независимо от того, подписал американский экспортёр такое соглашение или нет»³⁰. Данное заключение красноречиво свидетельствовало о том, что надежды восходящего, «романтического» периода разрядки на способность крупного бизнеса создать надёжную материальную основу для сближения сверхдержав и преодоления политических разногласий, оказались завышенными.

От Никсона – к Картеру: смена парадигм советско-американского научно-технического сотрудничества

К наиболее чувствительным аспектам внешней политики на всём протяжении 1970-х гг. США относили сотрудничество с СССР в области фундаментальной науки. Особое внимания уделялось конкретизации направлений совместных исследований в рамках двусторонних договоров, а также определение

³⁰ *Key issues in U.S.-U.S.S.R. scientific exchanges and technology transfer: report / prepared by the Subcommittee on Science, Research, and Technology of the Committee on Science and Technology, U.S. House of Representatives, Ninety-sixth Congress, first session ... November 1979. 1979. Washington: U.S. Govt. Print. Off. P. 76.*

форм, масштабов и пределов технологического трансфера в СССР. Отношение к этим проблемам во многом определяло архитектуру двусторонних соглашений и перечень конкретных совместных исследовательских проектов³¹.

«Если великая нация отказывается от соревнования в области исследования неизвестного, то она перестаёт быть великой», – отмечал Никсон (Nixon 1978: 530). Его преемники в Белом доме разделяли данный постулат, однако конкретные подходы к планированию научного взаимодействия с СССР у каждой из трёх администраций были разными. Причины этих расхождений заключались не только в индивидуальном понимании роли науки в структуре разрядки. Даже в рамках одной президентской команды далеко не всегда удавалось достичь единства мнений относительно целей и ожидаемых итогов соревнования с СССР. Существенное значение также имели амбиции и персональные воззрения отдельных руководителей.

Значимую роль играло желание американских лидеров иметь адекватное представление о реальных научно-технических возможностях своего главного противника. Не случайно каждая из трёх администраций тщательно отслеживала состояние экономики и уровня технологий в СССР, акцентируя внимание на исследованиях и развитии (R&D), прежде всего в военных отраслях. Деятельность научных учреждений, так или иначе связанных с оборонно-промышленным комплексом, принадлежала к разряду наиболее охраняемых секретов Кремля, и наилучшим способом получить доступ к «закрытой» информации были совместные исследовательские проекты (Graham 1978: 383–390). Оценивая выгоды сотрудничества с СССР в годы разрядки, американские эксперты Кэтрин Эйлс и Артур Пади выделяют именно этот аспект: «Во многих случаях американские участники узнали не только о направлениях исследований и специфических процедурах, которым следуют советские учёные, но также и о том, как их работа организована и как она управляется. Важность таких знаний для Соединённых Штатов как нации состояла в возможности оценивать планы, тенденции и перспективные достижения СССР, что служило базисом для формулирования общей политики США в отношении этой страны» (Ailes, Pardee 2018: 220–221). Заинтересованность в коллаборации с советскими учёными и организаторами науки усиливалась также вследствие того, что фундаментальная наука в СССР финансировалась государством, и их американские коллеги

³¹ Главным из них было Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в области науки и техники от 24 мая 1972 г. (рассчитано на 5 лет, в июле 1977 г. продлено ещё на 5 лет). К нему примыкали три соглашения о сотрудничестве: в области охраны окружающей среды, в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, в области медицины и здравоохранения. В 1973 г. в Вашингтоне были подписаны ещё четыре соглашения: о сотрудничестве в исследованиях в области сельского хозяйства, мирового океана, транспорта, атомной энергии. Всего за 1972–1977 гг. СССР и США подписали 11 соглашений о научно-техническом сотрудничестве.

не без основания полагали, что государственное финансирование предоставляет фундаментальной науке серьёзное преимущество³² (Firth, Noren 1998: 53, 55, 58, 68).

Важную роль в определении позиции Белого дома по проблемам НТС играли советники президента по науке, занятые преимущественно подготовкой «рекомендаций в рамках повседневной повестки главы государства по вопросам науки и технологий», а также обоснованием расходов на поддержку приоритетных исследований и разработок для Управления менеджмента и бюджета³³, исходя из установки на развитие «эффективного сотрудничества в сфере науки и технологий с правительствами других государств»³⁴. Успех в выполнении должностных функций зависел не только от квалификации советника, но и от его способности выстраивать отношения с главой Белого дома и другими членами администрации, в первую очередь – помощником президента по национальной безопасности и директором Управления бюджета и менеджмента. Характер этих взаимоотношений как в личном плане, так и институционно неоднократно менялся (Smith 1992: 140, 171–172).

В воспоминаниях и интервью советники президента по науке запечатлели ряд важных наблюдений, передающих атмосферу, в которой принимались решения на самом высоком уровне, позволяющих в новом ракурсе «подсветить» образы президентов и других государственных деятелей, а также лучше понять, как от администрации к администрации менялись процедуры принятия решений по вопросам науки и технологического трансфера, и эволюционировали подходы к ведению дел с Москвой³⁵. Сохранились свидетельства о сложных (вплоть до враждебности и административной конфронтации) отношениях между научным сообществом и администрацией Никсона³⁶, о фактическом отстранении директоров Управления науки и технологий, председателей Президентского консультативного совета по науке Л. Дабриджа (20 января 1969 – 31 августа 1970 г.) и Э. Дэвида (31 августа 1970 – 26 января 1973 гг.)³⁷ от научно-технологической части повестки американо-советских переговоров, включая саммиты 1972, 1973, 1974 гг. (Smith 1992: 139–140, 170–171), о том, что США изначально ориентировались на заключение соглашений о сотрудничестве только в областях, где обмен информацией не создавал угрозы для национальной безопасности (Averch 1985: 128–129), о том, что американская сторона была заинтересована в организации совместных с советскими учёными научных

³² Soviet Military Research and Development, 19 September 1972. *CIA Electronic Library. National Intelligence Estimate*, №176. P. 30–32.

³³ Report of the Commission on the Presidency and Science Advising 1989. *Miller Center Commission* №5. P. 2.

³⁴ Ibid. P. 4.

³⁵ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986. *American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives*. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (accessed 10.12.2024).

³⁶ Ibid.

³⁷ Edward E. David, Jr. Brief Biography. *Informa*. URL: <https://www.informs.org/content/view/full/272874> (accessed 10.12.2024).

программ в области фундаментальных наук в том числе и потому, что в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. бюджетные ассигнования на эти исследования в США были недостаточными³⁸.

Вашингтон был всерьёз озабочен успехами советских учёных в сфере энергетики и в освоении космоса; в США знали о достижениях математиков, представителей отдельных отраслей физики, металлургии и ряда других наук (Stever 1987: 41; Юнгблюд 2022). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в США сложилось мнение, что в приоритетных наукоёмких отраслях промышленности (предприятия военно-промышленного и космического комплексов; производство и передача электроэнергии) СССР находился примерно на том же технологическом уровне, что и развитые государства Запада; в менее наукоёмких отраслях (производство железа, стали, оборудования для предприятий машиностроения) в СССР успешно масштабируются уже устоявшиеся технологии (например, большие мартеновские печи, массовое производство стандартного машинного оборудования), но медленно внедряются новые технологии (непрерывное литьё, кислородная конвертация, оборудование с числовым программным управлением и проч.); в химической промышленности, автомобилестроении, а также в производстве продуктов питания, одежды, обуви и большинства товаров народного потребления отставание СССР от Запада было самым значительным³⁹. Однако эти знания были фрагментарными и нуждались в подтверждении. Совместные научные программы давали возможность получить недостающую информацию, составить полное представление о подлинном уровне научного и технологического развития СССР.

Основательное внедрение советников президента по науке и технологиям в процесс научно-технического взаимодействия СССР и США началось после того, как администрацию возглавил Дж. Форд и продолжилось при Дж. Картере. Выполнявшие в то время обязанности советников директор Национального научного фонда (1972–1976 гг.), 1-й директор Управления научно-технической политики (9 августа 1976 – 20 января 1977 гг.) Гайфорд Стевер и сменивший его на этом посту Фрэнк Пресс (20 января 1977 – 20 января 1981 гг.) гораздо активнее своих предшественников участвовали в формировании политики в отношении СССР, контроле за выполнением текущих программ, установлении ограничений на передачу научной информации, экспериментальных данных, опытных образцов аппаратных изделий и программного сопровождения⁴⁰ (Stever 1987: 45–47, 48; Пресс 1981: 16–22, 24, 26–29).

³⁸ Oral history interview transcript with Lee DuBridge on 14 February 1986. *American Institute of Physics, Niels Bohr Library & Archives*. URL: <https://www.aip.org/history-programs/niels-bohr-library/oral-histories/4582> (accessed 10.12.2024).

³⁹ Информация, полученная в 1970-х гг., в целом подтвердила эти представления. В середине 1985 г. М. Борнштейн констатировал: «За период после 1970 года технологический уровень некоторых отраслей советской индустрии повысился в результате как собственного развития, так и экспорта технологий ... Но Запад в это время также развивался, поэтому разрыв не сократился» (Bornstein 1985: 39–40).

⁴⁰ Stever G. 1993. An Interview Conducted by John Bryant, IEEE History Center. March 17. *ETHW*. URL: https://ethw.org/Oral-History/H._Guyford_Stever (accessed 10.12.2024).

Стевер сыграл важную роль в развитии контактов с советскими учёными, встречался с руководителями советского государства А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным, с руководителями АН СССР и Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ), принимал участие в многих научных форумах. Но его деятельность пришлась на начало нисходящей фазы разрядки. Сменившему его на этом посту Ф. Прессу пришлось не только оценивать результаты начатых ранее проектов, но и столкнуться с принципиально иными, по сравнению с предыдущими республиканскими администрациями, принципами управления научными исследованиями в национальном масштабе и с этих позиций переосмыслить место американско-советского научного диалога в иерархии политических приоритетов администрации Картера. Одной из проблем этого ряда стал выбор между политическими предпочтениями президента и его команды и традициями интеллектуальной свободы, культивируемыми в академической среде. Соображения политической дисциплины, в конечном счёте, взяли верх.

Начиная с 1977 г. в США прогрессировали два взаимосвязанных процесса, зафиксированные Ф. Прессом. Во-первых, переход к форсированному развитию фундаментальной науки, проявившийся в наращивании бюджетного финансирования базовых научных отраслей и прорывных технологических разработок (космос, компьютерные технологии, микрочипы, телекоммуникации, интернет, создание новых материалов), что позволило существенно укрепить конкурентные характеристики США как в военных отраслях, так и в области производства потребительских товаров, а также в социальной сфере (медицина, производство продуктов питания, экология и охрана природных ресурсов, благоустройство городов). Во-вторых, наметилось «частичное свёртывание сотрудничества с Советским Союзом» при сохранении некоторых «каналов для двусторонних научных соглашений между двумя странами»⁴¹ (Пресс 1981: 16).

В 1979 г. по инициативе американской стороны была распущена совместная рабочая группа по физике – одна из наиболее успешных с точки зрения получения научных результатов. К 1980 г. Национальный научный фонд США продолжал финансировать работу 7 из 14 совместных рабочих групп, созданных в соответствии с Соглашением о сотрудничестве 1972 г.⁴².

⁴¹ «Сохранение некоторых каналов» произошло благодаря участию Ф. Пресса и президента Национальной академии наук Ф. Хэнглера в обсуждении Палатой представителей Конгресса США научно-технической политики США в отношении Советского Союза в связи с вводом советских войск в Афганистан и высылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький. Осудив действия руководства СССР, конгрессмены по предложению Пресса сохранили финансирование программ советско-американского научного сотрудничества, хотя и в урезанном виде. См.: Congressional Records. 96 Congress, 2d Session. House of Representatives. Report #96-921. Part I. Defining Policies of the United States with respect to Scientific and Technical Exchanges with the Soviet Union. May 6, 1980. P. 17, 18, 21.

⁴² Из 14 рабочих групп 11 финансировал Национальный научный фонд, три рабочие группы поддерживали другие ведомства: Министерство сельского хозяйства (группа освоения лесных ресурсов), Министерство торговли (группа метрологии), Министерство внутренних дел (группа освоения водных ресурсов). Из остальных 11 групп: созданные в 1979 г. группы наук о земле и наук о полимерах из-за объявленных в связи с событиями в Афганистане

Постепенное сжатие научно-технологического базиса разрядки, проявлявшееся в 1977–1979 гг. через дискриминацию в торговле и применение ограничительных механизмов экспортного контроля в отношении СССР, в начале января 1980 г. приобрело характер масштабной санкционной кампании. В 1982 г. под предлогом введения в Польше военного положения администрация Р. Рейгана приняла решение не продлевать на очередной срок действовавшие на тот момент соглашения и программы.

Заключение

В 1987 г. Дж. Гэддис в книге, посвящённой истории Холодной войны, привёл тезис классического либерализма, согласно которому шансы на установление прочного мира тем выше, чем интенсивнее экономические взаимосвязи между государствами, и опроверг его ссылкой на классика теории неореализма К. Уолтца, напоминавшего, что «наиболее ожесточённые гражданские войны и самые кровавые международные конфликты всегда происходили на территориях, заселённых родственными народами, между которыми существовали самые тесные связи» (Gaddis 1987: 224). В споре либералов и реалистов Гэддис занял сторону последних, а история американско-советских отношений в 1970-х гг., казалось, всецело подтверждает его правоту. Планы советского руководства путём развития торговли и научно-технического сотрудничества «материализовать» разрядку и установить прочный мир, не сбылись. Партнёры, совсем недавно заверявшие друг друга в стремлении крепить мир и развивать взаимовыгодное сотрудничество, вернулись к Холодной войне.

Но США и СССР не были соседями. Установившиеся между ними в годы разрядки торгово-экономические и научно-технические связи не были ни интенсивными, ни глубокими, ни прочными – напротив, они были гораздо менее устойчивыми и всеобъемлющими, чем связи с ближайшими географическими соседями или с союзниками по военно-политическим блокам. Обрушение разрядки случилось не из-за чрезмерного сближения сверхдержав, причины, очевидно были другими.

Но не следует недооценивать значения научных контактов и технологических обменов между советскими и американскими учёными. Только с американской стороны в совместные программы были вовлечены более тысячи учёных при не менее внушительном представительстве советской стороны. По ряду научных направлений в академических программах приняли участие выдающиеся исследователи, основатели научных школ. По сути, лучшие умы двух ведущих держав мира получили мощную интеллектуальную инъекцию, что само

санкций к работе так и не приступили; созданная тогда же группа научно-технической информации успела сформировать организационный комитет, но проявила минимальную активность. Сотрудничество в области химического катализа было прекращено в 1980 г.

по себе не могло пройти бесследно. Судя по большинству отчётов обеих сторон о выполнении совместных программ, участники высоко оценивали уровень научного общения и достигнутые результаты. И всё же взаимодействие в области научных исследований и технологических обменов к материализации разрядки не привело. Почему?

Разрядка напряжённости в отношениях между СССР и США имела сложную структуру. Научно-технические соглашения и программы как важный, но не единственный компонент разрядки, встраивались в общую канву дипломатического взаимодействия и никогда не жили собственной жизнью, автономной от политического контекста. Тем временем в обеих столицах – и в Вашингтоне, и в Москве – руководствовались логикой Холодной войны. Для Соединённых Штатов эта логика определяла генеральную цель: закрепление своего технологического превосходства. Помочь руководству КПСС и Советского государства, уже почувствовавшему «вкус победы» после достижения стратегического паритета в гонке вооружений, приблизиться к американским стандартам по уровню жизни, технологическому оснащению производства и производительности труда, не входило в планы ни одной американской администрации.

Начиная сближение с Советским Союзом, администрация Никсона не имела чёткого плана, но была заинтересована в быстром впечатляющем успехе. И он был достигнут, во многом благодаря умелому «увязыванию» различных аспектов двусторонних, региональных и глобальных процессов помощником президента по национальной безопасности Г. Киссинджером и высокой готовности к сотрудничеству советской стороны в лице Л.И. Брежнева и А.А. Громыко. Почти сразу двусторонние отношения вышли на пик, но удержаться на нём не смогли.

Свёртывание разрядки в сфере торговли и научно-технического взаимодействия шло в три этапа. С принятием поправки Джексона–Вэника (1974) двусторонние отношения лишились ауры равенства и доверия, не говоря о существенных коммерческих потерях советской стороны. Приход к власти администрации Картера привнёс в повестку отношений Вашингтона и Москвы тему прав человека и угрозу применения санкций в случае их нарушения, неоднократно приводившуюся в исполнение. На рубеже 1979–1980 г. наступил третий, завершающий этап, во время которого была демонтирована инфраструктура сотрудничества. Холодная война возобновилась.

Обе стороны уделяли большое внимание соблюдению секретности и вопросам безопасности. В то же время десятилетие сотрудничества показало, что в Вашингтоне и Москве по-разному смотрели на место научных связей и технологических обменов в структуре двусторонних отношений. В США признавали заслуги советских учёных в ряде областей (энергетика, космос, фундаментальная физика, прикладная математика) и охотно шли на организацию совместных проектов с их участием. В тех отраслях знаний, где американская сторона чувствовала своё превосходство, кооперация развивалась менее успешно.

С середины 1970-х гг. всё более выраженным становилось стремление американской стороны использовать торговлю наукоёмкими товарами, науку и технологии в качестве инструмента для достижения политических результатов. Советская сторона к таким методам, как правило, не прибегала, отдавая предпочтение получению максимально возможного объёма научной информации и покупке новейших технологий.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблюд – доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №24-28-01399, <https://rscf.ru/project/24-28-01399/>

UDC: 94(73:47)"1969/1980":327:338.9:62-052

Received: October 11, 2024

Accepted: December 15, 2024

Trade and Scientific-Technical Cooperation with the USSR on the U.S. Leadership's Agenda During the Era of Détente (1969–1980)

 V.T. Yungblyud

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-7-32)

Vyatka State University

Abstract: Trade and scientific-technical cooperation were integral components of U.S.-Soviet relations during the détente of the 1970s. By the late 1960s, strategic parity had been achieved between the two superpowers, marking a turning point in their confrontation. The arms race came to be regarded as both costly and unsustainable. While the temporary balance of military capabilities reduced the immediate threat of war and eased direct confrontation, it also fostered the belief that strengthening commercial ties and advancing scientific-technical programs and exchanges could provide a material foundation for lasting peace. In Moscow, this notion evolved into a programmatic directive, whereas Washington adopted a more pragmatic stance.

Drawing on a broad historiographical foundation, archival documents from Russian repositories (RGANI, RGAE), published materials from the U.S. Department of State, and electronic collections of American intelligence and scientific communities, this article examines the evolving U.S. policy toward the Soviet Union in the 1970s. It focuses on the role assigned to trade, economic relations, and scientific-technical cooperation in the broader framework of superpower relations.

The study concludes that the unraveling of détente in trade and scientific-technical cooperation occurred in three distinct stages. The first stage began with the passage of the Jackson-Vanik Amendment in 1974, which disrupted the principle of equality in bilateral relations and inflicted considerable economic losses on the Soviet side. The second stage was marked by the Carter administration's emphasis on human rights beginning in January 1977. This introduced the threat of sanctions and escalated tensions in U.S.-Soviet relations. The third stage, initiated in December 1979 and solidified by January 1980, witnessed the dismantling of the infrastructure supporting bilateral scientific and technical cooperation. These developments underscored the shifting priorities and eventual decline of détente as a defining feature of U.S.-Soviet relations during this period.

Keywords: the detente, Soviet-American relations, scientific and technical cooperation, technological exchanges, R. Nixon, J. Carter, L. Brezhnev

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01399 <https://rscf.ru/en/project/24-28-01399/>.

References:

- Ailes C.P., Pardee A. 2018. *Cooperation in Science and Technology: An Evaluation of the U.S.-Soviet Agreement*. New York: Routledge. 366 p.
- Averch H.A. 1985. *Strategic Analysis of Science & Technology Policy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 216 p.
- Bornstein M. 1985. *East-West Technology Transfer: The Transfer of Western Technology to the U.S.S.R.* Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. 190 p.
- Brzezinski Zb. 1983. *Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser 1977–1981*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 567 p.
- Carter J. 2010. *White House Diary*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 510 p.
- Chapman B. 2013. *Export Controls: A Contemporary History*. Washington: University Press of America. 430 p.
- Firth N., Noren J.H. 1998. *Soviet Defense Spending: a History of CIA estimates, 1950–1990*. College Station: Texas A&M University Press. 291 p.
- Ford G. 1979. *A Time to Heal: The Autobiography of Gerald R. Ford*. New York: Harper & Row Publishers. 454 p.

Gaddis J.L. 1987. *The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War*. New York: Oxford University Press. 332 p.

Gates R.M. 1996. *From the Shadows: the Ultimate History of five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Shuster. 604 p.

Glad B. 2009. *An Outsider in the White House: Jimmy Carter, his Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca: Cornell University Press. 398 p.

Graham L.R. 1978. How Valuable are Scientific Exchanges with the Soviet Union? *Science. New Series*. 202(4366). P. 383–390. DOI: 10.1126/science.705332

Hanhimaki J.M. 2013. *The Rise and Fall of Détente: American Foreign Policy and the Transformation of the Cold War*. Washington: Potomac Books. 274 p.

Haslam J. 2011. *Russia's Cold War: From the October Revolutions to the fall of the Wall*. New Haven: Yale University Press. 523 p.

Kissinger H. 1979. *White House Years*. Boston: Little, Brown & Company. 1521 p.

Kissinger H. 1982. Trading with the Russians: a Political Strategy for Economic Relations. *The New Republic*. P. 14–15.

Litwak R. 1984. *Détente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1966–1976*. Cambridge: Cambridge University Press. 232 p.

Nelson K. 2019. *The Making of Détente: Soviet-American Relations in the Shadow of Vietnam*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 217 p.

Nixon R. 1978. *The Memoirs of Richard Nixon: in 2 vols*. New York: Grosset & Dunlap. Vol. I. 688 p. Vol. II. 704 p.

Smell M. 1999. *The Presidency of Richard Nixon*. University Press of Kansas. 387 p.

Smith B.L. 1992. *The Advisers: Scientists in the Policy Process*. Washington: The Brookings Institution. 238 p.

Stever G. 1987. Presidential Science Advising: The Exodus from the White House. Thompson K. (ed.) *The Presidency and Science Advising. Vol. II*. Lanham: University of Virginia Press. P. 39–54.

Strong R.A. 2005. *Decisions and Dilemmas: Case Studies in Presidential Foreign Policy Making Since 1945*. New York: M.E. Sharpe, Inc. 268 p.

Vaisse J. 2018. *Zbigniew Brzezinski: America's grand Strategist*. Cambridge: Harvard University Press. 505 p.

Vance C. 1983. *Hard Choices. Critical Years in American Foreign Policy*. New York: Simon and Shuster. 541 p.

Westad O.A. 2017. *The Cold War: A World History*. New York: Basic Books. 720 p.

Krynzina M.D. 2020. Vozmozhnosti nauchnoy diplomatii v usloviyakh sanktsiy: Opyt sovetsko-amerikanskogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v 1970–1980-e gg. [Opportunities for Science Diplomacy Under Sanctions: the Experience of Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in the 1970–1980s]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 11(3). P. 59–73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004 (In Russian).

Mitrokhin N. 2023. Ocherki sovetskoy ekonomicheskoy politiki v 1965 – 1989 godakh. V 2-kh t. T. 2. [Essays on Soviet Economic Policy 1965–1989: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 606 p. (In Russian).

Press F. 1981. *Nauka i tekhnika v Belom dome s 1977 po 1980 g.* [Science and Technology in the White House from 1977 to 1980]. Moscow: INION AN SSSR. 30 p. (In Russian).

Yungblyud V. 2022. «Put' k Rubikonu»: amerikano-sovetskie kontakty v oblasti nauki i tekhnologii ["The Way to the Rubicon": American-Soviet Contacts in Science and Technology]. *Quaestio Rossica*. 10(5). P. 1691–1707. DOI: 10.15826/qr.2022.5.755 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2020. Popravka Dzheksona-Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnosheniy v 1972–1975 gg. [Jackson–Vanik Amendment and Development of Soviet-American Relations in 1972–1975]. *MGIMO Review of International Relations*. 13(2). P. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2023a. Debaty vokrug zakonodatel'stva o vneshney trgovle SShA kak element razryadki v sovetsko-amerikanskikh otnosheniakh (1969–1979) [Debate around U.S. Foreign Trade Legislation as an Element of Détente in Soviet-American Relations (1969–1979)]. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 21(1). P. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2023b. Torgovo-ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie svyazi SShA i SSSR v gody razryadki (Obzor rossiyskikh issledovaniy 1972–2022 gg.) [Trade-Economic and Scientific-Technical Relations between the USA and the USSR during the Years of Detente (Review of Russian Studies, 1972–2022)]. *World Economy and International Relations*. 67(3). P. 116–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-116-129 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2024a. Torgovo-ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie svyazi SShA i SSSR v gody razryadki. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Trade-Economic and Scientific-Technical Relations between the USA and the USSR during the Years of Detente]. *World Economy and International Relations*. 68(5). P. 125–141. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-125-141 (In Russian).

Yungblyud V., Ilyin D. 2024b. Problema peresmotra torgovo-kreditnogo zakonodatel'stva SShA i voprosy transfera tekhnologii v sovetsko-amerikanskikh otnosheniakh vo vtoroy polovine 1970-kh gg. [The Problem of Revising of US Trade and Credit Legislation and Issues of Technology Transfer in Soviet-American Relations in the Second Half of 1970s]. *ISTORIYA*. 15(4(138)). DOI: 10.18254/S207987840031334-6 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Крынжина М.Д. 2020. Возможности научной дипломатии в условиях санкций: Опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970–1980-е гг. *Социология науки и технологий*. 11(3). С. 59–73. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004

Митрохин Н. 2023. *Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах*. В 2-х т. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение. 606 с.

Пресс Ф. 1981. *Наука и техника в Белом доме с 1977 по 1980 г.* Москва: ИНИОН АН СССР. 30 с.

Юнблюд В.Т. 2022. «Путь к Рубикону»: американо-советские контакты в области науки и технологий. *Quaestio Rossica*. 10(5). С. 1691–1707. DOI: 10.15826/qr.2022.5.755

Юнблюд В.Т., Ильин Д.В. 2020. Поправка Джексона-Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 13(2). С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39

Юнблюд В.Т., Ильин Д.В. 2023а. Дебаты вокруг законодательства о внешней торговле США как элемент разрядки в советско-американских отношениях (1969–1979). *Международные процессы*. 21(1). С. 75–99. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.7

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2023b. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки (Обзор российских исследований 1972–2022 гг.). *Мировая экономика и международные отношения*. 67(3). С. 116–129. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-116-129

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2024. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки. *Мировая экономика и международные отношения*. 68(5). С. 125–141. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-125-141

Юнгблюд В.Т., Ильин Д.В. 2024. Проблема пересмотра торгово-кредитного законодательства США и вопросы трансфера технологий в советско-американских отношениях во второй половине 1970-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 15(4(138)). DOI: 10.18254/S207987840031334-6

В борьбе за альтернативное мироустройство: от истории к современности антиимпериализма на Кубе

А.З. Арабаджян

Институт всеобщей истории РАН

В статье рассмотрена эволюция идеологии антиимпериализма на Кубе. Анализируется исторический контекст (борьба за независимость от Испании и попадание в сферу влияния США), в котором возникли идеи борьбы против колониальных держав, сформулированные кубинским национальным героем Хосе Марти. Две его ключевые идеи вошли в структуру антиимпериализма Кубы: борьба с угнетателем и объединение в этой борьбе стран региона. Позднее идеи антиимпериализма были подхвачены широким спектром сил, в том числе радикалами-патриотами, коммунистами и социалистами. В статье дан анализ элементов антиимпериалистических идей в интерпретации Хулио Антонио Мельи, основателя кубинской Компартии и секции Всеамериканской антиимпериалистической лиги. После победы революции 1959 г. в идеологию кубинского антиимпериализма официально вошел сформированный в духе идей марксизма-ленинизма принцип пролетарского интернационализма, что получило отражение в официальных документах – внешнеполитических декларациях и Конституции 1976 г. После распада «мировой системы социализма» в условиях «особого периода в мирное время» Кубе пришлось пересмотреть как экономические основы общества, так и внешнеполитические. Принцип пролетарского интернационализма был изъят из текста Основного закона, прекратилась военная помощь национально-освободительным и революционным движениям, основным содержанием кубинского интернационализма стали гуманитарные миссии. После VI съезда Компартии Кубы (2011 г.) гуманитарные миссии стали по возможности переводиться на коммерческие рельсы, внешнеполитическая линия страны сконцентрировалась на защите принципов международного права, отстаивании многополярности и на борьбе за альтернативное, более справедливое мироустройство. К настоящему времени актуальная ранее марксистско-ленинская составляющая теряет свою роль в структуре кубинского антиимпериализма, что демонстрирует способность кубинского руководства гибко реагировать на изменения в системе международных отношений.

Ключевые слова: Куба, США, Хосе Марти, антиимпериализм, колониализм, неоколониализм, марксизм, многополярность

Куба играет на международной арене роль, значительно превосходящую экономическую значимость её хозяйства в мировом масштабе. В силу своего географического положения остров представлял собой один из ключевых пунктов колониальной торговли на протяжении периода колониальной зависимости от Испании. В XX в., превратившись в витрину страны, попавшей в новую форму отношений неоколониальной зависимости – теперь уже от США, именно Куба стала первым социалистическим государством Америки. Одновременно это сделало её примером альтернативного развития для многих протестных, левых и повстанческих движений как региона, так и всего мира (Gleijeses 2002; Krujt 2017).

Несмотря на тяжёлый социально-экономический кризис, который Куба переживает после пандемии коронавирусной инфекции, под давлением американских торгово-экономических и финансовых санкций, при неудачных попытках проведения рыночных реформ, страна остаётся одним из важных государств региона в вопросах внешней политики: правительства многих стран Латинской Америки ориентируются на Гавану, которая проводит курс на выстраивание альтернативной системы международных отношений, более справедливой и независимой от центров гегемонии. Она выступает за интеграцию в рамках латиноамериканского региона без участия США и Канады на основе взаимовыгодных отношений, которые позволили бы не всегда опираться на вопросы прибыльности и учитывали бы гуманитарный аспект сотрудничества.

Начало специальной военной операции, которую проводит Россия, и обострение локальных конфликтов (от палестино-израильского до территориальных претензий Венесуэлы к Гайане) делают всё актуальнее вопрос борьбы за многополярный мир и иное устройство международных отношений. Куба традиционно поддерживала данную идею. Ещё в период Холодной войны республика пыталась возглавить революционное коммунистическое движение, продвигая инициативы по кооперации национально-освободительных организаций, борющихся с колониализмом и неоколониализмом, активно – не только дипломатическим способом, но и военным (наиболее ярко в 1960-х гг., но и позднее в случае военных кампаний в Анголе и Эфиопии, солидарных миссиях в Никарагуа) – противодействовала попыткам США закрепить своё влияние в Азии, Африке и Латинской Америке.

С течением времени формы борьбы Кубы за альтернативное мироустройство изменились и с 1990-х гг. они основываются на дипломатии. В данной статье рассматривается, как эволюционировала борьба Кубы за альтернативное мироустройство с точки зрения идеологии. В отличие от подхода, распространённого в литературе (Domínguez López, Yaffe 2017; Kostyuk 2022, 2023), который рассматривает кубинский антиимпериализм как нечто монолитное, не уделяя внимания его динамике и фокусируясь на отношениях Кубы с США, в данной

статье показана эволюция внутренних составляющих кубинского антиимпериализма. Это достигается за счёт анализа структуры антиимпериалистической идеологии Кубы, её элементов и принципов.

Исследование проведено на базе исторического и системного подходов и учитывает категориальный аппарат теории политического реализма и марксистско-ленинской теории. Основную источниковую базу исследования составляют работы кубинских политиков¹ и официальные документы кубинской государственной власти², отражающие проблему борьбы за альтернативное мироустройство, вопросы антиимпериализма и интернационализма. Также к исследованию привлекались материалы кубинской прессы и документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Основной методологией исследования стали анализ документов, идей и сравнительный анализ.

Хотя исследование тяготеет к истории идей, учитывая контекст политической истории, оно обращается к существующей историографии, где раскрыты этапы становления антиимпериалистического и коммунистического движения Кубы и специфика её исторического развития³ (Хейфец, Хейфец 2019, 2020; Kersffeld 2012).

Основная авторская гипотеза состоит в предположении о том, что понятие антиимпериализма на современной Кубе ближе к той трактовке, которая выводится из идейного наследия Х. Марти (антиимпериализм как противостояние политической и экономической экспансии могущественных государств), чем к ленинскому пониманию империализма как высшей стадии капитализма с базовой идеей классового подхода.

Предтеча борьбы за многополярность: идейное наследие Х. Марти

Основы антиимпериализма в национальной идее Кубы имеют глубокие исторические корни. Долгий этап колониального развития оказал значительное влияние как на структуру хозяйства, так и на мировоззрение населения.

¹ Например, см.: Марти Х. 1981. Иностранная политика дяди Сэма. *Кубинская публицистика от Хосе Марти до наших дней*. Москва: Прогресс. С. 19–22; Discurso pronunciado en la clausura del XXII Encuentro Internacional de Partidos Comunistas y Obreros. *Presidencia y Gobierno de Cuba*. 29.10.2022. URL: <https://www.presidencia.gob.cu/es/presidencia/intervenciones/discurso-pronunciado-en-la-clausura-del-xxii-encuentro-internacional-de-partidos-comunistas-y-obreros/> (accessed 27.11.2024); Guevara E. 2007b. *En la conferencia Afroasiática en Argelia*. Bogotá: Ocean sur. 19 p. Mella J.A. ¿Qué es el ARPA? En Mella J.A. *Textos escogidos* T. 2. P. 279–313.

² Например, см.: *Constitución de la República de Cuba*. 1976. La Habana: Departamento de Orientación revolucionaria del Comité Central del Partido Comunista de Cuba. 96 p.; Declaración de la Habana. Bell J., López D.L., Caram T. 2007. *Documentos de la Revolución Cubana*. 1960. La Habana: Ciencias sociales. P. 286–291.

³ Одна из наиболее фундаментальных работ по теме написана В.А. Бородаевым: Бородаев В.А. 2009. *История формирования и развития новой политической системы на Кубе (1953–2009 гг.)*. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук (07.00.03). Москва. 596 с.

Основная часть испанских колоний в Америке получила политическую независимость в первой трети XIX в., но Куба как стратегически важный пункт в системе колониальной торговли оставалась колонией Испании (Гриневич 1975: 17–23). Долгий путь сопротивления воплотился в три войны за независимость: Десятилетнюю войну 1868–1878 гг., Малую войну 1879–1880 гг. и, наконец, войну 1895–1898 гг. (Слёзкин 1966).

В период Десятилетней войны на повестке дня стоял вопрос не только о политической независимости, но и об отмене рабства. После ликвидации рабства были устранены преграды развитию капиталистических отношений, но проблема зависимости от Испанской империи, которая не стремилась развивать рынок, оставалась. Оставались и пережитки феодальных отношений. Кроме того, метрополия изымала создаваемое на острове богатство посредством налогов и сборов. Обострялись противоречия между креольским населением и испанской администрацией. Расширение хозяйств плантационного типа, занимавшихся выращиванием сахарного тростника, привело к укреплению специфических интересов их владельцев, которые стремились к освобождению от метрополии, торговля с которой происходила на невыгодных кубинцам условиях. Все эти факторы составили экономическую основу недовольства имперской политикой.

Ещё будучи колонией Испании, Куба попала в сферу влияния и стала предметом повышенного интереса США. В 1805 г. президент Томас Джефферсон высказался в пользу аннексии Кубы, обосновывая такой шаг соображениями защиты недавно присоединённой к США Луизианы и интересом к Флориде (Sánchez y Guerra 1964: 131–132). Этот взгляд объяснялся не только стратегическим положением острова, но и интересами предпринимательского сектора США. Особо привлекательной была сахарная отрасль: в 1877 г. около 80% экспорта кубинского сахара пришлось на США. Американский капитал постепенно входил в железнодорожное строительство и горнорудное дело. Заметным в финансировании строительства железных дорог на Кубе было и британское участие (Zanetti Lescuona, García Álvarez 1998: 74, 95, 113–114, 135, 140). Однако статус колонии мешал иностранному капиталу беспрепятственно проникать на остров.

Идейное вдохновение борцы за независимость черпали и в глубоко укоренённой в кубинской истории традиции сопротивления: индейцев – конкистадорам, негров-рабов – владельцам-плантаторам. В XIX в. плеяда борцов за независимость создала новый идейный пласт, который лёг в основу кубинской национальной идеологии. Ключевой фигурой стал Хосе Марти, долгое время живший в США, где организовывал силы для нанесения окончательного поражения колониальной власти Испании. Х. Марти погиб в начале войны за независимость от Испании 1895–1898 гг.

Почитаемый на Кубе Х. Марти (в любой, даже провинциальной школе есть его бюст), заложил основы борьбы за национальное освобождение как одной из базовых категорий кубинского политического дискурса, национальной идеи и самоидентификации народа. На Кубе сейчас тех, кто называет себя последователем Марти (*martiano*), пожалуй, больше, чем фиделистов, последователей Фиделя Кастро. Фигура Марти исторически использовалась как представителями левых (в том числе леворадикальных), так и правых сил на Кубе. Его называют «апостолом независимости», и апелляция к его идейному наследию представляет собой важный аспект политической пропаганды. Именно Х. Марти сумел сформулировать и даже пытался реализовать на практике политическое кредо борьбы за альтернативное мироустройство.

Выделим два ключевых элемента идейного наследия Х. Марти, оказавшие наиболее сильное влияние на развитие кубинской национальной идеологии: необходимость политической независимости и от метрополии, и от северного соседа, и от каких-либо иных государств, пытающихся эксплуатировать слабые государства; объединение стран Америки в этих усилиях.

Первая идея и есть антиимпериалистическая позиция, взятая на вооружение Х. Марти. Именно так наследие «апостола» интерпретируется не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки. К примеру, выдающийся кубинский историк Э. Роиг де Леучсенринг (*Roig de Leuchsenring* 1961) озаглавил свою книгу «Марти, антиимпериалист», чтобы подчеркнуть вклад мыслителя в становление внешнеполитической парадигмы Кубы. Именно как антиимпериалиста «читали» и интерпретировали Х. Марти в дальнейшем. Стоит, однако, отметить, что Марти не использовал в своих трудах термины «антиимпериализм» или «империализм». Его позиция была основана на патриотических стремлениях, как это следует из публикаций Марти в прессе и его личных писем. В них звучит призыв оградить слабые латиноамериканские страны от подчинения США, в которых Х. Марти усматривал угрозу ещё до войны Кубы с Испанией за независимость⁴. От кубинского патриота не ускользнула и проблема борьбы разных центров силы за сферы влияния⁵. В этом смысле антиимпериализм Х. Марти – это отстаивание современных международных принципов суверенитета, невмешательства во внутренние дела и права народа выбирать собственный путь развития без влияния и вмешательства третьих стран, прежде всего – стран-гегемонов.

Вторая идея Х. Марти, которая в дальнейшем испытала трансформацию, – единство американских стран южнее Рио-Гранде, «Нашей Америки»⁶. Эссе с таким названием стало программной работой Марти в развитие идей С. Боливара.

⁴ Martí J. 2005a. Congreso internacional de Washington In: *Nuestra América*. Caracas: Biblioteca Ayacucho. P. 57–58.

⁵ Марти Х. 1981. Иностранная политика дяди Сэма. *Кубинская публицистика от Хосе Марти до наших дней*. Москва: Прогресс. С. 20–21.

⁶ Martí J. 2005b. *Nuestra América*. Caracas: Biblioteca Ayacucho. P. 31–39.

В «Нашей Америке» автор призвал народы региона выйти за пределы собственных «деревень» и начать узнавать друг друга, поскольку вскоре им предстоит борьба с общим врагом. Нужно выстраивать в своих странах системы управления, которые будут учитывать специфику и самобытность народов, не опираясь исключительно на стандартные знания, почерпнутые в европейских университетах.

Национально-освободительные идеи Х. Марти были продуктом своей эпохи – времени, когда страны Латинской Америки были объектами империалистической экспансии. Закономерным следствием такой экспансии стала борьба против неё, за более справедливый миропорядок, а не только внутреннее устройство кубинского государства. Поэтому и патриотизм Х. Марти граничил с преодолением самого себя – выходом за пределы родной Кубы и борьбой за «Нашу Америку» в её противостоянии империалистическим и экспансионистским устремлениям сильных акторов мировой арены. Эти базовые представления были восприняты последующими поколениями, которые уже в ином историческом контексте обогащали их новыми элементами.

Революционный антиимпериализм: от наследия Х. Марти к ленинскому подходу

В результате войны за независимость 1895–1898 гг. Куба получила политическую свободу от Испании. На последнем этапе антиколониальной борьбы в конфликт вмешались США, что вылилось в испано-американскую войну. В итоге Куба попала в зависимость от своего северного соседа, как предвидел Х. Марти. Эта зависимость была как политической, закреплённой в поправке Платта, которая ограничивала суверенитет Кубы (в том числе фиксировала за США право на интервенцию под предлогом защиты Кубы и аренду земли для создания военно-морских баз), так и экономической: североамериканский капитал усиливал свои позиции в экономике молодой республики (Pino Santos 1973).

На фоне растущего присутствия североамериканского капитала и культуры идеи антиимпериализма и борьбы за более справедливый миропорядок распространялись на Кубе всё шире, сопровождаясь появлением на политической арене страны новых патриотических сил. Параллельно в обществе усиливались антиамериканские настроения, подкреплённые антиимпериалистическими идеями Х. Марти. Именно из рядов таких сил вышли будущие члены Движения 26 июля и его лидер Фидель Кастро, первоначально член партии ортодоксов. Ф. Кастро и его сторонники ещё до штурма казарм Монкада в 100-летний юбилей почитаемого ими Х. Марти – в ночь на 28 января 1953 г. – прошли по улицам Гаваны факельным шествием, выражая протест против диктатуры Ф. Батисты (Cabrerá Calvo 2022: 22). Эти молодые люди вошли в историю как «Поколение столетия», имея ввиду 100-летний юбилей кубинского национального героя.

В известной речи на суде после штурма казарм Монкада 26 июля 1953 г., Ф. Кастро обращался к идейному наследию Х. Марти, подчеркнув, что Марти был идейным вдохновителем произошедших событий⁷. Объясняя революционные законы, которые повстанцы планировали принять в случае успеха, Ф. Кастро перечислил основные положения революционной программы, содержащей не только требования потеснить иностранный капитал (в особенности во владении латифундиями), но также меры глубоких социальных преобразований во благо широких масс населения, включая аграрную реформу, участие рабочих в распределении прибыли компаний и национализацию стратегических предприятий.

В то же время усиливались и коммунистические идеи. В 1925 г. была основана Коммунистическая партия Кубы («первая марксистско-ленинская партия»), которая вошла в Коминтерн. В среде кубинских коммунистов антиимпериалистические идеи интерпретировались в русле ленинского подхода. Эту же линию некоторые коммунисты проводили применительно к наследию Х. Марти. Ярким примером подобного прочтения стал подход известного кубинского антиимпериалиста и коммуниста (Cabrera 1980), одного из основателей «первой марксистско-ленинской партии» Хулио Антонио Мелья. Его судьба внутри самой партии складывалась сложно, о чём свидетельствует приостановка членства на два года; в дальнейшем революционер работал в КП Мексики (Jeifets, Jeifets 2017: 88–89; Хейфец, Хейфец 2019: 251). Будучи представителем «первой марксистско-ленинской партии», Мелья распространял идеи антиимпериализма, одновременно активно работая на создание широкого антиимпериалистического движения (Kersffeld 2012).

Х.А. Мелья выдвигал тезис о том, что Х. Марти был и интернационалистом, и защитником угнетённых, питая при этом особые чувства к пролетариату. Отсюда Мелья заключал: «Если бы Марти, которого так ненавидели его враги, не принёс себя преждевременно в жертву в Дос-Риос, он был бы, наверное, на стороне Диего Висенте Техеры, основавшего в 1899 г. Кубинскую Социалистическую партию – первую партию Кубы, освободившейся от испанского гнета. А сегодня он был бы с нами, подобно Балиньо (Карлос Балиньо – сподвижник Х. Марти, марксист, впоследствии один из основателей первой Коммунистической партии Кубы – *Автор*) и Эусебио Эрнандесу (участник войн за независимость, также симпатизировавший марксистским идеям и СССР – *Автор*)», и далее: «...сегодня, следуя заветам Марти, мы призываем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁸.

⁷ Castro F. 2007. *La historia me absolverá*. La Habana: Ciencias sociales. P. 16.

⁸ Мелья Х.А. 1981. Толкование идей Хосе Марти. *Кубинская публицистика от Хосе Марти до наших дней*. Москва: Прогресс. С. 93, 94.

Деятельность Х.А. Мельи демонстрирует, каким образом идея антиимпериализма стала использоваться применительно к политике, нацеленной на объединение широких масс трудящихся для борьбы с неокOLONиальным гнетом. Бурная деятельность Мельи распространялась не только на студенческое движение, с попытками добиться его смычки с организацией рабочих. В 1925 г., незадолго до учреждения «первой марксистско-ленинской партии» у себя на родине, он стал основателем кубинской секции Всеамериканской антиимпериалистической лиги и занялся широкой пропагандой антиимпериализма (Cordoví Núñez 2021; Hatzky 2008).

Если мартианская традиция базировалась на идее объединить силы латиноамериканских народов в борьбе с иностранными угнетателями, в первую очередь с США, то постепенно кубинские коммунисты начали видеть проблему на ином уровне. Благодаря знакомству с марксистской теорией кубинская интеллигенция и рабочие слои пришли к выводу о том, что проблема империализма не ограничивается политикой сильной державы по отношению к слабым; эту проблему следует решать, исходя из закономерностей развития капитализма, который, согласно ленинскому анализу, к 1920-м гг. находился в империалистической фазе. Это означало, что проблемы неокOLONиальной зависимости латиноамериканских стран, среди которых Куба была одним из наиболее типичных примеров, вытекали из закономерного развития мировой капиталистической системы, в рамках которой крупные монополии и представлявшие их интересы крупные капиталистические страны сталкивались между собой в борьбе за ресурсы и рынки сбыта при доминирующей роли банковского сектора и финансового капитала, что сопровождается вывозом капитала (Ленин 1969).

На этой идейной основе Коминтерн провозгласил борьбу с империализмом (как одно из направлений деятельности, хотя и далеко не основное) в форме создания антиимпериалистических лиг, поставив в латиноамериканских странах задачу опоры на широкие народные массы – формирование антиимпериалистического фронта, который позволил бы «объединить в общем порыве борьбы на континенте все слои, которые были врагами американской и европейской гегемонии в регионе, опираясь на растущее латиноамериканское сознание групп рабочих, крестьян и среднего класса» (Kersfeld 2012: 11). Эта идея отражена в коминтерновской резолюции о Кубе, расставившей точки над *i* в деле с отстранением Х.А. Мельи от работы в партии и обозначившей стоящие перед партией задачи: «одной из первых своих задач она должна считать развёртывание антиимпериалистической лиги в массовую организацию, объединяющую рабочих, крестьян, интеллигенцию, сельскую и городскую мелкую буржуазию»⁹.

⁹ Резолюция о Кубе. 28.01.1927. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 6. Л. 6.

Во многом именно переход от патриотической трактовки антиимпериализма к марксистско-ленинской после Всемирного антиимпериалистического конгресса в Брюсселе (5–10 февраля 1927 г., во время него была создана Антиимпериалистическая лига) обострил противоречия внутри антиимпериалистического движения в Латинской Америке. Наиболее известным (хотя и не единственным) из них было противоречие между коммунистами и «апристским» направлением (Kerssfield 2010; 2012), которое возглавлял перуанец Виктор Рауль Айя де ла Торре, в 1926 г. прекративший сотрудничество с Коминтерном в 1926 г. (Jeifets, Jeifets 2022: 184, Хейфец, Хейфец 2011). 7 мая 1924 г. он основал Американский народно-революционный альянс (АПРА) и был автором идеологии апризма, отрицавшей применимость марксизма-ленинизма к латиноамериканским реалиям и выступавшей за особый социалистический путь стран региона (Kerssfield 2010: 151, 155; Kaysel 2020: 104–105). В ходе этого размежевания «первая марксистско-ленинская партия» Кубы встала на сторону коммунистического направления. Сам Х.А. Мелья выступил с критикой Айя де ла Торре, обвинив его в реформизме, отсутствии чёткой классовой позиции и оправдании не только североамериканского империализма, но и империализма других стран¹⁰. Х.А. Мелья подчёркивал, что его оппонент пытался чрезмерно опираться на мелкобуржуазные слои, что, с точки зрения кубинского коммуниста, шло вразрез с марксизмом и ленинизмом¹¹.

В этом контексте стоит учесть, что «первая марксистско-ленинская партия» Кубы (хотя внутри неё имелись противоречия, как показывает прецедент с временным отстранением Х.А. Мельи от участия в делах партии) была партией классовой и следовала марксистско-ленинской идеологии. Она подчёркивала угнетение трудящихся собственниками средств производства как иностранными, так и национальными. Как отмечал Б. Рока Кальдеро, возглавлявший партию с 1934 по 1961 гг., «революционный и антиимпериалистический импульс этого сектора (национальной буржуазии – Автор) ограничивается и сдерживается его характером эксплуататорского класса, который не хочет, а скорее даже боится, развития пролетариата и революционных действий против полуфеодальной латифундистской собственности»¹². Необходимо учесть, что в первой половине XX в. национальная олигархия имела прочные связи с иностранным капиталом, что повлияло на её контрреволюционную позицию после революции 1959 г. (Padula 2019: 234, 278–279, 289).

¹⁰ Mella J.A. La lucha revolucionaria contra el Imperialismo. En Mella J.A. *Textos escogidos* T. 2. P. 271–278. Mella J.A. ¿Qué es el ARPA? En Mella J.A. *Textos escogidos* T. 2. P. 279–313.

¹¹ Mella J.A. ¿Qué es el ARPA? En Mella J.A. *Textos escogidos* T. 2. P. 286.

¹² Roca Calderío B. 1961. *Los fundamentos del socialismo en Cuba*. La Habana: Ediciones Populares. P. 36.

Антиимпериалистическая идея, заложенная патриотическими и национально-освободительными воззрениями Х. Марти, впоследствии была дополнена марксистским представлением об империализме как высшей стадии капитализма.

Антиимпериализм кубинской революции во второй половине XX в.

Победа кубинской революции стала переломным моментом, после которого идеи национального освобождения с уклоном в антиамериканизм были дополнены идеями пролетарского интернационализма. Это случилось не в одночасье: шёл самобытный процесс консолидации революционных сил и радикализации их социально-экономической и политической программы.

Члены коммунистической партии ещё до победы над силами Ф. Батисты, хотя и не сразу, но поддержали революцию, и не только словом, но и делом, встав в ряды борцов Повстанческой армии под руководством Ф. Кастро. Сотрудничество двух этих сил, а также Революционного директората 13 марта (DR), после 1 января 1959 г. шло с трудностями и постепенно. Противоречия зачастую принимали характер достаточно острой борьбы. Помимо известного дела А. Эскаланте, имело место жёсткое противостояние между DR и старыми коммунистами. Оно проявилось в марте 1964 г. на судебном разбирательстве по делу Маркоса Родригеса (считался членом молодёжной организации PSP, в 1957 г. он выдал активистов DR тайной полиции Ф. Батисты, о чём рассказал члену ЦК PSP Э. Бучака¹³). На судебных слушаниях лидер DR Фауре Чомон обрушился с критикой фактически на весь актив PSP, поставив под угрозу его репутацию, и Ф. Кастро пришлось выступить медиатором для снижения градуса политического накала. По оценке министра внутренних дел Р. Вальдеса, сложность ситуации во многом объяснялась «переплетением политических убеждений и личных вопросов»¹⁴. Определённые противоречия между представителями бывших разных организаций сказывались вплоть до января 1968 г., когда состоялось заседание ЦК КП Кубы по делу микрофракции¹⁵.

Несмотря на эти политические процессы, трём организациям удалось добиться единства и была сформирована одна партия; организационно сначала были созданы Объединённые революционные организации, затем Единая партия социалистической революции и, наконец, в октябре 1965 г., Коммунистическая партия Кубы.

¹³ О судебном процессе в Гаване по делу Маркоса Родригеса (краткая справка) первого секретаря Отдела латиноамериканских стран МИД СССР В.Ю. Юдинцева. *АВП РФ*. Ф. 0104. Оп. 20. П. 130. Д. 22. Л. 41–46; *Ной*. 26.03.1964; *Ной*. 31.03.1964; *Revolución*. 17.03.1964; *Revolución*. 26.03.1964.

¹⁴ Записка о некоторых итогах процесса над Маркосом Родригесом, направленная 29.05.1964 в ЦК КПСС зам. зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Л. Толкуновым. *РГАНИ*. Ф. 5. Оп. 49. Д. 757. Л. 85.

¹⁵ En Cuba. Traidores a la Revolución. Desenmascarada la microfracción. *Bohemia*. 02.02.1968. P. 42–63.

Первоначально цель революционных сил состояла в том, чтобы потеснить иностранный капитал, разрушить систему латифундий, которую контролировали либо крупные местные землевладельцы, зачастую связанные с иностранным капиталом, либо иностранные собственники. На реализацию этой цели были направлены первая аграрная реформа и национализация ключевых предприятий, которыми владел иностранный (в первую очередь, американский) капитал. В октябре 1960 г. после серьёзного ухудшения отношений с США, негативно воспринявшими политику революционного правительства, огосударствлению подверглись как иностранные, так и национальные предприятия крупного масштаба¹⁶. Это *de facto* перевело кубинскую революцию с национально-освободительных на социалистические рельсы, что официально было провозглашено 16 апреля 1961 г.

Социалистические идеи на базе марксистско-ленинской теории были восприняты представителями Народно-социалистической партии и других организаций, в том числе лидером революции Ф. Кастро. В частности, в известном на Кубе выступлении 1 декабря 1961 г. он заявил, что, ещё обучаясь в Гаванском университете, прочёл «Капитал» до 370 страницы, и планировал углублённо штудировать программную работу К. Маркса, призвав к этому остальных. Ф. Кастро отметил, что марксизм представлял собой развивающуюся науку, которая наиболее полно отражала действительность. «Я марксист-ленинец и буду марксистом-ленинцем до последнего дня моей жизни»¹⁷, – заявил он.

Антиимпериализм, принятый на вооружение кубинскими революционерами, получил не только мартианское содержание, хотя апелляция к «апостолу» была очень значимой в ходе идеологической борьбы до революции и в первые дни после её победы. Переход революционной Кубы на антиимпериалистические позиции получил воплощение в принятии деклараций, отражавших внешнеполитический курс на борьбу за более справедливое мироустройство. Это Первая и Вторая гаванские декларации, а также декларация Сантьяго-де-Куба.

Сначала антиимпериалистическая позиция Кубы была выражена в Первой гаванской декларации, принятой народом Кубы 2 сентября 1960 г. Во-первых, в документе говорилось о необходимости ликвидации эксплуатации человека человеком и предоставлении рабочим гарантированного права на результат их труда. Это отражало социалистическую направленность идеологии революционной страны. Во-вторых, декларация провозгласила «право государств на национализацию империалистических монополий»¹⁸. Принятием документа Куба

¹⁶ Более подробно об экономических преобразованиях революционной Кубы с позиций экономиста достаточно хорошо пишет Х.Л. Родригес Гарсия (Rodríguez García 2016).

¹⁷ *Revolución*. 02.12.1961. P. 7.

¹⁸ *Declaración de la Habana* In: Bell J., López D.L., Caram T. 2007. *Documentos de la Revolución Cubana*. 1960. La Habana: Ciencias sociales. P. 290.

заявила претензию на роль одного из ведущих государств мира в борьбе против империализма конкретными экономическими мерами революционного характера, и призывала к таким действиям все зависимые страны.

Ещё более чётко опора кубинского антиимпериализма на марксистско-ленинскую идеологию прослеживается во Второй гаванской декларации. Она была принята 4 февраля 1962 г.¹⁹ в качестве реакции на решения Конференции в Пунта-дель-Эсте в январе этого же года об исключении Кубы из Организации американских государств, которую кубинцы называли «министерство колоний янки»²⁰. Показательно, что начинается этот документ цитатой из письма Х. Марти с предупреждением об угрозе народам Америки пасть жертвами США. В документе исторический процесс становления капитализма и его высшей фазы – империализма интерпретируется с позиций диалектического материализма. Утверждается, что богатство владельцев крупных монополий есть результат эксплуатации рабочего класса. Показано, что Куба, равным образом как другие развивающиеся страны Латинской Америки, Африки, Азии и Океании, на протяжении своей истории страдала от империалистической политики мировых центров силы; выдвинут тезис о том, что «доминирующие классы» экономически развитых стран эксплуатировали народы стран Третьего мира. Так, с одной стороны, в декларации сделан акцент на деление мира на страны-эксплуататоры и эксплуатируемые страны. С другой стороны, в тексте присутствует и классовый анализ. В декларации был сделан вывод о неизбежности революции в латиноамериканских странах в условиях кризиса мирового империализма.

Во второй гаванской декларации Куба была представлена как ключевая страна – защитница угнетённых народов и опора социализма в его противостоянии США, которые олицетворяли капитализм²¹. В документе была дана оценка перспектив национальной буржуазии латиноамериканских стран в её противостоянии империализму: хотя интересы этого класса попирались интересами империалистов, он не способен дать отпор последним, стать протагонистом социальной революции и воплотить чаяния народных масс. «Поставленные перед дилеммой: империализм или революция, – лишь только самые прогрессивные слои [национальной буржуазии – *Автор*] будут с народом»²². Антиимпериалистическую борьбу должен возглавить авангард – передовые представители рабочего класса и революционной интеллигенции, под руководством которых удастся объединить широкие слои населения: крестьян, мелкую буржуазию, студенчество и всех приверженцев прогресса. Наконец, в декларации выдвигался тезис о том, что легальным путём невозможно свергнуть класс угнетателей²³.

¹⁹ Segunda Declaración de la Habana. 1962. *Cuba socialista*. № 7. P. 1–27.

²⁰ Ibid. P. 13.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. P. 24.

²³ Ibid. P. 25.

В отличие от Второй гаванской декларации, в которой Куба отмежеввалась от обвинений в экспорте революции (в чем её периодически обвиняли США), в декларации Сантьяго-де-Куба от 26 июля 1964 г.²⁴ этот аспект борьбы за альтернативное мироустройство и против империалистической агрессии был радикализован. В частности, показывалось, что американский империализм действует по отношению к Кубе всё агрессивнее (действительно, за агрессией на Плайя-Хирон последовал Карибский кризис, и на Кубе при поддержке Соединённых Штатов продолжали действовать контрреволюционные и террористические силы, совершавшие, в числе прочего, покушения на революционных лидеров), отмечалось, что в подготовке агрессивных антикубинских планов Вашингтону оказывали помощь Гватемала, Коста-Рика, Венесуэла и Никарагуа. В связи с этим Куба считала себя вправе защищаться от этой агрессии, в том числе посредством поддержки революционных движений в странах, чьи правительства были пособниками США в саботажных акциях против революционной Кубы.

Борьба Гаваны с империализмом выходила за границы Острова свободы. Первые попытки оказать странам региона в борьбе за освобождение помощь вооружённым путём Куба предприняла ещё в 1959 г. – в Доминиканской республике, Панаме и Никарагуа (Хейфец, Хейфец 2020: 64). Позднее эта деятельность приобрела более радикальный и широкий характер, что было закреплено в решениях Конференции стран Азии, Африки и Латинской Америки в Гаване в январе 1966 г. и Конференции Латиноамериканской организации солидарности в июле–августе 1967 г., тоже в кубинской столице. По итогу этих конференций под знаменем антиимпериализма был взят курс на поддержку революционных движений в странах Латинской Америки, боровшихся за власть вооружённым путём. В этот период Куба на практике воплощала идею Э. Гевары о том, что американскому империализму нужно создать много проблемных точек в мире («два, три, много Вьетнамов»²⁵), чтобы максимально ослабленные США не смогли добиться успеха в своей агрессии против Вьетнама. Тем самым кубинский антиимпериализм приобрёл интернациональную форму и имел прямую связь с социалистическими идеями.

Обращает на себя внимание, что лидеры кубинской революции апеллировали к принципу пролетарского интернационализма. Так, в известном обращении к Конференции стран Азии, Африки и Латинской Америки, написанном после завершения конференции в Гаване – когда команданте Гевара на базе в Пинар-дель-Рио готовился к боливийской кампании²⁶, а не в Боливии, как

²⁴ Declaración de Santiago de Cuba. In: *Leyes del Gobierno Revolucionario de Cuba*. № 54. Julio, Agosto y Septiembre de 1964. 1965. La Habana: Editorial Nacional de Cuba. P. 320–322.

²⁵ Guevara E. 2007a. *Crear dos, tres, muchos Viet Nam. Mensaje a la Tricontinental*. Bogotá: Ocean sur. 23 p.

²⁶ Ibid. P. 21.

утверждают Х. Яффе и Э. Домингес Лопес (Domínguez López, Yaffe 2017: 8), Че призывал развивать «настоящий пролетарский интернационализм с мировыми пролетарскими армиями»²⁷.

Э. Гевара при поддержке Ф. Кастро пытался реализовать этот принцип на практике, в Конго и Боливии, где и погиб. Конго, Боливия, Аргентина – всё это были составные элементы единого замысла интернационального боевого отряда, который в первых случаях возглавил, а в третьем должен был возглавить лично Че. По его замыслу, отряд должен был, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, бороться с империализмом там, где эта необходимость стояла острее всего. И хотя во многом в действиях и риторике кубинских революционеров присутствовала проблема солидарности народов, а не классов, классовый аспект учитывался ими в духе Второй гаванской декларации.

Следует подчеркнуть, что при оказании помощи национально-освободительным движениям стран Третьего мира Куба проектировала этим странам социалистическое будущее и выражала надежду на то, что другие соц-страны тоже помогут этим движениям²⁸. Такой подход не всегда отвечал политике мирного сосуществования, к которой СССР перешёл к середине 1960-х гг., но, с другой стороны, Советский Союз не отказывал Кубе в поддержке. К примеру, когда Э. Гевара помогал отрядам Л. Кабилы в Конго, Москва активно поддерживала лумумбистов (Мазов 2019).

Тем не менее СССР настороженно воспринимал внешнеполитические заявления Кубы середины 1960-х гг. Например, советское руководство выражало недоумение касательно того, что, принимая Вторую гаванскую декларацию, кубинцы не посоветовались с СССР²⁹. Серьёзную озабоченность советской стороны вызывало и то, что Куба расценивала сложившуюся в Латинской Америке обстановку как канун революции, считала, что объективные предпосылки к революционным событиям уже сложились, и их нужно подтолкнуть созданием субъективного фактора. В этом контексте СССР негативно оценивал попытки организовать повстанческие группы в регионе, в том числе в Аргентине и Перу, и не разделял позицию Кубы по Венесуэле³⁰.

Однако эти тактические расхождения не оказывали влияния на идеологическую ориентацию Кубы и выбор в пользу принципа пролетарского интернационализма. Он стал структурным элементом антиимпериализма нового этапа кубинской истории (Хейфец, Хейфец 2020). Этот принцип был зафиксирован

²⁷ Ibid. P. 17.

²⁸ Guevara E. 2007b. *En la conferencia Afroasiática en Argelia*. Bogotá: Ocean sur. 19 p.

²⁹ О некоторых моментах в политике кубинского руководства в последнее время. Записка Отдела латиноамериканских стран МИД СССР от 26.12.1966. *АВП РФ*. Ф. 0104. Оп. 20. П. 130. Д. 22. Л. 149, 153.

³⁰ Там же. Л. 151; Куба и международное коммунистическое и рабочее движение. Записка Н. Белоуса, временного поверенного в делах СССР в Республике Куба от 29.08.1964. *АВП РФ*. Ф. 0104. Оп. 20. П. 130. Д. 22. Л. 53.

в процессе окончательной институционализации революционной власти³¹, будучи внесён в 12 статью Конституции, одобренной населением на референдуме 15 февраля 1976 г. Практической реализацией этого принципа в последующие годы была помощь национально-освободительным движениям. Она достигла пика в период интернациональной миссии Кубы в Анголе, где кубинские военные оказывали поддержку силам Народного движения за освобождение Анголы (MPLA) с 1975 г., и помощи Эфиопии с 1977 г. в отражении сомалийского вторжения, а также помощи сандинистам в Никарагуа после 1979 г. Сложно привести пример другой слаборазвитой страны Третьего мира, которая, пусть и не без помощи СССР, вооружившись принципом пролетарского интернационализма, отправляла бы тысячи солдат на другой континент.

В 1960-х и до конца 1980-х гг. Куба, входя в «мировую систему социализма», продолжала активно продвигать идею объединения стран Третьего мира в борьбе с империалистической политикой бывших метрополий на таких площадках, как Движение неприсоединения и «Группа-77». В борьбе за новый миропорядок Куба открыто отстаивала социалистические принципы и защищала СССР от нападок и обвинений, которые то и дело выдвигались в адрес Москвы представителями этих структур, причём особенно отличилась титовская Югославия (Moreno Fernández 2022a: 147–149, 170–174; Moreno Fernández 2022b: 30, 35, 57, 65–66). Кубинская пропаганда антиимпериализма включила в себя защиту социализма как пути развития и принципа пролетарского интернационализма во внешней политике. При этом социализм, в соответствии с официальной позицией партии, трактовался как диктатура пролетариата и обобществление средств производства путём их передачи в собственность государству³². То есть классовый аспект социализма был существенной составляющей общественной системы Кубы и её идеологии.

Кубинский антиимпериализм XXI в.: борьба за многополярный мир

После распада «мировой системы социализма» на Кубе наступил «особый период в мирное время». Обрыв связей со странами социалистического блока погрузил страну в тяжёлый социально-экономический кризис, пик которого пришёлся на 1993 г., когда ВВП сократился почти на 15%. С 1991 г. падение составило почти 35%, при этом с 1989 г. импорт снизился на 73% (Rodríguez García 2018: 267). Условия ожесточавшейся торгово-экономической и финансовой блокады США (были приняты законы Торричелли и Хелмса-Бертонa) усугубляли и без того сложное положение страны.

³¹ *Constitución de la República de Cuba*. 1976. La Habana: Departamento de Orientación revolucionaria del Comité Central del Partido Comunista de Cuba. 96 p.

³² См. подробнее: (Арабаджян 2021).

Прежняя модель экономического развития не могла существовать на основаниях, в рамках которых Куба развивалась во многом благодаря сотрудничеству со странами – членами СЭВ. Были остановлены 80 совместных проектов, в том числе почти готовая АЭС «Хурагуа» (Súarez Salazar 1994: 310). В итоге произошёл частичный пересмотр как инструментов планирования и экономического развития, так и институциональной базы государства, что было зафиксировано в Основном законе (1992 г.). В частности, из бывшей 12 статьи Конституции была изъята фраза о принципе пролетарского интернационализма, хотя он и упоминался в преамбуле. В 12 статье Конституции 1976 г. говорилось: «Республика Куба разделяет принципы пролетарского интернационализма и боевой солидарности народов», тогда как в Основном законе в 1992 г.: «Республика Куба разделяет антиимпериалистические и интернационалистские принципы»³³. Таким образом, антиимпериализм сменил принцип пролетарского интернационализма.

В Конституции, принятой в 2019 г., антиимпериализма стало ещё больше – он начал фигурировать и в преамбуле, где отмечается, что кубинский народ ведом «наиболее передовыми элементами революционного, антиимпериалистического и марксистского идейного наследия Кубы, Латинской Америки и мира, в частности, идеями и примером Марти и Фиделя и идеями о социальном освобождении Маркса, Энгельса и Ленина»³⁴. Заслуживает внимания разделение революционного, антиимпериалистического и марксистского – до распада социалистического лагеря эти аспекты идеологии и общественной мысли не разделялись поскольку кубинский антиимпериализм был революционным и марксистским. Теперь же он фигурирует как нечто особое, обладающее самостью.

В условиях кризиса финансирование интернационалистской деятельности вооружённых сил прекратилось; среди прочего, в 1991 г. кубинский военный контингент был окончательно выведен из Анголы (Gleijeses 2008: 68). Интернационалистская деятельность сменила содержание: военная поддержка уступила место гуманитарной. Она выражается в форме миссий врачей, учителей и специалистов других профилей, которые работают в странах Третьего мира. Это направление интернационализма стало развиваться после победы революции, но было менее известным, чем военная помощь. Справившись с самыми негативными эффектами «особого периода в мирное время», Куба интенсифицировала гуманитарные миссии: в сентябре 2005 г. была основана бригада кубинских медиков-интернационалистов им. Генри Рива (Kirk 2016: 118–119). До сих пор её члены оказывают медицинскую помощь в разных странах планеты. Они ярко проявили себя в разгар пандемии коронавирусной инфекции, когда даже такие страны, как Италия и Андорра обратились к Кубе за медицинской помощью её высококвалифицированных специалистов.

³³ Constitución de la República de Cuba. 1992. La Habana: Editora Política. P. 8.

³⁴ Constitución de la República. *Gaceta Oficial* №5 Extraordinaria. 10.04.2019. P. 70.

Стоит учитывать, что после прихода к власти Р. Кастро и в особенности по итогам VI съезда КП Кубы (2011 г.), в рамках проведения экономических реформ по рационализации хозяйства и расширению рынка, оказание медицинской помощи за рубежом стало всё в большей степени носить рациональный характер и переводиться на коммерческие рельсы в случае платёжеспособности страны-реципиента. Такой принцип закреплён в пунктах 110 и 111 Направлений экономической и социальной политики Партии и Революции – одного из ключевых документов, принятых на съезде³⁵. После 1990-х гг. Куба была не в состоянии, как прежде, вести вооружённую борьбу с империализмом. В современной международной деятельности Кубы антиимпериализм выражается в борьбе с последствиями колониализма и неоколониализма – низким уровнем и недоступностью медицины, образования и т. д.

Куба сосредоточилась на дипломатических методах борьбы с империализмом, пытаясь сформировать вариант интеграции в латиноамериканском регионе, в рамках которого нет места влиянию США. Ключевой интеграционной группой, которая была инициирована в 2004 г. Кубой и её новым ближайшим союзником в регионе, Венесуэлой Уго Чавеса, стала Боливарианская альтернатива для народов нашей Америки, в 2009 г. переименованная в Боливарианский альянс. В него вошли радикальные страны, питавшие уважение к кубинской революции и занимавшие антиамериканские позиции: Никарагуа Д. Ортеги, Боливия Э. Моралеса, Гондурас М. Селайи, Эквадор Р. Корреа. Одним из важных аспектов деятельности организации стало налаживание альтернативных форм взаимовыгодной торговли, основанной не на доминировании свободного рынка и принципов Вашингтонского консенсуса, а на поиске контролируемых форм взаимодействия рыночных агентов.

Попытки консолидации широкого спектра сил региона вокруг лозунга защиты латиноамериканской независимости и самобытности и противостояния гегемонистским устремлениям США Куба осуществляет также через СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна). Эта организация создавалась как объединение всех стран Латинской Америки и Карибского бассейна без участия США, она целенаправленно ведёт диалог с ЕС, Китаем и Россией, чем усиливает запрос на многополярность. В подкрепление тезиса о необходимости борьбы с американской гегемонией кубинские политики обращаются к принципам международного права – невмешательству во внутренние дела и суверенитету.

Куба активно участвует в подобных инициативах в рамках ООН, Движения неприсоединения, в «Группе-77», международном коммунистическом движении и т. д. Однако использование самой категории империализма на уровне внешнеполитической (к этой терминологии кубинцы склонны прибегать тогда,

³⁵ Lineamientos de la política económica y social del Partido y la Revolución. 2011. La Habana: [s.l.]. P. 19.

когда их собеседниками являются как минимум антиамерикански настроенные акторы) риторики кубинским руководством на современном этапе сохраняется, но встречается значительно реже, чем до 1990-х и даже 2000-х гг., пока страной руководил Ф. Кастро. На встречах международного уровня кубинское руководство обращается прежде всего к терминам многополярности и нового справедливого миропорядка. Характерно, что именно в Гаване в январе 2023 г. при поддержке Прогрессивного интернационала была проведена Конференция по новому мировому экономическому порядку³⁶. В поддержку альтернативного мироустройства действующий президент Кубы М. Диас-Канель выступил в Гаване на саммите «Группы-77» и КНР (сентябрь 2023 г.), выразив поддержку китайской Инициативе глобального развития.

Стоит отметить, что термин «многополярность» появился в новой Конституции страны, хотя в предыдущих вариантах документа он не использовался. Так, в статье 16 зафиксировано, что в своей внешней политике Куба «продвигает многосторонность и многополярность в международных отношениях в качестве альтернатив доминированию и политической, военной и финансовой гегемонии или любому иному явлению, угрожающему миру, независимости и суверенитету народов»³⁷.

Официальная позиция кубинского МИДа формулируется следующим образом: Куба отстаивает «принципы революционной дипломатии и придерживается основополагающих принципов международного права: уважение суверенитета; независимость и территориальная целостность государств; самоопределение народов, равенство государств и народов; неприятие вмешательства во внутренние дела других государств» и другие принципы Устава ООН. Также Министерство подчёркивает, что «становым хребтом кубинской внешней политики являются интернационализм, антиимпериализм, солидарность и единство стран Третьего мира»³⁸.

Выступление за многополярный мир, опора на понятие национального суверенитета замещают в идеологии антиимпериализма Кубы классовый марксистско-ленинский принцип пролетарского интернационализма. В этом смысле кубинский антиимпериализм возвращается к своим истокам – антиамериканизму, патриотизму и латиноамериканизму в духе идей Х. Марти.

При этом само понятие империализма на сегодняшний момент для кубинского руководства теряет содержание, которым его наполнял В.И. Ленин. Кубинское руководство не склонно вести речь о классовом подходе к проблеме

³⁶ El Congreso de La Habana planea una "acción unilateral pero coordinada" para garantizar la soberanía tecnológica del Sur Global. *Progressive International*. 30.01.2023 URL: <https://progressive.international/wire/2023-01-30-havana-congress-plans-unilateral-but-coordinated-action-to-secure-technological-sovereignty-for-the-global-south/es> (accessed 27.11.2024)

³⁷ Constitución de la República. *Gaceta Oficial Nº5 Extraordinaria*. 10.04.2019. P. 74.

³⁸ Principios de la Cancillería de la República de Cuba. *MINREX*. URL: <https://cubaminrex.cu/es/proyeccion> (accessed 27.11.2024)

доминирования монополий и защищающих их интересы капиталистических стран, оно чаще говорит о борьбе с неолиберализмом, а не с капитализмом как таковым, борьба с которым провозглашалась в период Холодной войны и при жизни Ф. Кастро.

Если раньше Куба оказывала вооруженную поддержку партизанским и коммунистическим организациям в разных странах и надеялась на то, что поддерживаемые ими силы пойдут по пути социалистического строительства, то после распада социалистической системы её внешняя политика постепенно изменилась. Сейчас Куба склонна сотрудничать с умеренно левыми силами во главе разных государств, например, с Венесуэлой. В отличие от Кубы, ни в Венесуэле, ни в других странах региона не была официально провозглашена цель строительства социализма под знаменем марксизма-ленинизма. Эти правительства не опираются на классовые партии, критикуют опыт «реального социализма», а ортодоксальному марксизму-ленинизму предпочитают более гибкую концепцию «социализма XXI века» (Casanova 2019).

Описанное противоречие ярко иллюстрируют отношения с венесуэльскими социалистами и коммунистами. Напомним, что в Венесуэле у власти находится не коммунистическая, а Единая социалистическая партия Венесуэлы (PSUV), политика которой не привела к разрыву с национальным капиталом, а идеологическая база не опирается ни на классовый подход, ни на пролетарский интернационализм, не адресуется к марксизму-ленинизму. PSUV – партия У. Чавеса и его преемника Н. Мадуро, созданная в 2007 г. Существует и марксистско-ленинская Компартия Венесуэлы (PCV), исторически имевшая разногласия с кубинским руководством и не поддерживавшая герилью Д. Браво середины 1960-х гг. Несмотря на идеологические противоречия с партией Чавеса/Мадуро, PCV занимает классовые позиции и отстаивает строительство социализма на базе марксизма-ленинизма, тогда как PSUV не отмежевывалась от связи с национальным капиталом, что воплотилось и в политике У. Чавеса и Н. Мадуро. В течение долгого периода PCV поддерживала на выборах обоих президентов, входила в коалицию с PSUV, возлагая надежды на радикализацию курса Чавеса и критикуя его за умеренность.

На практике после смерти У. Чавеса и введения Вашингтоном санкций правительство Н. Мадуро стало постепенно переходить к жёсткой экономии, применять меры либерализации и приватизации, что заметно снизило уровень благосостояния населения. Выступив в защиту интересов трудящихся, страдающих от политики Мадуро, в 2020 г. PCV перешла в оппозицию. Попытки представителя PCV Эктора Родригеса публично осудить антинародную политику PSUV, предпринятые на XXII международной встрече коммунистических и рабочих партий мира в Гаване в октябре 2022 г., не нашли отклика у кубинцев³⁹.

³⁹ Contribución del PCV al XXII Encuentro Internacional de Partidos Comunistas y Obreros. *Tribuna Popular*. 29.10.2022. URL: <https://prensapcv.wordpress.com/2022/10/29/video-contribucion-del-pcv-al-xxii-encuentro-internacional-de-partidos-comunistas-y-obreros/> (accessed 27.11.2024)

В завершающей речи президент Кубы М. Диас-Канель высказал безоговорочную поддержку Н. Мадуро, не упомянув о заявлении венесуэльских коммунистов, хотя, следуя марксистским принципам, Куба должна была встать на сторону тех, кто защищает интересы трудящихся, придерживаясь классовых позиций⁴⁰. Это показывает, что во внешней политике Гавана всё меньше ориентируются на классовый подход, что во многом объясняется экономической зависимостью от сотрудничества с Венесуэлой. Кубинское руководство проявляет гибкость в отношении собственной идеологии, что позволяет ему трактовать принципы марксизма-ленинизма более гибко и отдавать предпочтения тем или иным принципам в зависимости от складывающейся конъюнктуры.

Заключение

Кубинский антиимпериализм, зародившийся как антиамериканизм и патриотизм, после революции 1959 г. был трансформирован под влиянием идеи пролетарского интернационализма на основе марксистско-ленинской теории. В некотором смысле Маркс, Энгельс и Ленин несколько потеснили Х. Марти на пьедестале почёта. Пролетарский интернационализм стал существенным элементом в структуре антиимпериалистической идеологии Кубы.

После распада социалистического лагеря набирает силу обратная тенденция. С начала 1990-х гг. Куба превратилась в одно из ключевых государств, выстраивавших внешнеполитическую линию на преодоление гегемонии США и установление многополярности. При этом речь уже шла не о пролетарском интернационализме, а о более справедливом мироустройстве, которое, с точки зрения кубинцев и их союзников в регионе, невозможно в условиях неолиберальной глобализации. После отхода от власти Ф. Кастро и утверждения решениями VI съезда КП Кубы программы экономических реформ эта тенденция усилилась.

Структурные элементы кубинского антиимпериализма, обретенные в 1960-х гг., современное кубинское руководство трактует менее ортодоксально и более гибко, ориентируясь не на классовую солидарность и солидарность угнетённых в мировой капиталистической системе народов, а на принципы антиамериканизма. Осознавая бессмысленность борьбы с мировым капиталом в современных условиях, кубинское руководство стремится сделать свою международную позицию более гибкой, активнее сотрудничать с капиталистическими странами, которые противостоят давлению США и разделяют идею многополярности. Это объясняет тяготение Кубы к таким странам, как Иран и Россия, и свидетельствует о высокой степени адаптивности кубинского политического

⁴⁰ Discurso pronunciado en la clausura del XXII Encuentro Internacional de Partidos Comunistas y Obreros. *Presidencia y Gobierno de Cuba*. 29.10.2022. URL: <https://www.presidencia.gob.cu/es/presidencia/intervenciones/discurso-pronunciado-en-la-clausura-del-xxii-encuentro-internacional-de-partidos-comunistas-y-obreros/> (accessed 27.11.2024)

руководства, отказавшегося от утративших актуальность элементов внешнеполитической идеологии, перейдя на практике к идеологии Realpolitik. На уровне риторики это проявляется обращением к идейному наследию Х. Марти, ключевым принципам международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность), многополярности и борьбе за альтернативное и более справедливое мироустройство.

Об авторе:

Александра Завеновна Арабаджян – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а.
e-mail: aleche28@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта «“Мировая система социализма” и глобальная Холодная война: технополитика, экономика, образы будущего (1970е–1980-е гг.)» (№23-18-00621), реализуемого Институтом всеобщей истории РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда.

UDC: 94(729.1):327(729.1):316.48

Received: October 14, 2024

Accepted: December 12, 2024

Striving for an Alternative World Order: The Journey of Cuban Anti-Imperialism from History to Modernity

 A.Z. Arabadzhyan
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-33-57](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-33-57)

Institute of World History of the RAS

Abstract: The article employs structural analysis to examine the evolution of Cuban anti-imperialist ideology. It begins by analyzing the historical context—Cuba's struggle against colonial dependence on Spain and its subsequent incorporation into the U.S. sphere of influence—which shaped the foundations of its anti-imperialist thought. Central to this ideological framework are the ideas of Cuban national hero José Martí, who articulated two core principles that later became structural components of Cuban anti-imperialism: resistance against oppression and the unification of regional countries in this struggle.

The article traces the development of Martí's ideas as they were adopted and expanded upon by diverse political movements, including radical patriots, socialists, and communists. Particular attention is given to the interpretation of anti-imperialist thought by Julio Antonio Mella, the founder of the Communist Party of Cuba and the Cuban section of the Anti-Imperialist League of the Americas. After the Cuban Revolution's victory in 1959, a new structural component emerged under Marxist-Leninist influence: the principle of proletarian internationalism. This principle was institutionalized in Cuban anti-imperialist ideology and codified in official documents, including foreign policy declarations and the 1976 Constitution.

Following the collapse of the "world system of socialism" and the USSR, during the "Special Period in Peacetime," Cuba was compelled to reevaluate its economic foundations and foreign policy. This period saw the removal of proletarian internationalism from the Cuban Constitution and the termination of military assistance to national liberation and revolutionary movements. Cuban internationalism shifted its focus to humanitarian missions, marking a significant ideological transformation.

The VI Congress of the Communist Party of Cuba (2011) reinforced these changes, with humanitarian missions increasingly commercialized where feasible, and foreign policy emphasizing the defense of international law, advocacy for multipolarity, and the pursuit of an alternative, fairer world order. In contemporary Cuban anti-imperialism, the Marxist-Leninist components—such as class analysis and proletarian internationalism—play a reduced role, reflecting the leadership's adaptability to changes in the international system.

This analysis highlights the evolution and resilience of Cuban anti-imperialist ideology as it adjusts to shifting geopolitical realities while maintaining its foundational principles.

Keywords: Cuba, USA, José Martí, anti-imperialism, colonialism, neocolonialism, Marxism, multipolarity

About the author:

Alexandra Z. Arabadzhyan – PhD in History, Junior researcher at Institute of World History of the RAS. Moscow, Leninsky, 32a.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The article was prepared within the framework of the project "The World System of Socialism" and the Global Cold War: Technopolitics, Economics, Images of the Future (1970s–1980s), implemented by the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project 23-18-00621.

References:

- Cabrera O. 1980. Julio Antonio Mella en México. *Bohemia*. №5. P. 83–88. (In Spanish)
- Cabrera Calvo A. 2022. *La claridad soñada*. La Habana: Verde olivo. 119 p. (In Spanish)
- Casanova A. 2019. Una aproximación teórica del "Socialismo del siglo XXI". *Iberoamérica*. №4. P. 165–183. (In Spanish)
- Cordoví Núñez Y. 2021. La Universidad Popular José Martí en la órbita del pensamiento político de Julio Antonio Mella. Cuba, 1923-1927. *Historia Caribe*. 16(38). P. 107–136. (In Spanish)
- Domínguez López E., Yaffe H. 2017. The Deep, Historical Roots of Cuban Anti-Imperialism. *Third World Quarterly*. 38(11). P. 2517–2535.

Gleijeses P. 2002. *Conflicting Missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press. 552 p.

Gleijesis P. 2008. “La causa más bonita”: Cuba y África 1975–1988. *Cuba y África. Historia común de lucha y sangre*. La Habana: Ciencias sociales. P. 1–79. (In Spanish)

Hatzky Ch. 2008. *Julio Antonio Mella (1903–1929). Una biografía*. Santiago de Cuba: Editorial Oriente. 472 pp. (In Spanish)

Jeifets V., Jeifets L. 2017. El encuentro de la izquierda cubana con la Revolución Rusa: el Partido Comunista y la Comintern. *Historia crítica*. №64. P. 81–100. DOI: dx.doi.org/10.7440/hist-crit64.2017.05 (In Spanish)

Jeifets V., Jeifets L. 2011. Haya de la Torre... ¿Un comunista latinoamericano? *Istoriya*. 2(6). (In Spanish)

Jeifets V.L., Jeifets L.S. 2022. The Cominternist Origins of Current Socialist Bolivarianism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*. 27(2). P. 178–191. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.15

Kaysel A. 2020. Filosofia da história ou método histórico? Os usos do marxismo nas controvérsias entre Julio Antonio Mella, Victor Raúl Haya de La Torre e José Carlos Mariátegui (1927–1930). *Crítica Marxista*. 28(51). P. 101–119. (In Spanish)

Kersfeld D. 2010. Latinoamericanos en el Congreso Antiimperialista de 1927: Afinidades, disensos y rupturas. *Journal of Iberian and Latin American Research*. 16(2). P. 151–163. (In Spanish)

Kersfeld D. 2012. *Contra el Imperio. Historia de la Liga Antiimperialista de las Américas*. México: Siglo XXI. 327 p. (In Spanish)

Kirk J. M. 2016. *Salud Pública sin fronteras. Para entender la cooperación médica internacional cubana*. Santiago de Cuba: Oriente. 309 p. (In Spanish)

Kostiuk R.V. 2023. La estrategia de política exterior del Partido Comunista de Cuba en la etapa actual. *Izquierdas*. №52. P. 1–20. (In Spanish)

Kostiuk R.V. 2022. Las tradiciones ant imperialistas de la Comintern y la política exterior de los países del Eje del Socialismo del Siglo XXI. *Izquierdas*. №51. P. 1–23. (In Spanish)

Kruijt D. 2017. *Cuba and Revolutionary Latin America. An oral history*. London: Zed books. 287 p.

Moreno Fernández A. 2022a. *El Movimiento de Países No Alineados. Fundamentos, historia e identidad. Una visión cubana. T. I. De 1955 a 1976*. La Habana: Ediciones Política Internacional. 393 p. (In Spanish)

Moreno Fernández A. 2022b. *El Movimiento de Países No Alineados. Fundamentos, historia e identidad. Una visión cubana. T. II. De 1976 a 1983*. La Habana: Ediciones Política Internacional. 395 p. (In Spanish)

Padula A.L. 2019. *Es la caída de la burguesía: Cuba 1959–1961*. La Habana: Temas. 575 p. (In Spanish)

Pino Santos O. 1973. *El asalto a Cuba por la oligarquía financiera yanqui*. La Habana: Casa de las Américas. 234 p. (In Spanish)

Rodríguez García J.L. 2016. *Estrategia del desarrollo económico en Cuba*. La Habana: Félix Varela. 341 p. (In Spanish)

Rodríguez García J.L. 2018. Los años duros del período especial: lecciones de coraje y resistencia. *Revolución Cubana. Algunas miradas críticas y descolonizadas*. Coord. Luis Suarez Salazar. La Habana: Ciencias sociales. P. 256–271. (In Spanish)

Roig de Leuchsenring E. 1961. *Martí, Antiimperialista*. La Habana: Ministerio de Relaciones Exteriores. 135 p. (In Spanish)

Sánchez y Guerra R. 1964. *La expansión territorial de los Estados Unidos a expensas de España y los países hispanoamericanos*. La Habana: Editorial nacional de Cuba. 502 p. (In Spanish)

Suárez Salazar L. Cuba: La política exterior en el período especial. *Estudios Internacionales*. 1994. 27(107/108). P. 307–334. (In Spanish)

Zanetti Lecuona O. García Álvarez A. 1998. *Sugar & Railroads. A Cuban History, 1837–1959*. Translated by Franklin W. Knight & Mary Todd. Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press. 495 p.

Arabadzhyan A.Z. 2021. Evolyuciya politiko-ideologicheskikh osnov kubinskogo socializma i ee otrazhenie v konstituciyah strany [Evolution of Political and Ideological Foundations of Cuban Socialism and its Reflection in the Constitutions of the Country]. *Latinskaya Amerika*. №11. P. 48–62. DOI: 10.31857/S0044748X0017111-1 (In Russian)

Grinevich E.A. 1975. *Kuba: put' k pobede revolyucii* [Cuba: The Path to the Victory of the Revolution]. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russian)

Jeifets L.S., Jeifets V.L. 2019. *Komintern i Latinskaya Amerika: lyudi, struktury, resheniya* [Comintern and Latin America: People, Structures, Decisions]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 759 p. (In Russian)

Jeifets V.L., Jeifets L.S. 2020. Tradiciya internacionalizma v ideologii i praktike kubinskoj revolyucii [The Internationalist Tradition in Ideology and Practice of Cuban Revolution]. *Latinskaya Amerika*. №8. P. 60–76. DOI: 10.31857/S0044748X0010346-9 (In Russian)

Kodzoev M.A.-M. 2020. Hose Marti: «kuznec» Kubinskoj revolyucii [Jose Marti: the "Molder" of the Cuban Revolution]. *Latinskaya Amerika*. №5. P. 31–42. DOI: 10.31857/S0044748X0009121-2 (In Russian)

Lenin V.I. 1969. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Vol. 27. Moscow: Gospolitizdat. P. 299–426. (In Russian)

Mazov S.V. 2019. Sovetskaya pomoshch' povstancam Vostochnogo Kongo, 1964–1966. Chast' 2 [Soviet Aid to the Insurgents in Eastern Congo, 1964–1966. Part 2]. *Aziya i Afrika segodnya*. №12. P. 84–90. (In Russian)

Slezkin L.Yu. 1966. *Istoriya Kubinskoj Respubliki* [The History of the Cuban Republic] Moscow: Nauka. 468 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Арабаджян А.З. 2021. Эволюция политико-идеологических основ кубинского социализма и её отражение в конституциях страны. *Латинская Америка*. №11. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0044748X0017111-1

Гриневич Э.А. 1975. *Куба: путь к победе революции*. Москва: Наука. 238 с.

Кодзоев М.А.-М. 2020. Хосе Марти: «кузнец» Кубинской революции. *Латинская Америка*. №5. С. 31–42. DOI: 10.31857/S0044748X0009121-2

Ленин В.И. 1969. *Империализм как высшая стадия капитализма*. Полное собрание сочинений. Т. 27. Москва: Госполитиздат. С. 299–426.

Мазов С.В. 2019. Советская помощь повстанцам Восточного Конго, 1964–1966. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. №12. С. 84–90.

Слезкин Л.Ю. 1966. *История Кубинской Республики*. Москва: Наука. 468 с.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2011. Айя де ла Торре – латиноамериканский коммунист? *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2(6).

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2020. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции. *Латинская Америка*. №8. С. 60–76. DOI: 10.318 57/S0044748X0010346-9

Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. 2019. *Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения*. Москва: Политическая энциклопедия. 759 с.

Формирование внешнеполитической платформы Республиканской партии США и проблемы её реализации в 2000–2004 гг.

К.К. Суховерхов

Российский совет по международным делам

В сложно и многогранно устроенной американской политике существует множество переменных, от которых зависит развитие внутренней и внешней политики. Одной из них является формирование платформ партий, которые являются важным индикатором политики администраций США. Их часто недооценивают в вопросах влияния на формирование внешнеполитического курса той или иной администрации, поскольку считается, что программа партии в абсолютном большинстве случаев – во многих странах мира – не совпадает с реальной политикой. Как показывает исследование, этот тезис неверен в отношении США. Платформа партии в Соединённых Штатах – официальный документ, в котором формулируются идеологические, политические, экономические и иные установки партии. Она включает не только предвыборные планы и обещания, но и принципиальные позиции партии по различным вопросам на весь следующий электоральный цикл, т. е. на четыре года вперед. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать процесс формирования платформы партии на примере республиканской партийной платформы 2000 г. и её реализации на практике.

В 1990-х гг. Республиканская партия вынуждена была приступить к реформированию своей платформы. Большую роль в этом процессе сыграл Дж. Буш-мл., его окружение и влиятельные консервативные аналитические центры. Провозглашённый курс получил название «сострадательного консерватизма». Однако в силу разных обстоятельств администрации США вынуждены были изменять начальный курс. Так случилось и с внешней политикой администрации Дж. Буша-мл. Радикальный пересмотр внешнеполитических целей США на мировой арене при администрации 43-го президента привёл к доминированию неоконсерваторов во внешнеполитическом планировании. Терракты 11 сентября 2001 г. позволили не только резко изменить внешнеполитический курс, но и с помощью этих изменений поменять отношение американцев к Дж. Бушу-мл. и его администрации, что показали социологические исследования. В результате произошли значимые изменения в системе региональных приоритетов внешней политики страны.

Ключевые слова: США, Республиканская партия, платформа партии, сострадательный консерватизм, неоконсерватизм, президентские выборы, Дж. Буш-мл., праймериз

УДК: 329(73):327(73)"2000/2004":94(73)

Поступила в редакцию: 06.12.2022

Принята к публикации: 03.06.2023

Формирование платформы Республиканской партии: путь Дж. Буша-мл. к президентству

Формирование программ политических партий является неотъемлемой частью политического и избирательного процесса в современном мире. В них отражены идеологические, политические, экономические, социальные и иные установки партии. Исследование процесса формирования платформ партий и внутрипартийного электорального процесса в США ограничено представлено в отечественной научной литературе, а в зарубежной – фрагментарно. В настоящей статье предпринята попытка на основе рассмотрения электоральных процессов в США, социологических данных, материалов СМИ, официальных документов США проанализировать процесс формирования платформы партии на примере республиканской партийной платформы 2000 г. и её реализации на практике.

Вплоть до конца 1990-х гг. серьёзные трудности с формулировкой подобных установок испытывала Республиканская партия США. Поражения кандидатов от Республиканской партии на президентских выборах 1992 г. и 1996 г. обостряли противоречия внутри партии и осложняли поиск возможных выходов из положения «аутсайдера». В это время Дж. Бушу-мл. удалось выдвинуться в качестве кандидата в президенты США от Республиканской партии и сформировать собственное видение внешней политики, которое во многом и легло в основу платформы Республиканской партии в 2000 г.

Это стало возможным благодаря целому ряду факторов. Ещё в 1996 г. Дж. Бушу-мл. предлагали выдвинуться от Республиканской партии, однако тогда он принял решение поддержать сенатора Р. Доула, который в конечном итоге потерпел поражение на выборах. Сам же Дж. Буш-мл. в ходе предвыборной кампании стал сопредседателем конвента Республиканской партии, что отражало его сильные партийные позиции (Davies 2012: 93). В 1998 г. Дж. Буш-мл. был переизбран на пост губернатора штата Техас, набрав почти 70% голосов избирателей, что обеспечило ему возможность чувствовать себя гораздо увереннее при выдвижении своей кандидатуры на пост президента США.

К 2000 г. у республиканцев не было однозначного фаворита: выборы 1992 г. и 1996 г. выиграл кандидат от Демократической партии Б. Клинтон, и у Республиканской партии не существовало сильного действующего политика уровня президента или вице-президента, который имел бы потенциально сильные позиции для участия в предвыборной кампании.

В 1998 г. группа членов Республиканской партии во главе с экс-государственным секретарём США Дж. Шульцем занялась поиском подходящих кандидатов для выдвижения в президенты. В апреле 1998 г. Дж. Шульц, 15-й председатель Совета экономических консультантов во время президентства Дж. Буша-ст. и старший научный сотрудник Стэнфордского университета

М. Боскин, советник Дж. Шульца по экономическим вопросам, старший научный сотрудник Стэнфордского университета и будущий заместитель министра финансов Дж. Тейлор, а также проректор Стэнфордского университета и будущий советник президента США по национальной безопасности К. Райс пригласили для беседы Дж. Буша-мл. По словам Дж. Шульца, группа искала кандидата в президенты для выборов 2000 г. «с хорошими политическими инстинктами, кого-то, с кем они могли бы работать»¹. По итогам встречи группа предложила Дж. Бушу-мл. принять участие в предвыборной гонке.

В марте 1999 г. Дж. Буш-мл. объявил о создании президентского исследовательского комитета. Исследовательские комитеты – традиционная часть электорального процесса в США – создаются для оценки финансовых возможностей, а также анализа потенциального уровня общественной поддержки возможного кандидата. В соответствии с федеральным законом США о выборах, как только кандидат на пост президента собирает или тратит 5000\$ на деятельность, связанную с предвыборной кампанией, он обязан подать «заявление о выдвижении кандидатуры» и сообщить о взносах и расходах в Федеральную избирательную комиссию (ФИК). При этом кандидаты, все ещё находящиеся на «исследовательском» этапе, т. е. до подачи заявления в ФИК, не несут подобных обязательств, если они не участвуют в деятельности, которую ФИК рассматривает как «агитацию». Исследовательские комитеты также должны вести финансовые отчёты, хотя кандидаты могут проводить опросы или взаимодействовать со сторонниками без необходимости сообщать о потраченных средствах в ФИК.

Кандидат не обязан информировать ФИК о своём исследовательском комитете, но зачастую делает это, что позволяет на дальнейшем этапе преобразовать его в официальный комитет предвыборной кампании, когда кандидат уже официально выставляет свою кандидатуру. Например, исследовательский комитет Б. Обамы, созданный в 2007 г., позже стал основой его предвыборной кампании. Если же кандидат формирует исследовательский комитет, но в итоге решает не выдвигаться на президентский пост, то о деятельности комитета не следует сообщать в ФИК, а любые собранные средства не считаются взносами.

На практике исследовательские комитеты выполняют две основные функции: объявление о создании исследовательского комитета зачастую предшествует выдвижению, хотя и оставляет потенциальным кандидатам пространство для манёвра; объявление о создании исследовательского комитета де-факто запускает сбор средств на предвыборную кампанию и её структурную подготовку².

¹ Lemann N. 2004. *The Choice 2004. Public Broadcasting Service*. 12 October. URL: <http://web.archive.org/web/20220326032436/https://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/choice2004/etc/script.html> (accessed 19.11.2024)

² Segers G. 2019. What forming a presidential exploratory committee actually means. *CBS News*. 23 January. URL: <https://www.cbsnews.com/news/what-forming-a-presidential-exploratory-committee-actually-means/> (accessed 19.11.2024).

В исследовательский комитет Дж. Буша-мл. вошли бывший госсекретарь Дж. Шульц (отвечал за построение общей стратегии предвыборной кампании), губернатор Дж. Энглер (занимался обеспечением поддержки выдвижения среди губернаторов), сенатор П. Коверделл (работал над взаимодействием между кампанией Дж. Буша-мл. и Сенатом США для обеспечения поддержки его выдвижения со стороны сенаторов), бывший председатель Республиканского национального комитета (РНК) Х. Барбур (занимался лоббированием интересов кампании Дж. Буша-мл. и привлечением средств для её проведения), конгрессвумен от штата Вашингтон и заместитель председателя республиканской конференции Палаты представителей Конгресса США Д. Данн (занималась проработкой экономической части кампании), конгрессмен от штата Оклахома и председатель республиканской конференции Палаты представителей Конгресса США Дж. Уоттс (отвечал за проработку тезисов программы и работу с избирателями), конгрессмен от штата Техас Г. Бонилла (выступал в СМИ и разъяснял политические позиции Дж. Буша-мл.), конгрессмен от штата Миссури и заместитель партийного организатора Республиканской партии в Конгрессе США Р. Блант (занимался вопросами поддержки Дж. Буша-мл. среди конгрессменов Палаты представителей Конгресса США).

Объявляя о создании исследовательского комитета Дж. Буш-мл. предпочёл не раскрывать конкретные позиции до тех пор, пока он официально не запустил предвыборную кампанию. Тогда президент изложил свою философию «сострадательного консерватизма» (Olasky 2000: xi–xii), которая подразумевала поддержку традиционных семей, реформу социального обеспечения, поддержку полиции, системы образования, основанную на принципе «ни одного отстающего ребёнка», а также помощь бедным странам по всему миру. «Сострадательный консерватизм» опирался на религиозные ценности, что должно было продемонстрировать, что Дж. Буш-мл. не является прямым сторонником ни неоконсерваторов, ни либералов.

Появление идеи «сострадательного консерватизма» было обусловлено тем, что подход республиканцев на выборах 1996 г., опиравшийся на программу «Контракт с Америкой»³, обернулся поражением республиканского кандидата. В 1996 г. республиканцы также потеряли несколько мест в Палате представителей. Это привело к возникновению противоречий в руководстве партии; кроме того, разразился конфликт в среде консервативных избирателей. Большой группой недовольных «Контрактом с Америкой» были социальные консерваторы, которые выступали за реформу велфэра, налоговые скидки для семей с детьми, а также разрешение аборт в определённых случаях (например,

³ Gayner J. 1995. The Contract with America: Implementing New Ideas in the U.S. *The Heritage Foundation*. 12 October. URL: <https://www.heritage.org/political-process/report/the-contract-america-implementing-new-ideas-the-us> (accessed 19.11.2024)

в случае опасности для жизни матери). «Контракт с Америкой» был разработан в 1994 г. и приурочен к промежуточным выборам в Конгресс. Затем его положения были частично использованы и для платформы Республиканской партии 1996 г. Контракт представлял собой повестку дня для Республиканской партии в Конгрессе, если республиканцы получают большинство. Сам текст Контракта основывался на речи Р. Рейгана «О положении в стране» 1985 г., а многие его идеи были выдвинуты в «Фонде наследия». В Контракте содержались меры, которые республиканцы гарантировали предпринять в случае победы на выборах 1994 г. Контракт отражал позицию республиканцев-консерваторов и затрагивал вопросы сокращения властных структур и налогов, реформирования системы правосудия и социального обеспечения; в совокупности – восемь реформ и десять законопроектов. Положения контракта казались радикальными для целого ряда консерваторов: предлагалось сделать английский язык официальным языком страны, снизить ставки корпоративного налога с 12,5% до 0%, отменить все иски, связанные с иммиграцией, возобновить политику Р. Рейгана по недопущению использования денег налогоплательщиков для финансирования аборт за рубежом и др.⁴ Эти идеи помогли республиканцам получить большинство в палатах Конгресса США в 1994 г., хотя на президентских выборах 1996 г. круг избирателей, готовых поддержать подобный консервативный радикализм, сузился.

В 1996 г. Сенат Конгресса США под руководством социального консерватора Т. Лотта, республиканца, лидера большинства, стал ещё более консервативным. Республиканская партия в конце 1990-х гг. пыталась определить сферы, в которых социальные и иные консерваторы могли бы объединиться. Одной из них стало стремление к сокращению вмешательства властей федерального уровня в различные сферы деятельности граждан вообще и на уровне штатов в частности.

В конце 1990-х гг. очевидные недостатки социально-политической программы Республиканской партии отразились в снижающемся уровне общественной поддержки на выборах в Конгресс в 1998 г., где её члены потеряли места в Палате представителей. Эксперты отмечали, что главная проблема республиканцев – «отчаянный поиск новой программы»⁵. Они считали, что неудачи на выборах 1996 г. и 1998 г. были связаны с нечёткой политической программой и большими затратами на реализацию импичмента президента Б. Клинтона. В Республиканской партии была осознана необходимость создания новой программы, чтобы удержать ядерный электорат и привлечь новых избирателей.

⁴ Perlstein R. 2012. How Wily Newt Pulled the 'Contract with America' Scam. *Rolling Stone*. 26 January. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/how-wily-newt-pulled-the-contract-with-america-scam-200577/> (accessed 19.11.2024)

⁵ Desperately seeking an agenda. 1999. *The Economist*. 18 February. URL: <https://www.economist.com/united-states/1999/02/18/desperately-seeking-an-agenda> (accessed 19.11.2024)

Внутрипартийные дискуссии, нацеленные на создание новой программы, отражали трансформацию консервативного движения, становление Республиканской партии как консервативной силы и траектории её возможного дальнейшего развития. В этом поиске активное участие принимали члены Конгресса США, Республиканского национального комитета, губернаторы, консервативные аналитические центры, лоббистские группы и сам Дж. Буш-мл.

Губернаторы в США традиционно не были влиятельными игроками на общенациональном уровне. Однако к концу 1990-х гг. губернаторы-республиканцы, которых было уже 31, и они представляли суммарно 71% американцев, объединились в «Республиканскую ассоциацию губернаторов», чтобы лоббировать общие интересы. Во главе этого объединения встали Дж. Буш-мл (Техас), Т. Томпсон (Висконсин), Дж. Энглер (Мичиган) и Д. Буш (Флорида). Со временем эта группа губернаторов добилась большего влияния в принятии партийных решений (Ashford 2000: 175). Губернаторы рассматривались как представители умеренного консерватизма: они выступали за снижение налогов, ограничение роли правительства, введение более жёстких стандартов в сфере образования, но не затрагивали острых социальных тем, таких как аборт. В итоге к 2000 г. губернаторы-республиканцы стали одной из основных сил в формировании социально-политической программы партии. При этом их социальные позиции не сильно отличались от других консерваторов за исключением того, что они выступали за предоставление больших прав штатам.

Одним из важнейших генераторов идей для республиканской платформы 2000 г. стали аналитические центры. Так, Фонд Наследия выступал за сокращение федерального аппарата правительства, увеличение полномочий штатов, изменение системы налогообложения и др.; Американский институт предпринимательства поддерживал ученых и экспертов, которые отстаивали неоконсервативные идеи; Институт Катона предлагал снижение федеральных расходов, приватизацию пенсионного обеспечения, легализацию наркотиков и свободные рыночные отношения. Предлагаемые идеи аналитических центров, как видим, коррелировали с идеями консерваторов (прежде всего социальных), и совпадали с представлениями губернаторов-республиканцев.

Республиканский национальный комитет занялся организацией предвыборной кампании и сбором средств, и начиная с 1993 г., когда председателем РНК был избран Х. Барбур, Комитет начал вмешиваться в определение политики партии. В 1996 г. РНК раскритиковал кампанию кандидата от партии Р. Доула за отсутствие чёткой платформы и политических идей. Хотя с избранием председателем РНК Дж. Николсона произошла деполитизация Комитета, активная работа Комитета в определении приоритетов партии продолжилась.

Кандидатом от Республиканской партии в 1996 г. был Р. Доул, сенатор от штата Канзас, лидер большинства в Сенате Конгресса США. Он считался мастером политического процесса, но не имел чёткой программы и не демонстрировал успехов в ходе предвыборной кампании. Ситуацию попытались изменить, когда

Р. Доул выступил с нападками на Голливуд из-за моральных проблем, ратовал за сокращение налога на доходы и модернизацию налоговой службы. Однако и тогда СМИ отмечали, что Р. Доул звучит неубедительно для американского избирателя. В ходе предвыборной кампании Р. Доул заявил одному репортёру, что он не знаком с партийной платформой и не собирается быть связанным ею. В этот момент республиканцам стало понятно, что предвыборная кампания с большой вероятностью проиграна (Ashford 2000: 179).

Анализ провала на выборах 1996 г. привёл республиканцев к выводу, что никто не смог бы одержать победу, не заручившись поддержкой социальных консерваторов. На выборах 2000 г. республиканцам был необходим кандидат, политическая программа которого могла быть поддержана большинством членов партии и избирателей, при этом, не быть радикальной. Этим кандидатом стал Дж. Буш-мл.

Идея провозглашённого Дж. Бушем-мл. «сострадательного консерватизма» основывалась на идеях профессора факультета журналистики университета Техаса М. Оласки. В своих работах он призывал возродить «американское сострадание». М. Оласки возлагал вину за ухудшение морального уровня общества на государственные программы вспомоществования, которые не мотивировали людей работать и заниматься саморазвитием. Он предлагал передать функции вспомоществования нуждающимся религиозным организациям, которые могли бы помочь не только в материальном плане, но и в духовном.

В своей предвыборной кампании Дж. Буш-мл. выступал за передачу этих функций религиозным организациям, а также за борьбу с бедностью, реформирование системы образования, наделение местных властей большими полномочиями, снижение налогов, борьбу с преступностью и др. Все эти идеи соотносились с запросами социальных консерваторов, республиканцев и большинства населения страны.

7 марта 1999 г., за несколько месяцев до официального объявления о старте предвыборной кампании, Р. Блант, член исследовательского комитета Дж. Буша-мл., заявил, что 80 конгрессменов-республиканцев поддержали будущего президента. Также он отметил, что задача исследовательского комитета – заручиться поддержкой большинства конгрессменов-республиканцев⁶. 26 мая 1999 г., за семнадцать дней до официального заявления о выдвижении в кандидаты в президенты Дж. Буша-мл., его поддерживали уже 115 конгрессменов-республиканцев и несколько губернаторов⁷.

⁶ Texas Gov. Bush unveils exploratory committee for 2000 GOP bid. 1999. CNN. 07.03. URL: <https://web.archive.org/web/20180620203750/http://www.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/03/07/bush.candidacy/> (accessed 19.11.2024)

⁷ Meserve J. 1999. Bush coronation is almost complete. CNN. 27.05. URL: <https://web.archive.org/web/20180620231918/http://www.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/05/27/president.2000/meserve.bush/> (accessed 19.11.2024)

Официально Дж. Буш-мл. выдвинул свою кандидатуру для борьбы за республиканскую номинацию в кандидаты на пост президента 12 июня 1999 г. Через 18 дней он смог собрать 36,2 млн долл. для своей кампании⁸. Таким образом, он собрал средств больше всех своих конкурентов ещё на старте своей кампании. В период работы исследовательского комитета Дж. Буша-мл. опросы, проведённые *CNN*, *USA Today* и *Gallup*, демонстрировали, что большинство американцев (40%) проголосовали бы против вице-президента А. Гора на президентских выборах 2000 г.⁹.

Ход праймериз и кокусов¹⁰ с самого начала не был простым для Дж. Буша-мл. Его основным конкурентом стал сенатор от штата Аризона Дж. Маккейн, сильными сторонами которого считались опыт военной службы, благосклонное отношение к нему в СМИ и поддержка со стороны ветеранов (Timberg 1999: 192–194). К слабым сторонам Маккейна относили невысокую оценку его достижений на посту сенатора от штата Аризона, его высокий уровень партийного индивидуализма, раздражавший руководство партии, непредсказуемость поведения, а также ограниченность финансовых средств для проведения кампании и малый опыт по привлечению этих средств.

Несмотря на то, что в предвыборном штабе Дж. Маккейна были опытные политические консультанты, такие как Р. Дэвис, М. Мерфи, Д. Уивер и другие с опытом проведения политических кампаний (Alexander 2002: 190), он не верил в свою победу (McCain, Salter: 369). Дж. Буш-мл. до начала праймериз уклонялся от дебатов (позже он будет неоднократно их избегать), Дж. Маккейн, наоборот, активно дебатировал с другими кандидатами. Первые дебаты Дж. Буша-мл. и Дж. Маккейна состоялись 6 декабря 1999 г. Дебаты проходили без каких-либо интересных поворотов до тех пор, пока Дж. Маккейн не поднял на обсуждение один из ключевых вопросов своей предвыборной программы по реформированию финансирования предвыборных кампаний в США (одним из ключевых моментов реформы он видел ограничение возможности использовать корпоративные и профсоюзные средства для финансирования политической рекламы партий)¹¹.

⁸ Bush has raised whopping \$36.2 million. 1999. *CNN*. 30.06. URL: <https://web.archive.org/web/20181116001746/http://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/06/30/president.2000/bush.funds/> (accessed 19.11.2024)

⁹ Holland K. 1999. Poll: Majority of Americans would vote against Gore in 2000. *CNN*. 26.05. URL: <https://web.archive.org/web/20180620203721/http://www.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/05/26/president.2000/poll/> (accessed 19.11.2024)

¹⁰ Суховерхов К.К. 2020. Айова — это только начало. *PCMД*. 8 февраля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/ayova-eto-tolko-nachalo/> (дата обращения: 19.11.2024)

¹¹ McCaleb I., Lilleston R. 1999. Flattery more common than conflict in Arizona debate. *CNN*. 6.12. URL: <https://web.archive.org/web/2008031111348/http://archives.cnn.com/1999/ALLPOLITICS/stories/12/06/ariz.debate/index.html> (accessed 19.11.2024)

Согласно опросам, до начала праймериз Дж. Маккейну удавалось сравняться с Дж. Бушем-мл. по уровню поддержки со стороны избирателей¹². Этому способствовало то, что Дж. Маккейн провёл 114 так называемых «Собраний в Ратуше» (Town Hall Meeting), а также работа с избирателями, когда он достаточно долго оставался с ними после митингов, отвечая на их вопросы (McCain, Salter: 371). На первых праймериз в стране, в штате Нью-Гэмпшир, Дж. Буш-мл. набрал меньше голосов, чем Дж. Маккейн. Эта победа увеличила поддержку Дж. Маккейна среди однопартийцев и дала новый импульс его предвыборной кампании. Следующие праймериз, проходившие в Южной Каролине, были отмечены «грязными» приёмами со стороны кандидатов. Наиболее сильным ударом по Дж. Маккейну было масштабное распространение слухов о том, что у него есть внебрачный ребёнок от афроамериканки (на самом деле он с женой удочерил девочку родом из Бангладеш). Эти слухи могли бы не нанести большого вреда в северных штатах, но для южных, где расовый вопрос традиционно является важным, это сыграло негативную роль. Также в ходе дебатов, устроенных Л. Кингом, победу одержал Дж. Буш-мл., который победил и на предварительном голосовании. На праймериз в штате Мичиган Дж. Маккейн смог снова одержать верх, хотя его кампания в штате была неорганизованной и слабой в сравнении с кампанией противника¹³. Победу ему помогли одержать неопределившиеся избиратели и сторонники демократов¹⁴. Позже Дж. Маккейн одержит победу в родном штате (Аризоне) и в штатах Новой Англии (кроме штата Мэн). Он станет постепенно терять поддержку республиканцев, т. к. у него не было отлаженного взаимодействия с консервативным крылом. На праймериз в штате Виргиния Дж. Маккейн обрушился с критикой на правое христианское крыло республиканцев, вероятно, чтобы получить поддержку умеренных республиканцев в штатах, где проходил супервторник (Нью-Йорк, Калифорния, Мэрилэнд и др.), однако это сыграло против него¹⁵. Последующие победы Дж. Буша-мл. в ходе супервторника показали, что Дж. Маккейн

¹² Polls: McCain ties Bush in New Hampshire; Bradley gains support in New York, Iowa. 1999. *CNN*. 11.11. URL: <https://web.archive.org/web/20051212051043/http://www.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/11/11/poll.wrap/index.html> (accessed 19.11.2024)

¹³ Bradsher K. 2000. The 2000 Campaign: Michigan; Loss by Bush Forces Debate on Open Primaries. *The New York Times*. 27.02. URL: <https://www.nytimes.com/2000/02/27/us/the-2000-campaign-michigan-loss-by-bush-forces-debate-on-open-primaries.html> (accessed 19.11.2024)

¹⁴ McCaleb I. 2000. McCain recovers from South Carolina disappointment, wins in Arizona, Michigan. *CNN*. 22.02. URL: <https://web.archive.org/web/20080205114516/http://archives.cnn.com/2000/ALLPOLITICS/stories/02/22/gop.wrap/index.html> (accessed 19.11.2024)

¹⁵ Timberg C., Blum J. 2000. McCain Attacks Two Leaders of Christian Right. *The Washington Post*. 29.02. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2000/02/29/mccain-attacks-two-leaders-of-christian-right/0bf3e70f-8859-499c-9cfa-79d3417e03d9/> (accessed 19.11.2024)

не сможет получить необходимое количество голосов делегатов республиканского конвента¹⁶. В результате Дж. Маккейн снял свою кандидатуру и заявил о поддержке Дж. Буша-мл.

В ходе предвыборной кампании возник ещё один важный вопрос: кто будет вице-президентом при будущем 43-м президенте США? Выбор вице-президента был важен для того, чтобы победить в одном из «колеблющихся» штатов и привлечь дополнительное финансирование предвыборной кампании.

Комитет по выбору вице-президента провёл отбор кандидатур и предложил рассмотреть на пост вице-президента Дж. Данфорта, специального советника Министерства юстиции США. Подбором кандидатов занимался бывший министр обороны, бывший конгрессмен, видный республиканский политический деятель Р. Чейни. На его кандидатуре и настоял сам Дж. Буш-мл.¹⁷, поскольку тот соответствовал политическим взглядам самого будущего президента, обладал влиянием в силовых структурах, связями в энергетическом секторе, а также был другом его семьи. Для большинства избирателей выбор кандидата в вице-президенты не повлиял на их позицию по голосованию, т. е. этот выбор Дж. Буша-мл., как показали опросы, не прибавил потенциальных дополнительных голосов¹⁸.

Р. Чейни в качестве кандидата в вице-президенты и бывший президент Дж. Буш-ст. вместе усиливали позиции Дж. Буша-мл в рамках кампании.

Р. Чейни, будучи генеральным директором нефтесервисной компании «Халлибертон», мог привлечь дополнительное финансирование для предвыборной кампании и оказать влияние на других участников энергетического рынка США, а Дж. Буш-ст. обладал необходимым политическим влиянием и связями для обеспечения поддержки предвыборной кампании сына.

Победа на предварительных выборах, успешный сбор средств и определение вице-президента – это не все необходимые составляющие для участия в выборах и победы в них. Важным фактором является платформа партии, поскольку, опираясь на неё, избиратели могут понять, за кого и за какую политику они будут голосовать.

В составлении платформы Республиканской партии США 2000 г. принимали участие многие члены партии, но особая ответственность и задача по согласованию и утверждению текста платформы легла на председателя

¹⁶ Reaves J. 2000. GOP faithful carry Bush to easy victory. *CNN*. 08.02. URL: http://edition.cnn.com/2000/ALLPOLITICS/stories/03/08/republicans3_7.a.tm/ (accessed 19.11.2024); McCain to halt campaign today. 2000. *CNN*. 09.03. URL: <https://web.archive.org/web/20000912171047/http://www.cnn.com/2000/ALLPOLITICS/stories/03/08/day.after/index.html> (accessed 19.11.2024)

¹⁷ Bush Officially Introduces Cheney as His Running Mate. 2000. *CNN*. 25.07. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/0007/25/bn.16.html> (accessed 19.11.2024).

¹⁸ Holland K. 2000. Poll: Cheney choice fails to catch fire with voters. *CNN*. 28.07. URL: <https://web.archive.org/web/20081211110840/http://archives.cnn.com/2000/ALLPOLITICS/stories/07/28/poll.cnn/> (accessed 19.11.2024)

и вице-председателей Комитета платформы. Председателем Комитета был Т. Томпсон¹⁹, губернатор штата Висконсин (1987–2001 гг.), сторонник консервативных взглядов, позже сотрудничавший с «Движением чаепития». Вице-председателями Комитета²⁰ являлись К. Заске, руководитель Департамента доходов штата Висконсин; К. Стрейт, инвестиционный банкир и кинопродюсер, и У. Фрист, сенатор от штата Теннесси (1995–2007 гг.), сторонник консервативных взглядов, который в 2002 г. помог партии вернуть большинство в Сенате, в 2003 г. поддержал военную операцию в Ираке²¹, а позже поддерживал политику администрации Б. Обамы в области здравоохранения²².

После подготовки платформы текст был направлен председателем Комитета платформы 107 членам Комитета и его подкомитетам для того, чтобы они могли предложить изменения или согласиться с текстом. Председатель Т. Томпсон также отмечал, что платформа призвана создать не только «более вдохновляющий взгляд на Республиканскую партию..., вокруг которой смогут сплотиться люди», но и отобразить «философию Дж. Буша-мл.»²³.

Одной из главных задач при составлении платформы Республиканской партии было сделать её менее консервативной. Считалось, что именно излишний акцент на консерватизме не позволил республиканским кандидатам победить на президентских выборах 1992 г. и 1996 г. Основой упор в программе был сделан на внутреннюю политику, в частности на смягчение политики в отношении аборт, поддержку программы «Медикэйд» и план её преобразования, снятие пункта 1996 г. о том, что английский язык должен быть признан официальным языком в США.

В ходе конвента Республиканской партии в июле–августе 2000 г. с речами, в которых раскрывалась суть «сострадательного консерватизма» Дж. Буша-мл., выступили видные представители партии. Одним из них была Э. Доул, жена Р. Доула – кандидата в президенты от Республиканской партии в 1996 г., глава американского Красного Креста (1991–1999 гг.). В своём выступлении она подчеркнула, что Дж. Буш-мл. знает, что «лучший способ помочь социально незащищённым слоям общества – это некоммерческие организации, предприятия, общественные и религиозные группы, школы и благотворительные

¹⁹ Mann T. 2000. Convention 2000 The Republicans: Party Platforms Do Help Define Campaign. *Brookings Institution*. 31.07. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/convention-2000-the-republicans-party-platforms-do-help-define-campaign/> (accessed 19.11.2024)

²⁰ Republican Platform Hearing Day 1. 1999. *CNN*. 28.07. URL: <https://www.c-span.org/video/?158482-1/republican-platform-hearing-day-1#> (accessed 19.11.2024)

²¹ Bill Frist on War & Peace. 2007. *On The Issues*. URL: https://www.ontheissues.org/Celeb/Bill_Frist_War_+_Peace.htm (accessed 19.11.2024)

²² Tumulty K. 2009. Bill Frist on Health Bill: I'd Vote for It. *Time*. 02.10. URL: <https://swampland.time.com/2009/10/02/bill-frist-on-health-bill-id-vote-for-it/> (accessed 19.11.2024)

²³ Там же.

организации»²⁴. Вице-председатель Комитета платформы У. Фрист, сенатор от штата Теннесси, выступил с разъяснениями необходимости преобразований в системе здравоохранения и повышения доступности медицинских услуг²⁵. Реформа системы здравоохранения вообще была одной из основных тем, которая отвечала запросам социальных республиканцев и соотносилась с концепцией «сострадательного консерватизма». Л. Буш, жена Дж. Буша-мл., выступила на конвенте не только, чтобы поддержать выдвижение супруга, но и обозначить задачи его курса в области образования: «у каждого ребенка в Америке должна быть возможность получить доступное образование»²⁶. К. Пауэлл, бывший министр обороны США, выступил на конвенте с тезисами, которые преимущественно касались традиционных семейных ценностей²⁷. Эти идеи также вписывались в контекст «сострадательного консерватизма», рассматривающего ценность семьи как элемента морального и нравственного воспитания американцев.

Внешней политике в платформе партии также было уделено внимание, хотя и меньшее по сравнению с внутренней. Малый объем внешнеполитической части платформы не означал ухудшение её качества. Республиканцы, стараясь исправить недостатки предыдущей платформы, комплексно подошли к внешнеполитической программе, консультируясь с экспертами и специалистами Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. 19 ноября 1999 г. Дж. Буш-мл. выступил с программной речью по внешней политике²⁸. В ней он обозначил, что изоляция и протекционизм – неправильный путь для Америки, который может привести к стагнации и приведёт к «отходу» от своих союзников. Он отмечал, что мир зависит от Вашингтона, и США не должны оставлять вакуум силы, который спровоцирует соблазн бросить Америке вызов (Shakleina 2018: 94).

Тезисы внешнеполитической программы Республиканской партии представили глава внешнеполитической команды в ходе предвыборной кампании Дж. Буша-мл. проректор Стэнфордского университета и будущий советник

²⁴ Lehrer J. 2000. Liberty's home and refuge. *Public Broadcasting Service*. 01.08. URL: https://web.archive.org/web/20120803062203/http://www.pbs.org/newshour/election2000/gopconvention/elizabeth_dole.html (accessed 19.11.2024)

²⁵ Lehrer J. 2000. An obligation to America's seniors. *Public Broadcasting Service*. 03.08. URL: https://web.archive.org/web/20120803053606/http://www.pbs.org/newshour/election2000/gopconvention/bill_frist.html (accessed 19.11.2024)

²⁶ Lehrer J. 2000. An obligation to America's seniors. *Public Broadcasting Service*. 31.07. URL: https://web.archive.org/web/20120803052836/http://www.pbs.org/newshour/election2000/gopconvention/laura_bush.html (accessed 19.11.2024)

²⁷ Lehrer J. 2000. Creating wealth for the nation. *Public Broadcasting Service*. 31.07. URL: https://web.archive.org/web/20120803061932/http://www.pbs.org/newshour/election2000/gopconvention/colin_powell.html (accessed 19.11.2024)

²⁸ Yagielski J. 1999. Bush lays out foreign policy vision. *CNN*. 19.11. URL: <https://edition.cnn.com/ALLPOLITICS/stories/1999/11/19/bush.speech/> (accessed 19.11.2024)

президента США по национальной безопасности К. Райс (Rice 2000: 45–62) и советник по внешней политике Дж. Буша-мл. в ходе предвыборной кампании, руководитель Центра стратегических и международных исследований Р. Зеллик (Zoellick 2000: 63–78). В своих статьях К. Райс обращалась к неоконсервативной части партии, а Р. Зеллик отражал взгляды, которые должны были быть ближе умеренным республиканцам.

На конвенте Республиканской партии видение американской внешней политики представила К. Райс. Общий посыл речи заключался в том, что США должны быть мировым лидером, и Дж. Буш-мл. способен сделать так, чтобы это лидерство сохранялось. Она отмечала, что Дж. Буш-мл. «будет знать о соседней Мексике больше, чем любой другой президент в нашей истории»; «я видела, как он разъяснял российскому министру иностранных дел интересы Америки, уверяя его, что мирной России не стоит опасаться Америки»; «он понимает сложности наших отношений с Китаем»; «он является сторонником поддержки стремления Израиля к прочному миру со своими соседями»²⁹. Все высказывания К. Райс акцентировали внимание на том, что Дж. Буш-мл. разбирается во внешней политике и сможет удерживать лидерство США на мировой арене.

Согласно опросу *Pew Research Center*, после проведённых конвентов и двух дебатов из трёх А. Гора и Дж. Буша-мл., в 2000 г. за них были готовы проголосовать 45% и 43% избирателей соответственно. Социологи отмечали, что разрыв между ними в пределах погрешности, а избиратели-республиканцы проявляют больше энтузиазма относительно своего кандидата, чем избиратели-демократы. Дебаты не изменили число колеблющихся избирателей, однако после дебатов Дж. Буш-мл. улучшил свой имидж не только в глазах избирателей-республиканцев³⁰: июньский опрос *Gallup* показывал, что Дж. Буш-мл. стал лидировать с различным отрывом³¹.

Опрос *Pew Research Center*, опубликованный после выборов, показал отношение американцев к прошедшей предвыборной гонке. 83% избирателей ответили, что они узнали в ходе кампании достаточно информации, чтобы сделать осознанный выбор. Избиратели отмечали, что на их выбор повлияли именно партийные платформы. По мнению избирателей, в президентской кампании 2000 г. было меньше клеветы, больше обсуждений актуальных вопросов

²⁹ Lehrer J. 2000. America's unique opportunity. *Public Broadcasting Service*. 01.08. URL: https://web.archive.org/web/20120803061020/http://www.pbs.org/newshour/election2000/gopconvention/condoleezza_rice.html (accessed 19.11.2024)

³⁰ Voter Opinions Stalled. 2000. *Pew Research Center*. 25.10. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2000/10/25/voter-opinions-stalled/> (accessed 19.11.2024)

³¹ The 2000 Presidential Election — A Mid-Year Gallup Report. 2000. *Gallup*. 22.06. URL: <https://news.gallup.com/poll/9898/2000-presidential-election-midyear-gallup-report.aspx> (accessed 19.11.2024)

и интересных дебатов в сравнении с 1996 г. В 2000 г. республиканцы были больше удовлетворены выбором кандидата в президенты, чем демократы: 81% и 66% соответственно³².

На выборах президента США 2000 г. победу одержал Дж. Буш-мл. Главной сложностью на пути к победе оказался подсчёт голосов в одном из «колеблющихся» штатов – Флориде. На выборах отрыв республиканского кандидата от демократического оказался незначительным, и в соответствии с законодательством штата был объявлен пересчёт голосов. Голоса выборщиков Флориды были важны для Дж. Буша-мл. Первый машинный пересчёт голосов сократил отставание А. Гора. Команда А. Гора настаивала на ручном пересчёте голосов, а команда Дж. Буша-мл. – на остановке пересчёта. Верховный суд штата Флорида постановил вручную проверку голоса, однако позже Верховный суд США отменил данное постановление. Пересчёт голосов был остановлен. Победа осталась за Дж. Бушем-мл. Этот эпизод для части американцев поставил под вопрос легитимность республиканского кандидата как президента страны и снова поднял вопросы об электоральной системе США и необходимости существования института выборщиков.

Реализация внешнеполитических подходов платформы Республиканской партии

После победы Дж. Буш-мл. приступил к формированию своей внешнеполитической команды, которая вскоре стала включать в себя видных представителей истеблишмента страны. Ряд из них придерживались умеренных взглядов (государственный секретарь К. Пауэлл, его заместитель Р. Армитидж и помощник по национальной безопасности К. Райс), но большим влиянием на президента обладало «радикальное» крыло (вице-президент Р. Чейни, министр обороны Д. Рамсфельд, его заместители П. Вулфовиц и Д. Фэйт, глава консультативного совета при Министерстве обороны Р. Перл, директор ЦРУ Дж. Тенет).

Террористические акты 11 сентября 2001 г. не только изменили впоследствии отношение населения к Дж. Бушу-мл. в лучшую сторону, но и повлияли на изначальные внешнеполитические планы, которые были раскрыты в платформе Республиканской партии.

После событий 11 сентября 2001 г. у американцев проявился «дух единства», отмечалось в докладе *Pew Research Center*³³. Американская общественность отложила в сторону политические разногласия и сплотилась в поддержку

³² Campaign 2000 Highly Rated. 2000. *Pew Research Center*. 25.10. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2000/11/16/campaign-2000-highly-rated/> (дата обращения: 19.11.2024)

³³ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

основных институтов власти и её политического руководства. В октябре 2001 г. 60% взрослого населения США выразили доверие федеральному правительству: такого уровня не отмечалось ни разу ни за предшествующие 30 лет, ни после³⁴. Одобрение работы Дж. Буша-мл. выросло на 35%. В конце сентября 2001 г. 86% взрослого населения США, включая почти всех республиканцев (96%) и значительное большинство демократов (78%), одобряли то, как президент справлялся со своей работой на посту президента³⁵. Опросы *Gallup* показали, что рейтинг Дж. Буша-мл. после терактов 11 сентября вырос до 90%³⁶.

Вместе с ростом доверия американцев к руководству страны у них сформировался запрос на обеспечение их безопасности и недопущение повторения подобных терактов в будущем. В январе 2002 г. 83% американцев заявили, что «защита страны от будущих террористических атак» должна быть главным приоритетом для президента и Конгресса. Обеспокоенность американской общественности по поводу возможной террористической атаки также оставалась довольно стабильной ещё несколько лет после событий из-за многочисленных предупреждений об угрозах «оранжевого уровня» – второго уровня по серьёзности в системе предупреждения о терроризме в США³⁷.

Таким образом, действия правительства и президента США вызвали бурный рост одобрения со стороны американцев, однако запрос населения на безопасность обозначал как возможности, так и вызовы для реализации внешнеполитической программы, очерченной в платформе партии. Ряд внешнеполитических задач претерпели значительные изменения в сравнении с тем, какое им внимание планировалось уделить.

В 1990-е гг. отношения Вашингтона со странами Латинской Америки складывались неровно. В связи с этим в ходе предвыборной кампании 2000 г. Дж. Буш-мл. назвал важнейшим приоритетом отношения США с латиноамериканскими странами. Под этим подразумевалось включение стран Латинской Америки в процесс глобализации при руководящей роли США (Sudarev 2004: 93). Администрация Дж. Буша-мл. приняла решение вернуться к созданию Общеамериканской зоны свободной торговли (АЛКА), которую планировалось создать ещё в 1990 г. Основой для создания общего рынка двух Америк, по задумке Вашингтона, должна была стать НАФТА – Североамериканская ассоциация США, Канады и Мексики, к которой присоединились бы остальные

³⁴ Public Trust in Government: 1958–2022. 2021. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2022/06/06/public-trust-in-government-1958-2022/> (accessed 19.11.2024)

³⁵ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

³⁶ A Nation Challenged; A Snapshot Gives Bush 90% Approval. 2021. *The New York Times*. 24.09. URL: <https://www.nytimes.com/2001/09/24/us/a-nation-challenged-a-snapshot-gives-bush-90-approval.html> (accessed 19.11.2024)

³⁷ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

государства Западного полушария. После множества раундов переговоров, конференций, встреч и рассмотрения различных условий объединения на практике план республиканской администрации не получил развития. Одной из основных причин провала в создании АЛКА стало расхождение интересов США и латиноамериканских стран. К наступлению XXI в. укрепился Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР), основанный в 1991 г. Аргентина и Бразилия – лидеры МЕРКОСУР – не желали играть второстепенную роль в макрорегиональной интеграции (Печатнов, Маныкин 2012: 623). В 2002 г. государственный секретарь США К. Пауэлл изложил позицию Вашингтона по АЛКА: «Наша цель в отношении АЛКА заключается в том, чтобы гарантировать североамериканским предприятиям контроль над территорией от Северного полюса и до Антарктиды, свободный доступ без каких-либо препятствий и трудностей для нашей продукции, услуг, технологий и капитала по всему полушарию» (Мартынов 2004). Такой подход заставил страны Латинской Америки насторожиться, несмотря на осознание реальных выгод от сотрудничества с США.

Теракты 11 сентября оказали влияние на эффективность внешней политики США в регионе. По итогам корректировок внешнеполитического курса Латинская Америка оказалась на периферии интересов Соединённых Штатов, хотя Вашингтон теперь рассматривал отношения с Латинской Америкой с позиций не только углубления интеграции, но и борьбы с международным терроризмом и транснациональной преступностью.

В период первого президентского срока Дж. Буша-мл. США столкнулись с «левым поворотом» в латиноамериканских странах. Он произошёл из-за неприятия неолиберальных моделей развития и социального запроса на решение острых и хронических социально-экономических проблем. Приход к власти «левых» политиков в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Никарагуа, Уругвае, и Эквадоре осложнил интеграционные процессы в Западном полушарии и привёл к росту внешнеполитической самостоятельности этих стран. Вашингтон не смог адекватно и вовремя отреагировать на эти перемены. После провала военного переворота в Венесуэле, организованного против У. Чавеса и поддержанного США, силовые средства показали свою бесперспективность³⁸. Изоляция Венесуэлы также не дала Вашингтону ожидаемых результатов. Каркас, несмотря на давление США, вступил в МЕРКОСУР и расширил экономические связи с Аргентиной и Бразилией. На международной арене латиноамериканские страны (в первую очередь Венесуэла и Боливия) выступали с критикой США на региональном и глобальном уровнях (Печатнов, Маныкин 2012: 623).

³⁸ Forero J. 2004. Documents Show C.I.A. Knew Of a Coup Plot in Venezuela. *The New York Times*. 03.12. URL: <https://www.nytimes.com/2004/12/03/washington/world/documents-show-cia-knew-of-a-coup-plot-in-venezuela.html> (accessed 19.11.2024)

Таким образом, ослабление позиций США в регионе произошло из-за снижения приоритета Латинской Америки во внешнеполитической стратегии республиканцев, нежелания Вашингтона идти на уступки при разработке объединения АЛКА и критики односторонней политики США, а также укрепления политических и экономических связей стран Латинской Америки с Европейским союзом, Россией, Китаем и странами АТЭС.

Ещё одно изменение коснулось ближневосточной политики. В платформе Республиканской партии отдельным направлением была выделена деятельность по защите национальных интересов Вашингтона в странах Персидского залива, недопущение развития ядерной программы Ирана, создание международной коалиции против С. Хусейна, развитие политических и экономических отношений со странами региона. Республиканцы выражали полную поддержку Тель-Авиву в поиске условий мирного сосуществований двух государств³⁹.

После теракта эти цели были скорректированы. 20 сентября 2001 г. Дж. Буш-мл. на заседании обеих палат Конгресса произнес речь «Свобода и страх вступили в войну»⁴⁰, в которой выступил за борьбу с международным терроризмом и изложил основы стратегии США по «войне с террором». Республиканская администрация предложила модель упреждающих ударов, которая соотносилась с идеями П. Вулфовица: «Единственный способ победить терроризм – уничтожить в его логове»⁴¹.

В результате терактов во внутренней политике практически полностью были сведены на нет партийные разногласия. Политика «войны с террором» позволила Республиканской партии получать одобрение крупных военно-политических инициатив, которые в иной ситуации вероятнее вызывали бы оживлённые и сложные дискуссии. Затухание политических разногласий между партиями происходило в США по широкому кругу вопросов в области национальной безопасности. Например, 26 октября 2001 г. был принят «Патриотический акт»⁴², который расширил возможности борьбы с терроризмом внутри страны, но ограничил ряд прав граждан. Принятие Акта прошло без затянутых публичных дебатов, которые присущи принятию государственных документов такого уровня (Sushentsov 2014: 112). Принятие акта стало возможным, в том числе, потому что с точки зрения американской общественности баланс между защитой гражданских свобод и защитой страны от терроризма сместился.

³⁹ Republican Party Platform. 2000. *The American Presidency Project*. 30.07. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform> (accessed 19.11.2024)

⁴⁰ Bush G. 2001. Address to a Joint Session of Congress and the American People. *Office of the Press Secretary*. 20.09. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/print/20010920-8.html> (accessed 19.11.2024)

⁴¹ Ibid.

⁴² Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required To Intercept And Obstruct Terrorism (USA PATRIOT ACT) ACT OF 2001. 2001. *US Congress*. 26.10. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf> (accessed 19.11.2024)

В сентябре 2001 г. и январе 2002 г. 55% респондентов заявили, что для победы над терроризмом гражданину США необходимо отказаться от некоторых свобод. В 1997 г. их было только 29%⁴³.

Американцы подавляющим большинством поддерживали военные действия против тех, кто, по их мнению, нес ответственность за теракты. В середине сентября 2001 г. 77% американцев высказались за начало военной операции США в Афганистане, включая развёртывание сухопутных войск, «чтобы отомстить тому, кто несёт ответственность за террористические атаки, даже если это означает, что вооружённые силы США могут понести тысячи жертв». Многие американцы с нетерпением ждали, когда администрация Дж. Буша-мл. начнёт военные действия. В опросе, проведённом в конце сентября 2001 г., почти половина населения США (49%) заявила, что их больше всего беспокоит то, что администрация президента не нанесёт достаточно быстрого удара по террористам, и только 34% населения заявили, что опасаются слишком быстрых действий администрации⁴⁴.

Стратегия «войны с террором» открыла возможность для США использовать эту стратегию как инструмент распространения демократии в мире, что со временем вызвало критику не только демократов, но и умеренных республиканцев (Traub 2008)⁴⁵.

Политическая подготовка к военной операции в Ираке началась практически сразу после окончания основной части кампании в Афганистане. 29 января 2002 г. президент Дж. Буш-мл. в речи «О положении в стране» назвал Ирак, Иран и КНДР новой «осью зла», т. к. они стремятся к обладанию ОМУ, что представляет потенциальную угрозу США⁴⁶.

К осени 2002 г. общественное и политическое мнения были подготовлены и большинство конгрессменов (как республиканцы, так и демократы) были готовы проголосовать за. Против, как в случае с Афганистаном, выступила часть демократов и умеренные республиканцы. Недовольство последних было вызвано поспешностью приготовлений к кампании против Ирака и отсутствием международной поддержки⁴⁷.

⁴³ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

⁴⁴ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

⁴⁵ Haass R. 2013. The Irony of American Strategy. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2013-04-03/irony-american-strategy> (accessed 19.11.2024)

⁴⁶ Bush G.W. 2002. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. *The American Presidency Project*. 29.01. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-22> (accessed 19.11.2024)

⁴⁷ Purdum T.S., Tyler P.E. 2002. Top Republican Break with Bush on Iraq Strategy. *The New York Times*. 16.08. URL: <https://www.nytimes.com/2002/08/16/world/top-republicans-break-with-bush-on-iraq-strategy.html> (accessed 19.11.2024)

Президент Дж. Буш-мл. выступил перед конгрессменами 2 октября 2002 г. В своём выступлении он попытался оказать давление на них: «Я призываю всех членов Конгресса приступить к рассмотрению настоящей резолюции с большим вниманием. Сегодня как никогда нам предстоит сделать судьбоносный выбор»⁴⁸. Позже, 7 октября 2002 г., президент снова выступил в Конгрессе в поддержку резолюции. После двухдневных дебатов 10 октября палата представителей проголосовала 296 голосами за и 133 против по резолюции о войне в Ираке⁴⁹. На следующий день резолюцию поддержал сенат – 77 голосами за при 23 против. Таким образом Конгресс США дал президенту разрешение на использование вооружённых сил в Ираке «как он полагает необходимым и уместным»⁵⁰.

Население США выступило за проведение военной операции в Ираке в рамках «войны с террором». На протяжении дебатов, предшествовавших вторжению США в Ирак, американцы широко поддерживали использование военной силы против режима С. Хусейна. Важно отметить, что большинство американцев думали – как оказалось ошибочно – что существует прямая связь между С. Хусейном и терактами 11 сентября 2001 г. В октябре 2002 г. 66% населения заявили, что С. Хусейн помогал террористам, причастным к атакам 11 сентября 2001 г.⁵¹ В апреле 2003 г., в первый месяц войны в Ираке, 71% опрошенных отмечали, что США приняли правильное решение о начале войны в Ираке⁵².

Европейский трек внешней политики считался одним из основных в Республиканской платформе 2000 г.⁵³, хотя и это направление подверглось переориентации в связи с событиями 11 сентября 2001 г. В документе европейские страны были представлены главными союзниками США, а Североатлантический альянс (НАТО) – базовой организацией для сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Партия в своей платформе приветствовала расширение НАТО 1999 г., допуская дальнейшее расширение организации, роль США в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине и в Косово, а также

⁴⁸ Bush G.W. 2002. President, House Leadership Agree on Iraq Resolution. *The White House*. 02.10. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021002-7.html> (accessed 19.11.2024)

⁴⁹ House of Representatives Final Vote on the Bill to Authorize the Use of United States Armed Forces Against Iraq. 2002. H J RES 114. *US Congress*. 10.10. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-joint-resolution/114> (accessed 19.11.2024)

⁵⁰ Public Law 107–243. To authorize the use of United States Armed Forces against Iraq. 2002. 107th Congress. Joint Resolution. *US Congress*. 16.10. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-joint-resolution/114> (accessed 19.11.2024)

⁵¹ Harting H., Doherty C. 2021. Two Decades Later, the Enduring Legacy of 9/11. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/09/02/two-decades-later-the-enduring-legacy-of-9-11/> (accessed 19.11.2024)

⁵² Oliphant B. 2021. The Iraq War continues to divide the U.S. public, 15 years after it began. *Pew Research Center*. 02.09. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/03/19/iraq-war-continues-to-divide-u-s-public-15-years-after-it-began/> (accessed 19.11.2024)

⁵³ Republican Party Platform. 2000. *The American Presidency Project*. 30.07. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform> (accessed 19.11.2024)

Белфастское соглашение от 1998 г. и выражала готовность оставаться гарантом его выполнения. Республиканцы в своей платформе выступали за развитие отношений с Европейским союзом и развитие с ним торговых и экономических отношений.

Таким образом, республиканская администрация на данном направлении действовала умеренно и по инерции 1990-х гг. Президент сохранял курс на расширение НАТО⁵⁴, стратегическая задача которого состояла в выходе к крупным регионам – Балтийскому, Чёрному и Каспийскому морям, Закавказью и Центральной Азии. Так, по итогам Пражского саммита НАТО в 2002 г. для присоединения к Альянсу были приглашены Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония (Печатнов, Маныкин 2012: 621).

После терактов 11 сентября и начала «войны с террором» Вашингтон стал оказывать большее давление на своих союзников по НАТО для переконфигурации Альянса и расширения зоны ответственности Организации. Это давление обуславливалось желанием Вашингтона подключить НАТО к борьбе с «Аль-Каидой»⁵⁵ и движением «Талибан»⁵⁶ в Афганистане и вторжению в Ирак. Однако подготовка к кампании в Ираке спровоцировала кризис в американо-европейских отношениях. Франция, Германия и Россия открыто выступили против задумки США. Вашингтон осудил или проигнорировал позиции несогласных ведущих стран Европы. Советник по национальной безопасности президента США К. Райс заявила, что Вашингтон будет «наказывать Францию, игнорировать Германию и простит Россию»⁵⁷. Критика действий США в отношении Ирака не оказала влияния на отношения Москвы и Вашингтона, в отличие от Парижа и Берлина. Отношения между США и Францией натянулись вплоть до прихода к власти Н. Саркози, а отношения США и Германии оказались в кризисе до прихода к власти А. Меркель (Lanko 2015: 87).

России в европейском блоке платформы Республиканской партий уделялось отдельное внимание. Партия выражала понимание сложности проведения демократических реформ в России и перехода к рыночной экономике. Республиканцы считали необходимым поддерживать Россию на пути к преобразованиям, а также подчёркивали необходимость сотрудничества с Москвой, особенно по вопросам стратегической безопасности. В платформе республиканцев говорилось следующее: «У России есть потенциал стать великой державой, и к ней следует относиться как к таковой... Развитие демократической и стабильной России отвечает интересам США и всей Европы... Мы должны избегать

⁵⁴ Transcript: President Bush speech in Warsaw. 2001. CNN. 15.06. URL: <http://edition.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/06/15/bush.warsaw.trans/> (accessed 19.11.2024).

⁵⁵ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

⁵⁶ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

⁵⁷ Hoagl J. 2003. Three Miscreants. *The Washington Post*. 13.04. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2003/04/13/three-miscreants/5b846b52-9935-4bb5-86c4-c71589ad994a/> (accessed 19.11.2024)

ошибочных попыток переделать Россию извне»⁵⁸. Также в их платформе присутствовала критика администрации У. Клинтона, которая, по их мнению, способствовала росту антиамериканских настроений в России. Республиканская партия также осуждала войну в Чечне и подчёркивала недопустимость конфликта внутри страны.

Несмотря на такую позицию Республиканской партии, отношения между Москвой и Вашингтоном носили противоречивый характер. Республиканцы называли Россию «великой державой», но отношения с ней оставался в низком приоритете. Исключением являлись вопросы борьбы с международным терроризмом и стратегической безопасности. В предвыборных выступлениях республиканцев, в том числе Дж. Буша-мл. и К. Райс, отмечалась готовность республиканцев оказывать давление на Россию, как это было в период Холодной войны (Rice 2000: 45-62). Такой подход не должен был вызвать проблем, т. к. считалось, что Россия не обладала аналогичным международным влиянием и мощностью как США.

После терактов в Нью-Йорке Вашингтон стал рассматривать Россию как партнёра, а не как объект для давления. Президент России В.В. Путин первым из мировых лидеров позвонил Дж. Бушу-мл. после терактов и предложил помощь в борьбе с международным терроризмом⁵⁹. США и Россия вступили в период кратковременного, но плодотворного сотрудничества. Этот период в Вашингтоне называли «новым партнёрством». В мае 2002 г. президент США посетил Россию и получил поддержку Москвы в борьбе с движением «Талибан». Во время визита была подписана совместная декларация «О новых стратегических отношениях» России и США⁶⁰; позже Россия дала своё согласие на создание военных баз США в ближайших к Афганистану бывших советских республиках. Москва также закрыла свою военно-морскую базу во Вьетнаме и станцию электронного слежения на Кубе. Вашингтон также пошёл на уступки и начал причислять вооруженные группы на Северном Кавказе к террористическим группировкам, а не к борцам за свободу⁶¹. США сделали шаг по вопросу продолжения сокращения стратегических вооружений: Москва и Вашингтон подписали Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) 2002 г.⁶², который

⁵⁸ Republican Party Platform. 2000. *The American Presidency Project*. 30.07. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform> (accessed 19.11.2024)

⁵⁹ Путин В.В. 2001. Телеграмма Президенту Соединенных Штатов Америки Джорджу Бушу. *Сайт Президента России*. 11.09. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/40092> (дата обращения: 19.11.2024); Состоялся телефонный разговор Владимира Путина с Президентом США Джорджем Бушем. 2001. *Сайт Президента России*. 11.09. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/40092> (дата обращения: 19.11.2024)

⁶⁰ Bush G. W., Putin V. 2002. Joint Declaration by President George W. Bush and President Vladimir V. Putin on the New Strategic Relationship Between the United States of America and the Russian Federation. *The American Presidency Project*. 24.05. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-democratic-party-platform> (accessed 19.11.2024)

⁶¹ Trenin D. 2003. The Forgotten War: Chechnya and Russia's Future. *Carnegie Endowment for International Peace*. 28.11. URL: <https://carnegiemoscow.org/2003/11/19/forgotten-war-chechnya-and-russia-s-future-pub-1402> (accessed 19.11.2024)

⁶² Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. 2002. *Сайт Президента России*. 24.05. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3476> (дата обращения: 19.11.2024)

был призван возобновить переговоры по данной острой проблеме. Однако, несмотря на тенденцию к сближению, США не проявили той же взаимности по уступкам, что и Россия. Так, например, Вашингтон не отменял поправку Джексона–Вэника; не происходило ощутимого прогресса по вопросу вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) (Печатнов, Маныкин 2012). Дополнительная напряжённость в отношениях между странами возникла и из-за конкуренции на пространстве бывшего Советского Союза. Американский истеблишмент действовал в логике XX в. – недопущение существования гегемона на пространстве Евразии (Bogaturov 2002: 364). Вашингтон действовал в постсоветских странах преимущественно с помощью неправительственных каналов, таких как некоммерческие организации, благотворительные фонды и партийные организации. С их помощью США осуществляли «продвижение демократии», в том числе через поддержку «цветных революций»: «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая революция» на Украине в 2004 г. Впоследствии эти страны стали рассматриваться США как кандидаты на вступление в НАТО⁶³.

Многие консервативные эксперты, такие как А. Коэн и П. Добрянски из Совета по международным отношениям, Т. Грэм из Фонда Карнеги, Ф. Старр из Университета Д. Хопкинса и Ф. Эрмат из Национального совета по разведке, в своих оценках видели в России угрозу национальной безопасности. Они предлагали выступать против предоставления кредитов Международного валютного фонда (МВФ) России, потребовать от России предоставить всю информацию о системах вооружений, технологиях и продукции двойного назначения «государствам-изгоям», не форсировать, но поддерживать вступление России в ВТО, добиваться урегулирования конфликта в Чечне, поддерживать суверенитет и независимость стран СНГ, продолжать диалог по проблемам европейской безопасности, несмотря на трудности и разногласия в этом процессе, не проводить переговоров с Россией по вопросу ПРО и др.⁶⁴.

В платформе республиканцев 2000 г. относительно немного внимания было уделено Африке. Партия подчёркивала необходимость поддержания экономического и демократического развития стран континента, бороться с гражданскими войнами и способствовать диалогу с враждующими сторонами. Также подчёркивалась важность борьбы со смертельными болезнями в Африке, такими как ВИЧ, СПИД и малярия.

После терактов 2001 г. Африка приобрела стратегическое значение для США в вопросе борьбы с международным терроризмом. Вашингтон стремился предотвратить очаги появления террористических организаций на континенте.

⁶³ Carothers T. 2003. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. *Carnegie Endowment for International Peace*. 28.11. URL: https://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (accessed 19.11.2024)

⁶⁴ Issues 2000. 2000. Issue Report. Washington: The Heritage Foundation. P. 69–88.

В 2002 г. США разместили военную базу «Кэмп-Лемоньер» в Джибути, в которой была развёрнута Объединенная оперативная группа Африканского Рога с целью борьбы против ячеек «Аль-Каиды» и её сторонников в Сомали, Судане и других странах Восточной Африки⁶⁵. Значительные усилия администрация Дж. Буша-мл. прикладывала для борьбы с распространениями заболеваний в Африке. Предпринятые меры считаются одними из самых успешных во внешней политике 43-го президента США (Walle 2010: 1–21).

На азиатском направлении администрация Дж. Буша-мл. продолжила поддерживать тесные отношения с союзниками – Японией и Республикой Корея, а также нацелилась на сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Отношения с Китаем рассматривались в контексте конкуренции и соперничества: признавая Китай единым, в США подтверждали готовность защищать Тайвань.

Несмотря на то, что теракты 11 сентября вынудили администрацию Дж. Буша-мл. трансформировать многие положения своей платформы, ряд областей остался нетронутым ввиду сохранения их значимости. Среди прочего, это политика в отношении нераспространения оружия массового поражения (ОМУ). Республиканцы отмечали, что США необходимо разработать эффективную систему противоракетной обороны (ПРО): «Договор о ПРО с СССР от 1972 г. – пережиток прошлого. Он нуждается в изменении, чтобы он отвечал интересам США»⁶⁶. 13 декабря 2001 г., США в одностороннем порядке уведомили⁶⁷ Россию о выходе из Договора. Таким образом республиканская администрация выполнила один из пунктов платформы партии, действуя в русле неоконсервативного подхода о доминирующей роли США в мировой политике. Стоит отметить, что в вопросе использования ОМУ теракты 11 сентября 2001 г. также оставили свой след. В ходе подготовки к войне в Ираке, в 2002 г., президент США Дж. Буш-мл. обозначил новые установки администрации в «Послании Конгрессу о положении в стране»⁶⁸ и в речи в Вест-Пойнте⁶⁹. Они были закреплены в «Стратегии национальной безопасности» 2002 г.⁷⁰. Одним из основных новшеств Стратегии была возможность нанесения превентивного удара по потенциальному

⁶⁵ Урнов А.Ю. 2013. Политика США в Африке на фоне президентских выборов 2012 года. *Институт Африки РАН*. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/urnov_-_politika_ssha.pdf (дата обращения: 19.11.2024)

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Bush G.W. 2001. President Bush's Remarks, December 13, 2001. *The White House*. 13.12. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/12/> (accessed 19.11.2024)

⁶⁸ Bush G. W. 2002. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. *The American Presidency Project*. 29.01. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-22> (accessed 19.11.2024)

⁶⁹ Text of Bush's Speech at West Point. 2002. *The New York Times*. 01.06. URL: <https://www.nytimes.com/2002/06/01/international/text-of-bushs-speech-at-west-point.html> (accessed 19.11.2024)

⁷⁰ The National Security Strategy of the United States of America. 2002. *The White House*. Washington D.C.. September. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (accessed 19.11.2024)

противнику с применением ОМУ. Таким образом, администрация Дж. Буша-мл. отошла от изначальной установки платформы по ограничению производства ОМУ и оправдывала возможность применения силы сопряжением опасности исходящей от международного терроризма и распространения ОМУ, которое может оказаться в руках террористов.

* * *

Как было показано, к 2000 г. в Республиканской партии США возник идейный кризис, который усугублялся поражениями на предыдущих президентских выборах. Основными идейными группами, которые имели значимые противоречия и влияли в то время на идеологическую и социально-экономическую политику партии, были консерваторы и социальные консерваторы. Их противостояние выливалось в трудности с созданием политической платформы, которая могла бы примирить и удовлетворить не только членов Республиканской партии разных идейных течений, но и более широкий круг избирателей, что является важным условием победы на выборах.

Дж. Буш-мл. оказался именно тем кандидатом, который с помощью выдвинутых им идей смог сплотить вокруг себя республиканцев. Его преимуществом на выборах в том момент стала политическая платформа, которая устраивала консерваторов и социальных консерваторов, а также позволяла привлечь к себе часть электората Демократической партии. Это стало возможным благодаря грамотно выстроенной предвыборной кампании, опытным советникам, в том числе и влиятельным людям в его окружении, таким как Дж. Буш-ст., Р. Чейни, К. Райс и др. Таким образом, одним из основных факторов успешного проведения предвыборной кампании Дж. Буша-мл. являлась чёткая и понятная для избирателей платформа партии.

Вместе с проработанной внутриполитической частью платформы была обоснована внешнеполитическая часть платформы, которая не отличалась радикальностью во внешней политике и на момент 2000 г. практически не противоречила подходам демократической администрации У. Клинтона. Главными региональными приоритетами во внешней политике республиканской администрации должны были стать Латинская Америка и Европа.

События 11 сентября 2001 г. привели к переформатированию курса, в результате которого подход к внешней политике стал более радикальным. Ближний Восток, который изначально не относился к внешнеполитическим приоритетам, стал основным направлением уже в 2001 г. Изменились и другие приоритеты.

Таким образом, платформа Республиканской партии 2000 г. позволила победить республиканцам на президентских выборах и приступить к реализации своих идей и планов на практике, однако события 11 сентября 2001 г. привели к значительным изменениям в изначальной программе партии.

Об авторе:

Константин Константинович Суховерхов – программный менеджер Российского совета по международным делам. 119049, г. Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8.
E-mail: ksuhovpre@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 329(73):327(73)"2000/2004":94(73)

Received: December 06, 2022

Accepted: June 03, 2023

Evolution of the U.S. Republican Party's Foreign Policy Platform and Its Implementation Challenges (2000–2004)

K.K. Sukhoverkhov

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-58-84](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-58-84)

Russian International Affairs Council (RIAC)

Abstract: American politics is shaped by numerous variables that influence the development of both domestic and foreign policy. Among these, the formulation of party platforms plays a critical role in determining the policy direction of U.S. administrations. While it is often assumed that party platforms diverge from actual policy outcomes, recent research suggests otherwise in the U.S. context. Party platforms serve as official documents articulating a party's ideological, political, and economic principles, including pre-election promises and foundational stances on various issues for the electoral cycle, typically spanning four years. This article examines the process of party platform formulation, focusing on the Republican Party's platform in 2000 and its subsequent implementation.

During the 1990s, the Republican Party initiated a reformation of its platform following a series of electoral defeats in presidential races. This restructuring, led by figures such as George W. Bush and shaped by influential conservative think tanks, embraced a strategy known as "compassionate conservatism." However, the actual trajectory of U.S. administrations often diverges from the initial platform due to unforeseen circumstances. This phenomenon was particularly evident during the presidency of George W. Bush, where foreign policy experienced a significant shift towards neoconservative influences.

The events of September 11, 2001, acted as a catalyst, fundamentally reshaping foreign policy objectives and altering public sentiment towards the Bush administration, as highlighted by sociological studies. These developments led to substantial changes in the nation's regional foreign policy priorities, reflecting the dynamic interplay between pre-election platforms and the realities of governance.

Keywords: USA, Republican Party, party platform, compassionate conservatism, neoconservatism, presidential elections, George W. Bush Jr., primaries

About the author:

Konstantin K. Sukhoverkhov – Program manager of the Russian International Affairs Council.
119049, Moscow, 4th Dobryninsky lane, 8.
E-mail: ksuhovpre@gmail.com.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Alexander P. 2002. *Man of the People: The Life of John McCain*. John Wiley & Sons.
- Ashford N. 2000. *The Contract and Beyond: The Republican Policy Agenda*. New York: Routledge.
- Davies P., Newman B. 2012. *Winning Elections with Political Marketing*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203051764
- McCain J., Salter M. 2002. *Worth the Fighting For*. New York: Random House.
- Olasky M. 2000. *Compassionate Conservatism: What It Is, What It Does, and How It Can Transform America*. New York: Simon and Schuster.
- Rice C. 2000. Promoting National Interest. *Foreign Affairs*. №1. P. 45–62. DOI: 10.2307/20049613
- Timberg R. 1999. *John McCain: An American Odyssey*. Touchstone Books.
- Traub J. 2008. *The Freedom Agenda: Why America Must Spread Democracy (Just Not the Way George Bush Did)*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Walle N. 2010. US Policy towards Africa: The Bush Legacy and the Obama Administration. *African Affairs*. №434. P. 1–21. DOI: 10.1093/afraf/adp065
- Zoellick R. 2000. A Republican Foreign Policy. *Foreign Affairs*. №1. P. 63–78. DOI: 10.2307/20049614
- Bogaturov A., Kosolapov N., Khrustalev M. 2002. "Strategiya peremalyvaniya" vo vneshney politike SShA ["The Strategy of Grinding" in US Foreign Policy]. *Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations*. Ed. by A. Bogaturov. Moscow: Moskovskij rabochij. 364 p. (In Russian)
- Lanko D. 2015. Krizis transatlanticheskikh otnosheniy v gody prezidentstva Dzh. Busha-mladshogo [The Crisis of Transatlantic Relations under G.W. Bush's Administration]. *Vestnik SPbGU*. №4. P. 83–94. (In Russian)
- Martynov B.F. 2004. *Sila prava ili pravo sily. Mezhdunarodnaya bezopasnost' (latinoamerikanskiy rakurs)* [Force of Law or Law of Force. International Security (Latin American Perspective)]. Moscow: ILA RAN. (In Russian)
- Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshney politiki SSHA* [History of US Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)
- Shakleina T. 2018. *Rossiya i SShA v mirovoy politike* [Russia and the United States in Contemporary World Politics]. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Sudarev V. 2004. *Dve Ameriki posle okonchaniya «kholodnoy voyny»* [Two Americas after the end of the Cold War / Institute of Latin America]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Sushentsov A. 2014. *Malye voyny SShA: Politicheskaya strategiya SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000–2010-kh godakh* [America's Small Wars. US Strategy in the Afghan and Iraq Conflicts in 2000–2010th]. Moscow: Aspect Press. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Богатуров А.Д. 2002. «Стратегия перемалывания» во внешней политике США. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. Москва: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям.

Ланко Д.А. 2015. Кризис трансатлантических отношений в годы президентства Дж. Буша-младшего. *Вестник СПбГУ*. №4. С. 83–94.

Мартынов Б.Ф. 2004. Сила права или право силы. *Международная безопасность (латиноамериканский ракурс)*. Москва: ИЛА РАН.

Печатнов В.О., Маныкин А.С. 2012. История внешней политики США. Москва: Международные отношения.

Сударев В.П. 2004. *Две Америки после окончания «холодной войны»*. Москва: Наука.

Сушенцов А.А. 2014. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. Москва: «Аспект Пресс».

Шаклеина Т.А. 2018. Россия и США в мировой политике. Москва: «Аспект Пресс».

Проекты франко-шведского альянса против Русского государства в 1572–1575 гг.

С.М. Рябов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

В статье исследуются несколько сюжетов, значимых для изучения политики французского королевского двора на севере Европы и анализа русско-французских контактов первой половины 1570-х гг. В первой части кратко рассматривается геополитическая обстановка, сложившаяся в Балтийском регионе после заключения русско-литовского перемирия 24 июня 1570 г. и Штеттинского мира 13 декабря 1570 г. Во второй части анализируется проект свержения шведского короля Юхана III, планировавшийся заговорщиками во главе с Шарлем де Морне при поддержке дома Валуа. Также автор исследует обстоятельства появления идеи создания франко-шведского союза, высказанной французским послом в Дании Шарлем де Данзе. Выдвигается гипотеза, что данный проект был отклонён королём Польским и великим князем Литовским Генрихом Анжуйским, не желавшим конфронтации с Русским государством. В третьей части объясняется потеря французской короной влияния в Балтийском регионе в 1574–1575 гг., связанная с бегством Генриха де Валуа из Польши летом 1574 г. и прекращением матримониальных планов относительно шведской династии Васа в феврале 1575 г. Подробно разбирается политический проект Шарля де Данзе, касавшийся превращения Ливонии в вассальное французское герцогство во главе с Франсуа Алансонским, а также дальнейшие планы дипломата по созданию унии Франции, Дании, Швеции, Ливонии и Речи Посполитой. Доказывается, что, несмотря на короткий период перемещения Русского государства в стан оппонентов Французского королевства, постепенный рост взаимовыгодных торговых связей и налаживание диалога в рамках балтийской политики предотвратили конфронтацию двух стран. Напротив, к середине 1570-х гг. сложились условия, способствовавшие поиску Россией и Францией взаимных интересов.

Ключевые слова: история XVI в.; русско-французские отношения; Иван Грозный; Карл IX Валуа; Генрих III Валуа; Юхан III Васа; Екатерина Медичи; Шарль де Данзе; Ливонская война; Балтийские войны

УДК: 94(474:47:44)"157":327

Поступила в редакцию: 25.03.2024

Принята к публикации: 12.10.2024

Вторая половина XVI в. была временем масштабных геополитических трансформаций, существенно отразившихся на дальнейшем развитии Европы. Посредством военных конфликтов страны Балтийского региона окончательно стали её неотъемлемой частью, что традиционно рассматривается в историографии в контексте борьбы за «ливонское наследство», и создали вместе со Средиземноморским миром единое пространство, пронизанное разветвлёнными сетями коммуникации. Столь значительные перемены были сопряжены с глобальным пересмотром внешнеполитических задач, стоявших перед дворами государей: опосредованными участниками северных конфликтов стали дома Габсбургов, Тюдоров и Стюартов, а династии Рюриковичей и Валуа в своих попытках стать наравне с Ягеллонами, Васа и Ольденбургами главными игроками, всё энергичнее включали Балтийский регион в пространство своих дипломатических и экономических интересов.

Цель настоящей работы состоит в исторической реконструкции проектов, направленных на заключение франко-шведского военно-политического союза в первой половине 1570-х гг. Сюжет «московитской угрозы», выступавший лейтмотивом двусторонних переговоров, показывает роль, отводившуюся Русскому государству французскими дипломатическими представителями: на ментальной карте мира¹ по сравнению с предыдущими десятилетиями оно сместилось в стан врагов *res publica christiana*², на короткое время став оппонентом для французской монархии. Явный интерес, проявленный двором Валуа к пространству севера и северо-востока Европы во время описываемого шведско-французского диалога, даёт возможность пересмотреть взгляд на Францию эпохи Ренессанса, закреплённый, в частности, в работах Ф. Броделя (Бродель 2003), как на исключительно средиземноморскую державу, а также выдвинуть и доказать гипотезу, что наравне с Московским царством в ходе череды северных конфликтов Французское королевство попыталось войти в круг государств «Балтийского мира», став новым геополитическим гегемоном в европейском пространстве.

Основу источниковой базы составляют переписка французских дипломатических представителей, а также межгосударственная корреспонденция, понимаемая как комплекс взаимных посланий монархов и лиц, наделённых внешнеполитическими полномочиями³. Важную часть проанализированной документации составляет эпистолярный французского резидента в Копенгагене Шарля Киссарма, сеньора де Данзе, выполнявшего функции представителя дома

¹ Воображаемое представление человека об окружающем его пространстве, при котором географические и политические субъекты располагаются не в соответствии с их реальной ролью, а в зависимости от их исторической и политической роли в сознании создателя ментальной карты (Филишкин 2013: 296).

² Общность, осознаваемая жителями европейских стран, основанная, прежде всего, на объединяющей роли религии.

³ Все приводимые в работе переводы документов выполнены автором статьи.

Валуа на севере и северо-востоке Европы в 1548–1589 гг. Частично его переписка была издана шведскими и датскими архивистами, опубликовавшими копии писем, составленных дипломатом в 1567–1586 гг.⁴ Несколько депеш были напечатаны Л. Парисом, Г.В. Форстеном и Б. Виане (Виане 2017: 325–413)⁵. В ходе исследования ряд посольских отчетов Данзе удалось обнаружить во французских архивных собраниях. Основными адресатами писем выступают король Карл IX Валуа (1560–1574), его брат Генрих Анжуйский, впоследствии Генрих III Валуа (1574–1589), и королева-мать Екатерина Медичи. Ответные послания французских монарших особ представлены в работе в виде опубликованных, изданных главным образом в многотомных собраниях переписки Генриха III⁶ и Екатерины Медичи⁷, и неопубликованных источников, хранящихся по большей части в Национальной библиотеке Франции и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Стоит отметить, что хотя корреспонденция Данзе ранее привлекалась исследователями, она не была представлена комплексно: учёные зачастую затрагивали наиболее примечательные сюжеты или же привлекали ограниченное число донесений дипломата для реконструкции его биографии. Важность изучения посольских отчетов представителя династии Валуа в Копенгагене для анализа политики французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы и её влияния на построение русско-французских контактов была установлена лишь Г. Жордания (Жордания 1959: 3), а затем, спустя более чем полвека, И. Шварц и В.В. Шишкиным (Шишкин, Шварц 2021: 130), в исследованиях которых проекты, направленные на заключение франко-шведского военно-политического альянса, не получили должного внимания и не были помещены в контекст Балтийских войн.

Методология, используемая в настоящей работе, представляет собой комплекс наработок, присущих направлениям «глобальной истории» (Конрад 2018) и «новой дипломатической истории» (Мазарчук 2021: 283–292), а также историческим подходам теории международных отношений (Spruyt 1994; Rosenberg 1994; Тешке 2011). Объект анализа выводится за пределы рассмотрения исключительно межгосударственных связей и помещается в рамки масштабной сети коммуникаций, выстраивавшейся между различными акторами в границах одного региона, являвшегося пространством «великого моря», функционировавшего не как «изолированный резервуар», а, скорее, как место построения контактов и взаимодействий поверх политических и культурных границ (Конрад

⁴ *Handlingar rörande Skandinaviens Historia*. 1824. Vol. XI. Stockholm: Elmén et Granberg. 370 s.; *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*. 1901. Kjøbenhavn: I kommission hos C.A. Reitzel. 239 s.

⁵ Paris L. 1834. *La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France*. T. I. Paris: Heideloff et campé. P. 330–396; Форстен Г.В. 1889. *Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова. С. 118–123.

⁶ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1959–2012. T. I–VII. Paris.

⁷ *Lettres de Catherine de Médicis*. 1880–1943. 11 vol. Paris: Imprimerie Nationale.

2018: 155). Анализ геополитических проектов французской короны на фоне балтийской истории, таким образом, позволяет показать, что изучение международных контактов эпохи позднего Ренессанса невозможно без учёта вовлечённости европейских монарших дворов, их агентов и представителей в многочисленные сложные связи.

Дипломатические проекты, предполагавшие наращивание территориальной экспансии и воцарение монаршей династии на иноземных престолах, объясняются посредством концепции «геополитического накопления», в рамках которой ресурсы и материальные силы, идеологические конструкты и матримонимальная династийная политика рассматриваются как механизмы, способствовавшие успешной реализации глобальных внешнеполитических задач (Тешке 2011: 154). Международные отношения второй половины XVI в., во многом развивавшиеся в форме трайбализации (Bély 2007: 10), объясняются посредством динамического анализа конкуренции государств и династий за территории и получение контроля над торговыми путями.

Значимость исследования определяется преодолением изоляционизма национальных историографий и рассмотрением значительных геополитических изменений, происходивших во второй половине XVI в. в границах «Балтийского мира», на примере изучения внешнеполитических проектов французского королевского двора на севере и северо-востоке Европы, которые представлены в настоящей работе в рамках геополитических стратегий дома Валуа. Попытка рассмотреть эти стратегии в контексте международных отношений в данном ключе связана с переносом внимания от государствоцентричной исследовательской модели к актороцентричной, и предполагает выдвижение на первый план анализа связей между монархами, придворными, дипломатами и негосударственными акторами, позволяя рассмотреть множество уровней коммуникации, а понятие «внешняя политика» использовать для обозначения «множества политических, дипломатических и военных контактов между отдельными властными центрами» (*Politics and Diplomacy in Early Modern Italy...* 2000: 9), главными из которых являлись монаршие дворы, образующие посредством династических связей «сообщество государей» (Nevejans 2015: 13–14).

Балтийский регион после Штеттинского мира и русско-литовского перемирия 1570 г.

Политические события, произошедшие в конце 1560-х – начале 1570-х гг., привели к существенным изменениям международной обстановки на севере и северо-востоке Европы, оказав влияние на дальнейший ход Балтийских войн.

К июню 1570 г. Ивану IV Васильевичу (1533–1584) удалось добиться перемирия с Сигизмундом II Августом (1548–1572), по условиям которого польско-литовская сторона фактически признала русские завоевания в Ливонии и захват московским воинством Полоцка (Филиушкин 2014b: 282; Янушкевич 2013:

124–128). Данное соглашение укрепило позиции царя на международной арене и позволило сосредоточиться на реализации проекта Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом Голштинским (Форстен 1893: 532–540; Селарт 2013: 180–197; Филюшкин 2014а: 103–105), сопротивлении польско-шведской блокаде «нарвского плавания» при помощи каперов Карстена Роде, Клауса Тоде и Ганса Дитмерскена, нанятых в Дании (Филюшкин 2013: 617), переговорах со Швецией (Ödberg 1897; Демкова 1996: 488–500; Коваленко 2015: 32–35), а в дальнейшем – на планах получения польско-литовского венца после смерти Сигизмунда II⁸ в ходе первого бескоролья 1572–1573 гг. (Флоря 1992: 173–182).

В июле 1569 г. между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена Люблинская уния, один из основных принципов которой заключался в том, что новая держава, Речь Посполитая, должна была отныне проводить единую внешнюю политику: отдельным частям государства с этого момента запрещалось вести собственные войны. Такой союз, несмотря на противоречия между польской и литовской шляхтой, несомненно, усилил военный потенциал главного соперника Московского царства в балтийском противостоянии (Филюшкин 2014b: 275–281; Янушкевич 2013: 124). К концу 1560-х гг. новообразованное государство, завершив войну со Шведским королевством и начав сближение с ним, сумело усилить блокаду русской Нарвы, а его правитель Сигизмунд II написал несколько воззваний к европейским монархам, призывав немедленно разорвать торговые контакты с царским двором и прекратить поставку контрабандных вооружения и боеприпасов (Форстен 1893: 542–543; Bodniak 1946: 81–82). Было очевидно, что Краков и Вильно, несмотря на тяжёлые условия перемирия с Иваном IV, не собирались ставить точку в балтийском конфликте. Отчасти это отразилось в требованиях, выдвинутых панам-радой и коронными сенаторами в 1572–1573 гг., во время первого бескоролья и избрания на польско-литовский престол французского принца Генриха де Валуа: новый монарх Речи Посполитой обязался, среди прочего, обеспечить безопасность государственных границ, одержать победу в грядущей войне с Русским государством, а также подготовить за счёт французской казны четыре тысячи наёмников для ведения боевых действий в Ливонии (Филюшкин 2018: 184–189).

Значительные перемены в конце 1560-х – начале 1570-х гг. произошли также в Шведском королевстве. В 1568 г. Юхан Финляндский и Карл Сёдерманландский свергли Эрика XIV (1560–1568). Новому шведскому королю Юхану III (1568–1592) было необходимо стабилизировать внешнеполитическое положение королевства, увязшего в Северной семилетней войне (1563–1570), чтобы сосредоточиться на решении внутренних проблем, порождённых детронизацией брата (в первую очередь связанных с неприятием частью дворянства и купечества совершённого переворота), решить проблему международной изоляции

⁸ Сигизмунд II скончался 7 июля 1572 г.

(внешняя политика Эрика XIV привела к противоборству между Швецией и датско-польско-любекской коалицией на стороне которой, не вмешиваясь в войну, выступала Священная Римская империя), а также легитимизировать своё воцарение в глазах европейских монархов⁹. Положение Юхана III осложнялось резким ухудшением отношений с Русским государством: почти достигнутое союзное соглашение между Иваном IV и Эриком XIV было расторгнуто новым шведским королём, взявшим курс на сближение со своим шурином – Сигизмундом II (Рябов 2023: 904–905)¹⁰.

В то же время в Балтийском регионе наблюдался рост влияния французской короны, которая сумела упрочить свои позиции на севере и северо-востоке Европы во время Штеттинского конгресса 1570 г., завершившего Северную семилетнюю войну. Заметную роль в подписании соглашения всеми сторонами конфликта сыграл Шарль де Данзе, прикладывавший в течение Первой Северной войны¹¹ значительные усилия для её окончания (Шишкин, Шварц 2021: 133–134; Рябов 2022: 164–181). Результатом его многолетней миссии стало знакомство со многими влиятельными политическими деятелями в Дании, Швеции, Любеке и Польше: дипломату удалось обзавестись дружбой с Фредериком II (1559–1588) и его канцлером Нильсом Каасом, французскими дворянами-протестантами на шведской службе Шарлем де Морне и Понсом д’Эскоперье, сеньором де Ла Гарди (более известным в историографии как Понтус Делагарди), Кристофом Тоде, бургомистром Любека в 1560–1566 г. и посланником этого города-коммуны во время переговоров в Штеттине, подканцлером коронным Францишек Красинским и герцогом Альбрехтом Гогенцоллерном, связь с которым он поддерживал через своего секретаря Антуана Майе (Von Königsberg an die Loire... 1993; Pelus-Karlan 2013: 39–49), организовавшего в начале 1560-х гг. прусско-французскую компанию по торговле поташом (Richard 1910: 47–73).

Деятельное участие Данзе в длительном переговорном процессе, его включённость в различные проблемы внешней и внутренней политики государств Балтийского региона с одновременным налаживанием неформальных связей позволили французской короне рассчитывать на сохранение своего влияния и реализацию ряда масштабных геополитических проектов на севере и северо-востоке Европы в первой половине 1570-х гг.

⁹ Целенаправленное создание в европейском нарративе негативного образа Эрика XIV можно проследить с конца 1560-х гг. Пожалуй, наиболее ярким и популярным произведением, в котором свергнутому шведскому монарху приписывались тиранические черты, была «Правдивая история печальных приключений финского принца Яна и польской принцессы Катарины» польского историка Марцина Кромера, написанная в 1569–1570 гг. и изданная дважды – в 1571 и 1572 гг. В ней старший сын Густава I (1523–1560) сравнивался с вавилонским царём Навуходоносором II, изображавшимся в библейской традиции как притеснитель праведных иудеев, страдавший психическим заболеванием, и Кристианом II Датским, устроившим в 1520 г. «Стокгольмскую кровавую баню» в ходе шведской военной кампании (Kąkolewski 2007: 306–314).

¹⁰ Ухудшение отношений между Москвой и Стокгольмом ярко отразилось, в частности, в переписке между Иваном IV и Юханом III, в которой царь демонстративно прибегнул к дипломатическому статусному унижению адресата (Моисеев, Ерусалимский 2017: 126–128).

¹¹ Альтернативное название Северной семилетней войны.

Проект воцарения французского принца на шведском престоле

Стремительный рост авторитета французской короны на севере и северо-востоке Европы, предшествовавший событиям Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., приковал внимание к династии Валуа нескольких влиятельных политических групп, искавших избавления от внутренних и международных проблем своих государств путём приглашения на трон иностранного принца. Если сюжет о польских планах, связанных с предложением Генриху де Валуа занять краковский трон, рассматривался исследователями (Serwański 1974: 251–266; Dubas-Urwanowicz 1992: 87–92; Kociszewska 2011: 561–575; Debbagi-Baranova 2012: 337–398; Lapointe 2017: 221–233), то проект занятия Франсуа Алансонским шведского престола до сих пор не привлёк должного внимания историков.

Известно, что заговор, предполагавший свержение Юхана III с последующим воцарением представителя династии Валуа, возник летом 1572 г. в среде французских дворян-кальвинистов, находившихся на шведской службе и приближённых ко двору в годы правления Эрика XIV. Главным инициатором смещения с трона династии Васа выступил Шарль де Морне, сеньор де Варенн, занимавший в годы правления предыдущего монарха должность камергера и выполнявший ряд дипломатических поручений во Франции, Англии, Шотландии и Дании. Командуя королевской армией в годы Северной семилетней войны, Морне в результате поражения, нанесённого его войскам в Вестра-Гёталанде в 1566 г., попал в плен к Фредерику II. Будучи заключённым в зelandском Калуннборге, Морне, пользуясь благосклонностью датского монарха, сблизился с Шарлем де Данзе, сыгравшим в дальнейшем одну из главных ролей в заговоре против Юхана III в 1572–1573 гг. (Odelberg 1952: 21–31). Пространственные письма-доклады этого французского дипломата выступают главным источником, благодаря которому можно проследить зарождение и эволюцию планов заговорщиков.

В письме королю от 31 августа 1572 г. Данзе писал, что в Данию к нему приехали два знатных шведских дворянина, рассказавших о тяжёлом положении их страны. Особо они выделили плохое управление государством Юханом III, наравивший конфликт с русским царём, постоянный рост налогов, а также высказали опасение по поводу грядущего гражданского противостояния между новым королём и его младшим братом Карлом Сёдерманландским. По их мнению, эти проблемы были бы устранены отрешением династии Васа от шведского престола с дальнейшей передачей власти Риксроду с правом выбора нового

монарха¹². Таким новым государем, согласно высказанной шведскими дворянами мысли, должен был стать один из принцев Валуа, которого французский король Карл IX решил бы отправить в Швецию¹³.

В ответ Данзе возразил, что шведские сословия самостоятельно и без какого-либо давления признали Юхана III своим королём, заявив, что французский монарх не сможет одобрить мятежные действия против своего «брата и кузена». Выслушав мнение посла, оба шведских дворянина попытались уверить дипломата в благости своих намерений, сказав, что никто из рода Васа не будет заключён под стражу или убит: все его члены получают от Риксрода земельные владения, где будут жить «в безопасности и спокойствии». Затем они пригрозили Данзе, что в случае отказа французской стороны, они будут вынуждены искать поддержку своим планам «в другом месте», очевидно, имея в виду дворы Габсбургов, Тюдоров и Рюриковичей. Известно, что интересы как императорской, так и английской корон на севере Европы и Балтийском море выходили далеко за пределы коммерческих связей, представляя собой сложную дипломатическую игру (Kirchner 1945: 1–15; Lavery 2002: 1–18; Karlsson 2009: 81–101). Московский государь, в свою очередь, уже пытался поучаствовать во внутриполитических событиях в Шведском королевстве, предприняв попытку освободить из заключения Эрика XIV и вновь посадить его на трон с помощью русских войск¹⁴. Оценив опасность подобного исхода, посол обещал передать слова шведов Карлу IX, особо отметив, что в случае своего согласия французский монарх сумеет спасти Шведское королевство от «московитской агрессии», добавив, что завоевание этой страны царём стало бы «невосполнимой потерей для всего христианства»¹⁵.

Надо полагать, планы шведских заговорщиков были благосклонно восприняты при дворе Валуа: ранней зимой 1573 г. Данзе удалось наладить связь с Шарлем де Морне и встретиться с ним на датско-шведской границе. В послании от 27 февраля 1573 г. дипломат просил Карла IX написать сеньору де Варенну, чтобы «известить его о своей доброй воле». Это, по мнению посла, позволило бы Морне «проявить настойчивость» и «приложить все усилия, дабы

¹² Надо полагать, планы заговорщиков-реформаторов основывались, помимо прочего, на религиозно-политическом учении Жана Кальвина, в котором подчёркивалась особая роль христианского правителя, главным качеством которого являлось милосердие, в деле защиты страны от агрессора, а народа – от ограбления (Ревуненкова 2012: 182–183). Юхан III, заточивший брата в темницу, повысивший налоги и вступивший в конфронтацию с царём, по мнению мятежников, очевидно, не отвечал образу идеального государя.

¹³ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 160–166.

¹⁴ Весной 1571 г. в Москву с тайным посланием от заключённого в Абоском замке Эрика XIV прибыл толмач Йонс Ульссон. Свергнутый монарх просил Ивана IV послать войска для его освобождения. Царь в ответном послании от апреля 1571 г. сообщал, что готов «на всю Свѣскую землю меч свой послати», а самого Эрика XIV «жаловати как будет по-пригожу». Царская грамота была передана с тем же Ульссоном, который был схвачен стражниками. Вскоре Эрика XIV перевели из Абоского замка в Кастельхольм на Аландских островах, а пойманного толмача предали суду за измену (Ödberg 1897: 7–8; Демкова 1996: 495–496).

¹⁵ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 145–146.

продемонстрировать свою покорнейшую службу [французскому королю] каким-нибудь добрым делом, когда возникнет такая возможность»¹⁶. До согласования всех планов с Карлом IX Данзе просил Морне не предпринимать никаких действий. Письмо монарху дипломат закончил следующими словами: «Если бы Вы сегодня привели к преданности Шведское королевство, то стали бы владыкой большей части Севера меньше, чем через год»¹⁷.

Весной 1573 г. французский король и королева-мать Екатерина Медичи одобрили планы заговорщиков и Данзе, дав поручение своему послу отправиться в Швецию для проведения тайных переговоров. В ответном письме своему резиденту в Копенгагене от 15 апреля 1573 г. Карл IX писал: «<...> Прошу Вас позаботиться о том, чтобы это путешествие не было напрасным, но стало возможностью выяснить и разузнать, насколько это возможно, о том деле, которое касается моего брата герцога Алансонского¹⁸, и о котором говорилось в Ваших последних депешах, а также в Ваших последних письмах, написанных шифром. Заверьте, насколько сможете, двух шведов, которые говорили с Вами об этом [деле], в их добром расположении относительно него. Следуя Вашему совету, я повелел дать им в подарок тысячу экю, то есть по двести пятьдесят экю каждому <...>¹⁹. Вы также должны в меру своих сил укрепить сеньора де Варенна в его доброй воле, направленной к моему благу, и убедить его в том, чтобы он никогда не направлял своих усилий на благо другого государя, ибо никто не благодарен ему более, чем я, о чем я написал ему в письме, которое посылаю Вам и в котором Вы найдете указания [для сеньора де Варенна]: когда и где он должен будет сделать всё возможное для успеха дела. Тем не менее во всём старайтесь вести себя в этом деле так ловко, чтобы ничего не открылось, а также не торопите события. Постарайтесь щадить сердца шведов, насколько можете, объявив им, что я желаю сохранения и процветания моих собственных подданных не меньше, чем их, и что если в моём королевстве есть что-то, что принадлежит мне, я с радостью уступлю это им и всегда буду угождать им самыми дружескими словами из тех, которые Вы можете придумать, чтобы сказать им о своей доброй воле в этом деле, о переговорах вокруг которого, как Вы мне обещаете в своих письмах,

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. S. 179.

¹⁸ Приводимое письмо Карла IX показывает, что на шведский престол в случае успеха предприятия заговорщиков планировался младший сын Екатерины Медичи Франсуа де Валуа, что опровергает предположения, выдвинутые Ф. Эдбергом и А. Ришаром, вкратце упоминавшими о проекте Морне и Данзе, что трон должен был занять Генрих Анжуйский (Ödberg 1897: 42; Richard 1910: 98–103). Более того, данный проект, выдвинутый дворянами-кальвинистами и обретавший черты летом-осенью 1572 г., надо полагать, заведомо не предполагал контактов с Генрихом де Валуа, одним из участников Варфоломеевской ночи. Франсуа Алансонский, выступавший с позиций веротерпимости, осудивший парижскую резню и последовавшие убийства гугенотов, напротив, мог рассматриваться как идеальная кандидатура, способная к тому же повернуть вспять протекторатскую политику Юхана III и заключить союз с Елизаветой I Английской, создав альянс протестантских держав.

¹⁹ Очевидно, оставшиеся пятьсот экю должны были быть переданы Морне.

не должен узнать никто»²⁰. Отправляя заговорщикам столь внушительную сумму денег в виде поощрительного аванса, а также подробные инструкции, монарх, надо полагать, рассчитывал на продолжение мятежных действий, желая их успешного завершения.

Екатерина Медичи, написавшая письмо тогда же, 15 апреля 1573 г., связала воедино два проекта французской дипломатии – шведский и польский, отметив следующее: «Относительно дела, касающегося моего сына герцога Алансонского, я прошу Вас в ходе своей поездки в Швецию, которую мы находим очень своевременной, продолжить сотрудничество с сеньором де Варенном и двумя другими дворянами, которые сделали Вам предложение, таким образом, чтобы со временем, и не обижая никого, оно могло увенчаться успехом, как мы надеемся, направляемое Вашими обычными благоразумием и ловкостью. Также посмотрите, не можете ли вы, находясь в Швеции и Дании, помочь и содействовать переговорам, которые мы ведём в Польше, чтобы мой сын герцог Анжуйский был избран королём, в соответствии с возлагаемыми на то нашими надеждами»²¹.

Дальнейшее развитие событий описано Данзе в его отчёте королю от 2 июня 1573 г. Французский дипломат согласовал с Морне как главой заговора план свержения Юхана III. Следуя ему, Варенн должен был убедить шведского монарха в необходимости взять на службу две или три тысячи французских наёмников для укрепления боевых позиций в Ливонии. После одобрения найма Юханом III, Морне с позволения Карла IX, но без его официального разрешения, должен был привезти французских солдат и расположить их вблизи монарших резиденций. В заранее оговорённый час по приказу заговорщиков наёмники обязались приступить к аресту шведского короля. Затем, после захвата власти восставшими, планировалось направить гонца ко двору Валуа с посланием, в котором должна была содержаться просьба прислать в Швецию нового правителя²².

Однако избрание Генриха Анжуйского королём Польши и великим князем Литовским в мае 1573 г. заставило Карла IX и Екатерину Медичи отказаться от данного предприятия. Помимо того, что провал проекта мог ввергнуть

²⁰ BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60–60r.

²¹ BnF. Ms. Français 3324. Fol. 60r–61; *Lettres de Catherine de Médicis*. 1909. T. X. Paris: Imprimerie Nationale. P. 313. Стоит отметить, что успех мятежных действий мог оказать серьёзное влияние на ход выборов в Речи Посполитой. Известно, что во время первого бескорольева Юхан III выступал в качестве одного из кандидатов на польско-литовский престол, имея сторонников среди прусских сенаторов и части протестантской шляхты. До зимы-весны 1573 г. идея избрания шведского короля рассматривалась ими как возможность объединения сил для нанесения удара по русским позициям в Ливонии. Однако царский поход, совершённый зимой 1573 г., во время которого были опустошены окрестности Пярну и Ревеля, взяты Вайсенштейн и Каркус, уничтожил создававшийся шведскими дипломатами Хогенскильдом Биельке и Густавом Банером образ Юхана III как успешного борца с «московитской агрессией». Одновременное выступление Яна Ходкевича перед шляхтой с критикой в адрес монарха окончательно разрушило планы династии Васа воцариться в Кракове и Вильно (Флоря 1978: 84–92).

²² *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 182–188.

Французское королевство, после Варфоломеевской ночи находившееся в конфликте с датской монархией (Lockhart 2004: 115–125), в войну со Швецией, неудача заговорщиков поставила бы под вопрос коронацию принца Валуа в Кракове: сословия Речи Посполитой в условиях противоборства с Русским государством явно не были заинтересованы в боевых действиях против Юхана III, женатого к тому же на Екатерине Ягеллонке, сестре умершего летом 1572 г. Сигизмунда II. К тому же французскому двору могла понадобиться помощь шведского короля, потерявшего шансы стать польско-литовским государем, в случае необходимости отправления Генриха Анжуйского в Польшу морем, минуя земли Габсбургов. В своём письме Юхану III от 16 октября 1573 г. третий сын Екатерины Медичи благодарил его за предоставления гарантий безопасного морского прохода, заверив также в искренней и крепкой дружбе²³.

В связи с резким изменением планов французской короны относительно шведского престола Шарль де Данзе оказался в явном замешательстве. В письме Екатерине Медичи от 5 июня 1573 г. посол отмечал: «Я буду тщательно вести дела в Швеции до получения дальнейших указаний от Вашего Величества, ибо я не знаю, следует ли вносить изменения в план, а также Ваших мыслей по поводу его осуществления, ведь Монсеньор²⁴ был избран королём Польши. Кроме того, Ваше Величество не может допустить, чтобы [упомянутые в предыдущих письмах] шведы пострадали за то, что хотели оказать Вам услугу»²⁵.

Тем не менее шведские заговорщики были брошены французским двором на произвол судьбы. Действуя в новых условиях, и, очевидно, после получения необходимых инструкций от короля и королевы-матери, касавшихся сохранения добрых отношений с Юханом III, Данзе в письме от 6 июля 1573 г. предложил Карлу IX проект создания наступательного и оборонительного альянса между Францией, Швецией и Речью Посполитой. Согласно мысли дипломата, такой союз позволил бы усилить противодействие «московитской угрозе», а также предостерёг бы датского монарха от «совершения опрометчивых шагов»: запрета проезда Генриха Анжуйского в Польшу через Зундский пролив и союза с русским государем²⁶.

Ответ на предложение Данзе был предоставлен французским двором осенью 1573 г. В своём послании дипломату от 16 октября Карл IX счёл нужным уведомить его, что Генрих Анжуйский отправился в Краков через земли Священной Римской империи. Благодаря этому необходимость давления на Фредерика II посредством франко-шведско-польских переговоров пропала. Король также написал о продлении перемирия между Речью Посполитой и Русским

²³ BnF. Ms. Français 5145. Fol. 213; *Lettres de Henri III, roi de France*. 1959 T. I. Paris: C. Klincksieck. P. 311.

²⁴ Генрих Анжуйский.

²⁵ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 192–195.

²⁶ Ibid. S. 211–214.

государством²⁷, в связи с чем принял решение не посылать вместе со своим братом в Польшу вооружённый отряд солдат. Тем не менее монарх просил Данзе подробнейшим образом описать план альянса Генриху де Валуа, который после своей коронации обязался обсудить вопрос о заключении союза со Шведским королевством²⁸.

Известно, что первоначально Генрих Анжуйский был готов вступить в переговоры с Юханом III по поводу заключения польско-шведского союза против Русского государства (Ödberg 1897: 52). Об этом, в частности, говорится в письме Данзе государственному секретарю Клоду Пинару от 12 апреля 1575 г. Французский посол писал: «Я хорошо помню, что Король сказал мне, находясь в то время в Польше, что он дал ясное поручение тем, кого он послал к Московиту²⁹, не продолжать перемирия с ним, пока король Швеции не будет включён в мирный договор. Его Величество знает, что произошло после этого, и запрещает мне говорить об этом»³⁰.

Надо полагать, запрет Генриха III обсуждать планировавшийся польско-шведский союз связан с тем, что незадолго до отправления посольства к русскому царю в апреле 1574 г. монарх Речи Посполитой изменил своё решение относительно альянса, взяв курс на построение мирных отношений с Русским государством (Шишкин, Шварц 2021: 132–133). Очевидно, избранный король пытался избежать втягивания Карла IX, поручившегося предоставить денежную и военную помощь польско-литовской стороне в случае её войны с Московским царством (Филюшкин 2018: 187), в противоборство на востоке Европы. Кроме того, можно предположить, что Генрих де Валуа, будучи прекрасно осведомлённым о тяжёлом положении Великого княжества Литовского по окончании последней русско-литовской войны и нестабильной ситуации в Шведском королевстве после свержения Эрика XIV и завершения Северной семилетней войны³¹, намеревался выстроить дружеские связи с царём, надеясь на поддержку русского государя в деле разрешения ливонского вопроса мирными

²⁷ Надо полагать, король имел в виду продление перемирия между Русским государством и Речью Посполитой от лета 1573 г. до лета следующего года, о котором шла речь в посланиях Ивана IV коронным сенаторам и паны-раде от 15 июля 1573 г. (Новодворский 1904: 3–21).

²⁸ BnF. Ms. Français 3224. Fol. 69–70; *Lettres de Catherine de Médicis*. 1841. T. IV. Paris: Imprimerie Nationale. P. 262

²⁹ Речь, очевидно, идёт о Бартоломее Завацком и Матвее Протасевиче, отправленных в Русское государство с тремя грамотами от Генриха де Валуа к Ивану IV: *Опись архива Посольского приказа 1626 г.* 1977. Москва: Центральный архив древних актов, 1977. С. 91–92. Показательно, что в указанном письме, в отличие от предшествующих посланий, Данзе именовал Ивана IV не «императором Московии» или «императором России», а «Московитом», очевидно, выстраивая неприятельную политику по отношению к русскому государю.

³⁰ *Handlingar rörande Skandinaviens Historia...* 1824. P. 65. О первоначальном намерении Генриха Анжуйского заключить военный альянс со Шведским королевством и возобновить войну с Русским государством говорят также меры по усилению блокады Нарвы, предпринятые им сразу по приезде в Польшу (Флоря 1978: 92).

³¹ О событиях Балтийских войн и внутреннем положении государств севера и северо-востока Европы Генриху де Валуа было известно из депеш и отчётов Данзе, регулярно отправлявшихся принцу дипломатическим представителем с 1570 г.: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 114–116, 119, 129–130, 139–140, 144–145, 147–148, 151–152, 159–160, 167–168, 171, 182, 191, 210–211, 214–217, 221–222, 227–228.

средствами³². Неслучайно единственным правителем, которому король Польский и великий князь Литовский написал о своём бегстве из Кракова летом 1574 г., был Иван IV (Шишкин, Шварц 2021: 132–133)³³. Судя по всему, Генрих Анжуйский, зная о притязаниях Рюриковичей на литовский трон³⁴, рассчитывал, что московский государь не будет претендовать на престол Речи Посполитой в отсутствие Валуа в Кракове. Наряду с этим, новый французский монарх, очевидно, просил самодержца продлить срок перемирия до согласования новой кандидатуры на роль польско-литовского правителя, желая в дальнейшем продолжить диалог.

Как видно из последующей переписки Ивана IV, просьбы короля были услышаны при московском дворе. В послании Генриху де Валуа от 20 августа 1574 г. царь поздравил его с восшествием на польско-литовский престол, выразил сожаление о его отъезде, а также соболезнования по поводу кончины Карла IX. Гонец Фёдор Ельчанинов оставлялся в Кракове до разрешения вопроса о вакантном троне. Русский государь согласился продлить перемирие до лета 1576 г. и выразил готовность дожидаться «опасных листов» для проезда послов к королю³⁵. Показательно, что в данном послании Иван IV, по всей видимости, действительно желавший продолжения мирного диалога с польско-литовской стороной, именовал Генриха де Валуа «братом». В последующем, когда в 1575 г. на краковский трон взойдёт Стефан Баторий, русский государь не признает его равным себе и назовёт незаконным правителем, который, будучи ставленником Османской империи, не наследовал престол, а был избран, притом в обход законного короля – Максимилиана II. Несомненно, французский принц был «высокороднее» трансильванского князя, однако выдвинутые царём обвинения в адрес Батория были вполне применимы к фигуре герцога Анжуйского. По-видимому, Иван IV, получивший послание от собиравшегося к отъезду Генриха де Валуа, рассчитывал на ненасильственное разрешение ливонской проблемы. Вероятно также, что к августу 1574 г. русскому государю стало известно об официальной версии событий Варфоломеевской ночи, представленной

³² Вместе с тем, Генрих Анжуйский, очевидно, рассчитывал на сохранение, а в дальнейшем – интенсификацию русско-французской торговли на Балтике.

³³ *Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.* 1960. Москва: Издательство восточной литературы. С. 69. Показательно, что шведского короля Генрих III уведомил о смерти монаршего брата и своём восхождении на французский трон лишь после возвращения во Францию в послании от 15 октября 1574 г., отправленном из Лиона: *BnF. Ms. Français 3224. Fol. 11; Lettres de Henri III, roi de France.* 1965. T. II. Paris: C. Klincksieck. P. 45–46.

³⁴ О кандидатуре Фёдора Иоанновича на престол Речи Посполитой Генриху Анжуйскому в письме от 23 января 1573 г. писал агент Карла IX и Екатерины Медичи в Кракове Жан де Монлюк: Форстен Г. В. 1889. *Акты и письма...* С. 153. Валуа пристально следили за мнением шляхты о русском государе: французские дипломаты, попутно создавая перед коронными сенаторами образ московского государя как лукавого захватчика и волка в овечьей шкуре, регулярно информировали двор о малейших изменениях в настроениях панов относительно царя (Флоря 1978: 88–89; Kałolewski 2007: 252–285; Ерусалимский 2021: 231).

³⁵ *Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек.* 1841. Т. I: Выписки из Ватиканского тайного архива и других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца. С. 253–255.

французской короной как мятеж против королевской власти (Рябов, Попович 2023: 492–514). После получения такой информации мнение царя о Генрихе Анжуйском могло резко перемениться: из союзника султана и выборного правителя он превращался в «родственную душу», вершившую праведный суд над изменниками и отступниками. Избрание французского принца, таким образом, могло мыслиться московским правителем как «оздоровление» политической системы Речи Посполитой, пошедшей по невообразимому для царя пути шляхетских вольностей и федеративности (Ерусалимский 2018: 446; Ерусалимский 2021: 205–206, 245). В тайном письме литовскому шляхтичу Яну Глебовичу от 23 августа 1574 г. Иван IV отказался прислать своих послов в польскую столицу для ведения переговоров об избрании представителя династии Рюриковичей на трон Речи Посполитой, мотивируя своё решение опасением, что дипломаты будут унижены сенаторами так же, как было поругано посольство Ивана Воронцова в Швеции в 1568 г. (Филюшкин 2013: 730–732). Лишь через год, после окончания возможного срока возвращения Генриха де Валуа в Польшу (12 мая 1575 г.), царь приступил к обсуждению ситуации, сложившейся во время второго бескоролья, отправив послание Николаю Радзивиллу Рыжему от 21 августа 1575 г., в котором предложил свою кандидатуру на роль нового польско-литовского государя³⁶. Столь длительное ожидание Иваном IV возвращения французского короля или его представителя в Краков, очевидно, было основано на соблюдении русским государем достигнутых ранее договорённостей и желании возобновить переговоры по ливонскому вопросу.

Тем временем планы по свержению Юхана III зашли достаточно далеко, чтобы была возможность от них отказаться: это было высказано Данзе Шарлем де Морне ещё во время переговоров в начале зимы 1573 г.³⁷. Никакие увещевания французского дипломата, обращённые к главным действующим лицам затевавшегося мятежа в июле 1573 г., не возымели действия³⁸. В срочном порядке заговорщикам пришлось менять проект приглашения французского принца на проект возведения на трон Карла Сёдерманландского. Планировалось заручиться поддержкой Лотарингского дома, родственного Габсбургам и Ольденбургам, женив герцога на Доротее, дочери герцога Франсуа I Лотарингского и сестре герцога Карла III. Затем Варенн рассчитывал нанять шотландских наемников, с помощью которых во время одного из королевских застолий убить Юхана III (Ödberg 1897: 42). Однако новый заговор шведского дворянства был раскрыт. После непродолжительного судебного разбирательства 4 сентября 1574 г. Шарль де Морне был казнён отсечением головы на главной площади Стокгольма (Odelberg 1952: 30).

³⁶ *Памятники истории Восточной Европы*. 2004. Т. 7. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.). Москва: Древлехранилище. С. 53–54.

³⁷ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 172–179.

³⁸ *Ibid.* S. 211–214.

Изменение планов французской короны на севере Европы и Ливонский проект Шарля де Данзе

Раскрытие заговора шведских дворян и бегство Генриха Анжуйского из Речи Посполитой летом 1574 г., вкупе с международными последствиями Варфоломеевской ночи, привели к резкому падению влияния французского двора на севере и северо-востоке Европы. Многие члены Риксрода, будучи вовлечёнными в мятежные действия Морне, а также польские сенаторы и литовские паны, воспринявшие отъезд Генриха де Валуа как оскорбление, выступили против продолжения диалога с французским королём (Филюшкин 2013: 441; Шишкин, Шварц 2021: 134).

В этих условиях осенью-зимой 1574 г. при дворе Екатерины Медичи, рассчитывавшей посредством заключения франко-шведского союза оказать давление на шляхту Речи Посполитой с целью сохранения короны за её сыном, возник план женитьбы Генриха III на сестре Юхана III – принцессе Елизавете Васа (Шевалье 1997: 422). Для получения сведений как о младшей дочери Густава I, так и о родословной дома Васа, королева-мать в письме от 1 декабря 1574 г. приказала Данзе прислать ей необходимую для рассмотрения матримониальных планов информацию³⁹.

Выполняя повеление Екатерины Медичи, французский посол в Копенгагене к своей депеше, отправленной ко двору 29 января 1575 г., присовокупил «Краткое изложение того, что известно о родословной королей Швеции, которые правили в течение некоторого времени». В его рамках Данзе обратился к описанию всех членов шведской монаршей семьи, начиная с отца Густава I – Эрика Йоханссона Васа, заканчивая принцессой Елизаветой, относительно которой дипломат написал следующее: «Что касается упомянутой госпожи, то я как можно скорее наведу о ней справки, тем более что меня уверяют в её невероятной красоте. У неё замечательный ум, великолепная грация, прекрасная фигура, весьма привлекательное сложение, и я не слышал, чтобы у неё был какой-либо изъян или что-то такое, что можно было бы поставить ей в вину. Все, кто с ней встречался, Сир, хвалят её необыкновенную скромность, любят и высоко ценят её добродетели. Ей не может быть меньше двадцати лет. Она с удовольствием играет на спинете, и делает это весьма неплохо. Она также играет на лютне. Она очень добра и милостива, о чём рассказывают немецкие и датские капитаны и господа, которые были пленниками в Швеции во время последней войны и которым она оказала большую поддержку»⁴⁰.

³⁹ BnF. Ms. Français 3004. Fol. 31; *Lettres de Catherine de Médicis*. 1895. T. V. Paris: Imprimerie Nationale. P. 107.

⁴⁰ *Handlingar rörande...* 1824. P. 13–18.

В январе 1575 г. с поручением вести переговоры о бракосочетании французского короля и шведской принцессы в Стокгольм был отправлен государственный секретарь Клод Пинар в сопровождении художника Николя Белона, который должен был написать портрет Елизаветы Васа⁴¹. Пинар был снабжён монаршими инструкциями и посланием Генриха III к Юхану III от 4 декабря 1574 г.⁴².

Ход миссии государственного секретаря можно проследить по корреспонденции Данзе, который информировал французский двор о каждом этапе переговоров. Известно, что Пинар прибыл в Данию во второй половине января 1575 г. и 29 января отправился в Швецию. 9 февраля он был принят братом шведского короля герцогом Сёдерманландским в Нючёпинге, где встретился также с его сестрами: Сесилией Васа, вдовой Кристофа II, маркграфа Баден-Родемахерна (1556–1575), и Елизаветой Васа. 24 февраля Пинар в сопровождении герцога и двух принцесс отправился в Стокгольм, где был встречен Юханом III, с которым до 1 марта вёл переговоры относительно планировавшегося бракосочетания, продемонстрировав королю и Елизавете Шведской портрет Генриха III и описав его достоинства. Вскоре после этого государственный секретарь вместе с Карлом Сёдерманландским отбыл обратно в Нючёпинг, откуда 9 марта отправился в Копенгаген, где встретился с Данзе 19 марта, после чего выехал ко французскому двору⁴³.

По всей видимости, посольству Клода Пинара удалось получить предварительное согласие шведского короля на брак Генриха III и Елизаветы Васа: в корреспонденции французского посла в Дании от марта 1575 г. можно найти просьбы прислать дальнейшие инструкции для продолжения матримониальных планов⁴⁴. Однако, как известно, Генрих III принял решение разорвать готовившуюся помолвку: 15 февраля 1575 г. король, в очередной раз отказавшись от альянса со Швецией, неожиданно женился на Луизе Лотарингской (Шевалье 1997: 421–428).

Оглушительное фиаско франко-шведских переговоров по сей день вызывает множество вопросов у исследователей (Шишкин, Шварц 2021: 134). Возможно, ответ кроется в продолжении Генрихом III политики построения дружественных отношений с Русским государством: матримониальный альянс со Швецией однозначно интерпретировался бы Иваном IV как переход Франции в стан врагов Московского царства, что грозило обернуться для Валуа потерей выгодной торговли в Нарве, а также вторжением русских войск в пределы Речи

⁴¹ De Thou J.-A. 1734. *Histoire universelle*. T. 7. Londres. P. 158.

⁴² *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. P. 500.

⁴³ *Handlingar rörande...* P. 13–23.

⁴⁴ *Ibid.* P. 31–32.

Посполитой, корону которой Генрих III искренне надеялся сохранить, ведя переговоры с коронными сенаторами и панами-радой о передаче монаршего титула своему младшему брату – герцогу Алансонскому⁴⁵.

Новость о решении французского короля не вступать в брак с Елизаветой Васа, дошедшая до Копенгагена в начале апреля 1575 г.⁴⁶, в очередной раз поставила Данзе в трудное положение. Дипломат вынужден был незамедлительно сообщить её Юхану III, который, восприняв разрыв помолвки как крайнее оскорбление, фактически прекратил отношения с Валуа: с этого времени Юхан III хранил ледяное молчание и не реагировал на письма ни Генриха III, ни Данзе (Шишкин, Шварц 2021: 134–137).

Последней попыткой сгладить возникшие франко-шведские противоречия можно считать посвящение шведского монарха в кавалеры французского королевского рыцарского ордена святого Михаила и попытку вручения ему золотой цепи ордена. Знаки отличия, что следует из писем Генриха III Юхану III и Шарлю де Данзе от 20 мая 1574 г., должен был доставить в Стокгольм летом 1575 г. Роже де Сен-Лари де Бельгард, сеньор де Терм⁴⁷, во время его остановки в Швеции на пути в Польшу, куда маршал был отправлен с миссией согласования кандидатуры Франсуа Алансонского на роль нового польско-литовского государя⁴⁸. Однако Бельгард, находившийся в конфликтных отношениях с Екатериной Медичи, выехав из Парижа, сразу бежал в свой маркизат Салуццо в Пьемонте⁴⁹. По всей видимости, знаки отличия рыцарского ордена так и не были доставлены Юхану III: Генрих III в объяснительном письме от 13 февраля 1576 г. уведомил его о «болезни», сразившей французского посланника в дороге⁵⁰. Так и не дождавшись золотой цепи, шведский король, пережив ещё одно оскорбление от Валуа, окончательно разорвал дипломатические связи с Францией.

Наблюдая за падением авторитета французской монархии на севере и северо-востоке Европы, Данзе 12 апреля 1575 г. написал государственному секретарю Клоду Пинару «Рассуждение о датских и шведских делах», в котором представил план сохранения французского влияния в регионе⁵¹. Дипломат рекомендовал сделать новое матримониальное предложение Юхану III, заключающееся в женитьбе Франсуа де Валуа на Елизавете Васа. В качестве приданного

⁴⁵ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. P. 155–156, 186–187.

⁴⁶ Paris L. 1834. *La chronique de Nestor*. ... P. 367–374.

⁴⁷ Роже де Сен-Лари де Бельгард, сеньор де Терм (ок. 1522–1579) – известный капитан и придворный. Во время осады Ла-Рошели в 1573 г. стал светским дворянином герцога Анжуйского, которого затем сопровождал в Польшу (Давила 2023: 544).

⁴⁸ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. Т. II. P. 155–156.

⁴⁹ Pinard M. 1760. *Chronologie historique-militaire*. Т. II. Paris: C. Hérisant. P. 327–328.

⁵⁰ *Lettres de Henri III, roi de France*. 1965. Т. II. P. 378.

⁵¹ Данный источник был известен исследователям, однако так и не получил должного внимания. Зачастую историки лишь упоминали о нём, иногда обращаясь к пересказу некоторых его положений (Форстен 1893: 621–626; Richard 1910: 118; Преображенский 1945: 27–29; Kirchner 1949: 170–171; Jeannin 1954: 26; Жордания 1959: 4–6; Филюшкин 2013: 441; Daussy 2015: 213; Виане 2017: 157–163; Шишкин 2020: 944).

за сестру у шведского монарха стоило запросить его часть Ливонии вместе с Ревелем, из которого впоследствии имело бы смысл сделать главный пункт торговли с Русским государством, что должно было привести к обогащению французской казны. Затем Генриху III как королю Речи Посполитой следовало выступить в роли протектора Ливонии⁵², передав польско-литовскую часть также в руки своего младшего брата, обеспечив его вместе с тем титулом великого герцога. Убедить шведского короля, польских сенаторов и литовских панов надлежало обещанием денежной и военной помощи для борьбы с Московским царством⁵³. Интересно, что Данзе с весны 1570 г. пристально следил за русским проектом создания Ливонского королевства во главе с Магнусом Голштинским⁵⁴. Черпал ли французский посол свои идеи, исходя из наблюдений за действиями московской дипломатии, остаётся неизвестным, однако проект создания вассального государства в том и другом случае имел схожую феодальную модель: планировалось собрать несколько лифляндских земель вместе, объединив их под скипетром одного правителя, принесшего ленную присягу своему сюзерену (Филюшкин 2013: 169).

Обрисовав ливонскую часть проекта, Данзе в следующем фрагменте «Рассуждения» вернулся к планам получения домом Валуа шведской и польско-литовской корон. Посол предположил, что в случае укрепления позиций Франсуа де Валуа как великого герцога Ливонского его кандидатура на роль короля Речи Посполитой могла бы быть с лёгкостью принята Коронным Сенатом и Панамирадой. В то же время, если бы внутренняя нестабильность Шведского королевства обернулась свержением Юхана III, то Риксрод предпочёл бы избрать на престол мужа Елизаветы Васа, нежели любого другого иностранного принца. Датские сословия, в свою очередь, увидев объединение Швеции, Ливонии и Речи Посполитой под скипетром французского принца, также предпочли бы вступить в столь сильную унию, воспользовавшись всеми благами совместного контроля за балтийской торговлей⁵⁵. Своё «Рассуждение» Данзе завершил следующими словами: «Благодаря этому предприятию владыка Ливонии может надеяться стать в один прекрасный день королём Польши, Швеции и Дании по их доброй воле и согласию, если он покажет себя сторонником справедливости и правосудия, а также добьётся всеобщего одобрения посредством своих добродетелей, чего и следует ожидать от французского принца. Господь по Своей милости соизволит довести всё это к вящей славе Своей, чести Короля, пользе его подданных и успокоению всего христианства. Аминь»⁵⁶.

⁵² Польско-литовские монархи объясняли свои притязания на ливонские земли статусом протекторов (Бессуднов 2023: 7–8). Известно, что Валуа, благодаря письмам Данзе, знали об этом: *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 125–129.

⁵³ *Handlingar rörande...* P. 45–85.

⁵⁴ *Indberetninger fra Charles de Dançay...* 1901. S. 88–91.

⁵⁵ *Handlingar rörande...* P. 77–79.

⁵⁶ *Ibid.* P. 82–83.

Следует добавить, что посол в Копенгагене видел в реализации представленного проекта решение не только внешнеполитических проблем, но и возможность уладить противоречия внутри Французского королевства. Так, Данзе призвал прекратить гражданские распри, позволив солдатам и наёмникам отправиться в Ливонию для защиты этой земли от русской армии. Согласно мысли автора, они не преминут воспользоваться таким шансом по двум причинам. Во-первых, «нет более такого дела, где бы они могли себя проявить наилучшим образом к вящей славе всего христианства, кроме как выступление против московитов». Во-вторых, когда солдаты завоевали бы всю Ливонию, «они были бы рады остаться здесь», узнав о плодородии этой страны и сколь быстро можно здесь обогатиться за счёт торговли местными товарами⁵⁷. Таким образом, дипломат видел в ливонском предприятии способ завершить религиозное противостояние на своей родине, переключив силы противоборствующих сторон на далёкие земли, служившие «форпостом» *res publica christiana* на северо-востоке Европы.

Наконец, план Данзе был направлен на разрешение династических проблем внутри дома Валуа. В последней части своего «Рассуждения» он описал весьма проницательный и дальновидный план, который в дальнейшем во многом воплотился, однако не на землях Ливонии, а в провинциях Нидерландов: «Говорят, что между Королём и его братом Монсеньёром⁵⁸ существует некая вражда, и те, кто её породил, усиливают её своими домыслами, как только могут. Я не сомневаюсь ни в благоразумии и милосердии Короля, ни в повиновении и преданности Монсеньёра Его Величеству. Тем не менее было бы правильно старательно избегать любых бед и несчастий, которые могут произойти. Если кто-то опасается или подозревает другого и надеется положить этому конец добрыми и честными средствами, он воспользуется ими, а не насильственными и разрушительными методами. Если этот брак⁵⁹ состоится, Вы увидите, чего можно ожидать и на что можно надеяться как в Польше, так и в других странах, даже несмотря на то, что поляки настроены против Короля. Потребуется некоторое время, чтобы устроить дела в Ливонии, но у Короля могут появиться дети, что вызовет ещё большее раздражение Монсеньёра, который с радостью воспользуется возможностью покинуть Францию»⁶⁰. Неизвестно, знал ли герцог Алансонский о проекте дипломата, но схожий сценарий в дальнейшем был применен Франсуа де Валуа в Соединённых провинциях во второй половине 1570-х – начале 1580-х гг. Младший брат короля действительно покинул Францию, чтобы стать сувереном другого государства – герцогом Брабантским, Гельдернским, Лимбургским и графом Фландрским (Duquennoe 1998)⁶¹.

⁵⁷ Ibid. P. 79–81.

⁵⁸ Франсуа де Валуа.

⁵⁹ Между Франсуа де Валуа и Елизаветой Васа.

⁶⁰ *Handlingar rörande...* P. 83–85.

⁶¹ РГБ. ОР. Ф. 68. № 370.9.

По всей видимости, Генрих III проигнорировал ливонский проект Данзе. Всё ухудшавшиеся отношения со Швецией и Данией, окончательная утрата влияния в Речи Посполитой, планы женитьбы Франсуа Алансонского на Елизавете I Английской, а также новый виток гражданской войны во Франции не позволили монарху строить планы относительно инкорпорации Ливонии и её спасения от «московитской угрозы». Наоборот, французский король вновь обратился к сбору подробных сведений о международном положении Русского государства, рассчитывая сохранить с ним мирные отношения по причине важности северной торговли для казны (Шишкин, Шварц 2021: 133–142). Более того, налаживание дружеских связей с Московским царством осталось единственным шансом для французского короля сохранить влияние на северо-востоке Европы (Richard 1910: 114–118). Короткий период первой половины 1570-х гг., когда держава Ивана IV воспринималась Валуа и их дипломатическими представителями как оппонент во внешней политике, завершился зимой-весной 1575 г., когда Генрих III после своей коронации окончательно принял бразды правления в свои руки.

Заключение

Несмотря на то, что внешнеполитические действия французской короны в 1560-е гг. не представляли собой комплексной стратегии, будучи скорее чередой ситуативных реакций на стремительные изменения, ей удалось упрочить своё влияние в «Балтийском мире», во многом благодаря успешной посреднической миссии в ходе Северной семилетней войны. Значительные усилия Шарля де Данзе, приложенные для окончания этого многолетнего кровопролитного конфликта, позволили дому Валуа выстроить сеть неформальных связей со многими влиятельными политическими деятелями Дании, Швеции, Любека и Польши. С начала 1570-х гг. эта сеть была основанием нескольких геополитических проектов, устремлённых к воцарению представителей династии Валуа в странах Балтийского региона и нацеленных на возвращение Французского королевства к традиционной роли антипода габсбургской гегемонии.

Преддверием краха французского влияния на севере и северо-востоке Европы стали события Варфоломеевской ночи, известия о которых довольно быстро достигли резиденций скандинавских государей и стремительно распространились среди польской и литовской шляхты, вызвав резко негативную реакцию. Новость о кровавых расправах над гугенотами, дошедшая до царского двора, очевидно, осенью того же года, вкупе с информацией о кандидатуре Генриха Анжуйского, одного из зачинщиков парижской резни, на трон Речи Посполитой оказала отрицательное воздействие на развитие русско-французских контактов. На короткий период 1572–1574 гг. держава Ивана IV стала оппонентом политике Валуа в Балтийском регионе и начала восприниматься французскими дипломатическими представителями как главная угроза безопасности *res*

publica christiana. Именно в данный период родился и получил развитие проект создания шведско-польско-французской союзной коалиции, направленный на устранение «московитской угрозы».

Отказ Генриха де Валуа, желавшего разрешить балтийские противоречия мирными средствами, от конфронтации с Русским государством стал почвой для преодоления русско-французских разногласий и позволил продолжить взаимовыгодные контакты между двумя монархиями. Бегство французского принца из Польши, отказ от матримониальных планов по отношению к династии Васа и ухудшавшиеся отношения с датской короной привели к окончательной утрате домом Валуа завоёванных ранее позиций: французская дипломатия, несмотря на разработку амбициозного проекта по созданию Великого герцогства Ливонского, превратилась по большей части в пассивного наблюдателя, созерцавшего стремительно изменявшуюся в 1575–1581 гг. геополитическую обстановку.

Об авторе:

Сергей Михайлович Рябов – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002 Екатеринбург, Мира 19.
E-mail: sergey.riabov@urfu.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC: 94(474:47:44)"157":327

Received: March 25, 2024

Accepted: October 12, 2024

Projects of the Franco-Swedish Alliance against the Russian State in 1572–1575

 S.M. Ryabov

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-85-111](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-85-111)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: This article explores key aspects of the French royal court's policies in Northern Europe and the dynamics of Russian-French relations during the early 1570s. The first section provides a concise overview of the geopolitical situation in the Baltic region following the Russian-Lithuanian truce on June 24, 1570, and the Treaty of Stettin on December 13, 1570. The second section focuses on the conspiracy to overthrow King John III of Sweden, orchestrated by Charles de Mornay with support from the House of Valois. The author also examines the proposal for a Franco-Swedish alliance, articulated by Charles de Danzay, the French ambassador to Denmark. It is hypothesized that this alliance plan was opposed by Henry of Anjou, King of Poland and Grand Duke of Lithuania, who sought to avoid direct conflict with the Russian state. The third section analyzes the decline of French influence in the Baltic region during 1574–1575, attributed to Henry de Valois' flight from Poland in the summer of 1574 and the cessation of matrimonial negotiations with the Swedish Vasa dynasty in February 1575. The article delves into Charles de Danzay's political project to transform Livonia into a French vassal duchy under François de Alençon, as well as his broader vision for a Franco-Danish-Swedish-Livonian-Polish-Lithuanian alliance. The analysis demonstrates that, despite the temporary alignment of the Russian state with forces opposed to the French kingdom, the gradual expansion of mutually beneficial trade relations and dialogue in the context of Baltic policies mitigated the potential for escalating confrontation. By the mid-1570s, conditions were increasingly favorable for Russia and France to pursue shared interests, highlighting the potential for cooperative engagement over outright rivalry.

Keywords: 16th-century history; Franco-Russian relations; Ivan the Terrible; Charles IX of France; Henry III of France; John III of Sweden; Catherine de' Medici; Charles de Danzay; Livonian War; Baltic Wars

About the author:

Sergey M. Ryabov – Ph.D. in History, Research assistant of the Laboratory of Primary Sources, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 19 Mira Street, Ekaterinburg, Russia, 620002. E-mail: sergey.riabov@urfu.ru.

Acknowledgements:

The author would like to express gratitude for the research funding from the Ural Institute for the Humanities, UrFU ("My First Grant" Programme).

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bély L. 2007. *L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France. 745 p. DOI: 10.3917/puf.bely.2007.01. (In French)
- Bodniak S. 1946. *Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona*. Kórnik: Fundacja Zakłady Kórnickie. 246 s. (In Polish)
- Daussy H. 2015. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589). *Religion. Church. Society*. №4. P. 198–227. DOI: 10.24411/2308-0698-2015-00013. (In French)
- Debbagi-Baranova T. 2012. *À coups de libelles. Une culture politique au temps des guerres de Religion (1562–1598)*. Genève: Droz. 520 p. (In French)
- Dubas-Urwanowicz E. 1992. Henri de Valois dans l'opinion de la noblesse polonaise. *Henri III et son temps*. Sous la dir. de R. Sauzet. Paris: Vrin. P. 87–92. DOI: 10.4000/books.vrin.21279. (In French)

- Jeannin P. 1954. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe. *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. №1. P. 23–43. DOI: 10.3406/ahess.1954.2237. (In French)
- Kąkolewski I. 2007. *Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia*. Warszawa: Neriton. 481 s. (In Polish)
- Karlsson M. 2009. Three Letters of Proposal from Erik XIV of Sweden to Elizabeth I of England: Edited with Introduction. *Humanistica Lovaniensia*. Vol. 58. P. 81–101.
- Kirchner W. 1945. England and Denmark, 1558–1588. *The Journal of Modern History*. 17(1). P. 1–15. DOI: 10.1086/236870.
- Kirchner W. 1949. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650). *Revue historique*. Vol. 102. P. 161–183. (In French)
- Kociszewska E. 2011. La Pologne, un don maternel de Catherine de Médicis? La cérémonie de la remise du Decretum electionis à Henri de Valois. *Le Moyen Age*. 3. P. 561–575. DOI: 10.3917/rma.173.0561. (In French)
- Lapointe M. 2017. Stratégies diplomatiques dans la correspondance du Duc d'Anjou, futur Henri III, de la fuite de Pologne au couronnement en France (1574–1575). «Des bruits courent»: rumeurs et propagande au temps des Valois. Paris: Hermann. P. 221–233. DOI: 10.3917/herm.vaill.2017.01. (In French)
- Lavery J. 2002. *Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576*. Boston: Brill. 184 p.
- Lockhart P.D. 2004. *Frederik II and the Protestant Cause. Denmark's Role in the Wars of Religion, 1559–1596*. Leiden; Boston: Brill. 350 p.
- Nevejans P. 2015. *Le prince et le diplomate: étude de la réception diplomatique dans l'Europe de la Renaissance*. Lyon: Université Jean Moulin Lyon III. 467 p. (In French)
- Ödberg F. 1897. *Om stämplingarna mot konung Johan III åren 1572–1575*. Stockholm: C.E. Fritze. 284 s. (In Swedish)
- Odelberg W. 1952. Charles de Mornay et la cour de Suède. *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français*. Vol. 99. P. 21–31. (In French)
- Pelus-Kaplan M.-L. 2013. La Prusse orientale dans le commerce baltique au XVIe siècle. *Histoire, économie & société*. №2. P. 39–49. DOI: 10.3917/hes.132.0039. (In French)
- Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: the Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800*. 2000. Ed. by D. Frigo. Cambridge: Cambridge University Press. 262 p. DOI: 10.1017/CBO9780511523298.
- Richard A. 1910. *Un diplomate poitevin du XVIe siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark*. Poitiers: Imprimerie de Blais et Roy. 246 p. (In French)
- Rosenberg J. 1994. *The Empire of Civil Society: A Critique of the Realist Theory of International Relations*. London: Verso Books. 224 p.
- Serwański M. 1974. Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. *Kwartalnik Historyczny*. Vol. 81. S. 251–266. (In Polish)
- Spruyt H. 1994. *The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change*. Princeton: Princeton University Press. 288 p. DOI: 10.1515/9780691213057.
- Von Königsberg an die Loire. Quellen zur Handelsreise des herzoglich-preußischen Faktors Antoine Maillet nach Frankreich in den Jahren 1562 bis 1564*. 1993. Ausgew. und bearb. von D. Heckmann. Köln: Böhlau, 1993. 162 s. (In German)

Bessudnov D.A. 2023. *Protectores et conservatores: livonskaia politika Iagellonov v XVI v.* [Protectores et Conservatores: the Livonian Policy of the Jagiellons in the 16th Century]. Saint Petersburg: Evraziia. 320 p. (In Russian)

Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filipp II. Vol. 2: Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi* [The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol 2: Collective Destinies and General Trends]. Moscow: LRC Publishing House. 808 p. (In Russian)

Chevalier P. 1997. *Genrikh III. Shekspirovskii korol'* [Henry III. Shakespeare's King]. Moscow: Terra. 848 p. (In Russian)

Conrad S. 2018. *Chto takoe global'naia istoriia?* [What is Global History?] Moscow: New Literary Observer. 312 p. (In Russian)

Davila E.C. *Istoriia Grazhdanskikh voyn vo Frantsii* [History of the Civil Wars in France]. Ed. by V.V. Shishkin, S.M. Ryabov, D.Iu. Kirsanov. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka. 567 p. (In Russian)

Demkova N.S. 1996. Gramoty Ivana Groznogo shvedskim koroliam Eriku XIV i Iogannu III (po rukopisiam Shvedskogo gosudarstvennogo arkhiva) [Letters from Ivan the Terrible to the Swedish Kings Erik XIV and John III (Based on Manuscripts of the Swedish State Archives)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 50. P. 488–500. (In Russian)

Erusalimskii K.Iu. 2018. *Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi* [In the Service of the King and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 1012 p. (In Russian)

Erusalimskii K.Iu. 2021. Respublika bez respublikanizma: diskursy "obshchego dela" v Moskovskoi Rusi [Republic without Republicanism: Discourses of "Common Cause" in Muscovite Russia]. *Res Publica: Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa XX veka*. Ed. by K.A. Solov'ev. Moscow: New Literary Observer. P. 153–265. (In Russian)

Filiushkin A. I. 2013. *Izobretaia pervuiu voynu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing Russia's and Europe's First War: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 880 p. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2014a. Proekt "Russkaia Livoniia" ["Russian Livonia" Project]. *Quaestio Rossica*. 2(2). P. 94–111. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2014b. Russko-litovskaia voina 1561–1570 i datsko-shvedskaia voina 1563–1570 gg. [The Russo-Lithuanian War of 1561–1570 and the Danish-Swedish War of 1563–1570]. *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki*. №2. P. 219–289. (In Russian)

Filiushkin A.I. 2018. *Pervoe protivostoianie Rossii i Evropy: Livonskaia voina Ivana Groznogo* [The First Confrontation between Russia and Europe: Ivan the Terrible's Livonian War]. Moscow: New Literary Observer. 320 p. (In Russian)

Floria B.N. 1978. *Rusko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII v.* [Russo-Polish Relations and Political Development of Eastern Europe in the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russian)

Floria B.N. 1992. Ivan Grozni – pretendent na pol'skuiu koronu [Ivan the Terrible as a Pretender to the Polish Crown]. *Istoricheskii arkhiv*. №1. P. 173–182. (In Russian)

Forsten G.V. 1893. *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiiakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544–1648)]. Saint Petersburg: Tipografiia V.S. Balasheva i Ko. 642 p. (In Russian)

Ianushkevich A.N. 2013. *Livonskaia voina. Vil'no protiv Moskvyy: 1558–1570* [Livonian War. Vilna against Moscow: 1558–1570]. Moscow: Kvadriga. 384 p. (In Russian)

Kovalenko G.M. 2015. Shvedskoe posol'stvo v Moskoviiu 1569–1572 gg. [Swedish Embassy to Muscovy 1569–1572]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. №2. P. 32–35. (In Russian)

Mazarchuk D.V. 2021. “Novaia diplomatičeskaja istoriia”: stanovlenie, napravleniia issledovaniia i perspektivy razvitiia [New Diplomatic History: Formation, Research Directions and Perspectives]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series*. 66(3). P. 283–292. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292. (In Russian)

Moiseev M.V., Erusalimskii K.Iu. 2017. Zhenskije golosa v diplomatičeskoj perepiske Ivana Groznogo [Women's Voices in Ivan the Terrible's Diplomatic Correspondence]. *Adam & Eve. Gender History Review*. Issue 25. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. P. 120–141. (In Russian)

Novodvorskii V. 1904. *Bor'ba za Livoniiu mezhdu Moskvoi i Rech'iu Pospolitoi (1570–1582). Istoriko-kritičeskoe issledovanie* [The Struggle for Livonia between Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth (1570–1582). Historical and Critical Study]. Saint Petersburg: Tipografiia I.N. Skorokhodova. 360 p. (In Russian)

Preobrazhenskii V.D. 1945. Franko-russkie otnosheniia v XVI–XVII vv. Ch. I. Vzaimootnosheniia Frantsii i Rossii do nachala diplomatičeskikh snoshenii mezhdu nimi i pervye russkie posol'stva vo Frantsiiu [Franco-Russian Relations in the 16–17 Centuries. Part I. Relations between France and Russia before the Beginning of Diplomatic Relations between them and the First Russian Embassies to France]. *Uchenye zapiski Iaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta*. №7. P. 1–61. (In Russian)

Revunenkov N.V. *Zhan Kal'vin. Teologija i religiozno-obščestvennaia mysl' XVI veka* [Jean Calvin. Theology and Religious and Social Thought of the 16th Century]. Saint Petersburg: Museum of the History of Religion. 264 p. (In Russian)

Ryabov S.M. 2022. “Eta trgovlya ve'sma udobna i prinosit ogromnyu pribyl' vashim poddannym i uspokoenie vashemu korolevstvu”: russko-frantsuzskaja kommertijsiia v Narve v usloviakh Baltiiskikh vojn 1560-kh godov [“This Trade is very Convenient and Brings Great Profit to Your Subjects and Appeasement to Your Kingdom”: Russian-French Commerce in Narva in the Context of the Baltic Wars of the 1560s]. *Srednie veka*. 83(1). P. 164–181. DOI: 10.7868/S0131878022010093. (In Russian)

Ryabov S.M. 2023. Poslanie Iukhana III Vasa frantsuzskomu koroliu Karlu IX Valua: novyi istočnik po istorii Baltiiskikh vojn [A Letter from John III of Sweden to King Charles IX of France: A New Source for the History of the Baltic Wars]. *Quaestio Rossica*. 11(3). P. 901–917. DOI: 10.15826/qr.2023.3.825. (In Russian)

Ryabov S.M., Popovich A.I. 2023. Varfolomeevskaia noch' 1572 g. glazami Ivana Groznogo: v poiskakh ideala khristianskogo pravleniia [St. Bartholomew's Day Massacre through the Eyes of Ivan the Terrible: in Search of the Ideal of Christian Authority]. *Hermeneutics of Old Russian Literature*. Issue 22. Moscow: IWL RAS Publ. P. 492–514. DOI: 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-492-514. (In Russian)

Selart A. 2013. Ivan Groznyj, kaizer livonskij? K istorii vzniknoveniia idei o rossiiskom vassal'nom gosudarstve v Livonii [Ivan the Terrible, Kaiser of Livonia? Toward the History of the Origin of the Idea of a Russian Vassal State in Livonia]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(14). P. 180–197. (In Russian)

Shishkin V.V. 2020. K Gospodariu nashemu pisal Frantsovskoi korol' o liubvi: Genrikh III de Valua i imperatory Moskovii [“The French King Wrote to Our Sovereign about Love”: Henry III de Valois and the Emperors of Muscovy]. *Quaestio Rossica*. 8(3). P. 939–962. DOI: 10.15826/qr.2020.3.505. (In Russian)

Shishkin V.V., Shvarts I. 2021. *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [The French Kingdom and the Russian State in the 11–16 Centuries]. Saint Petersburg: Nauka. 310 p. (In Russian)

Teschke B. 2011. *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozдание sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations]. Moscow: HSE Publishing House. 416 p. (In Russian)

Vianey B. 2017. *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviiu v 1586 godu. Otkrytie Arktiki Frantsuzami v XVI veke* [Voyage of Jean Sauvage to Muscovy in 1586. Discovery of the Arctic by the French in the 16th Century]. Moscow: New Literary Observer. 528 p. (In Russian)

Zhordaniia G. 1959. *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII vv. Ch. I* [Essays from the History of Franco-Russian Relations in the late 16th and First Half of the 17th Centuries. Part I]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. 382 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бессуднов Д.А. 2023. *Protectores et conservatores: ливонская политика Ягеллонов в XVI в.* Санкт-Петербург: Евразия. 320 с.

Бродель Ф. 2003. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. II: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги.* Пер. с фр. М.А. Юсима. Москва: Языки славянской культуры. 808 с.

Виане Б. 2017. *Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики Французами в XVI веке.* Москва: Новое литературное обозрение. 528 с.

Давила Э.К. 2023. *История Гражданских войн во Франции. Т. I.* Пер. с ит. Р.Л. Шмакова; статья В.В. Шишкина; комм. В.В. Шишкина, С.М. Рябова, Д.Ю. Кирсанова. Санкт-Петербург: Наука. 567 с.

Демкова Н.С. 1996. Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (по рукописям Шведского государственного архива). *Труды Отдела древнерусской литературы.* Т. 50. С. 488–500.

Ерусалимский К.Ю. 2018. *На службе короля и Речи Посполитой.* Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 1012 с.

Ерусалимский К.Ю. 2021. Республика без республиканизма: дискурсы «общего дела» в Московской Руси. *Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века.* Под ред. К.А. Соловьева. Москва: Новое литературное обозрение. С. 153–265.

Жордания Г. 1959. *Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I.* Тбилиси: Издательство Тбилисского университета. 382 с.

Коваленко Г.М. 2015. Шведское посольство в Московию 1569–1572 гг. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* №2. С. 32–35.

Конрад С. 2018. *Что такое глобальная история?* Пер. с англ. А. Степанова. Москва: Новое литературное обозрение. 312 с.

Мазарчук Д.В. 2021. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* 66(3). С. 283–292.

Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю. 2017. Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного. *Адамъ-Ева. Альманах гендерной истории.* Вып. 25. Москва: ИВИ РАН. С. 120–141.

Новодворский В. 1904. *Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582). Историко-критическое исследование*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова. 360 с.

Преображенский В.Д. 1945. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию. *Учёные записки Ярославского государственного педагогического института*. Вып. VII. С. 1–61.

Ревуненкова Н.В. 2012. *Жан Кальвин. Теология и религиозно-общественная мысль XVI века*. Санкт-Петербург: Государственный музей истории религии. 264 с.

Рябов С.М. 2022. «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов. *Средние века*. 83(1). С. 164–181.

Рябов С.М. 2023. Послание Юхана III Васа французскому королю Карлу IX Валуа: новый источник по истории Балтийских войн. *Quaestio Rossica*. 11(3). С. 901–917.

Рябов С.М., Попович А.И. 2023. Варфоломеевская ночь 1572 г. глазами Ивана Грозного: в поисках идеала христианского правления. *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 22. Москва: ИМЛИ РАН. С. 492–514.

Селарт А. 2013. Иван Грозный, кайзер ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(14). С. 180–197.

Тешке Б. 2011. *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений*. Пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Издательство Государственного университета «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ). 416 с.

Филюшкин А.И. 2013. *Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 880 с.

Филюшкин А.И. 2014а. Проект «Русская Ливония». *Quaestio Rossica*. Т. 2. №2. С. 94–111.

Филюшкин А.И. 2014б. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 годов. *История военного дела: исследования и источники*. №2. С. 219–289.

Филюшкин А.И. 2018. *Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного*. Москва: Новое литературное обозрение. 320 с.

Флоря Б.Н. 1978. *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.* Москва: Наука. 302 с.

Флоря Б.Н. 1992. Иван Грозный – претендент на польскую корону. *Исторический архив*. №1. С. 173–182.

Форстен Г.В. 1893. *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648)*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева и Ко. 642 с.

Шевалье П. 1997. *Генрих III. Шекспировский король*. Пер. с фр. Е. Хохловой. Москва: Терра. 848 с.

Шишкин В.В. 2020. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии. *Quaestio Rossica*. 8(3). С. 939–962.

Шишкин В.В., Шварц И. 2021. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. Санкт-Петербург: Наука. 310 с.

Янушкевич А.Н. 2013. *Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570*. Москва: Квадрига. 384 с.

Языки письменного и устного общения российских императоров и курфюрстов Священной Римской империи в 1725–1799 гг.

М.А. Петрова

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье, основанной на неопубликованных материалах Архива внешней политики Российской империи, впервые в историографии анализируются языки официальных грамот (верительных, отзывных, известительных и др.) светских и духовных курфюрстов Священной Римской империи германской нации и российских императоров в XVIII в. Руководствуясь традициями отечественной и зарубежной дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины, автор использует в качестве основного метода формулярный анализ, рассматривая обязательные формулы и языковые обороты начального и заключительного протоколов грамот, которые дают представление о социальном статусе отправителя и получателя. Статья актуализирует интерес к языкам дипломатии раннего Нового времени, возросший в последние годы в зарубежной историографии в связи с изучением переговорных практик на международных конгрессах. Работа с источниками показала, что в переписке с российскими императорами курфюрсты Саксонии использовали немецкий язык, курфюрсты Пфальца и Баварии – латинский, а с середины XVIII в. – немецкий. На этом же языке составлены грамоты духовных курфюрстов – архиепископов Майнца, Трира и Кёльна. В редких случаях использовался французский язык. Грамоты российских монархов традиционно составлялись на русском языке с приложением перевода на немецкий. Автор приходит к выводу, что формальная характеристика, которой является язык, позволяет получить представление об уровне отношений между коронованными и некоронованными особами, выявить разницу в статусе суверенных государей и правителей, де-юре ещё сохранявших вассальную зависимость, к которым принадлежали и курфюрсты. Об этом свидетельствуют категории родства, присутствующие в переписке. Так, российские императоры и императрицы выступали в отношении светских курфюрстов в качестве дяди или тёти, а не брата или сестры, как это было принято в переписке с суверенными государями, курфюрстов же именовали сначала племянниками, затем свойственниками (реже – кузенами), что дополнительно подчёркивало неравенство контрагентов. Рассмотренная переписка помогает среди прочего уточнить обстоятельства признания российского императорского титула влиятельными штатами Священной Римской империи.

Ключевые слова: дипломатия XVIII в., Священная Римская империя, формуляр грамот, немецкий язык, французский язык, латынь, суверенитет, эпистолярный этикет

УДК: 94(47:430)"1725/1799":327:81'26

Поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 31.05.2024

Интерес к языкам дипломатии раннего Нового времени, возросший в последние годы, связан прежде всего с культурным поворотом в историографии и изменением подходов к изучению истории международных отношений. В современных исследованиях на первый план выходят личности непосредственных участников международного процесса – не только монархов, но и сотрудников внешнеполитических ведомств, а также многочисленных неофициальных агентов. Их главной обязанностью в эпоху интенсификации двусторонних и многосторонних контактов и создания постоянных дипломатических представительств при иностранных дворах было общение, в том числе символическое – через участие в церемониях, и ведение переговоров. Поэтому совсем не праздными являются задаваемые историками вопросы, на каких языках осуществлялось взаимодействие этих людей, стремившихся донести до противоположной стороны послания своих государей или правительств (если речь шла о республиках), и каковы были критерии выбора языка в том или ином случае¹.

Импульс к изучению языков дипломатии раннего Нового времени дали исследования истории международных конгрессов – от Вестфальского 1643–1648 гг., насчитывавшего 109 делегатов, до Утрехтского, Раштаттского и Баденского, завершивших Войну за испанское наследство 1700–1714 гг. Это была эпоха многоязычия, когда основной язык средневековой дипломатии – латынь – начал постепенно уступать свои позиции французскому. При этом в ходе переговоров и подготовки проектов мирных договоров широко использовались и другие европейские языки – немецкий, нидерландский, испанский, итальянский, на которые вскоре были переведены тексты заключённых соглашений (см. например: Braun 2010: 187–378²; Duchhardt, Espenhorst 2012; Schmidt-Rösler 2013; Schmidt-Rösler 2013a; Penzholtz, Schmidt-Rösler 2014; Gerstenberg 2014; Couto, Péquignot 2017; Беляев 2022)³. В последние годы вышла серия исследований, посвящённых истории распространения в Европе, в том числе в России, французского языка как языка придворного и международного общения и франкофонии как политического и культурного явления, обусловленного в том числе успехами Франции в создании эффективной дипломатической службы (Rjéoutski, Argent, Offord 2014; Strien-Chardonneau, Kok Escalle 2016; Bély 2017; Offord, Rjéoutski, Argent 2018; Rjéoutski, Frijhoff 2018; Оффорд, Ржеуцкий, Арджент 2022).

¹ О новых подходах в истории дипломатии см., например, Goetze D., Oetzel L., eds. 2024. *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg. 830 p.

² Главы 4–6 в книге Гвидо Брауна посвящены сосуществованию латыни и французского, а также переводам текстов мирных договоров на иностранные языки.

³ А также см.: Holm S. 2024. Language and Diplomatic culture. *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*. Ed. by D. Goetze, L. Oetzel. Berlin: De Gruyter Oldenbourg. P. 613–630.

Настоящая статья посвящена важному аспекту указанной проблематики: использованию языков в официальной переписке европейских дворов в XVIII в. на примере обмена грамотами между российскими государями и курфюрстами Священной Римской империи германской нации – наиболее влиятельными территориальными князьями, избиравшими императора. К 1714 г. их было девять: трое духовных (Майнц, Трир, Кёльн) и шестеро светских (Бавария, Богемия, Бранденбург, Брауншвейг-Люнебург, или Ганновер – по названию столицы, Пфальц и Саксония). После окончания Тридцатилетней войны и подписания Вестфальских мирных договоров в 1648 г. курфюрсты получили право на проведение самостоятельной внешней политики с оговоркой, что они не будут действовать против императора, и начали борьбу за дальнейшее утверждение статуса суверенных государей, в том числе через отправку к иностранным дворам послов – министров первого ранга. Они обладали так называемым репрезентативным характером, т. е. могли представлять своего государя во всей полноте, фактически выступая в роли его *alter ego*. Однако монархи Европы последовательно отказывали в этом праве курфюрстам, аргументируя свою позицию тем, что формально они продолжали считаться вассалами императора. Чтобы преодолеть предубеждение коронованных особ, некоторые курфюрсты на рубеже XVII–XVIII вв. смогли получить королевский титул, добившись таким образом полного суверенитета. Прежде королевским титулом обладал только курфюрст Богемии, принадлежавшей Австрийскому дому Габсбургов, представители которого с 1452 по 1806 г. (за исключением 1742–1745 гг.) занимали престол Священной Римской империи. Так, курфюрст Саксонии был в 1697 г. избран королём Речи Посполитой; курфюрст Бранденбурга в 1701 г. провозгласил себя прусским королём, а курфюрст Ганновера в силу династических связей занял в 1714 г. британский престол (Stollberg-Rilinger 2002).

Общая характеристика корпуса источников

Для нашего исследования интерес представляет переписка российских государей с курфюрстами, не имевшими королевского статуса или утратившими его. К последним относятся курфюрсты Саксонии, лишившиеся польского престола в 1704–1709 и 1733–1734 гг., а затем окончательно в 1763 г. Существующие работы по данной проблематике затрагивают главным образом отношения России с суверенными государствами (Гуськов 2007; Steppan 2016; Карданова 2013; Болотина 2013; Болотина 2022; Хаванова 2022; Хаванова, 2023; Шварц 2022; Ларина 2023). Хронологически настоящая статья охватывает послепетровскую эпоху (от Екатерины I до Павла I) и основывается на материалах, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи в фондах «Сношения России с Имперским собранием», «Сношения России с Имперскими чинами», «Сношения России с Баварией», «Сношения России с Саксонией», «Сношения России с Польшей». Грамоты некоронованных курфюрстов, адресованные регентам

при малолетнем императоре Иоанне VI – сначала герцогу Курляндскому Эрнсту Иоганну Бирону, а затем принцессе Брауншвейгской Анне Леопольдовне, нами не выявлены.

Согласно классификации С.М. Каштанова, грамоты относятся к договорному виду публично-правовых актов – «документов, устанавливающих определённые правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом» (Каштанов 1988: 22). В отечественной традиции изучения истории дипломатии грамотами называют официальные послания глав государств. В зависимости от содержания грамоты XVIII в. делятся на известительные (также нотификационные или нотификательные), т. е. уведомлявшие о рождении, бракосочетании, восшествии на престол, кончине членов монарших домов и других событиях; поздравительные; кредитивные (верительные, верующие или верящие), вручаемые вновь прибывшим дипломатом иностранному монарху на первой аудиенции; отзывные, вручаемые дипломатом на последней аудиенции накануне отъезда; рекредитивные (отпускные), вручаемые иностранному дипломату от двора его пребывания на последней аудиенции.

Мы не ставили перед собой задачу описать весь корпус сохранившихся грамот курфюрстов Священной Римской империи, хотя, безусловно, такого рода исследование необходимо. Первый шаг в этом направлении сделал ещё Н.Н. Бантыш-Каменский, с 1800 г. управляющий Архивом Коллегии иностранных дел. В 1801–1804 гг. он подготовил к печати обзор находившихся в его ведении источников под названием «Сокращённое известие о взаимных между российскими монархами и европейскими державами посольствах, переписках и договорах, хранящихся Государственной Коллегии иностранных дел в Московском архиве. С 1485–1802 год». Исследование увидело в свет в самом конце XIX в. Во второй его части, посвящённой германским государствам, Бантыш-Каменский дал краткую характеристику грамотам курфюрстов, имперских князей и вольных и имперских городов Священной Римской империи, адресованным российским монархам, и их ответам (Бантыш-Каменский 1896).

Для изучения внутренней структуры и стилистики грамот мы применили формулярный анализ, важнейший метод дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины, включающий в себя в том числе выявление языковых особенностей текстов. Основное внимание уделяется обязательным формулам начального и конечного протокола грамот: интитуляции (указание отправителя), инскрипции (указание адресата), салютации (приветственное обращение к адресату), субскрипции (сочетание подписи и формулы удостоверительного действия), сигнатуры (подпись) (Каштанов 1988: 169–171). В немецком источниковедении эти формулы называются *Kurialien* (от лат. *stylus curiae*), в официальных посланиях перед подписью к ним добавлялась ещё одна – заключительные вежливости (*Schlußcourtoisie*), иногда с выражением учтивой и любезной готовности к услугам в конце письма (Таценко 2016: 473–483; Hochedlinger 2009: 133–159).

В России XVIII в. официальные послания и речи готовились в недрах внешнеполитических ведомств – до 1718 г. Посольского приказа, затем – Коллегии иностранных дел; в германских государствах – княжескими канцеляриями. Рассмотренные нами грамоты курфюрстов переписаны набело писцами, собственноручными являются только подписи и в отдельных случаях заключительные вежливости. Грамоты российских монархов сохранились как в виде беловых отпусков, так и в виде черновиков. Некоторые послания контрастированы, т. е. удостоверены главой канцелярии или внешнеполитического ведомства. Большинство грамот представляют собой так называемые канцелярские послания (*Kanzleischreiben*), написанные от первого лица множественного числа (*Wir-Stil*). Есть и менее многочисленные грамоты от первого лица единственного числа (*Ich-Stil*), в немецкой традиции их называют *Handschriften*, не потому что они составлены собственноручно, а потому что имеют характер личных посланий и в них опущены некоторые формулы утвержденного письменного протокола (Таценко 2016: 171–172; Hochedlinger 2009: 173–174). В делопроизводственных материалах Коллегии иностранных дел личные грамоты иногда назывались кабинетными.

Переписка российских императоров с курфюрстами Саксонии

На протяжении первой половины XVIII в. Россия поддерживала курфюрстов Саксонии на польском престоле, поэтому обе державы часто были союзниками (Анисимов 2020: 27–121; Зябриков 2020). В те периоды, когда курфюрсты обладали польским королевским титулом, российские монархи обращались к ним, как к королям, используя обращение «Дружесбно-любезный брат, друг и сосед». Указание на братско-сестринские отношения издавна свидетельствовало о равноправии участников переписки. По традиции все грамоты, направляемые к иностранным дворам, в России составлялись на русском языке, к документам иногда прикладывался перевод. В 1725–1730-е гг. грамоты к польско-саксонскому двору отправляли либо без перевода, либо с переводом на немецкий и/или польский. При этом перевод на немецкий делали в России, а копию на польском поручали составлять послу. Так, к грамоте польскому королю Августу II Сильному (курфюрсту Фридриху Августу I) о вступлении на престол Анны Иоанновны от 28 февраля 1730 г.⁴ были приложены две копии (на русском и на немецком языках) для посла М.П. Бестужева-Рюмина и сказано: «немецкую копию, также другую сочиня по-полски, купно с оригинальною грамотою переслать в Саксонию и министрам полским»⁵. В 1733 г. (после смерти Августа II)

⁴ Даты документов указаны в статье в соответствии с оригиналом: российских – по старому стилю, европейских – по новому.

⁵ *Архив внешней политики Российской империи* (далее АВПРИ). Ф. 18. Дела и сочинения о титулах (титулярники). Оп. 2. Д. 14. Л. 40об. Благодарю М.И. Шикуюло за предоставление этих сведений. Здесь и далее сохранена орфография оригиналов.

к кредитивной грамоте графу Карлу Густаву фон Левенвольде была приложена копия только на русском языке, но «велено ему по приезде в Польшу заставить резидента [Петра] Голембовского сочинить по-полски для сообщения полякам»⁶.

До 1734 г. грамоты польских королей и саксонских курфюрстов составлялись как на польском, так и на немецком языке. Затем немецкий полностью вытеснил польский, поскольку внешняя политика польско-саксонского государства велась через институты и ведомства, созданные именно в курфюршестве, а на дипломатической службе почти не было поляков (Matzke 2011: 77–177). При этом в период двуязычия немецкий язык мог свидетельствовать о неформальных отношениях между монархами. К примеру, в апреле 1725 г. король и курфюрст Август II Сильный направил в Петербург императрице Екатерине I две грамоты с выражением соболезнований по случаю смерти своего друга и союзника Петра I и поздравлением по случаю восшествия на престол. Обе были написаны «по большому титуле», т. е. с перечислением всех владений, входивших в титулатуру обоих монархов. Грамота от 9 апреля на немецком языке, хотя и составленная от первого лица множественного числа и содержащая полные титулы отправителя и адресата и большую королевскую печать, имеет черты личного послания, о чём свидетельствует книжный формат расположения текста и листы бумаги, используемые в повседневной переписке. Грамота была свернута таким образом, чтобы одновременно служить конвертом, на одной из сторон которого был указан полный титул Екатерины I. Отметим, что она была названа *Durchlauchtigste Großmächtigste große Frau Czaarin und Großfürstin, freundlich vielgeliebte Schwester und Nachbahrin*, в переводе Коллегии иностранных дел – «Пресветлейшая Державнейшая великая княгиня, Государыня Царица и великая княгиня, дружелюбно-любезнейшая сестра и соседка», так как к этому времени российский императорский титул ещё не был признан ни Саксонией, ни Польшей. Август II также благодарил Екатерину I за решение оставить при его дворе прежнего посланника камергера Сергея Петровича Долгорукова. В подписи король значится как *Ewer Czaarischen Majestät getreuer Bruder, Freund und Nachbar Augustus Rex* («Вашего Царского величества верный брат друг и сосед. Король Август»). Собственноручно написаны только последние два слова. Послание было контрастигнено кабинет-министром короля графом Якобом Генрихом фон Флемингом⁷.

Грамота на польском языке от 20 апреля 1725 г. была составлена на большом свёрнутом в несколько раз листе альбомного формата, который тоже одновременно служил ей конвертом. Грамота выполняла функции верительной (кредитивной) для находившегося в Петербурге посланника Иоганна Лефорта.

⁶ Там же. Л. 48 об.

⁷ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 7. Д. 28. Л. 1–6 об.

Полномочия дипломатов всегда подтверждались после смерти правителя. Август II подписался *Waszego Carowskiego Wielicenstwa Wierny Brat August* («Вашего Царского величества верный брат Август»), последние три слова написаны собственноручно⁸.

В грамоте от 4 февраля 1733 г., составленной от первого лица множественного числа, курфюрст Саксонии Фридрих Август II уведомлял Анну Иоанновну о безвременном уходе своего отца на немецком языке, обращаясь к ней *Durchlauchtigste Großmächtigste Rußische Kayserin, Hochgeehrteste Frau* («Пресветлейшая, Державнейшая Российская императрица, Высокопочтеннейшая Государыня»), и подписался *Ewer Kayserlichen Majestät Dienstwilligster treu verbundener Diener Friedrich August* («Вашего Императорского величества служебно-охотнейший верно-обязательной слуга Фридрих Август»)⁹. Таким образом, равноправные братско-сестринские и дружеские отношения между монархами сменились отношениями подчинения.

После избрания Фридриха Августа II в 1734 г. польским королём под именем Августа III он вновь стал братом и «приятелем» российских государей – от Анны Иоанновны до Екатерины II. Переписка по-прежнему велась на русском и немецком языках, причём некоторые грамоты по деликатным вопросам были составлены от первого лица единственного числа. К примеру, в грамоте от 30 апреля 1745 г. императрица Елизавета Петровна просила короля и курфюрста о признании великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского совершеннолетним на год раньше – не в 18, а в 17 лет. Просьба была обусловлена тем, что после смерти императора Карла VII 9 (20) января 1745 г. курфюрст Август III как викарий Священной Римской империи в землях саксонского права являлся одним из двух местоблюстителей императорского престола¹⁰ до выборов нового императора и мог решать подобные вопросы (подробнее об этом см.: Петрова 2023а: 36–39). Черновик грамоты Елизаветы Петровны, сохранившийся в АВПРИ, свидетельствует о том, что производные от местоимения «мы» были исправлены на производные от местоимения «я». В таком виде послание как будто имеет характер личной просьбы, хотя сама просьба в ней напрямую не высказана, а лишь выражена уверенность, что курфюрст примет свидетельства российской императрицы «о многоотличных качествах» её племянника и провозгласит его совершеннолетним¹¹.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 2 об. (текст грамоты на польском языке), 3–4 об. (перевод на русский язык).

⁹ Копию грамоты и её перевод на русский язык см.: Там же. Ф. 37. Сношения России с Баварией. Оп. 5. 1745. Д. 3. Л. 18–19 об., 20–22.

¹⁰ Вторым викарием Священной Римской империи в землях салического права, т. е. швабских, рейнских и франконских, был курфюрст Пфальца.

¹¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 8–8 об.

После того как Август III выполнил эту просьбу, Елизавета Петровна сообщила ему в грамоте от 19 июля 1745 г., что приказала своему посланнику в Дрездене М.П. Бестужеву-Рюмину «наиболее обязательнейшее признание засвидетельствовать, за ту снисходительную атенцию, которая в разсуждении признания совершеннолетия моего вселюбезнейшаго племянника великаго Князя Всероссийскаго, яко владеющаго Герцога Шлезвиг Голштинскаго, от Вашего Королевскаго величества оказана и которую я не оставляю дружески-сестрински признавать, и с особливейшим высокопочитанием неотменно пребывать. Вашего Королевскаго величества верная сестра и приятельница. Елисавет»¹². Своей рукой императрица написала только имя. Обе грамоты были контрасигнированы канцлером.

Интересно, что грамота великого князя Петра Фёдоровича в качестве герцога Гольштейн-Готторпскаго от 18 июня 1745 г. с благодарностью за признание совершеннолетним была направлена Августу III на немецком языке, а не на русском с приложенным переводом. Формулы начального и заключительного протокола гласили: *Durchlauchtigster Großmächtigster König, Churfürst und Vicarius Vielgeliebtester Herr Oheim* («Пресветлейший Державнейший Король, Курфюрст и Викариус, Вселюбезнейший государь дядя») – *Ewer Königlichem Mayestät Dienstwilligster Vetter Peter* («Вашего Королевскаго Величества ко услугам готовейший племянник Пётр»).

Как отмечает Т.Н. Таценко, обращения родственного характера в немецкой императорской и княжеской переписке не следует понимать буквально: они «вовсе не были точным определением родства, а только свидетельствовали об общей принадлежности к единому княжескому сословию». К таковым относятся: «Bruder / брат», «Vetter / кузен», «Vater / отец», «Oheim / дядя», «Sohn / сын», «Schwager / деверь, шурин, зять», «Gefatter / кум», «Dother / дочь», «Mhume (Muhme) / тётка, тёща» (Таценко 2016: 476).

К примеру, пока саксонский курфюрст Фридрих Август I не имел титула польского короля, император Священной Римской империи Леопольд I (1658–1705) обращался к нему по-немецки *Durchlauchtigster, Hochgebohrner lieber Oheim und Churfürst* («Светлейший Высокородный дорогой дядя и курфюрст») и подписывался *Ewer Liebden gutwilliger Oheim* («Вашей милости готовый к услугам дядя»). Не вполне понятно, почему император, будучи по возрасту значительно старше курфюрста, выбрал обращение «дядя» для общения с ним. Вероятно, это дань традиции. Когда курфюрст стал польским королём Августом II, император Иосиф I (1705–1711) обращался к нему по-немецки и по латыни уже *Durchlauchtigster, Großmächtigster Fürst, besonders lieber Freund, Oheim, Bruder und Nachbahr / Serenissime ac Potentissime Princeps, Consanguinee, Frater & Vicine Carissime* («Светлейший, Державнейший князь, дорогой друг, дядя, брат

¹² Там же. Л. 16 об.–17.

и сосед», в латинском варианте вместо «дяди» – «сродственник») и в подписи позиционировал себя как друг, дядя, брат и сосед – *Ewer Liebden Gutwilliger Freund Oheim Bruder und Nachbahr / Serenitatis Vestrae Bonus Consanguineus Frater & Vicinus*¹³. Обращение «брат и сосед» свидетельствовало о равенстве коронованных особ.

После того как в 1763 г. курфюрсты Саксонии окончательно потеряли польский престол и королевский титул, официальными языками их переписки с Екатериной II и Павлом I оставались русский и немецкий. Российские монархи традиционно направляли курфюрстам грамоты на русском языке с приложением перевода на немецкий. В грамоте от 16 сентября 1768 г. Фридрих Август III¹⁴ извещал Екатерину II о скором наступлении своего совершеннолетия и самостоятельного правления, обратившись к ней *Allerdurchlauchtigste Großmächtigste Kayserin, Gnädigste Frau* («Всепресветлейшая Державнейшая императрица, Всемилостивейшая Государыня»), а себя рекомендовал «покорным и к услугам охотнейшим» (*gehorsam-dienstgefließenster Friedrich August*)¹⁵. В дальнейшем курфюрст использовал те же формулы начального и заключительного протоколов¹⁶. Однако российская императрица обращалась к Фридриху Августу III не только как к «светлейшему курфюрсту», но и как к «дружеско-любезному племяннику» (в переводе на немецкий *Durchlauchtigster Churfürst, freundlich geliebter Vetter*), выражая ему своё покровительство в качестве «дружеско-охотной тётки» (в переводе *Eurer Churfürstlichen Durchlaucht freundwillige Muhme Catharina*)¹⁷. В этом, как мы увидим ниже, Екатерина II следовала примеру общения Елизаветы Петровны с другими светскими курфюрстами.

Великий князь Павел Петрович в переписке с Фридрихом Августом III также использовал родственную лексику, обращаясь к нему по-русски «Светлейший Курфирст, Почтеннейший Государь Дядя» (*Durchlauchtigster Churfürst, Geehrtester Herr Oheim*) подобно Петру III в бытность его великим князем и подписываясь «Вашей Курфирстской Светлости к услугам охотный свойственник Павел» (в переводе *Eurer Churfürstlichen Durchlaucht dienstwilligster Vetter Paul*)¹⁸. Курфюрст же в своих грамотах называл и себя, и наследника российского престола словом

¹³ См. универсальный справочник канцелярского церемониала первой четверти XVIII в. европейских держав, включая Россию, Османскую империю и штаты Священной Римской империи, который составил учёный и юрист Кристиан Люниг: Lünig J. 1720. *Ch. Theatrum ceremoniale historico-politicum, oder Historisch- und politischer Schau-Platz aller Ceremonien, welche ... so wohl an europäischen Höfen als auch sonst bey vielen illustren Fällen beobachtet worden*. Leipzig: bey Moritz Georg Weidmann. Bd. 2: *Europäisches Canzley-Ceremoniel*. S. 42, 44, 57.

¹⁴ С 6 (17) декабря 1763 г. юный курфюрст находился под опекуном своего дяди принца Франца Ксавера.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 84. Сношения России с Саксонией. Оп. 1. Д. 7. Л. 14–14 об.

¹⁶ См., например, оригинал грамоты Фридриха Августа III Екатерине II от 27 апреля 1796 г. с извещением о рождении у него племянницы – принцессы Марии Фердинанды Амалии: Там же. Д. 22. Л. 16–16 об.

¹⁷ См. отпуск грамоты от 13 мая 1796 г. (и её перевод) с поздравлениями по случаю рождения принцессы Марии Фердинанды Амалии: Там же. Д. 22. Л. 19, 20.

¹⁸ См. черновик грамоты Павла Петровича от мая 1796 г. (дата не указана) и её перевод: Там же. Л. 8–9.

Vetter, которое, вероятно, должно было свидетельствовать о равенстве между ними, хотя статус курфюрста был несомненно выше статуса великого князя. Видимо поэтому Павел Петрович, будучи ровесником Фридриха Августа III, обращался к нему по традиции «дядя». Отметим также, что Коллегия иностранных дел по-разному переводила немецкое *Vetter* – то как «племянник», то как «свойственник», хотя словари дают значения «двоюродный брат» или «кузен». Когда Павел Петрович стал императором, Фридрих Август III именовал его *Allerdurchlauchtigster Großmächtigster Kaiser, Gnädigster Herr* («Всепресветлейший Державнейший император, Всемилоостивейший государь»), что соответствовало традиции общения курфюрста с Екатериной II¹⁹.

Переписка российских императоров с курфюрстами Пфальца и Баварии

В Архиве внешней политики Российской империи нам удалось найти две грамоты пфальцских курфюрстов (до объединения их владений с владениями баварских курфюрстов в 1777 г.) – Карла Филиппа императрице Анне Иоанновне от 20 марта 1732 г.²⁰ и Карла Теодора императрице Елизавете Петровне от 21 июня 1745 г.²¹. Курфюрст Карл Филипп просил Анну Иоанновну оказать покровительство его внукам, унаследовавшим от матери владения в Литве, на которые претендовали графы Сапегы. Ответ на эту грамоту пока не выявлен. Курфюрст Карл Теодор жаловался Елизавете Петровне на притеснение со стороны венского двора, разорение своих земель в ходе продолжавшейся Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. и уповал на покровительство российской императрицы.

Обе грамоты составлены по-латыни, с кратким указанием титула российских императриц и нетипичным обращением – *Serenissima et Potentissima Imperatrix Magnae Russiae* («Пресветлейшая и Державнейшая императрица Великия России»), что объясняется отсутствием у пфальцкого двора образцов российской титулатуры. Подписывались курфюрсты собственноручно *Caesareae Maiestatis Ve[st]rae observant[issim]us et obligat[issim]us servus* («Вашего Императорского Величества покорнейший и послушнейший слуга») с указанием имени. Выбор латыни в качестве языка общения с российскими императрицами мог быть обусловлен тем, что на этом языке курфюрсты писали императорам Священной Римской империи.

Передавая в Петербург копию грамоты курфюрста Карла Теодора, российский представитель во Франкфурте-на-Майне граф Герман Карл фон Кейзерлинг обращал внимание канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина

¹⁹ См. копию грамоты от 23 декабря 1796 г. с соболезнованиями по поводу кончины Екатерины II: Там же. Л. 6–7.

²⁰ Там же. Ф. 55. Сношения России с имперскими чинами. Оп. 2. Д. 966. Л. 2–8 (оригинальная грамота и перевод на русский язык).

²¹ Там же. Д. 968. Л. 2–12 об. (оригинальная грамота и перевод на русский язык).

на то, что «латинская экспрессия “Цесарское величество” (*Cæsarea Majestas*) в российской императорской титулатуре не употребляется, но вместо того “Императорское величество” (*Imperatoria Majestas*)». Но поскольку такой титул давался императорам Священной Римской империи курфюрстами и имперскими князьями, то Кейзерлинг не счёл это выражение ошибкой и принял грамоту от пфальцского посланника как содержащую императорский титул Елизаветы Петровны, признания которого российская дипломатия всё ещё добивалась от некоторых европейских дворов²².

Императрица велела Кейзерлингу грамоту принять, «потому что на латинском языке слово цесарское ещё приличнее, нежели императорское, а когда бы в надписи и заглавии наша полная титулатура (кою вам того для и сообщить можно) написана была, то бы ещё и лутче и всякое быть могущее для передоу сумнение предупреждено нашлось бы»²³. Оригинал грамоты курфюрста Карла Теодора прибыл в Петербург в середине августа, а ответ на неё дан только через три месяца. Грамота от 11 ноября 1745 г. была отправлена по-русски с переводом на немецкий язык²⁴. Елизавета Петровна обещала «учинить представление при венском дворе, чтобы курфюрсту быть в мире с королевой Венгербогемской» – правительницей наследственных земель Австрийской монархии Марией Терезией, супругой императора Священной Римской империи Франца I, избранного на престол в сентябре 1745 г. Российская государыня обращалась к Карлу Теодору «Светлейший Курфирст, дружбно-любезный племянник» (*Durchlauchtigster Churfürst, freundlich geliebter Vetter*) и подписалась «Вашей Курфирстской светлости дружбно-охотная тётка Елисавет» (*Ewer Churfürstlichen Durchlaucht freundwillige Muhme Elisabeth*). Кейзерлинг должен был передать грамоту пфальцскому министру во Франкфурте «с приличным по содержанию оной нашим именем комплиментов и что нам с его светлостью курфирстом его государем всегда в дружбе и корреспонденции пребывать зело приятно»²⁵.

Более или менее регулярная переписка с баварским двором установилась у России после 1742 г., когда императором Священной Римской империи впервые за 200 лет был избран представитель не династии Габсбургов, а баварской династии Виттельсбахов. В составленной по латыни известительной грамоте о своём восшествии на престол от 13 февраля 1742 г. император Карл VII (баварский курфюрст Карл Альбрехт) обращался к Елизавете Петровне как к «Пресветлейшей Державнейшей Государыне Царице и Великой Княгине Елисавете всея Великия Малыя и Белыя России Самодержице и протч, приятелнице и сестре

²² Перевод письма Г.К. фон Кейзерлинга А.П. Бестужеву-Рюмину от 14 (25) июня 1745 г.: *Там же*. Ф. 83. Сношения России с имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 184–185.

²³ Рескрипт Г.К. фон Кейзерлингу от 6 июля 1745 г.: *Там же*. Д. 3а. Л. 141 об.–142.

²⁴ Отпуск грамоты с переводом см.: *Там же*. Ф. 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 6–6 об., 8–9.

²⁵ *Там же*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 229–229 об.

нашей любезнейшей» (*Serenissimae e potentissimae Principi, Dominae Elisabethae, Totius Magnae, Parvae, Albaeque Russiae pp., Czarae & Autocratrici, Amicae et Sorori Nostrae Charissimae*). В грамоте отсутствовал не только императорский титул Елизаветы Петровны, но и обращение «Величество» (*Majestas*), вместо которого использовалось обращение «Светлость» (*Serenitas*)²⁶, как это было принято ранее при дворе императора Карла VI Габсбурга, последовательно отказывавшего российским государям в новом титуле и скончавшегося в 1740 г.

Грамота не была принята российским двором. Поначалу Карл VII согласился добавить в текст обращение «Величество», но и в таком виде послание было возвращено отправителю²⁷. В сентябре 1742 г. в Россию приехал полномочный министр императора барон Йозеф Мария Игнац фон Нейгауз. На протяжении почти двух лет Елизавета Петровна отказывалась принимать его верительную грамоту опять-таки по причине отсутствия в документе императорского титула российской самодержицы. Так как переговоры о титуле велись в ходе Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг., а Карл VII был заинтересован в поддержке России, ему пришлось согласиться на включение титула в грамоту (Петрова 2022).

Только 4 (15) января 1744 г. Нейгауз наконец удостоился первой аудиенции Елизаветы Петровны и вручил ей кредитивную грамоту. Она была датирована 7 июня 1742 г.²⁸ В своей речи на немецком языке полномочный министр Карла VII уверял императрицу в чувствах истинной дружбы, которые к ней питает его государь²⁹. Дипломат также обратился с речью на немецком языке к великому князю Петру Фёдоровичу³⁰. В ответ А.П. Бестужев-Рюмин, тогда ещё вице-канцлер, от имени Елизаветы Петровны выразил по-русски её искреннее желание «к общей ползе обоих имперей не токмо в добром согласии пребывать, но и оное вяще и вяще наблюдать и утверждать»³¹. Ответ великого князя также зачитывался по-русски³², но кем именно, в источниках не указывалось. Заметим, что тексты речей дипломаты присылали в Коллегию иностранных дел заранее, она же готовила перевод этих текстов и ответы на русском языке с переводами. Ответы дипломаты получали по окончании аудиенции. Затем речи и ответы на них направлялись в Академию наук для публикации.

²⁶ Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 1. 1742. Д. 1. Л. 2 (копия текста на латинском языке без начального и конечного протокола), 6–7 об. (перевод грамоты на русский язык с полным начальным и конечным протоколом). Оригинал возвращённой грамоты хранится в документах Имперской канцелярии в Австрийском государственном архиве. См.: *Österreichisches Staatsarchiv. Abteilung Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Reichskanzlei. Russland I. Karton 33 (1739–1745). Fasz. 1740–1742. Fol. 66–67*.

²⁷ Оригинал грамоты см.: *Ibid.* Fol. 89–90 v.

²⁸ Копия грамоты на латинском языке и её перевод: *АВПРИ*. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 40, 43–44.

²⁹ Текст речи на русском и немецком языках: Там же. Оп. 1. 1744. Д. 5. Л. 9–10 об.

³⁰ Текст речи на русском и немецком языках: Там же. Л. 5–6.

³¹ Ответ императрицы Елизаветы Петровны на русском и немецком языках: Там же. Л. 11.

³² Ответ великого князя Петра Фёдоровича на русском и немецком языках: Там же. Л. 12.

9 (20) января 1745 г. Карл VII скоропостижно скончался. Нейгаузу предстояло официально уведомить российский двор об этом событии и пройти процедуру аккредитации теперь уже от имени своего нового государя – сына покойного императора, курфюрста Баварии Максимилиана III Иосифа. Грамота от 21 января 1745 г. с печальным известием пришла в Петербург в конце марта, она также содержала решение курфюрста оставить Нейгауза полномочным министром при российском дворе, т. е. была одновременно грамотой верительной.

По обычаю, дипломат предварительно вручил канцлеру А.П. Бестужев-Рюмину копию документа, но тот более трёх недель не мог получить доступ к Елизавете Петровне, из-за того, что она держала великий пост. Ознакомившись с копией, она велела грамоту вернуть – вновь из-за имевшихся неточностей в начальном и конечном протоколе. Составленная на латинском языке грамота начиналась с обращения *Serenissima & Potentissima Imperatrix ac Domina et Amica Observandissima* («Пресветлейшая и Державнейшая императрица, Государыня и приятельница высокопочтеннейшая»), но дальше по тексту курфюрст именовал её только «Вашим величеством» без определения «императорское», упомянув, правда, один раз «Ваш императорский дом», и подписался кратко *ad Obsequia paratissimus* («к услугам готовейший»)³³. Претензии императрицы вызвал и выбор латинского языка.

На встрече с Нейгаузом 11(22) апреля 1745 г. канцлер А.П. Бестужев-Рюмин попросил составить новую грамоту на немецком языке, указав, что латынь является языком общения российского двора исключительно с императорами Священной Римской империи, а с курфюрстами переписка обычно ведётся по-немецки. Как мы видели, это не совсем так, грамоты пфальцских курфюрстов 1732 и 1745 гг. были составлены на латыни и их не просили переделывать. Кроме того, как раз в апреле 1745 г. Коллегия иностранных дел готовила кредитивную грамоту для Г.К. фон Кейзерлинга, направлявшегося во Франкфурт-на-Майне, где для избрания нового императора должно было состояться заседание Коллегии курфюрстов – одной из трёх, входивших в состав рейхстага Священной Римской империи. Кредитивная грамота от 9 апреля 1745 г., составленная по обычаю на русском языке, сопровождалась переводом на латинский язык³⁴. Впоследствии перевод на латынь будет приложен и к кредитивной грамоте Кейзерлинга от 23 сентября 1745 г., адресованной рейхстагу Священной Римской империи³⁵. При этом рекредитивная грамота для Кейзерлинга от 6 октября 1745 г., направленная Коллегией курфюрстов Елизавете Петровне, была составлена на немецком языке³⁶, а рекредитивная грамота рейхстага от 16 декабря 1746 г. – на латыни³⁷ (Петрова 2021).

³³ Её копию на латинском языке и перевод на немецкий язык см.: Там же. Ф. 37. Сношения России с Баварией. Оп. 5. Д. 2. Л. 10–10 об., 12–13.

³⁴ Отпуск грамоты с переводом см.: Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 1. Л. 1–2, 3–3 об.

³⁵ Черновики грамоты на русском и латинском языках: Там же. Л. 12–12 об., 14.

³⁶ Там же. Оп. 1. 1745. Д. 2. Л. 1–4 об.

³⁷ Оригинал грамоты и перевод см.: Там же. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1133. Л. 2–3 об., 4–6 об.

Как выяснил Нейгауз, причина нежелания принимать грамоты на латинском языке заключалась в том, что по сложившейся традиции Коллегии иностранных дел приходилось все грамоты российских монархов переводить на иностранные языки, для чего требовались квалифицированные люди и средства на оплату их труда³⁸. Переводчиков с немецкого было найти легче, хотя бы потому, что в российском внешнеполитическом ведомстве служили как подданные германских государств, так и немецкоговорящие выходцы из прибалтийских губерний (Петрова 2023b).

Что касается самих формул начального и конечного протоколов грамоты, то главное возражение Елизаветы Петровны вызвало обращение курфюрста Максимилиана III Иосифа к ней как «приятельнице», т. е. как к равной, что могли позволить себе только суверенные государи. Бестужев-Рюмин дал понять, что в грамоте не должно быть слов «приятельница» или «сестра» и передал Нейгаузу копии двух грамот саксонского курфюрста Фридриха Августа II от 4 (см. о ней выше) и 28 февраля 1733 г. императрице Анне Иоанновне ещё до своего провозглашения королём Польши³⁹. В обоих документах императрица была названа «Высокопочтеннейшей Государыней» (*Hochgeehrteste Frau*), а сам курфюрст подписался «служебно-охотнейший верно-обязательной слуга» (*Dienstwilligster treu verbundener Diener*)⁴⁰. Таким образом подчёркивалась разница в статусе между императрицей и курфюрстом.

Нейгауз заявил, что его государь не может ориентироваться только на грамоты саксонских курфюрстов. Тогда 19(30) апреля 1745 г. Бестужев-Рюмин передал ему копию грамоты ганноверского курфюрста Георга Людвига от 9 июня 1714 г. (за два месяца до провозглашения его британским королём), в которой тот обращался к «пресветлейшему и державнейшему царю и великому князю» Петру I как к «дружбно-любезнейшему и высокопочтеннейшему дяде» (*freundlich-vielgeliebter und hochgeehrtester Herr Oheimb*), выступая в качестве к «услугам готовейшего племянника и слуги» (*dienst-willigster Vetter und Diener*)⁴¹. Таким образом в 1740-е гг. Vetter однозначно переводили как племянник. Канцлер сказал Нейгаузу, что Максимилиан III Иосиф может выбрать любой из двух вариантов начального и конечного протокола грамоты⁴².

Дипломат вынужден был запросить у курфюрста новые грамоты. Тот, очевидно, взял паузу, чтобы выбрать один из предложенных вариантов. Пока же юный Максимилиан III Иосиф решил написать Елизавете Петровне что-то

³⁸ Перлюстрированная копия реляции Й.М. фон Нейгауза от 13 (24) апреля 1745 г.: Там же. Ф. 6. Секретнейшие дела (Перлюстрации). Оп. 1. Д. 61. Л. 50–50 об.

³⁹ Записка о встрече Й.М. фон Нейгауза с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером М.И. Воронцовым 11 апреля 1745 г.: Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 3. Л. 16–17.

⁴⁰ Там же. Л. 18–19 об., 33–33 об.

⁴¹ Там же. Л. 28–29.

⁴² Записка о встрече Й.М. фон Нейгауза с канцлером А.П. Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером М.И. Воронцовым 19 апреля 1745 г.: Там же. Л. 26–27.

вроде личного письма (хотя в документах Коллегии иностранных дел оно и названо грамотой) под предлогом того, что до него дошли слухи о её сочувствии к постигшей его невосполнимой утрате. Письмо было составлено собственноручно 1 мая по новому стилю 1745 г. на французском языке и начиналось с обращения *Madame*, а заканчивалось *de Votre Majesté Imperiale très obeissant et vrai serviteur Max[imilian] Joseph* («Вашего императорского величества покорнейший и верный слуга Макс[имилиан] Иосиф»)⁴³. Елизавета Петровна ответила на это письмо лишь после того, как на так называемой приватной аудиенции от 30 октября (10 ноября) 1745 г. барон Нейгауз вручил ей официальную грамоту курфюрста, составленную на немецком языке и датированную 20 января 1745 г. – днём смерти императора Карла VII. Грамота одновременно была верительной для Нейгауза.

По примеру ганноверского курфюрста Максимилиан III Иосиф предпочёл обратиться к российской императрице по-родственному как к «высокопочтеннейшей государыне тётке» (*Hochgeehrteste Frau Muhme*), а сам именовался «служебно-охотнейшим племянником и слугой» (*Dienstwilligster Vetter und Diener*)⁴⁴. Коллегия подготовила от имени Елизаветы Петровны две грамоты «к Его Курфирстской Светлости». Официальная грамота от 31 октября была составлена на русском языке с приложением перевода на немецкий и являлась ответом на верительную грамоту Нейгауза, которая одновременно содержала известие о смерти Карла VII. Императрица обращалась к Максимилиану Иосифу «Светлейший Курфирст, дружелюбно-любезный племянник» (*Durchlauchtigster Churfürst, freundlich-geliebter Vetter*) и именовалась «дружелюбно-любезной теткой» (*freundwillige Muhme*). Помета Коллегии иностранных дел на копии документа гласила: «Писана та грамота на голанской меньшей бумаге ровно против присланной от него курфирста Баварского, на которой края со всех сторон чернилами очернены. Сложена и запечатана без коверта государственною среднею печатью под кустодиею бумажною на черном воску, как приложенной при сем во всем формат показывает»⁴⁵. Вторая грамота Елизаветы Петровны, датированная 2 ноября, была ответом на письмо курфюрста на французском языке от 1 мая 1745 г. и содержала всего лишь несколько строк. Она тоже была составлена по-русски с приложением перевода на немецкий язык, но начиналась с обращения «мой господин» (в переводе – *Monsieur*, на французский манер, как ответ на *Madame*), хотя в подписи Елизавета снова называла себя «дружелюбно-любезной теткой» (*freundwillige Muhme*). Помета Коллегии иностранных дел гласила: «Писана та грамота на малой почтовой бумаге сложена в четверо и

⁴³ Оригинал письма и перевод: Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об., 4–4 об.

⁴⁴ Грамота курфюрста Максимилиана III Иосифа Елизавете Петровне от 20 января 1745 г. на немецком языке и её перевод на русский язык: Там же. Д. 1. Л. 1–2 об., 3–4 об.

⁴⁵ Копия грамоты и черновик перевода: Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 1–3 об.

запечатана в обыкновенном коверте, как рескрипты печатают черным сургучом»⁴⁶. Таким образом оба послания российской императрицы даже выглядели по-разному.

Вручив официальную грамоту Максимилиана Иосифа III на аудиенции 30 октября (10 ноября) 1745 г., Нейгауз произнёс три речи: Елизавете Петровне, великому князю Петру Фёдоровичу и его молодой супруге великой княгине Екатерине Алексеевне. Все речи были составлены по-немецки. Целью их было официально передать российскому двору известие о безвременной кончине Карла VII и выразить надежду, что императрица и российский императорский дом продолжат поддерживать дружбу и доброе согласие с новым курфюрстом Баварии, установленные при жизни его отца. Ответ от имени императрицы прозвучал из уст канцлера Бестужева-Рюмина по-русски. Ответы великого князя и великой княгини зачитал камергер двора Екатерины Алексеевны князь Александр Михайлович Голицын, будущий фельдмаршал. Примечательно, что ответы молодой пары были составлены по-французски, хотя год назад ответ Петра Фёдоровича Нейгаузу на первой аудиенции дипломата зачитывался по-немецки⁴⁷. Причины, по которым было решено, что молодой двор будет отвечать по-французски, в источниках не указаны. От всех членов императорского дома Нейгауз получил уверения в высочайшем расположении к его государю.

В 1746 г. Нейгауз был отозван из России: Бавария больше не видела необходимости содержать в Петербурге министра, да и Елизавета Петровна считала нецелесообразным пребывание представителей некоронованных курфюрстов при её дворе⁴⁸. Только в 1787 г., уже при императрице Екатерине II, стороны обменялись постоянными дипломатическими представителями. За 40 лет языки общения между Петербургом и Мюнхеном не изменились. Верительная грамота для российского полномочного министра Христофора Ивановича Петерсона от 4 апреля 1787 г. была составлена по-русски с переводом на немецкий язык⁴⁹, для баварского министра барона Антона Вильгельма фон Викинбурга от 4 июня 1787 г. – по-немецки⁵⁰. Сохранялось и неравенство между российскими императорами и баварскими курфюрстами. Екатерина II назвалась «дружеско-охотной тёткой», а курфюрста Карла Теодора, объединившего в 1777 г. земли Баварии и Пфальца, именовала «дружеско-любезнейшим племянником». Курфюрст обращался к российской императрице как к «высокопочтеннейшей государыне тётке», а рекомендовал себя «служеско-охотнейшим племянником и слугой».

⁴⁶ Там же. Д. 7. Л. 2–3 об.

⁴⁷ Тексты всех речей: Там же. Д. 3. Л. 66–77.

⁴⁸ Оригинал отзывной грамоты от 10 июня 1746 г. на немецком языке и её перевод на русский язык см.: Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–5 об.

⁴⁹ Там же. Оп. 5. Д. 46. Л. 12–12 об.

⁵⁰ Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

Однако речи на первой аудиенции, адресованные Екатерине II, великому князю Павлу Петровичу, великой княгине Марии Фёдоровне и их сыновьям Александру и Константину, барон Викенбург произносил по-французски. По сравнению с витиеватыми речами Нейгауза они были гораздо короче⁵¹. На последней аудиенции в декабре 1797 г. Викенбург также выступил с речами на французском языке, адресованными всем находившимся в то время в Петербурге членам императорской семьи: Павлу I и Марии Фёдоровне, великому князю Александру Павловичу и его супруге великой княгине Елизавете Алексеевне, великому князю Константину Павловичу и его супруге великой княгине Анне Фёдоровне, великим княжнам Александре Павловне, Марии Павловне, Елене Павловне и Екатерине Павловне⁵². К сожалению, в архиве Коллегии иностранных дел не сохранились речи российского посланника в Мюнхене Петерсона.

Письменное общение Павла I и баварского курфюрста Карла Теодора тоже строилось в терминах родства. Однако курфюрст называл императора *Hochgeehrtester Herr Vetter*, что в данном случае следует переводить «Высокопочтеннейший Государь кузен» или «двоюродный брат» (перевод, сделанный в Коллегии иностранных дел, в архивном деле отсутствует), а сам подписывался *Dienstwilliger Vetter und Diener* («служебно-охотный кузен и слуга»)⁵³. По нашим сведениям, российский двор не выказывал недовольства по поводу претензий курфюрста на равенство с императором, выражавшееся в использовании *Vetter* и для получателя, и для отправителя, поскольку в заключительном протоколе Карл Теодор называл себя слугой, готовым оказать услугу выше стоявшему по статусу. Павел I продолжил традицию своих предшественников и называл курфюрста «дружеско-любезным племянником», а себя «дружеско-охотным дядей», о чём свидетельствуют русские тексты его грамот и сделанные к ним переводы⁵⁴.

Переписка российских императоров с духовными курфюрстами Священной Римской империи

Выявленная нами в АВПРИ переписка российского двора с духовными курфюрстами – архиепископами Майнца, Кёльна и Трира – невелика по объёму и относится к царствованию Екатерины II и Павла I. Стимулом к налаживанию прямых контактов стало создание в 1781 г. постоянной дипломатической миссии России во Франкфурте-на-Майне, к ведению которой относились государства Верхне- и Нижнерейнского, Вестфальского, Швабского и Франконского

⁵¹ Там же. Л. 7–11.

⁵² Там же. Д. 17. Л. 14–33 об.

⁵³ См., например, отзывную грамоту курфюрста Карла Теодора для барона Викенбурга от 6 декабря 1797 г.: Там же. Л. 9.

⁵⁴ См., например, грамоту от 3 июля 1797 г.: Там же. Л. 4–5 об.

округов Священной Римской империи, в том числе духовные курфюршества (Трачевский 1877: 57–73).

Языками официальной переписки российского двора с Майнцем, Кёльном и Триром были русский и немецкий, но общение с духовными курфюрстами строилось несколько иначе, чем со светскими: в нём почти отсутствовал родственный компонент. К примеру, в верительных грамотах Екатерины II для посланника во Франкфурте графа Николая Петровича Румянцева, адресованных курфюрстам Майнца и Кёльна, императрица обращалась к обоим «Высокопочтеннейший, высокородный курфюрст» (в переводе на немецкий *Hochwürdigster, Hochwohlgebohrner Churfürst*), сама же именовалась «Вашей Любви дружесноохотная Екатерина» (*Eurer Liebden Freundwillige Catharina*)⁵⁵.

Выражая благодарность Екатерине II за отправление к его двору Н.П. Румянцева в грамоте от 10 ноября 1782 г., курфюрст Кёльна Максимилиан Фридрих обращался к ней *Durchlauchtigste Großmächtigste Frau und Fürstin, besonders liebe Frau und Freundin*. Перевод на русский язык в архивном деле отсутствует, поэтому по аналогии с более ранними документами это можно перевести как «Пресветлейшая Державнейшая Государыня и Княгиня, особо любезная Государыня и Приятельница». Никаких возражений по поводу употребления слова «приятельница» от российского двора не поступало. В обращении отсутствовал императорский титул, однако он повторялся в тексте грамоты, а в собственноручной подписи курфюрст именовал себя *Ewer Kayserlichen Mayestät Dienstwilligster allzeit* («Вашего Императорского Величества всегда служесноохотнейший») ⁵⁶. Такие же формулы начального и заключительного протокола мы наблюдаем в грамоте следующего курфюрста Кёльна Максимилиана Франца от 28 апреля 1784 г., сообщавшего Екатерине II о кончине предшественника и своём вступлении в сан архиепископа⁵⁷, и в грамоте курфюрста Майнца Фридриха Карла фон Эртеля от 6 июня 1787 г. о возведении в коадьюторы⁵⁸ Карла Теодора Дальберга⁵⁹.

Выражая в грамоте от 28 июля 1784 г. сожаление по поводу кончины курфюрста Кёльна Максимилиана Фридриха и поздравляя нового курфюрста Максимилиана Франца с принятием сана и началом управления подвластными ему территориями, Екатерина II обратилась к нему не так, как к его предшественнику или к курфюрсту Майнца. В грамоте появился родственный контекст: «Высокопочтеннейше-Светлейший Курфирст, дружеснолюбезный свойственник» (*Höchstwürdigst Durchlauchtigster Churfürst, Freundlichgeliebter Vetter*), но

⁵⁵ См. не датированные копии грамот за 1781 г. с переводом на немецкий язык: Там же. Ф. 55. Оп. 7. Д. 488. Л. 3–6 об.; Д. 492. Л. 2–5 об.

⁵⁶ Там же. Д. 488. Л. 9–9 об.

⁵⁷ Там же. Л. 12–12 об.

⁵⁸ Помощник архиепископа.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 55. Оп. 7. Д. 492. Л. 6–6 об.

не племянник, как было бы при Елизавете Петровне. В переводе грамоты на немецкий по-прежнему использовалось слово *Vetter*. Подписалась же императрица «дружбно-охотной тёткой» (*Eurer Durchlaucht und Liebden freundwillige Muhme*); более того, грамота содержит заверение: «В прочем с дружбно-тёткинским доброжелательством и императорским благоволением к Вашей Светлости и Любви пребываем склонными к оказанию всех приятных угодностей»⁶⁰.

Причина изменений в начальном и финальном протоколе грамот заключается, вероятно, в том, что новый курфюрст Кёльна Максимилиан Франц был родным братом императора Священной Римской империи Иосифа II, с которым Екатерина находилась в союзе с 1781 г., а родной племянник императора и курфюрста, эрцгерцог Франц, был женихом принцессы Вюртембергской Елизаветы, которая приходилась сестрой великой княгине Марии Фёдоровне, супруге сына и наследника российской императрицы великого князя Павла Петровича. И эти неформальные связи позволяли Екатерине II писать к курфюрсту Кёльна как к родственнику. Правда, в начальном и финальном протоколах его грамот к российскому двору никаких изменений не произошло.

В отличие от курфюрстов Майнца и Кёльна курфюрст Трира Клеменс Венцель, представитель саксонского дома, в одной из немногочисленных грамот, от 20 августа 1796 г., поздравляя Екатерину II с рождением третьего внука, великого князя Николая Павловича, обращался к ней *Allerdurchlauchtigste Großmächtigste Kayserin, Gnädigste Frau* («Всепресветлейшая Державнейшая императрица, Всемиловитейшая Государыня»), рекомендовав себя к услугам готовейшим курфюрстом и слугой (*Dienstwilligster Kurfürst und Diener*)⁶¹.

Когда на престол вступил Павел I, курфюрст Кёльна Максимилиан Франц писал ему так же, как и Екатерине II, не используя в обращении слово «император», – *Durchlauchtigst-Großmächtigster Herr und Fürst, Besonders Lieber Herr und Freund* («Пресветлейший Державнейший Государь и Князь, особо любезный Государь и Приятель»)⁶². Курфюрст Майнца в своих грамотах в первой части обращения вместо слова «государь» использовал слово «император» (*Kaiser*)⁶³. Как к «пресветлейшему и державнейшему государю и императору, всемиловитейшему государю» (*Durchlauchtigst-Großmächtigster Kaiser! Gnädigster Herr!*) обращается к Павлу I трирский курфюрст Клеменс Венцель в грамоте от 11 июля 1799 г.⁶⁴. Подписи духовных курфюрстов остались прежними – *Euer Kaiserlichen Majestät Dienstwilligster*, или *Dienstwilligster Kurfürst*, или *Dienstbereitwilligster allezeit*

⁶⁰ Отпуск грамоты с переводом см.: Там же. Д. 488. Л. 13–15.

⁶¹ Оригинал грамоты см.: Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22. Л. 39.

⁶² См. грамоту Максимилиана Франца от 6 июля 1799 г. с поздравлением по случаю рождения у Павла I внучки – великой княжны Марии Александровны: Там же. Ф. 55. Оп. 7. Д. 488. Л. 32–33.

⁶³ См. грамоту курфюрста Майнца Фридриха Карла от 9 мая 1797 г. Павлу I с просьбой защитить его интересы при заключении прелиминарного мира с Францией: Там же. Д. 492. Л. 16–17.

⁶⁴ Там же. Л. 23–24.

(«Вашего Императорского Величества всегда служебно-охотнейший»). Подобно своей матери, Павел I общался в категориях родства (дядя – свойственник / Oheimb – Vetter) только с курфюрстом Кёльна Максимилианом Францем⁶⁵.

Заключение

Важное наблюдение, сделанное в ходе работы с источниками, касается адресатов известительных (нотификационных) грамот российских императоров о восшествии на престол. Обычно такие грамоты являлись одновременно верительными, так как направлялись монархам, правительствам и учреждениям, при которых действовали российские дипломатические представители, чьи полномочия нужно было заново утвердить. К примеру, адресатами грамот Екатерины II от 30 июня 1762 г. были не только император и рейхстаг Священной Римской империи, правительница Австрийской монархии Мария Терезия, французский, польский, испанский и прусский короли, Генеральные штаты Республики Соединённых провинций, но и магистраты Гданьска, Гамбурга, Любека и Бремена, так как с начала XVIII в. Россия имела в этих городах своих дипломатических представителей. Кроме того, в Вену к императору Священной Римской империи и в Константинополь к султану Османской империи были направлены чрезвычайные посланники для вручения особых грамот о восшествии Екатерины II на престол. Однако в списке адресатов известительных грамот императрицы, помимо её брата «владеющего князя» Ангальт-Цербстского, значились неаполитанский и сардинский короли, великий магистр Мальтийского ордена и Сенат Венецианской Республики, с которыми, как и с некоронованными курфюрстами Священной Римской империи, Россия в то время не имела постоянных дипломатических отношений. Составление известительных грамот для правителей Средиземноморья было призвано подчеркнуть заинтересованность Екатерины II в сотрудничестве с ними. Отсутствие в списке некоронованных курфюрстов свидетельствует об их более низком статусе в европейской иерархии. Для сравнения чрезвычайные миссии о вступлении Павла I «на всероссийский наследственный императорский престол» были направлены только императору Священной Римской империи и прусскому королю, а также троим родственникам российского монарха: его тестю – владельческому герцогу Вюртембергскому, двоюродному дяде – князю-епископу Любека и супруге брата Екатерины II – вдовствующей княгине Ангальт-Цербстской.

Как удалось установить в ходе исследования, формальная характеристика, которой является язык, может дать представление об уровнях отношений между государями. Различие в статусе между коронованными и некоронованными курфюрстами проявлялось даже в обращении отправителя к получателю

⁶⁵ Там же. Д. 488. Л. 34.

и в заключительной формуле вежливости. Отношения российских императоров и светских курфюрстов, не имевших королевского титула, были выстроены преимущественно в родственных категориях дядя (тётя) / племянник (свойственник), категории брат/сестра, принятые в переписке с суверенными государями, не допускались, что дополнительно подчёркивало неравенство контрагентов. Подчинённость, заложенная в общении с духовными курфюрстами, отражалась главным образом в заключительном протоколе грамот: курфюрсты называли себя «служебно-охотнейшими», т. е. готовыми оказать услугу выше стоявшему по положению; «дружеско-охотные» российские монархи лишь выражали расположение.

Рассмотренные источники отчасти подтверждают высказываемое ранее в историографии наблюдение, что французский язык мог служить средством неформального общения, стиравшим в некоторой степени социальные границы и уравнивавшим выше- и нижестоящих по статусу правителей. При этом вплоть до конца XVIII в. немецкий язык оставался основным языком официального общения между Россией и курфюрстами Священной Римской империи, а формулы начального и конечного протокола грамот почти не изменились. Французский язык вытеснил немецкий только из официальных речей дипломатов и ответных, составленных от имени членов монарших семей. Латынь оставалась языком общения российских императоров с императорами и рейхстагом Священной Римской империи вплоть до её распада в 1806 г.

Об авторе:

Мария Александровна Петрова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «ВШЭ». 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д.21/4, стр. 3. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-48-04402 «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте».

UDC: 94(47:430)"1725/1799":327:81'26

Received: February 14, 2024

Accepted: May 31, 2024

Languages of Written and Oral Communication between Russian Emperors and Electors of the Holy Roman Empire, 1725–1799

 M.A. Petrova[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-112-138](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-112-138)

National Research University "Higher School of Economics"

Abstract: This article, based on unpublished materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, represents the first historiographical analysis of the languages used in official correspondence — such as letters of credence, recall, and notifications — between the secular and ecclesiastical electors of the Holy Roman Empire and Russian emperors during the 18th century. Employing the methodological framework of diplomatics, an auxiliary historical discipline, the author utilizes formulaic analysis to examine the mandatory expressions and formulas in the opening and closing protocols of these letters. These linguistic conventions provide insights into the social status of both sender and recipient, reflecting the hierarchical nature of diplomatic relationships.

The article contributes to the growing interest in early modern diplomatic languages, a field that has gained traction in recent foreign historiography, particularly in studies of negotiation practices at international congresses. Archival research reveals distinct patterns in the linguistic practices of the electors. Saxon electors corresponded with Russian emperors in German, while the electors of the Palatinate and Bavaria initially used Latin before transitioning to German in the mid-18th century. Ecclesiastical electors—the archbishops of Mainz, Trier, and Cologne—also wrote in German. On rare occasions, French was used. Conversely, Russian monarchs adhered to tradition, drafting official correspondence in Russian with German translations attached.

The article concludes that the choice of language serves as a formal indicator of the nature of relationships between rulers, highlighting the distinction between sovereign monarchs and electors, who, *de jure*, remained vassals. This hierarchical disparity is further reflected in the use of kinship terms within the correspondence. For example, Russian emperors addressed secular electors not as "brothers" or "sisters" — terms typically reserved for sovereign equals — but as "uncles," "aunts," or, later, "in-laws" (occasionally "cousins"). These designations underscored the unequal status of the correspondents.

Additionally, the correspondence sheds light on the process by which the influential Estates of the Holy Roman Empire recognized the imperial title of the Russian monarchs. By analyzing the linguistic and formal characteristics of these letters, the study provides new insights into the social and political dynamics of 18th-century diplomacy.

Keywords: eighteenth century diplomacy, Holy Roman Empire, protocol and formulae of official letters, German language, French language, Latin, sovereignty, epistolary etiquette

About the author:

Maria A. Petrova – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow at the School of History, Faculty of Humanities of the National Research University “Higher School of Economics”. 105066, Russia, Moscow, Staraya Basmannaya 21/4, building 3.
E-mail: maria.petrova@bk.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements

This article was prepared as part of the project “Languages of Eighteenth-Century Russian Diplomacy in a European Context”, supported by the Russian Scientific Fund (№ 22-48-04402).

References:

- Bély L. 2017. L'usage diplomatique de la langue française, instrument de la puissance? *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States 18th–20th Centuries*. Eds. K. Sanchez-Summerer, W. Frijhoff. Amsterdam: AUP. P. 157–178. (In French). DOI: 10.2307/j.ctt1s476sk.10
- Braun G. 2010. *La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756*. München: Oldenbourg Verlag. 911 p. (In French)
- Couto D. et Péquignot St., dir. 2017. *Les langues de la négociation: Approches historiennes*. Renne: Presse universitaire. 288 p. (In French)
- Duchhardt H. und Espenhorst M., hrsg. 2012. *Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 286 S. DOI: 10.13109/9783666101144 (In German)
- Gerstenberg A., hrsg. 2014. *Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Historische und sprachwissenschaftliche Zugänge*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau. 298 p. (In German)
- Hochedlinger M. 2009. *Aktenkunde: Urkunden- und Aktenlehre der Neuzeit*. Wien: Böhlau. 292 S. (In German)
- Matzke J. 2011. *Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763*, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. 463 S. (In German)
- Offord D., Rjéoutski V., Argent G. 2018. *French Language in Russia: A Social, Political, Cultural and Literary History*. Amsterdam: AUP. DOI: 10.1515/9789048532766
- Penzholz G., Schmidt-Rösler A. 2014. Die Sprachen des Friedens – eine statistische Annäherung. *Sprache. Macht. Frieden. Augsburger Beiträge zur Historischen Friedens- und Konfliktforschung (Documenta Augustana Pacis Bd. 1)*. Hrsg. von J. Burkhardt, K.P. Jankrift, W.E.J. Weber. Augsburg: Wißner-Verlag. S. 309–320. (In German)
- Rjéoutski V., Argent G., Offord D., eds. 2014. *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford: Peter Lang. 498 p.
- Rjéoutski V., Frijhoff W., eds. 2018. *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*. Amsterdam: AUP. 234 p.
- Schmidt-Rösler A. 2013. Die ‘Sprachen des Friedens’. Theoretischer Diskurs und statistische Wirklichkeit. *Utrecht – Rastatt – Baden 1712–1714. Ein europäisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz 98)*. Hrsg. von H. Duchhardt und M. Espenhorst. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 235–259. (In German)

Schmidt-Rösler A. 2013a. 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie. *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte Mainz 94)*. Hrsg. von M. Espenhorst. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 167–202. (In German)

Steppan Ch. 2016. *Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)*. Göttingen: V&R Unipress. 492 S. (In German)

Stollberg-Rilinger B. 2002. Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit. *Dreihundert Jahre Preußische Krönung. Eine Tagungsdokumentation*. Hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Duncker & Humblot. S. 1–26. (In German)

Strien-Chardonneau M. van, Kok Escalle M.-Ch., eds. 2016. *French as Language of Intimacy in the Modern Age*. Amsterdam: AUP. 210 p.

Anisimov M.Yu. 2020. *Rossiya v sisteme velikikh derzhav v tsarstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.)* [Russia in the System of Great Powers during the Reign of Elisabeth Petrovna (1741–1761)]. Moscow: Tovariishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 457 p. (In Russian)

Bantysh-Kamenskiy N.N. 1896. *Obzor vneshnikh snosheniy Rossii (po 1800 god)* [Review of the Russian Foreign Relations till 1800]: V 4-kh chastyakh. Vol. 2: Germaniya i Italiya. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 273 p. (In Russian)

Belyaev M.P. 2022. Yazykovye problemy i problemy perevoda na Vestfal'skom mirnom kongresse [Language and Translation Problems at the Westphalia Peace Congress]. *Srednie veka*. 83(2). P. 50–65. DOI: 10.7868/S0131878022020039 (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2013. Gramoty imperatora Svyashchennoy Rimskoy imperii Karla VI russkomu tsaryu Petru I v sobranii RGADA [Letters (gramoty) of the Emperor of the Holy Roman Empire Karl VI to the Russian Tsar Peter I in the collection of RGADA]. *Vestnik arkhivista*. 3(123). June – September. P. 244–260. (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2022. Gramoty angliyskikh monarkhov Petru I v sobranii Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Letters of English monarchs to Peter I in the collection of the Russian State Archive of Ancient Documents]. *Rossiya i Velikobritaniya: pyat' vekov kul'turnykh svyazey. Materialy VI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Russia and Great Britain: Five Centuries of Cultural Connections. Proceedings of the VI International Peter the Great Congress]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom. P. 715–723. (In Russian)

Gus'kov A.G. 2007. Istochniki Velikogo posol'stva 1697–1698 gg.: gramoty [Sources of the Great Embassy 1697–1698: Official Letters]. *Svyaz' vekov: Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 goda. Pamyati professora A.A. Preobrazhenskogo: sbornik statey* [Connection of Centuries: Source Studies on the History of Russia before 1917. In Memoriam of Professor A.A. Preobrazhensky: collection of essays]. Ed. A.V. Semenova. Moscow: IRI RAN. P. 208–240.

Kardanova N.B. 2013. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Velikogo dozhm Venetsianskoy respubliki: tematika, zhanr, stil', epistolyarnyy etiket* [Diplomatic Letters of Peter the Great to the Doges of the Venetian Republic: Subject, Genre, Style, Epistolary Etiquette]. Moscow: INDRIK. 448 p.

Kashtanov S.M. 1988. *Russkaya diplomatika* [Russian Diplomats]. Moscow: Vysshaya shkola. 231 p. (In Russian)

Khavanova O.V. 2022. Rozhdenie ertsgerstsga Iosifa i simbolicheskaya diplomatiya venskogo dvora v 1741 g. [The Birth of Archduke Joseph and the Symbolic Diplomacy of the Vienna Court in 1741]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences]. №5. P. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9 (In Russian)

Khavanova O.V. 2023. «Druzhebnye obyazatel'stva» Sankt-Peterburga i Veny: obmen gramotami i posol'stvami nakanune i v gody Semiletney voyny ["Friendly Commitments" of St. Petersburg and Vienna: Exchange of Letters and Embassies on the Eve and During the Seven Years' War]. *Rossiia v global'nom konflikte XVIII veka: Semiletnyaya voyna (1756–1763) i rossiyskoe obshchestvo* [Russia in the Global Conflict of the 18th Century: the Seven Years' War (1756–1763) and Russian Society]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 144–162. (In Russian)

Larina Ya. 2023. Rossiysko-shvedskaya diplomaticheskaya kommunikatsiya v petrovskoe vremya: khronika vybora rabochego yazyka [Russian-Swedish Diplomatic Communication in the Petrine Era: the Chronicle of Language Choice]. *Quaestio Rossica*. 11(4). P. 1196–1214. DOI: 10.15826/qr.2023.4.842 (In Russian)

Offord D., Rzhetskiy V., Ardzhent G. 2022. *Frantsuzskiy yazyk v Rossii: Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [French Language in Russia: a Social, Political, Cultural and Literary History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 888 p. (In Russian)

Petrova 2021. German Karl von Keyserlingk i priznanie imperatorskogo titula rossiyskikh gosudarey Svyashchennoy Rimskoy imperiiy germanskoy natsii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserlingk and the Recognition of the Russian Imperial title by the Holy Roman Empire in 1745–1746]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(6). P. 89–109. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109 (In Russian)

Petrova M.A. 2022. Priznanie imperatorskogo titula rossiyskikh gosudarey Svyashchennoy Rimskoy imperiiy: problema i puti ee resheniya (pervaya polovina 1740-kh godov) [The Recognition of the Imperial title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: the Problem and its Solutions (First Half of the 1740s)]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. №6. P. 43–59. DOI: 10.31857/S013038640021151-4 (In Russian)

Petrova M.A. 2023a. Legitimitsiya velikogo knyazya Petra Fedorovicha kak gertsoga Gol'shteyn-Gottorpskogo v Svyashchennoy Rimskoy imperii [Legitimation of Grand Duke Peter Fedorovich as Duke of Holstein-Gottorp in the Holy Roman Empire]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 67(6). P. 34–48. DOI: 10.31857/S013038640026774-9 (In Russian)

Petrova M.A. 2023b. Yazykovye praktiki rossiyskikh diplomatov inostrannogo proiskhozhdeniya brat'ev Simolinikh vo vtoroy polovine XVIII veka [Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century]. *Quaestio Rossica*. 11(4). P. 1264–1279. DOI: 10.15826/qr.2023.4.846 (In Russian)

Tatsenko T.N. 2016. O formulare pisem nemetskikh territorial'nykh gosudarey XVI v. (po materialam Nauchno-istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN) [About the form of Letters of German Territorial Sovereigns of the 16th Century (Based on Materials from the Scientific-Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Ed. N.N. Smirnov. Vol. 35. P. 469–493. (In Russian)

Trachevskiy A.S. 1877. *Soyuz knyazey i nemetskaya politika Ekateriny II, Fridrikha II i Iosifa II. 1780–1790 gg.* [The League of Princes and the German Policy of Catherine II, Frederick II and Joseph II]. Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha. 524 p. (In Russian)

Schwarcz I. 2022. Prinyatie imperatorskogo titula kak element strategii v reformennoy politike Petra I [The Adoption of the Imperial Title as an Element of Strategy in the Reform Policy of Peter I]. *Istoricheskaya ekspertiza*. №3. P. 152–178. DOI: 10.31754/2410-1419-2022-3-152-178 (In Russian)

Zyabrikov V.V. 2020 *Za Rodinu i Slavu: Vtoraya voyna za Sileziyu (1744–1745)* [For the Fatherland and Glory: The Second Silesian War (1744–1745)]. Moscow: OOO «Slovo». 604 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Анисимов М.Ю. 2020. *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 457 с.
- Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4-х частях. Ч. 2: Германия и Италия*. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 273 с.
- Беляев М.П. 2022. Языковые проблемы и проблемы перевода на Вестфальском мирном конгрессе. *Средние века*. 83(2). С. 50–65. DOI: 10.7868/S0131878022020039
- Болотина Н.Ю. 2013. Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА. *Вестник архивиста*. 3(123). Июль – сентябрь. С. 244–260.
- Болотина Н.Ю. 2022. Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов. *Россия и Великобритания: пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса*. Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 715–723.
- Гуськов А.Г. 2007. Источники Великого посольства 1697–1698 гг.: грамоты. *Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей*. Отв. ред. А.В. Семенова. Москва: ИРИ РАН. С. 208–240.
- Зябриков В.В. 2020. *За Родину и Славу: Вторая война за Силезию (1744–1745)*. Москва: ООО «Слово». 604 с.
- Карданова Н.Б. 2013. *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет*. Москва: ИНДРИК. 448 с.
- Кашганов С.М. 1988. *Русская дипломатика*. Москва: Высшая школа. 231 с.
- Ларина Я. 2023. Российско-шведская дипломатическая коммуникация в петровское время: хроника выбора рабочего языка. *Quaestio Rossica*. 11(4). С. 1196–1214. DOI: 10.15826/qr.2023.4.842
- Оффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г. 2022. *Французский язык в России: Социальная, политическая, культурная и литературная история*. Москва: Новое литературное обозрение. 888 с.
- Петрова 2021. Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(6). С. 89–109. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109
- Петрова М.А. 2022. Признание императорского титула российских государей Священной Римской империей: проблема и пути её решения (первая половина 1740-х годов). *Новая и новейшая история*. №6. С. 43–59. DOI: 10.31857/S013038640021151-4
- Петрова М.А. 2023а. Легитимация великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского в Священной Римской империи. *Новая и новейшая история*. 67(6). С. 34–48. DOI: 10.31857/S013038640026774-9
- Петрова М.А. 2023б. Языковые практики российских дипломатов иностранного происхождения братьев Симолиных во второй половине XVIII века. *Quaestio Rossica*. 11(4). С. 1264–1279. DOI: 10.15826/qr.2023.4.846
- Таценко Т.Н. 2016. О формуляре писем немецких территориальных государей XVI в. (по материалам Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН). *Вспомогательные исторические дисциплины*. Отв. ред. Н.Н. Смирнов. Вып. 35. С. 469–493.

Трачевский А.С. 1877. *Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II. 1780–1790 гг.* Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича. 524 с.

Хаванова О.В. 2022. Рождение эрцгерцога Иосифа и символическая дипломатия венского двора в 1741 г. *Славяноведение*. №5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X0022079-9

Хаванова О.В. 2023. «Дружебные обязательства» Санкт-Петербурга и Вены: обмен грамотами и посольствами накануне и в годы Семилетней войны. *Россия в глобальном конфликте XVIII века: Семилетняя война (1756–1763) и российское общество*. Москва: Новое литературное обозрение. С. 144–162.

Шварц И. 2022. Принятие императорского титула как элемент стратегии в реформенной политике Петра I. *Историческая экспертиза*. №3. С. 152–178. DOI: 10.31754/2410-1419-2022-3-152–178

«Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией

 И.В. Данилин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Китай сталкивается с растущими геополитическими и социально-экономическими вызовами. Ответом является структурная перестройка китайской экономики на основе сектора высоких технологий (high tech) и перспективных технологий. Статья посвящена анализу современной промышленно-технологической и инновационной политики Китая на фоне глобальных экономических вызовов и внутренних структурных ограничений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки способности Китая адаптироваться к изменяющейся международной обстановке, усилению технологического давления со стороны западных стран и внутренним вызовам, таким как старение населения и снижение экономического роста. Цель работы заключается в том, чтобы дать оценку текущих подходов к развитию национальной инновационной системы (НИС) Китая, а также критически рассмотреть трансформацию китайской промышленной политики. В качестве гипотезы выдвигается утверждение, что, несмотря на внешние признаки модернизации, политика Китая по-прежнему сохраняет черты традиционного интервенционистского подхода. Методология исследования опирается на теорию национальных инновационных систем и элементы политической экономии. В работе также применяются кейс-методы, включая анализ поддержки малых и средних предприятий (МСП), так называемых «маленьких гигантов», в качестве примера реализации политики создания «национальных чемпионов». Используются официальные документы и релевантные статистические данные. Основные выводы статьи указывают на то, что текущая промышленно-технологическая политика Китая носит противоречивый характер. С одной стороны, наблюдается переход к более сложной и многоуровневой системе поддержки, включающей стимулирование технологических МСП и развитие передовых технологий, таких как интегральные схемы, искусственный интеллект, и возобновляемые источники энергии. С другой стороны, сохраняются элементы техно-центристского и мобилизационного подхода. При этом ставка делается в том числе на «национальных чемпионов», которым вменены функции стимулирования экономического

УДК: 338.2:338.45:32

Поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 25.11.2024

развития. Хотя в число чемпионов ныне включены не только крупные компании, но и МСП, а сам подход к их отбору стал более гибким, новая политика далека от оптимальной. На примере «маленьких гигантов» показан спектр рисков, связанных с реализацией новой политики. На перспективу перед экономикой КНР и её технологической политикой остаются существенные вызовы. Однако потенциал изменений невелик в силу растущего внешнего давления и эффекта колеи, ориентирующих китайское руководство на воспроизводство прежних подходов.

Ключевые слова: Китай, политика развития, технологическая политика, «национальные чемпионы», «маленькие гиганты», национальная инновационная система, матричный подход

Экономика Китая сталкивается с серьёзными вызовами. Достигнуты пределы роста за счёт эффекта «низкой базы» — Китай переходит к новой норме роста ВВП. Сохраняются серьёзные отраслевые проблемы, которые варьируются от кризиса на рынке недвижимости до избыточных производственных мощностей. Увеличивается стоимость рабочей силы, а в перспективе из-за старения населения будет сокращаться и её объём. Налицо также ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры: США и другие страны Запада постепенно ограничивают доступ КНР к своим рынкам, научной базе, передовым технологиям, «умному» капиталу.

В ответ на эти вызовы КНР делает акцент на развитии высокотехнологичных отраслей, передовых технологий и в целом своей национальной инновационной системы (НИС). Одним из важнейших факторов успеха оказывается трансформация промышленно-технологической и инновационной политики: отход от традиционных интервенционистских инструментов и «догоняющей» модели развития в пользу т. н. «матричного» подхода (приоритетные технологии – институты НИС), характерного для наиболее развитых стран. С формальной точки зрения на протяжении 2010-х гг. и, особенно, после 2017–2019 гг. мы наблюдаем именно этот процесс.

Цель работы состоит в том, чтобы дать оценку актуальных подходов промышленно-технологической и инновационной политики КНР с учётом, поставленных задач достижения прорывного развития в технологической сфере. Гипотезой данного исследования является то, что наблюдаемые изменения отражают не столько формирование в КНР современной модели промышленно-технологической и инновационной политики, сколько модернизацию традиционных инструментов, которые сохраняют все свои ограничения.

Методологически данное исследование основывается на теории национальных инновационных систем и подходах политической экономии, которые позволяют корректно проанализировать и объяснить выбор моделей, подходов и инструментария промышленно-технологической и инновационной политики КНР с учётом широкого набора как политических, так и экономических факторов, а также оценить потенциальные ограничения этих подходов. В контексте

избранной темы полезным оказывается также использование элементов принципал-агентской теории (см., например Van der Meulen 1998; Bolz 2017), позволяющей понять отдельные аспекты отношений между государством и хозяйствующими субъектами всех форм собственности в КНР в рамках реализации её промышленных, технологических и инновационных задач.

Исследование опирается на работы российских и зарубежных авторов, изучавших основные направления, содержание и ключевые аспекты китайской политики по развитию важнейших наукоёмких, в том числе высокотехнологичных, секторов экономики КНР (Fuller 2019; Song and Wen 2023; Коледенкова 2022; Перская, Ревенко 2022; Roberts et al. 2022; Marukawa T. 2023; Zhang and Lan 2023; Wu et al. 2021 и пр.). При этом большая часть вышеупомянутых работ не ставила своей целью оценить базовые модели или подходы промышленно-технологической и инновационной политики КНР, а также её долгосрочную эффективность и вызовы, — дополняя и углубляя сделанные в этих работах заключения, настоящая статья продолжает и развивает академическую дискуссию. С учётом гипотезы и задач данного исследования отдельное внимание было уделено также изучению исторического опыта КНР по формированию компаний – «национальных чемпионов» как агентов экономического развития (Hemphill and White 2013; Lin and Milhaupt 2013), а также анализу политики в отношении технологически активных малых и средних предприятий — «маленьких гигантов» (Zhu and Chen 2023; Tang et al. 2024).

В первой части данной статьи сделан общий обзор наиболее важных направлений современной промышленно-технологической и инновационной политики КНР. Во второй части эта политика проанализирована с точки зрения соответствия «матричной» и традиционной идеологии. В третьей части проведён анализ трансформации в новых условиях феномена «национальных чемпионов» как важнейшего индикатора реальной природы современной китайской политики, а также взаимосвязанных проблем и ограничений развития КНР. При этом особый акцент в работе сделан на рассмотрении кейса поддержки специализированных малых и средних предприятий (т. н. «маленьких гигантов»).

Передовые технологии и развитие инновационных субъектов как каркас «матричной» политики КНР

Основой китайской инновационной и промышленно-технологической политики остаётся фокус на передовых технологиях, которые рассматриваются как важнейший фактор опережающего развития в контексте современной экономики. В конце 2000-х — середине 2010-х гг. КНР избрала фронтальный подход к развитию сектора высоких технологий (high tech), определив широкий спектр приоритетов. Хотя многие из них фиксировались в официальных документах и государственных программах с конца 1990-х гг., системно основные направления и большая часть крупных мероприятий были определены

в середине 2010-х гг. в XI и XII Пятилетних планах (включая т. н. стратегические формирующиеся отрасли), программе «Сделано в Китае 2025» (далее MiC-2025) и в иных документах.

Однако, из-за ресурсных, компетентностных, технических и геополитических ограничений достичь амбициозных целей не удалось. В качестве реакции на это обстоятельство были выделены приоритеты первого порядка, имеющие наибольшее значение для инновационной трансформации экономики Китая, его экономического и технологического суверенитета и стимулирования качественного экономического роста. Речь шла как о прорывных технологиях, так и об отдельных высокотехнологичных секторах.

Высшим приоритетом является разработка и выпуск интегральных схем (ИС) по передовым технологическим процессам (с топологическими нормами ниже 10 нм), соответствующего производственного оборудования и систем проектирования (Fuller 2019; Song and Wen 2023; Коледенкова 2022; Marukawa 2023; Zhang and Lan 2023)¹. Причина очевидна: на фоне высокой зависимости от импорта², ограничения со стороны США и ЕС снизили доступ Китая к передовым ИС, которые необходимы и для передовых направлений (например, для искусственного интеллекта (ИИ)), и для персональной электроники как наиболее конкурентоспособного сектора китайского хай-тек (в 2021–2023 гг. более 11,5–11% от всего экспорта КНР)³.

Другим приоритетом высокого уровня стало развитие автомобилей с полностью электрической и гибридной силовой установкой (в КНР используется термин «машины на новых источниках энергии» — NEV). Хотя первые программы были инициированы ещё в 2009–2012 гг., масштабной господдержка спроса и производства NEV стала с конца 2010-х гг. (Yuan et al. 2015; Перская и Ревенко 2020: 22; Liu et al. 2022; Kalthaus and Sun 2021: 480–481)⁴. А в 2023 г. была объявлена крупнейшая в истории автопромышленности КНР четырёхлетняя программа субсидирования NEV (Masiero et al. 2016; Kalthaus and Sun 2021: 480; Hu et al. 2022).

Продолжается и существенно растёт поддержка прорывных цифровых технологий, что особенно хорошо видно на примере ИИ. После утверждения Госсоветом КНР Плана развития искусственного интеллекта нового поколения

¹ Shingo I. 2022. The Chinese Government's Financial Support for the Semiconductor Industry: Further Strengthening Support Despite Dilemma. SSU-Working Paper No. 6 S. Ito 1. *Institute for Future Initiatives (IFI). The University of Tokyo*. URL: https://ifi.u-tokyo.ac.jp/en/wp-content/uploads/2022/03/SSU_WP_Slto_EN20220214.pdf (accessed 11.09.2024).

² Внутреннее производство ещё в 2021–2022 гг. покрывало менее 25% спроса (Marukawa 2023: 17), хотя есть и более оптимистичные оценки.

³ Рассчитано автором на основе данных из баз данных UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/>).

⁴ China Considers Extending its EV Subsidies to 2023. *China Briefing*. 27.06.2023. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-considers-extending-its-ev-subsidies-to-2023/> (accessed 11.09.2024); Kawase K. 'Made in China 2025' thrives with subsidies for tech, EV makers Handouts go on but local government cash crunch adds new factor. *Nikkei Asia*. 22.07.2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-Spotlight/Made-in-China-2025-thrives-with-subsidies-for-tech-EV-makers> (accessed 11.09.2024).

(2017 г.) увеличилось финансирование исследований и разработок, формируются государственно-частные партнёрства с крупными корпоративными игроками, реализуются иные меры поддержки (Roberts et al. 2022)⁵. Высокое значение сохраняет и развитие технологий 5G, облачных вычислений и иные направления.

Традиционно высоким приоритетом остаются возобновляемые источники энергии (ВИЭ). В одном только 2023 г. было введено свыше 500 ГВт новых мощностей с планами дальнейшего мощного роста генерации. Показательно, что наряду с 5G и центрами обработки данных, ВИЭ в 2020 г. были включены в мегапрограмму создания «Новой инфраструктуры» (Wu et al. 2021; Коледенкова 2022: 55; Pan 2022)⁶. Предполагается, что на масштабирование «новой» инфраструктуры будет выделено более 1,4 трлн долл.

Важным сигналом об усилении фокуса на перспективных технологических направлениях стало объявление Председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2023 г. политики развития новых производительных сил. В документах и выступлениях официальных лиц⁷ говорится о росте производительности труда за счёт внедрения новейших технологий, создании новых прорывных решений и иных мерах, призванных вывести КНР в лидеры новой технологической революции.

Вторым измерением госполитики КНР в рамках де-юре матричного подхода являются системные меры, связанные с развитием НИС. В частности, продолжается развитие технопарков, кластеров, особых зон и иной инновационной инфраструктуры — с особым акцентом на венчурный бизнес (Zhu et al. 2022; Chen 2023). При этом технологический декаплинг⁸ и санкции США и ЕС усилили акцент на «суверенизации» институтов НИС, включая технологические биржи (например, StarMarket в Шанхае и пр.). Развиваются также корпоративные и региональные инновационные экосистемы и академический сектор, что достигается как за счёт наращивания субсидий и развития инвестиционных структур, так и благодаря стимулированию межсекторальной кооперации с участием университетов, крупного бизнеса и малых инновационных предприятий.

⁵ Johansson A.C. 2022. China's AI Ecosystem. *Stockholm China Economic Research Institute. Stockholm School of Economics*. URL: <https://www.hhs.se/contentassets/bc962221471a415ba8ac01fbbf160277/chinas-ai-ecosystem-nov-2022.pdf> (accessed: 11.09.2024).

⁶ Ding J. 2022. Techno-Industrial Policy for New Infrastructure: China's Approach to Promoting Artificial Intelligence as a General Purpose Technology. *The University of California Institute on Global Conflict and Cooperation (IGCC)*. URL: https://ucigcc.org/wp-content/uploads/2022/12/Ding_working-paper_IGCC-2022-1.pdf (accessed 11.09.2024); Digital economic growth plan unveiled. 2022. *China Daily*. 20.01. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202201/20/WS61e8b21ca310cdd39bc8228d.html> (accessed 11.09.2024).

⁷ См., например: Xi stresses development of new productive forces, high-quality development. 2024. *Xinhua*. 02.02. URL: <https://english.news.cn/20240202/ee2c9e4a410b453ba4ba956f09583a02/c.html> (accessed 11.12.2024); Understanding Xi's quotes on new productive forces. 2024. *Xinhua*. 02.02. URL: <https://english.news.cn/20240202/02e54dbeac9442dba89228084974819b/c.html> (accessed 11.09.2024); 关志. 2024. 雄中国致力发展“新质生产力”——关键是前沿技术与产业的融合. *The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI)*. URL: <https://www.rieti.go.jp/users/kan-si-yu/cn/c240702.html> (accessed 30.11.2024).

⁸ от англ. decouple – разъединять, расцеплять — постепенный разрыв экономик США и Китая.

Наиболее серьёзные изменения произошли в политике по развитию субъектов китайской инновационной системы. На фоне сохранения высокого уровня поддержки крупного технологического бизнеса и стартап-сообщества, к концу 2010-х гг. в фокус госполитики попали устоявшиеся малые и средние предприятия (МСП). Дело в том, что технологические ограничения стран Запада выявили «узкие места» производственно-технологических цепочек КНР, которые здесь и сейчас не могли быть ликвидированы ни крупными компаниями, ни стартапами. На основе осмысления германского опыта (феномен «Mittelstand») и композиции НИС развитых стран ставка была сделана на выращивании групп специализированных технологических МСП — самостоятельных производителей и экспортёров уникальной технологической продукции и/или партнёров крупных корпораций.

Правительство КНР выделяет различные категории подобных МСП (инновационные, специализированные, «промышленные чемпионы» и т. д.)⁹. В данном случае мы кратко упомянем лишь поддержку т. н. «маленьких гигантов» как наиболее известной и широко обсуждаемой группы подобных МСП (Ding et al. 2023; García-Herrero and Krystyanczuk 2024)¹⁰.

«Маленькие гиганты» — это компании с доходом от 100 до 400 млн юаней (приблизительно 14–55 млн долл.) и ежегодным ростом прибыли не менее 10%. Они должны разрабатывать и/или производить передовые технологические решения и занимать значимые или ведущие позиции на внутреннем рынке. К формальным требованиям относится также высокая доля научно-технологического и инновационного персонала (более 15% занятых), значимый объём НИОКР и интеллектуальной собственности.

Систематическая поддержка «маленьких гигантов» началась в 2018 г. и с тех пор росла экспоненциально — причём как в передовых регионах, так и в менее развитых провинциях (Zhu et al. 2023; Tang et al. 2024)¹¹. Так, в 2021 г. было объявлено о планах выделить до 10 млрд юаней (1,55 млрд долл.) до 2025 г. Кроме того, с 2018 г. было введено стимулирующее регулирование, обеспечен преференциальный доступ «гигантов» к кредитам, госзакупкам, лучшие условия выхода на биржу и пр.

Поддержка «маленьких гигантов» и иных МСП до определённой степени дополняет акторный и институциональный блок «матрицы» госполитики, создавая условия для роста и повышения динамизма НИС. В целом мы можем

⁹ Brown A., Chimits F., Sebastian G. 2023. Accelerator state: How China fosters "Little Giant" companies. *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*. URL: <https://merics.org/en/report/accelerator-state-how-china-fosters-little-giant-companies> (accessed 11.09.2024).

¹⁰ Brown et al. Op.cit.

¹¹ Brown et al. Op. cit.; Innovative SMEs to get policy boost in financing. *China Daily*. 04.02.2021. URL: https://english.www.gov.cn/policies/policywatch/202102/04/content_WS601b47d2c6d0f72576945164.html (accessed 11.09.2024); 'Little giants' enjoy outsized innovation role. 2023. *China Daily*. 31.03. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/31/WS642636e3a31057c47ebb7958.html> (accessed 11.09.2024).

говорить о формировании целостного и эффективного подхода и к интенсивному развитию китайской инновационной системы, в том числе с точки зрения преодоления внешних ограничений.

Тем не менее анализ мероприятий даёт основания полагать, что китайская политика управления развитием изменилась не так сильно. Налицо модернизированная версия хорошо знакомой промышленно-технологической политики КНР, со всеми её особенностями и ограничениями.

Традиционные начала инновационных подходов госполитики КНР

Анализируя современную политику КНР, несложно заметить, что при всём внешне матричном характере и акценте на экосистемах и иных атрибутах современных подходов к реализации мер поддержки промышленности и инноваций¹², она строится в большей мере в традиционной, нежели в инновационной логике.

Прежде всего, речь идёт о техно-центристском подходе. Развитие всё ещё рассматривается не как итог сочетания оптимальных институтов НИС и формирования технологического потенциала по приоритетным направлениям, но в логике технологического прорыва по наиболее важным направлениям, а также с учётом цели достижения технологического суверенитета. Причём достичь данного результата предполагается за счёт реализации интервенционистских, мобилизационных мер со стороны государства. Даже в акторно-институциональной сфере фокус сделан прежде всего на мобилизацию национальных усилий в «отраслях будущего» и в сфере прорывных технологий. Характерны в этом отношении гигантские субсидии производителям NEV и электроники¹³, активность в сфере ИИ и по иным направлениям, ориентирующие субъектов прежде всего на рыночно-технологические задачи. Довлеющий характер техно-центристской логики подтверждается и формулировками концепции и политики новых производительных сил.

Безусловно, это не означает игнорирования проблемы экономических институтов (как и институтов НИС), которые также упоминаются и в документах, и в заявлениях руководства страны применительно к инновационному и научно-техническому развитию. Но акценты и фактические приоритеты политики это не меняет.

Помимо вполне объяснимой веры элит (и речь здесь идёт не только о КНР) в возможность технологий решить ключевые экономические проблемы, а также опыта предшествующих десятилетий (догоняющее технологическое развитие),

¹² Rodrik D. 2004. Industrial Policy for the Twenty-First Century. CEPR Discussion Papers 4767. Centre for Economic Policy Research (CEPR). URL: <https://repec.cepr.org/repec/cpr/ceprdp/DP4767.pdf> (accessed 30.11.2024).

¹³ Kawase. Op.cit.

этот техноцентризм объясняется, судя по всему, нарастанием внешних ограничений. Начало торгово-технологических конфликтов с США в 2018–2019 гг. секьюритизировало проблематику передовых технологий и переместило их в центр внимания властей. Одним из последствий стало то, что плохо алгоритмируемые институциональные задачи, достижение которых к тому же прямо не конвертируется в гарантию техно-суверенитета на понятных временных горизонтах, были подменены понятными технологическими целями.

При всём том конфликт с Западом подталкивает руководство КНР ещё и к сохранению и даже к развитию интервенционистских практик. Ведь возможности выстраивания «открытых» инновационных процессов с использованием ресурсов НИС развитых стран сократились, а рост внешнего давления требует мобилизации ресурсов.

Конечно, в силу полученного в 2000–2010-х гг. опыта развития современная промышленно-технологическая и инновационная политика КНР отличается от архаичных паттернов 1990-х – начала 2000-х. Её отличительной чертой, как раз и создающей иллюзию «матричности» и «институциональности», является опора не столько на прямые меры поддержки, сколько на агентов развития – не только на крупные компании, но и на инвестиционные фонды и иных акторов НИС.

По сути налицо скорректированная версия политики по созданию «национальных чемпионов».

Исторически роль «национальных чемпионов» и в Китае, и в иных странах выполняли в основном крупные хозяйствующие субъекты, выступавшие интеграторами и локомотивами развития в отраслях присутствия (например, японские кейрэцу/сюданы 1950–1980-х гг. и южнокорейские чеболи 1980–1990-х гг.). Причём до 2000-х гг. роль «чемпионов» в КНР выполняли госкомпании (ГК), теоретически более управляемые и устойчивые к рыночным факторам, ограничивающим долгосрочные, стратегические инвестиции и планирование частного сектора¹⁴. Ряд авторов даже ставит знак равенства между ГК и феноменом «чемпионов» в КНР (Lin and Milhaupt 2013; Hemphill and White 2013). Но со второй половины 2000-х гг. на фоне неэффективности ГК в сфере «традиционных» высоких технологий и на новых цифровых рынках (Xia 2016) всё большую роль в китайской политике начинают играть успешные частные корпорации. Возможно, на практике и существовали отличия между подходами к ГК-«чемпионам» и к частным корпорациям, но на макромасштабе их функционал был близок — с той лишь разницей, что частные компании не всегда реализовывали де-юре «прорывные» проекты национального значения. При этом и про ГК никто не забывал, что отразилось, например, в реформе, озвученной

¹⁴ О развитии и значении госкомпаний в КНР см., например (Lin 2020).

на XIX Съезде КПК под лозунгом «сильнее, лучше, крупнее» (рост глобальной конкурентоспособности, прежде всего за счёт передовых технологий)¹⁵.

С 2010-х гг. на фоне концентрации усилий на основных рыночно-технологических приоритетах эта скорректированная «чемпионская» логика выдерживалась достаточно строго. Например, в телекоммуникационных технологиях ключевыми игроками стали частные Huawei и ZTE. В интернет-секторе, ИИ и иных прорывных цифровых решениях и, частично, в отношении цифровой инфраструктуры опорой госполитики служили Alibaba, Tencent, Baidu. В микроэлектронике ставка делалась на частного контрактного производителя SMIC, частично Huawei и на окологосударственной Tsinghua Unigroup¹⁶ (Zhang and Lan 2022; Marukawa 2023). Сектор NEV всё более выраженно развивается на основе сформировавшейся де-факто дуополии частной BYD и государственной SAIC.

При этом «чемпионы» играли существенную роль и в реализации системных и институциональных мер, в т. ч. в логике государственно-частных партнёрств. Помимо «новой» инфраструктуры здесь в качестве примера можно привести взаимодействие властей и китайских интернет-гигантов в развитии инновационных и цифровых экосистем провинций как фактора преодоления последствий COVID-кризиса (Danilin 2020).

Но с начала 2020-х гг. избыточное увлечение крупными «чемпионами» стало меняться на более трезвый взгляд и, как следствие, подход вновь эволюционировал.

Госпредприятия не стали локомотивами инновационной трансформации КНР. Более того, неэффективными оказались и некоторые окологосударственные «стратегические» инвесторы, которым был предоставлен фактически карт-бланш на развитие. Самым ярким примером в этом отношении стал кризис Tsinghua Unigroup в 2020–2021 гг., приведший к реструктуризации и смене её собственников. Однако на фоне выявившихся уязвимостей китайского технологического сектора стало ясно, что и крупные частные компании не смогли обеспечить необходимые прорывы, в т. ч. в силу слабого фокуса на долгосрочных научно-технологических работах. К тому же конфликт с Alibaba пошатнул веру властей в лояльность интернет-корпораций. Заметим, что последнее, вероятно, и стало причиной появления у государства в 2023 г. «золотых акций» отдельных значимых предприятий, входящих в империи интернет-гигантов (от Tencent до ByteDance – китайского собственника TikTok)¹⁷. Исключением из правил стали

¹⁵ China to create bigger, stronger State-owned firms. 2017. *China Daily*. 10.01. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201710/20/WS5a0ce7ada31061a738406c8c.html> (accessed 11.09.2024).

¹⁶ Технологический холдинг, функционирующий в т. ч. как фонд стратегических инвестиций – в том числе в иностранные компании. До 2022 г. был де-юре аффилирован с инвестструктурами Университета Цинхуа.

¹⁷ Capri A. 2023. How China's Tech Crackdown Impacts Foreign Investment. *The Hinrich Foundation*. 11.04. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/tech/china-tech-crackdown-impacts-foreign-investment/> (accessed 11.09.2024); Beijing takes 'golden share' in a Tencent subsidiary, records show. 2023. *Reuters*. 19.10. URL: <https://www.reuters.com/world/china/beijing-takes-golden-share-tencent-subsiary-records-show-2023-10-19/> (accessed 11.09.2024).

лишь телекоммуникационный сектор и сектор NEV. Итогом переосмысления существующих подходов стал не отход от «чемпионской» логики, а её расширение и усложнение. И наиболее иллюстративным примером здесь служат как раз технологические МСП, включая «маленьких гигантов».

Новые «чемпионы», старые вызовы

Как и для крупных «чемпионов», в задачу «маленьким гигантам» ставится развитие наиболее прорывных технологий, которые должны снизить зависимость китайских корпораций от поставщиков из стран Запада, а также повысить конкурентоспособность КНР на мировых рынках. Характерно, что на период 2024–2026 гг. политику по их поддержке предполагается выстраивать не только в логике формирования отраслевых производственно-технологических цепочек, но и перспективных стратегических индустрий и отраслей будущего¹⁸. Причём если изначально рассматривались прежде всего промышленные технологии, то в настоящий момент спектр приоритетных направлений существенно расширился вплоть до Индустрии 4.0, охватывая ныне едва ли не весь перечень приоритетов MiC-2025.

Судя по заявлениям китайских властей и общей логике эволюции госполитики, на «маленьких гигантов» возлагаются также отдельные институциональные функции. Наряду с венчурным сектором они определённо видятся инструментом общего повышения динамизма сектора хай-тек и НИС, включая потенциал «естественной» демонополизации высокотехнологичных отраслей в логике шумпетеровского «созидательного разрушения».

Однако насколько оправданы надежды на «чемпионов» — даже в обновлённой версии этой логики, предполагающей их более широкий отбор, как будто бы гарантирующий высокий динамизм развития рынков и отраслей?

И теория, и практика говорят нам о целой группе рисков. Это, прежде всего, вопросы устойчивости развития за пределами госсубсидирования, искажение сигналов рынка и, как следствие, неоптимальное распределение ресурсов в масштабе экономики. Серьёзной проблемой может стать рентное поведение компаний. Тем более, что более сложный и широкий подход к определению «чемпионов» провоцирует выраженный полуспекулятивный рост технологических МСП, венчурных и иных инвестиций, адекватно реагирующих на стимулирующие меры государства, но создающих асимметрии на рынках. Как представляется, именно этим, а не только санкциями США, объясняются периодические волны банкротств инновационных МСП КНР в сфере микроэлектроники, а также по ряду иных направлений. Да и сам отбор компаний, которые

¹⁸ China to step up support for "little giant" firms. 2024. *Xinhua*: 20.06. URL: <https://english.news.cn/20240620/2370f9b5fb7d4e90a32a56b257300743/c.html> (accessed 11.09.2024).

получают непропорциональные преимущества перед иными субъектами, вызывает вопросы. По мнению ряда экспертов (García-Herrero and Krystyanczuk 2024), судя по таким индикаторам, как затраты на НИОКР и иным инновационно-технологическим показателям, нельзя говорить о принципиальном отличии или превосходстве отобранных государством «маленьких гигантов» над иными сопоставимыми МСП. Не столь чётко прослеживается даже корреляция с приоритетами MiC-2025 (García-Herrero and Krystyanczuk 2024), хотя частично это может быть связано с тем, что здесь речь идёт о частных компаниях, изначально не столь прочно связанных с госполитикой. В этом же контексте следует упомянуть непродуктивную конкуренцию провинций за привлечение технологических компаний в сфере, в частности, микроэлектроники (Marukawa 2023: 15,16, 18, etc.)¹⁹. Местные и региональные власти не только стремятся получить инвестиции, но и хотят показать свою роль в обеспечении китайского технологического суверенитета.

Вызовом на перспективу является и то, что субсидии и создание тепличных условия развития для «чемпионов» могут снижать качество их роста и дестимулировать межсекторальные связи, критически важные и для решения стоящих перед ними задач, и для развития НИС в целом. Косвенное подтверждение этому мы находим в отношении поддержки всё тех же «маленьких гигантов». По оценкам западных экспертов, как минимум частично наблюдаются нарушения системы диалога «гигантов» с академическим и корпоративным секторами, в т. ч. как следствие не всегда органического, полупринудительного характера кооперации²⁰.

Иными словами, будучи качественным среднесрочным решением и отражая общее понимание необходимости более глубоких, в том числе институциональных перемен, «чемпионы», в том числе «маленькие гиганты», одновременно являются симптомом более глубоких проблем китайской политики, а также потенциально дестимулируют переход к более серьёзным реформам. Этого современный Китай позволить себе явно не может.

Заключение

Китайская технологическая политика находится в стадии перехода к новой, сложной и многоуровневой системе, соответствующей масштабу стоящих перед КНР задач. Однако внешние вызовы и «эффект колеи» дестимулируют её инновационную трансформацию, вынужденно реактуализировав ряд старых подходов и инструментов, пусть и в обновлённой форме.

¹⁹ Shingo I. 2022. Op.cit.; These Are the Megaprojects in China's \$1 Trillion Infrastructure Plan. *Bloomberg*. 26.08. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2022-08-25/how-china-will-spend-1-trillion-on-infrastructure-to-boost-economy> (accessed 11.09.2024).

²⁰ Brown et al. Op.cit.

Нехватку компетенций и технологий, сокращение доступа к научно-техническим, инновационным и финансовым ресурсам Запада, равно как и недостаток времени, необходимого на органическое развитие НИС и отраслей хай-тек, государство пытается компенсировать за счёт привычной модели мобилизации ресурсов. Эти же факторы приводят к невольной подмене логики развития институтов фокусом на технологические прорывы, будто бы способные изменить экономику и инновационную систему.

Конечно, важной отличительной особенностью новой политики является её фокус на делегирование целых групп задач субъектам НИС в принципал-агентной логике, пусть и при сохранении системы мощных субсидий и иных форм прямой поддержки. Однако, хотя сама по себе эта логика представляется вполне понятной и оправданной, в том числе и с точки зрения решения институциональных задач, проблема заключается в техно-центристском и «мобилизационном» подходе. По сути, экономические субъекты — от техно-гигантов до МСП, «умного» капитала и экосистем — рассматриваются не через призму формирования институтов и усиления иных характеристик и потенциала НИС, но как инструменты промышленно-технологической и уже потом инновационной политики, причём в приложении к достаточно предметным целям этой политики.

Подобный подход неизбежно будет сталкиваться с классическими ограничениями, характерными для традиционной промышленной политики, которые могут иметь серьёзные негативные последствия для КНР. Как следствие, возвращение или, точнее говоря, переосмысление институционального измерения промышленно-технологической и инновационной политики КНР оказывается абсолютным императивом на среднесрочную перспективу. Иначе дальнейшее развития и НИС, и тех же «чемпионов» окажется в зоне риска, а эффективность государственных усилий будет снижаться. В этом отношении показательно, что даже анализ факторов развития «маленьких гигантов» демонстрирует, что при прочих равных условиях их успех определяется не столько избыточной господдержкой, сколько оптимальными условиями хозяйствования и дружественным регулированием (Ding et al. 2023; Tang et al. 2024).

Это, разумеется, не означает, что КНР вовсе не реализует институциональные преобразования или не придаёт им значения (Zhang and Rodríguez-Pose 2024). Однако на данный момент они явно играют второстепенную роль. Их развитие тормозится внешним давлением, которое будет только нарастать, стимулируя власти к усилению акцентов на мобилизационные меры и интервенционистские инструменты — пусть и опосредованные «чемпионами». В этом отношении политика по развитию новых производительных сил и отраслей будущего, равно как и реализация программы «маленьких гигантов» и иные начинания подтверждают, что на данный момент никого изменения в подходах руководства КНР не предвидится. Это обстоятельство предполагает сохранение умеренно-высоких рисков развития Китая на среднесрочную перспективу.

Об авторе:

Данилин Иван Владимирович — кандидат политических наук, заместитель директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23

E-mail: danilin.iv@imemo.ru

ORCID 0000-0002-4251-1998

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 338.2:338.45:32
Received: October 13, 2024
Accepted: November 25, 2024

"National Champions" and Technological "Little Giants": Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition

 I.V. Danilin
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154)

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract: China is confronting escalating geopolitical and socio-economic challenges, prompting a structural reorganization of its economy centered on the high-tech sector and emerging technologies. This article examines China's contemporary industrial, technological, and innovation policies within the context of global economic disruptions and domestic structural constraints. The relevance of this study lies in evaluating China's capacity to adapt to a shifting international environment, heightened technological competition from Western countries, and domestic pressures such as an aging population and slowing economic growth.

The paper seeks to assess current strategies for the development of China's national innovation system (NIS) and critically analyze the transformation of its industrial policy. The central hypothesis posits that, despite outward signs of modernization, China's approach retains elements of traditional interventionism. Methodologically, the research draws on the theory of national innovation systems and elements of political economy, supplemented by case studies. These include an analysis of support mechanisms for small and medium-sized enterprises (SMEs)—particularly the so-called "small giants"—as a key example of the implementation of the "national champions" policy. The study relies on official documents and relevant statistical data.

The findings reveal that China's current industrial and technological policies are marked by ambivalence. On the one hand, there is a notable shift towards a more nuanced and multi-tiered support system, emphasizing incentives for technology-oriented SMEs and the devel-

opment of advanced sectors such as integrated circuits, artificial intelligence, and renewable energy. On the other hand, elements of a techno-centric and mobilization-oriented approach persist, with "national champions" continuing to play a central role in driving economic development. While the definition of champions has expanded to include SMEs, and the criteria for their selection have become more flexible, the effectiveness of this policy remains limited. The case of the "small giants" highlights the risks associated with the new policy framework. Looking ahead, the Chinese economy and its technology policies will continue to face significant challenges. However, the potential for transformative change appears limited due to mounting external pressures and path dependency, which predispose Chinese leadership to replicate established approaches.

Keywords: China, development policy, technology policy, "national champions", "small giants", national innovation system, matrix approach

About the author:

Ivan V. Danilin — PhD (Cand. of Sciences, Political Science), Deputy Director at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
E-mail: danilin.iv@imemo.ru
ORCID 0000-0002-4251-1998

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bolz K. 2017. Who Should Be the Principal of Innovation? *Journal of Responsible Innovation*. 4(1). P. 78–81. DOI:10.1080/23299460.2017.1320645.
- Chen J. 2023. Venture Capital Research in China: Data and Institutional Details. *Journal of Corporate Finance*. №81. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2022.102239.
- Danilin I.V. 2020. The Impact of the COVID Crisis on the Innovative Potential of China's Internet Platforms. *Herald of Russian Academy of Sciences*. №90. P. 779–788. DOI: 10.1134/S1019331620060271.
- Ding J., Wang D., Liu X. 2023. Spatial Distribution and Influencing Factors of Specialized and Sophisticated "Little Giants" Enterprises in the Yangtze River Delta. *Geographical Research*. 42(4). P. 1009–1028. DOI: 10.11821/dlyj020220620.
- Fuller D. B. 2019. Growth, Upgrading and Limited Catch-up in China's Semiconductor Industry. L. Brandt and T.G. Rawski (eds). *Policy, Regulation, and Innovation in China's Electricity and Telecom Industries*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 262–303.
- García-Herrero A., Krystianczuk M. 2024. How Does China Conduct Industrial Policy: Analyzing Words Versus Deeds. *Journal of Industry, Competition and Trade*. 24(10). 25 p. DOI: 10.1007/s10842-024-00413-w.
- Hemphill T.A., White III G.O. 2013. China's National Champions: The Evolution of a National Industrial Policy — Or a New Era of Economic Protectionism? *Thunderbird International Business Review*. 55(2). P.193–212. DOI: 10.1002/tie.21535.
- Hu Y., Qu S., Huang K., Xue B., Yu Y. 2022. The Chinese Plug-in Electric Vehicles Industry in Post-COVID-19 Era Towards 2035: Where is the Path to Revival? *Journal of Cleaner Production*. Vol. 361, 10 p. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132291

- Kalthaus M., Sun J. 2021. Determinants of Electric Vehicle Diffusion in China. *Environmental and Resource Economics*. №80. P. 473–510. DOI: 10.1007/s10640-021-00596-4.
- Lin K. J., Lu X., Zhang J., Zheng Y. 2020. State-Owned Enterprises in China: A Review of 40 Years of Research and Practice. *China Journal of Accounting Research*. 13(1). P. 31–55. DOI: 10.1016/j.cjar.2019.12.001.
- Lin L.-W., Milhaupt C.J. 2013. We Are the (National) Champions. Understanding the Mechanisms of State Capitalism in China. *Stanford Law Review*. 65(4). P. 697–760.
- Liu L., Ding T., Wang H. 2022. Digital Economy, Technological Innovation and Green High-Quality Development of Industry: A Study Case of China. *Sustainability*. 14(17). DOI: 10.3390/su141711078.
- Marukawa T. 2023. From Entrepreneur to Investor: China's Semiconductor Industrial Policies. *Issues & Studies: A Social Science Quarterly on China, Taiwan, and East Asian Affairs*. 59(1). P. 1–21 p. DOI: 10.1142/S1013251123500017.
- Masiero G., Ogasavara M.H., Jussani A.C., Risso M.L. 2016. Electric Vehicles in China: BYD Strategies and Government Subsidies. *RAI Revista de Administração e Inovação*. №13. P. 3–11. DOI: 10.1016/j.rai.2016.01.001
- Pan D. 2022. Storing Data on the Margins: Making State and Infrastructure in Southwest China. *Information, Communication & Society*. 25(16). P. 2412–2426. DOI: 10.1080/1369118X.2022.2077125.
- Roberts H., Cows J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L. 2022. Governing Artificial Intelligence in China and the European Union: Comparing Aims and Promoting Ethical Outcomes. *The Information Society*. 39(2). P. 79–97. DOI: 10.1080/01972243.2022.2124565.
- Song L., Wen Y. 2023. Financial Subsidies, Tax Incentives and Technological Innovation in China's Integrated Circuit Industry. *Journal of Innovation & Knowledge*. 8(3). 14 p. DOI: 10.1016/j.jik.2023.100406.
- Tang G., Wang L., Zheng T., Wu W. 2024. What Types of Business Environment Fosters the Emergence of More Specialized and Sophisticated “Little Giant” Enterprises? An Empirical Study Based on the TOE Framework and Configuration Adaptation Theory. *Managerial and Decision Economics*. №45. P. 1557–1572. DOI: 10.1002/mde.4063.
- Van der Meulen B. 1998. Science Policies as Principal–Agent Games: Institutionalization and Path Dependency in the Relation Between Government and Science. *Research Policy*. 27(4). P. 397–414. DOI: 10.1016/S0048-7333(98)00049-3.
- Wu J., Zhang Y., Shi Z. 2021. Crafting a Sustainable Next Generation Infrastructure: Evaluation of China's New Infrastructure Construction Policies. *Sustainability*. №13. 18 p. DOI: 10.3390/su13116245.
- Xia J. 2016. Convergence and Liberalization in China's ICT Sector: New Market and New Ecosystem. *Telecommunications Policy*. 40(2–3). P. 81–88. DOI: 10.1016/j.telpol.2015.12.002.
- Yuan X., Liu X., Zuo J. 2015. The Development of New Energy Vehicles for a Sustainable Future: a Review. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 42(C). P. 298–305. DOI: 10.1016/j.rser.2014.10.016.
- Zhang L., Lan T. 2023. The New Whole State System: Reinventing the Chinese State to Promote Innovation. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 55(1). P. 201–221. DOI: 10.1177/0308518X221088294.
- Zhang M., Rodríguez-Pose A. 2024. Government Reform and Innovation Performance in China. *Papers in Regional Science*. 103(3). DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100023.
- Zhu H., Liu R., Chen B. 2023. The Rise of Specialized and Innovative Little Giant Enterprises under China's “Dual Circulation”: Development Pattern: An Analysis of Spatial Patterns and Determinants. *Land*. 12(1). P. 259. DOI: 10.3390/land12010259.

Zhu K., Zhang F., Wu F. 2022. Creating a State Strategic Innovation Space: the Development of the Zhangjiang Science City in Shanghai. *International Journal of Urban Sciences*. 27(4). P. 599–621. DOI: 10.1080/12265934.2022.2132988.

Koledenkova N.N. 2022. Vysokotekhnologichnoe Proizvodstvo: Osnova Modernizacii Obrabatyvajushhej Promyshlennosti Kitaja. [High-tech Production: the Basis for the Modernization of China's Manufacturing Industry]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. №1. P. 53–64. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-640. (In Russian).

Perskaya V.V., Revenko N.S. 2020. «Sdelano v Kitae 2025»: Kitajskij opyt obespechenija zadach nacional'nogo razvitija [“Made in China 2025”: Chinese Experience in Achieving National Development Goals]. *Asia and Africa Today*. №7. P. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750010100-2. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Коледенкова Н.Н. 2022. Высокотехнологичное производство: основа модернизации обрабатывающей промышленности Китая. *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022. №1. С. 53–64. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-64.

Перская В., Ревенко Н. 2020. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития. *Азия и Африка сегодня*. №7. С. 19–25. DOI: 10.31857/S032150750010100-2.

Liquid Regionalism in Latin America: The Institutional and Trade Dynamics of the Latin American Integration Association

 M.E. Morales-Fajardo

National Autonomous University of Mexico

Abstract: The Latin American Integration Association (LAIA) represents a commercial integration process that exemplifies the concept of liquid regionalism. Its defining characteristics include a lack of commitment and interest among member states, coupled with a pronounced pursuit of trade alternatives beyond regional boundaries. Rather than evolving into a robust common market, LAIA has primarily functioned as a zone of tariff preferences.

This article aims to highlight the fragility of commercial integration within LAIA and to analyze the strong tendency toward extra-regional trade, which undermines the foundational principles of Latin American regionalism. The study provides a comprehensive examination of the historical context, evolution, and institutional framework of LAIA, with a particular focus on intra-regional trade dynamics and the Association's interactions with other regions and countries.

The analysis concludes that LAIA epitomizes liquid regionalism in Latin America, a characterization stemming from the limited commitment of its member states, the institutional flexibility that defines its operations, and the prioritization of extra-regional trade at the expense of achieving its original objectives of economic integration and cooperation.

Although LAIA was conceived within the framework of open regionalism in Latin America, it has not developed into a fully-fledged regional integration process. Instead, its focus has remained narrowly confined to facilitating trade exchanges. The intergovernmental regionalism model underpinning LAIA has failed to progress toward the establishment of a free trade area, contradicting the objectives outlined in the Treaty of Montevideo.

Keywords: regionalism, regional integration, extra-regional trade, Latin America, Latin American Integration Association, LAIA, liquid regionalism

Latin America has experienced numerous attempts, both successful and unsuccessful, at forming regional integration blocs. These efforts trace back to the Bolivarian ideal of creating a "United America" in the wake of the independence movements, a vision intended to address the challenges faced by newly formed nation-states. Over time, these initiatives have reflected the evolving economic and political paradigms of the 20th century, each shaped by the specific circumstances of their era.

The historical trajectory of regional integration processes in Latin America can be traced to the 1960s, when the Import Substitution Industrialization (ISI) model inspired the first mechanisms of integration. This phase of regionalism, characterized by its distinct features, was designed under the guidance of the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) to promote economic growth. The model initially relied on significant trade barriers to external markets, which were gradually lowered to align with the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) regulations (Briceño Ruíz et al. 2013). Key initiatives during this period included the Latin American Free Trade Association (LAFTA), the Andean Pact, and the Caribbean Common Market.

A second wave of regional integration emerged in the 1990s, characterized by the adoption of open regionalism. This phase aimed to reintegrate Latin American economies into the global economic system following the severe debt crises of the preceding decades. Unlike the earlier phase, these integration efforts drew inspiration from Asia-Pacific regionalism and focused primarily on fostering international trade to enhance regional productivity. Prominent blocs formed during this period included Mercosur, the Central American Integration System (SICA), and the Andean Community (AC).

The 21st century saw the rise of new integration attempts under the frameworks of post-hegemonic or post-liberal regionalism (Briceño 2013; da Motta Veiga and Ríos, 2007). These initiatives marked a departure from the principles of economic liberalization, emphasizing social objectives, community welfare, resource management, and an enhanced role for the state in the economy. Notable examples from this period include the Union of South American Nations (UNASUR) and the Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America–People's Trade Treaty (ALBA–TCP). These efforts reflected the influence of progressive governments in the region and sought to prioritize people-centered development over market-driven approaches.

With the resurgence of conservative governments in Latin America, economic liberalization agendas have reemerged, marked by minimal institutional structures but significant ideological alignment. This trend presents a potential challenge to Latin American regional integration (Mariano et al. 2021). Notable examples of this development include the Pacific Alliance, ProSur, and the Lima Group.

This contemporary shift aligns with the concept of liquid regionalism (Mariano et al. 2021), characterized by its light and flexible institutional framework (Sanahuja 2008), as well as by the perception of high costs and limited benefits associated with

traditional regionalism. Such perceptions have contributed to political actors' disinterest in regional integration and a preference for pursuing trade and cooperation opportunities outside the region (Mariano et al. 2021).

The Latin American Integration Association (LAIA) emerged during the stagnation of early regionalist initiatives and in the context of the region's debt crises. While LAIA's operations gained momentum in the 1990s under the paradigm of open regionalism, its features and functioning are more accurately described as embodying liquid regionalism. LAIA's primary aim is to promote regional integration through trade¹; however, intra-regional trade has remained weak, with member states showing a preference for extra-regional trade. This dynamic reflects the political disinterest and lack of commitment to consolidating a common market. Despite its weaknesses, LAIA's regulations ensure that trade relations among member states cannot be severed, thereby maintaining a baseline of trade continuity.

Academic analyses of LAIA often do not directly associate it with Latin American regionalism, as the focus has been predominantly on commercial integration. Much of the existing literature situates LAIA within the framework of International Political Economy, addressing themes such as trade asymmetries, economic dependency, and the role of integration in enhancing the region's global standing (Quiliconi 2022). For example, Corbella and de Souza examined trade integration across different stages of production and its relationship to regional blocs like LAIA, Mercosur, and the Andean Community (AC) from 1995 to 2013 (Corbella and de Souza 2017). They emphasized the significance of intra-regional trade for certain members, such as Brazil, Argentina, and Mexico, particularly in intermediate goods, parts, components, and capital goods, while noting a stronger preference for extra-regional trade among others.

Additionally, Tarazona provided a retrospective on four decades of LAIA's operation, underscoring the importance of regional diversity (Tarazona 2021). Her analysis highlighted the challenges of consolidating the integration process and the role that Partial Scope Agreements have played in fostering convergence among member states.

One of LAIA's recent reports analyzed the quality of intra-regional exports in 2013, highlighting significant disparities in export quality across member states². The report also revealed that intra-regional sales exceeded extra-regional ones. According to the Export by Country Index, Mexico outperformed Brazil by 13.5%, while Brazil exceeded Argentina by 9.6% in terms of intra-regional exports.

¹ El Tratado de Montevideo 1980 (TM80). Sus principios y mecanismos. Serie Fichas ALADI. 2020. Serie Fichas ALADI 1. ALADI. Montevideo. URL: http://www2.aladi.org/biblioteca/Publicaciones/ALADI/Secretaria_General/Fichas_ALADI/01_TM80.pdf (accessed 20.11.2024)

² ALADI (2020). El Tratado de Montevideo 1980 (TM80). Sus principios y mecanismos. Serie Fichas ALADI. Serie Fichas ALADI 1. Montevideo. URL: http://www2.aladi.org/biblioteca/Publicaciones/ALADI/Secretaria_General/Fichas_ALADI/01_TM80.pdf (accessed July 10, 2024).

The objective of this article is to highlight the fragility of commercial integration within the framework of LAIA and to demonstrate the pronounced tendency toward extra-regional trade, which undermines the foundational principles of Latin American regionalism.

This study draws on a review of the literature on Latin American regionalism and employs LAIA's trade database to analyze trade patterns within this integration process. Following the introduction, the article begins with an analysis of the transition from the first phase of regionalism to the establishment of LAIA, providing insights into its institutional context and characteristics. The subsequent section examines intra-regional trade dynamics among blocs and member states from 2002 to 2022, underscoring the predominance of trade relationships outside the region. The third section addresses the inherent weaknesses of LAIA's regionalism, and the article concludes with a synthesis of key findings.

The primary conclusion of this research is that LAIA exemplifies liquid regionalism in Latin America. This characterization reflects a lack of strong commitment among its members, the institutional flexibility that defines its operations, and a prevailing preference for trade with extra-regional partners. These factors collectively hinder the realization of LAIA's original objectives of fostering economic integration and cooperation.

From LAFTA to LAIA

After the establishment of the new world order following the Second World War, Latin American governments turned their attention to inward-focused development strategies. These approaches prioritized economic growth through increased industrialization, active state intervention in the economy, and mechanisms to protect domestic markets (Estay 1997: 106). Rooted in Keynesian economic principles³, this model, known regionally as Import Substitution Industrialization (ISI), sought to transition Latin American economies away from their traditional agro-export orientation, which had predominated since the late 19th century, toward a manufacturing-based economy.

However, the optimism surrounding the ISI model proved overstated. Economic development remained heavily reliant on the intensive exploitation of natural resources and unskilled labor, limiting workforce specialization and product quality improvement. In response to these shortcomings, the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) proposed a regional integration strategy in 1959 (Guillén 2001). This strategy aimed to address the limitations of ISI by reducing

³ From 1950 to 1973, the advantages of the model were: a recorded 5.38 percent average growth rate in the region (Madison in Urquidí 2005); a 6.8 percent growth in exports, and an increase in the share of manufactures in exports by 14.4 percent in 1973.

trade barriers and fostering reciprocal investment while maintaining or even increasing trade protection relative to external markets. Inspired by the European model of regional integration, it emphasized greater state intervention in economic processes⁴.

From this context emerged the first regional integration schemes in Latin America, designed with the long-term goal of reducing average tariffs and eliminating trade restrictions while promoting primary and industrial production to stimulate reciprocal trade (Lerman 2002). The formalization of Latin American economic regionalism began in 1960 with the Treaty of Montevideo, which established the Latin American Free Trade Association (LAFTA). The primary objectives were to increase intra-regional trade and create a framework that excluded U.S. involvement. Founding members included Argentina, Brazil, Chile, Mexico, Paraguay, Peru, and Uruguay, joined later by Colombia, Ecuador, Venezuela, and Bolivia.

Under the rules of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the Treaty envisioned a gradual 12-year elimination of tariffs and other trade barriers. Special provisions were included to benefit economically weaker members, such as Bolivia, Ecuador, and Paraguay, by facilitating productive activities, offering preferential tariff reductions, correcting balance-of-payments deficits, and protecting domestic industries involved in trade liberalization (Guillén 2001).

Despite some initial successes, including significant growth in intra-regional trade — exports grew by 6.7% and imports by 7.3% in 1961, rising to 14% and 12.5%, respectively, by 1980 — only a fraction of tradable items were negotiated (Ffrench-Davis et al. 1997; Guillén 2001). Key failures included the absence of mechanisms to establish a common external tariff, lack of harmonized economic policies, and the use of the agreement to reinforce the ISI model rather than move beyond it.

In 1969, the Caracas Protocol was introduced to expand trade liberalization and reduce annual tariff reductions. However, this initiative was never implemented. The Treaty also included provisions for Complementary Agreements, enabling trade liberalization among subsets of member countries and specific mechanisms to promote exchange within the bloc, but these measures failed to achieve their intended objectives (Ffrench-Davis et al. 1997).

By the 1970s, financial instability and the rise of authoritarian governments across LAFTA member states further hindered negotiations. As a result, the Treaty of Montevideo's goals — comprehensive tariff reductions and industrial complementation agreements — remained unrealized. Instead, the agreement devolved into a zone of tariff preferences rather than achieving the envisioned common market. Although the share of manufactured goods in trade increased significantly for some countries, particularly Argentina, Brazil, and Mexico (from 11% in 1960 to 46% in 1986) (Ffrench-Davis et al. 1997: 131), these nations disproportionately benefited from trade gains, despite mechanisms designed to support less economically developed members (Vacchino 1991).

⁴ Más allá de las fronteras. El Nuevo Regionalismo en América Latina. 2002. *Banco Interamericano de Desarrollo*. Washington.

By the 1980s, with LAFTA's Secretariat effectively reduced to a negotiation center (Almeida et al. 1991), member states sought structural adjustments. This led to the transformation of LAFTA into the Latin American Integration Association (LAIA) under the 1980 Treaty of Montevideo. The new agreement aimed to establish an economic preference area with the long-term goal of forming a common market. However, the absence of a fixed deadline or enforceable mechanisms for implementation underscored the ongoing challenges of regional economic integration.

LAIA: the Context and Characteristics of Regionalism

To facilitate the transition from LAFTA to LAIA, member states renegotiated the provisions of the initial regional framework to remove concessions that had minimal impact on trade or caused operational challenges (Salgado, 1991). Following these adjustments, new levels of regional tariff preferences were established, alongside specific guidelines for trade liberalization targeted at countries with lower relative economic development, namely Bolivia, Ecuador, and Paraguay.

However, the launch of LAIA coincided with significant economic turmoil in Latin America, marked by deteriorating balance of payments and a mounting debt crisis. During the early 1980s, factors such as the 1981 decline in oil prices, rising U.S. interest rates⁵, and increased LIBOR rates exacerbated financial and trade instability. These challenges disrupted Latin American economies through severe impacts on balance of payments, fiscal budgets, and monetary markets.

By the late 1980s, many of the most indebted countries had relied on external borrowing to finance current account deficits. Between 1981 and 1984, two notable trends emerged: escalating external debt and the substantial accumulation of private assets abroad (Urquidí, 2005). Consequently, regional trade contracted by 41.1%, with trade volumes stagnating at levels of \$7 to \$8 billion between 1983 and 1986. It was not until 1991 that trade levels recovered to those observed a decade earlier⁶.

Latin American nations began to emerge from the crisis through economic liberalization, embracing trade openness and regional integration as strategies for economic development. In this context, ECLAC actively promoted the liberalization of Latin American economies, advocating for a combination of multilateral and bilateral approaches to highlight the potential opportunities offered by regional economic integration.

This period provided a favorable environment for Latin American countries to capitalize on a shift in economic models and the democratic transitions occurring across the region. These changes laid the groundwork for the formation of regional

⁵ According to the World Bank, the loans granted in the second half of 1981 had very short maturities, at 20 percent and 22 percent resulting in a real interest rate of 14 percent after deducting the inflation rate (as cited in Urquidí 2005: 389).

⁶ Open Regionalism in Latin America and the Caribbean. Economic integration as a contribution to changing production patterns with social equity. 1994. September. ECLAC. Santiago de Chile. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37868/S9260981_en.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 20.11.2024)

blocs under the framework of open regionalism. This process, driven by market forces and formalized through integration agreements, sought to stimulate domestic and foreign investment, enhance the volume and value-added of exports, incorporate technological advancements into production, and develop sectors with increasing returns to scale⁷.

The context of open regionalism marked the period when LAIA began to function effectively. This shift necessitated the renegotiation of historical agreements from the LAFTA era, paving the way for new integration frameworks among members and emerging regional sub-blocs. As a result, LAIA's trade statistics have been recorded only since the 1990s. During this period, intra-regional trade figures struggled to exceed \$50 billion until 1997 and subsequently declined below \$40 billion by 1999.

Unlike LAFTA, LAIA adopts a flexible intergovernmental approach, encouraging bilateral, plurilateral, and joint initiatives as mechanisms for fostering cooperation among member states. LAIA's framework is built around three core components. The first is **Regional Scope Agreements (RSA)**, which involve all member states and facilitate trade liberalization mechanisms across the bloc. The second is the **Regional Tariff Preference (RTP)**, offering mutual tariff reductions on imports of goods originating within member territories, providing preferential treatment compared to third countries. Lastly, **Partial Agreements (PA)**, including **Economic Complementation Agreements (ECA)**, aim to optimize productive factors and stimulate economic complementarity. These agreements can focus on specific sectors or be as comprehensive as free trade agreements, and they may involve only a subset of members⁸.

These components enable trade both among member states and between regional sub-blocs or external partners. RSAs and RTPs serve as regulatory structures applicable to all members. For example, market-opening RSAs with economically less-developed members provide preferential trade conditions without requiring reciprocity. RTPs offer reductions of up to 20% in tariffs on reciprocal trade among LAIA members, irrespective of the presence of specific trade instruments.

ECAs, in particular, are widely utilized to facilitate sector-specific trade. Notable examples include **ECA 55**, regulating automotive trade between Mercosur and Mexico, and **ECA 41**, a free trade agreement between Chile and Mexico. Beyond trade, these mechanisms are also employed in non-commercial areas such as scientific and technological cooperation (**RSA 6**), agriculture (**AAP.AG 1** between Argentina and Uruguay), and trade promotion (**AAP.PC 19** between Chile and Peru).

⁷ Open Regionalism in Latin America and the Caribbean. Economic integration as a contribution to changing production patterns with social equity. 1994. September. ECLAC. Santiago de Chile. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37868/S9260981_en.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 20.11.2024)

⁸ El Tratado de Montevideo 1980 (TM80). Sus principios y mecanismos. Serie Fichas ALADI. 2020. Serie Fichas ALADI 1. ALADI. Montevideo. URL: http://www2.aladi.org/biblioteca/Publicaciones/ALADI/Secretaria_General/Fichas_ALADI/01_TM80.pdf (accessed 20.11.2024)

LAIA's institutional structure comprises several key bodies. The Council of Ministers serves as the highest political authority, while the Evaluation and Convergence Conference oversees multilateralization efforts, the application of preferential treatments, and the implementation of RSAs and RTPs. The Representatives Committee functions as a permanent political body supported by auxiliary bodies and working groups, and the General Secretariat, based in Montevideo, Uruguay, acts as the operational hub of the integration process. LAIA currently includes 13 member countries (Argentina, Bolivia, Brazil, Chile, Colombia, Cuba, Ecuador, Mexico, Panama, Paraguay, Peru, Uruguay, and Venezuela) and one state in the process of accession (Nicaragua).

Despite its broad institutional framework, LAIA has faced criticism for failing to progress beyond being a zone of tariff preferences, even as it has fostered increased intra-zone trade⁹. Evidence of progress includes 20 free trade agreements currently in force among LAIA members, supplemented by agreements involving the Andean Community, Venezuela, and Panama, resulting in 52 of the 78 possible bilateral trade relationships¹⁰. These agreements often extend beyond simple tariff reductions to include mechanisms for dispute resolution, investment protections, services, government procurement, and intellectual property rights, aligning with the principles of second-generation regionalism.

Currently, LAIA covers over 80% of goods with negotiated tariff preferences among member states, with 74.4% of its tariff universe comprising fully liberalized products¹¹. These achievements illustrate LAIA's role in deepening the integration of specific productive sectors, even as its broader regional ambitions remain unrealized.

LAIA Intra-regional Trade in 2002–2022

The analysis of this section was conducted using LAIA's database¹². The available statistics cover the period from 2002 to 2022 and are classified into two categories: exports and imports, categorized by regions and by countries.

In trade by regions, there is a bias in the total balance because the data is duplicated. In other words, the figures included in LAIA's statistical trade database account for trade with each of the regional blocs separately. For instance, USAN and Mercosur are counted separately, but the total balances are summed up, even though there are countries in Latin America that belong to more than one regional sub-bloc.

⁹ It is worth noting that LAIA's heritage was initially established through the creation of regional and partial mechanisms in the 1980s, with the dynamism of economic complementation agreements in the 1990s, and subsequently, in the past decade, with the continuation of the bilateral and subregional path in negotiations.

¹⁰ Leroux C. 2018. El proceso de integración de la ALADI. México: ALADI. URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/2christian_leroux.pdf (accessed 20.11.2024)

¹¹ Ibid.

¹² Comercio Internacional de Bienes, Totales por país o región. 2023. ALADI. URL: <https://accesoamercados.aladi.org:8443/PLGNJavaEnvironment/com.plgn.maintotxpais> (accessed July 10, 2024)

This bias does not appear in trade by countries. However, for the purposes of this section, it was important to understand the participation of countries and regions outside the zone.

Initially, trade exclusively within the LAIA bloc is analysed. Subsequently, the analysis extends to the main regions and, finally, to individual countries.

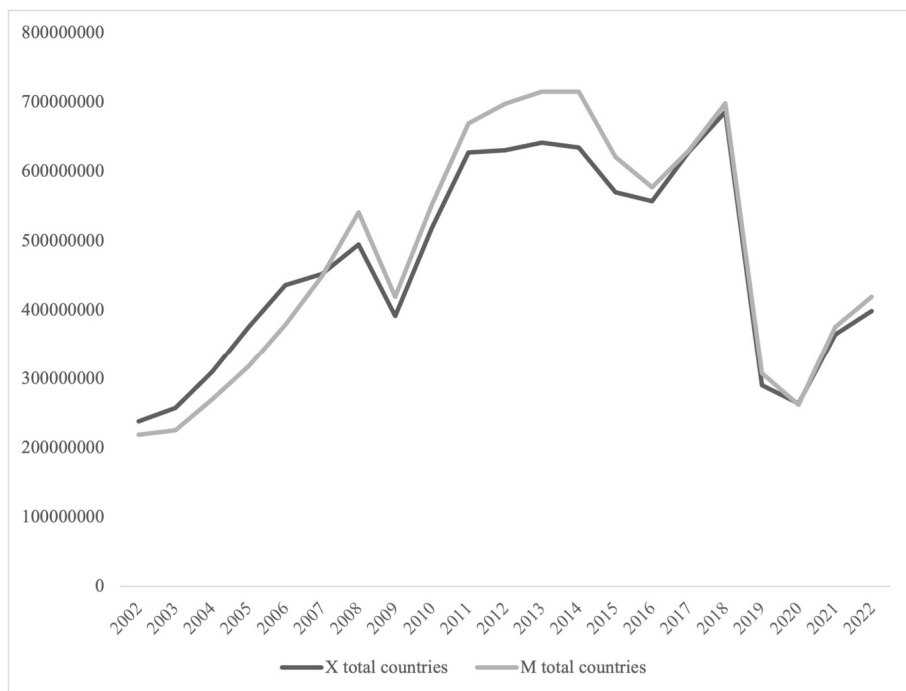

Figure 1: LAIA Trade – Imports and Exports, 2002–2022 (billions of US dollars)

Note: X: exports; M: imports

Source: Compiled by author with data from LAIA (2023)

Figure 1 depicts LAIA's total trade. LAIA's trade has predominantly presented a deficit. On average, during 2002–2012, the trade deficit amounted to US\$4.9 billion. However, during the first decade, it climbed to US\$6.5 billion, and in the last decade, it was US\$3.9 billion. In terms of value, the average for exports was US\$109 billion, and for imports, it was US\$ 114 billion. Notably, although there is a declining trend in Latin American trade, during the period 2012–2022, the average value of both exports and total imports was higher: US \$121 billion and US\$125 billion, respectively.

This first observation regarding trade value is a significant indicator of the weakness of this integration process. Trade balances are quite limited given LAIA's membership size, especially when compared to the two leading economies in the region, both of which are LAIA members. During the last decade, the average total exports for

Brazil exceeded US \$230 billion, while total imports averaged US\$200 billion¹³. Meanwhile, in the case of Mexico, the average total exports over the last decade reached US\$412 billion, with average total imports at US\$416 billion¹⁴.

The peak of LAIA's trade occurred in 2012, primarily due to the commodities boom in the region. Both exports and imports reached their maximum records (US\$158 billion and US \$169 billion, respectively). However, the consequences of the Great Recession and the COVID-19 pandemic were the transient events that led to declines in trade, to around US \$100 billion during and US\$80 billion, respectively.

The trends in Figure 1 underscore the significance of trade for LAIA member countries. Firstly, because it is a well-established fact that Latin American export activity is the primary driver of economic activity in these countries since the economic liberalization processes initiated in the late 1980s. Secondly, because in terms of value, regional trade has been at its highest since its inception. This can be attributed to the increased prices of commodities, which are the main export products of the member countries. According to ECLAC¹⁵, the export boom driven by high prices came to an end in 2012, revealing the region's pattern of specializing in products with low technological content and weak integration into global value chains. This contrasts with the more diversified offerings of imports, which are intensive in high-value-added goods with technological content.

While trade in the region has shown less dynamism during the 2012–2022 period compared to the first decade, the value of regional trade remained above the figures recorded during the Great Recession crisis until 2018. In 2019, the decline that had already been registered intensified during the pandemic period and then recovered its growth trend. However, as noted by ECLAC¹⁶, it is unclear whether trade recovery will solidify in the following years, as the region faces the conflict between Russia and Ukraine, which heightened global inflationary pressures recorded since 2021, leading to restrictive monetary policies in world economies. Additionally, the effects of slow economic growth in China have decelerated both the economy and global trade.

Therefore, the global events of the pandemic and the European conflict highlighted Latin America's dependence on the acquisition of strategic products such as medicines, medical devices, and fertilizers. Furthermore, intra-regional trade is insufficient to compensate for the declining trend witnessed in the last decade of the 21st century. The region's trade is relatively insignificant when compared to other regions. If we consider only the LAIA member countries, exports on average accounted for

¹³ Estadísticas de comercio exterior: Exportación/importación. 2023. *Ministerio de industria comercio exterior y servicios*. URL: <http://comexstat.mdic.gov.br/es/geral/80377> (accessed 20.11.2024).

¹⁴ Exportaciones Importaciones totales de México. 2024. México. Secretaría de Economía/Gobierno de México. URL: www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/81864/Acum-Importa.pdf (accessed 20.11.2024).

¹⁵ Panorama de la Inserción Internacional de América Latina y el Caribe, 2015. 2015. Santiago de Chile. CEPAL. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39010/4/S1501143_es.pdf (accessed 20.11.2024).

¹⁶ Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe, 2022. 2023. Santiago de Chile. CEPAL. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/48650/1/S2200846_es.pdf (accessed 20.11.2024).

12.3 percent of the total for all regions, and imports comprised 11.8 percent of the total for all regions. This suggests that extra-regional trade is more crucial for this regional bloc's exchange. Further analysis of LAIA in relation to other regions is detailed in the following section.

LAIA's Trade with Regions

In analyzing trade dynamics by blocs, ten key regional blocs were selected, encompassing six Latin American blocs, three extra-regional blocs, and a category for unclassified countries. This classification highlights a paradox within Latin American integration: despite the overlapping figures among Latin American blocs, the combined share of the four non-Latin American participants accounted for 61.21% of LAIA's exports and 56.86% of its total imports during 2002–2022. This underscores the dominant role of extra-regional trade in what is ostensibly a regional integration process.

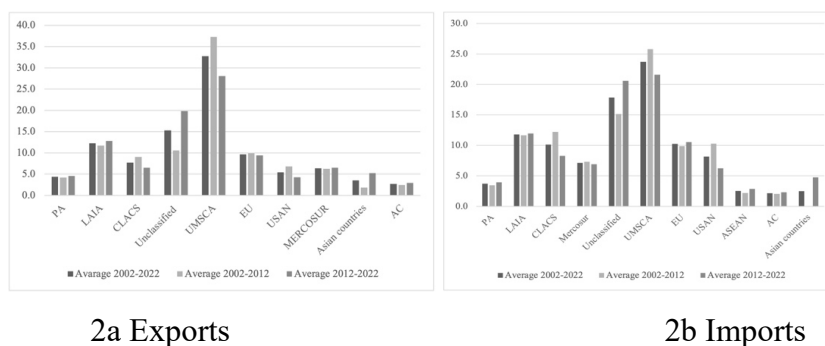

Figure 2. LAIA Trade by Regions (2002–2022)

Note: PA: Pacific Alliance; CLACS: Community of Latin American and Caribbean States; USAN: Union of South American Nations; AC, Andean Community.

Source: Compiled by author with data from LAIA (2023)

As depicted in Figures 2a and 2b, trade statistics reveal the significant roles played by the United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA, formerly NAFTA), unclassified countries, the European Union (EU), and Asian countries in both exports and imports. During the 2002–2022 period, extra-regional countries accounted for an average of 61% of total exports, with the share peaking at 62.4% in the last decade. Similarly, extra-regional countries contributed 56.8% of total imports during the same period, rising to 60.3% in the last decade.

North America emerged as the leading region for Latin American exports during the earlier part of the period, with the USMCA averaging 32.8% of total exports. This share peaked at 37.3% during 2002–2012 but declined to 28.1% in the following decade, reflecting reduced competitiveness of the North American market. Unclassified countries and Asian economies have since gained prominence, with unclassified countries increasing their share of Latin American exports from 10.6% in 2002–2012

to 19.8% in 2012–2022, and Asian economies rising from 1.8% to 5.2%. By contrast, trade with European countries remained relatively stable, accounting for 9.9% of exports in the first decade and 9.4% in the second.

The total value of exports to LAIA's top ten trading partners across all regions exceeded \$890 billion on average during 2002–2022, with the highest levels recorded in 2012–2022 at \$981 billion. This growth is attributable to rising global commodity prices and the economic expansion of emerging markets, particularly in Asia. China and India were significant contributors to this trend. In the case of the EU, Latin American raw materials have been critical for Europe's energy transition, yet bi-regional relations stagnated between 2017 and 2023, with renewed engagement only occurring in July 2023 when heads of state met in Brussels (Alvarez, 2021).

On the import side, LAIA recorded an average trade deficit during the 2002–2022 period, with imports averaging \$977 billion, rising to \$1,091 billion in the last decade¹⁷. The primary contributors to Latin American imports were the USMCA and unclassified countries, which accounted for 17.9% and 23.7%, respectively, during 2002–2012. Notably, unclassified countries increased their share of imports from 15.1% in the first decade to 20.6% in the second, while the North American region's share declined from 25.8% to 20.6%.

Asian markets also experienced significant growth, particularly in the second decade, with their share of total imports rising to 4.8%. The EU maintained a relatively stable position, contributing an average of 10.2% of total imports during the 2002–2022 period.

These trade patterns reveal a clear preference among LAIA members for trading with extra-regional partners. While the North American market remains a key destination for exports, its declining competitiveness has been offset by the growing importance of Asian markets, especially China. However, as noted by ECLAC, the region's trade with its main extra-regional partners displayed mixed dynamics in 2022, with a 3% year-on-year decline in exports to China, contrasted with double-digit growth in exports to the EU (33%) and the United States (22%). Similarly, imports from the United States grew more dynamically (39%) than those from China (21%) or the EU (16%)¹⁸.

Trade relations with Europe highlight asymmetries in the participation of major Latin American economies (Argentina, Brazil, Chile, and Mexico) and the nature of exchanged goods. Latin American exports are dominated by raw materials, while European imports are primarily industrial products. Although this complementarity benefits both regions, Europe's share in LAIA trade remains limited compared

¹⁷ *Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe*, 2022. 2023. Santiago de Chile. CEPAL. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/48650/1/S2200846_es.pdf (accessed 20.11.2024)

¹⁸ *Ibid.*

to North America and Asia. These trends illustrate the continued reliance of Latin American economies on extra-regional markets, reflecting a persistent challenge for regional integration efforts within LAIA.

LAIA's Trade with Countries

Figure 3 illustrates LAIA's trade dynamics with individual countries, offering a clearer perspective as these figures avoid the double accounting that can occur with regional trade statistics. The data indicate that LAIA's trade balance with countries remained in deficit throughout 2002–2022. The average trade deficit during this period amounted to \$13 billion, rising significantly to an average of \$32 billion during the last decade (2012–2022). Over this latter period, the average annual value of exports stood at \$515 billion, while imports reached \$547 billion¹⁹.

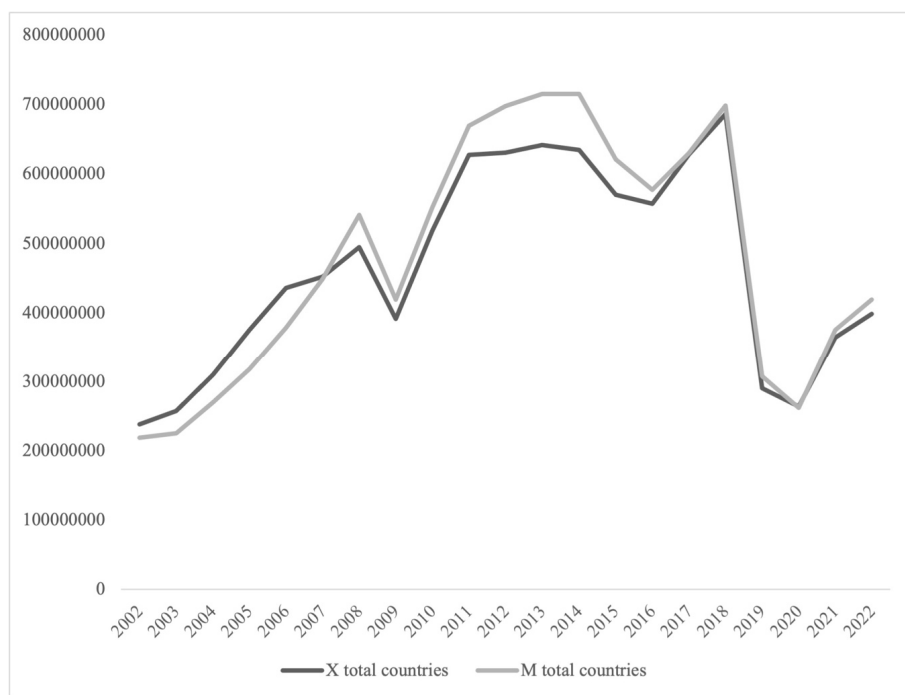

Figure 3. LAIA: Trade by Countries, 2002–2022 (Billions of US Dollars)

Note: X: exports; M: imports.

Source: Compiled by author with data from LAIA (2023)

The trade trends depicted in Figure 3 align with those in Figure 1, reflecting two critical downturns in trade: the Great Recession and the COVID-19 pandemic. The financial crisis of 2009 caused a sharp decline in the value of exports from the Lat-

¹⁹ Ibid.

in American bloc to \$391 billion, with imports falling to \$419 billion. Similarly, the pandemic reduced these figures to \$260 billion. Despite these disruptions, trade with both intra-regional and extra-regional partners showed eventual recovery. However, intra-regional trade rebounded more swiftly (see Figure 1) compared to trade with individual countries (see Figure 3).

This slower recovery in trade with countries poses significant challenges, as the economies within the LAIA bloc rely heavily on exports as a key driver of economic growth. Moreover, trade with extra-regional partners remains considerably more substantial than trade among LAIA members, underscoring the bloc's reliance on global markets.

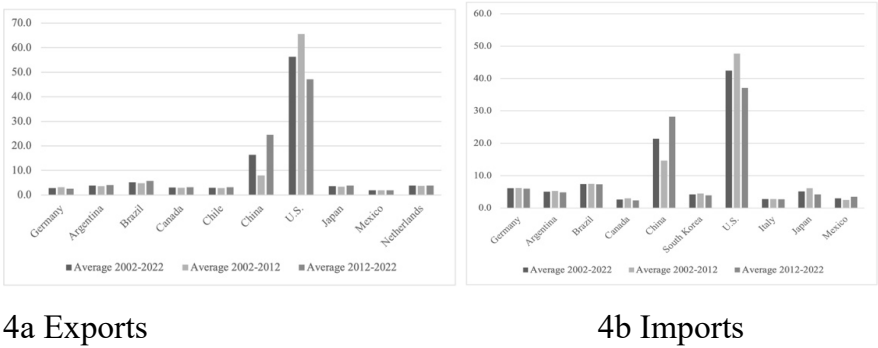

Figure 4: LAIA Trade by Countries (2002–2022)
Source: Compiled by author with data from LAIA (2023)

Figure 4 highlights the top nine export markets for Latin American goods, including Mexico, alongside the top ten import markets²⁰. This data reaffirms the prominent roles of the United States and China as key trading partners for LAIA. During 2002–2012, the United States accounted for an average of \$267 billion in exports from the bloc, while China received \$72 billion. Notably, while LAIA exports to the United States peaked during 2002–2012, averaging \$274 billion annually, the Chinese market expanded significantly during 2012–2022, averaging \$107 billion²¹.

In percentage terms, the United States accounted for 56.3% of LAIA exports over the two decades analyzed. However, its share declined from a peak of 65.6% during 2002–2012 to 47.1% in 2012–2022, reflecting a loss of competitiveness. This decline was offset by China's growing prominence as a trading partner. Over the entire period, China accounted for 16.4% of LAIA exports, with its share rising dramatically from an

²⁰ Mexico ranks 15th as a market for LAIA exports. The decision to include Mexico among the main markets for Latin American exports is based on the size of its economy in Latin America and due to the research project from which this article is derived.

²¹ Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe, 2022. 2023. Santiago de Chile. CEPAL. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/48650/1/S2200846_es.pdf (accessed 20.11.2024)

average of 8% during 2002–2012 to 24.5% in 2012–2022. China's increased integration into global trade has not only bolstered its role as a supplier to LAIA but also diversified the markets for Latin American exports, enhancing the bloc's trade position.

Latin American economies themselves played a more marginal role as markets for LAIA exports. The region's largest economies — Argentina, Brazil, Chile, and Mexico — accounted for an average of 13.4% of LAIA exports over the two decades. Their participation improved slightly in the last decade, rising to an average of 14.8%. Among these, Brazil showed the most significant increase, with its share of LAIA exports averaging 5.7% in 2012–2022, while Mexico's participation remained constant at just 1.9%.

Regarding LAIA's imports, the markets of the United States and China once again stood out. The former was responsible for an average of US\$201 billion during 2002–2012, and the latter for US\$106 billion on average. In both cases, during the second decade (2012–2022), their average shares increased to US\$214 billion and US\$146 billion, respectively.

In terms of percentages, LAIA's import markets were more diversified, but the importance of the United States and China continued to be notable. The US market accounted for an average of 42.5 percent of LAIA imports in 2002–2022, while China's participation averaged 21.4 percent over the same period. The United States performed best in the first decade (average of 47.7 percent) and experienced a loss of competitiveness in the last decade, with an average of 37.1 percent. On the other hand, the Chinese economy was highly competitive in the last decade, with an average participation of 28.2 percent doubling its previous decade's share (14.7 percent).

Other supplier markets to LAIA, including Germany, Canada, South Korea, Italy, and Japan, provided an average of 20.6 percent of imports. Meanwhile, Latin American markets themselves were responsible for an average of 15.4 percent of imports to LAIA during 2002–2022. In the case of other extra-regional markets, their average participation increased during the first decade (22.5 percent). In contrast, the average participation of Latin American markets remained constant.

LAIA's Latin American partners were limited to three economies, but their importance as suppliers of imports to the LAIA bloc increased, particularly for the Brazilian economy, which sold an average of 7.4 percent of LAIA imports, compared to an average of 5.2 percent of LAIA exports. However, the Mexican economy's participation remained marginal, even in imports, averaging 3 percent during the analysed period.

Weakness of Intra-regional Trade in LAIA

LAIA's approach to regionalism has remained narrowly focused on trade integration as the cornerstone of its integration process. However, in more than four decades, the primary objective outlined in the Treaty of Montevideo — consolidating a common market — has not been realized. Instead, LAIA continues to operate at the most basic stage of regional economic integration, functioning as a mere zone of tariff preferences.

A defining feature of LAIA is its institutional flexibility, both in structure and operation, which aligns with the characteristics of liquid regionalism (Mariano et al. 2021). Structurally, LAIA's decision-making body lacks representation from Heads of State and Government, relying instead on ministers from each member country. Operationally, while bilateral, plurilateral, and joint initiatives have been employed to implement trade integration, these mechanisms have not yielded substantial progress toward deeper regional trade integration.

One notable aspect of this institutional framework is the Regional Tariff Preference (RTP), which prevents interruptions in trade among members. Despite the challenges posed by presidentialism to regional integration in Latin America (Malamud 2011, 2015; Malamud and Rogelio Núñez 2020), the RTP has succeeded in maintaining a baseline level of trade among LAIA members, albeit minimal.

During the 2012–2022 period, average annual trade values surpassed \$120 billion. However, the composition of this trade underscores its limitations, being heavily reliant on raw materials and low-value-added manufactured goods. Data from 2013 confirm that Latin American exports predominantly consisted of primary products such as oil, minerals, soy, corn, meat, coffee, sugar, palm oil, and hides, with a smaller proportion of manufactured goods like automobiles, medicines, and auto parts.

An analysis of LAIA's intra-regional trade by country reveals limited trade balances. Only four regional economies accounted for 13.4% of exports, while three accounted for 15.4% of imports, indicating that the bloc cannot truly be considered a significant driver of intra-regional trade. Larger economies dominate these trade flows, repeating a long-standing pattern observed since LAFTA: the benefits of trade disproportionately favor the larger members, despite institutional efforts to support countries with lower levels of economic development.

Liquid regionalism's other hallmark traits—limited commitment to the integration process, political disinterest, and the pursuit of external alternatives—are evident in LAIA's evolution (Mariano et al. 2021). The bloc has not consolidated even as a free trade area, with member countries prioritizing trade with extra-regional partners over fostering their own integration. Both in exports and imports, blocs and economies such as the United States and China have played more significant roles than intra-regional partners.

The dynamics between member economies highlight competitive rather than complementary relationships, with only Brazil and Mexico having the potential to offer higher value-added products to LAIA members. However, one of these economies — Mexico — has demonstrated clear disinterest. Through its agreement with North America under the USMCA, Mexico has effectively resolved its trade profile and remains the least committed member of LAIA.

Mexico's disengagement from regionalism became particularly evident following the signing of NAFTA in 1992. Brazil invoked Article 44 of the Treaty of Montevideo, which required any trade advantages granted to non-LAIA countries to be extended to LAIA members. This led to a diplomatic impasse, resolved in 1993 by the adoption

of the “Interpretative Protocol of Article 44 of the 1980 Treaty of Montevideo.” This protocol allowed LAIA members to temporarily suspend the most-favored-nation principle when engaging in agreements with non-members (Hummer and Dietmar, 1997). While this modification resolved immediate tensions, it also incentivized member states to prioritize external agreements over strengthening intra-regional trade.

Ultimately, LAIA’s institutional flexibility, while enabling some degree of continuity in trade, has also facilitated a lack of commitment among its member states. The two largest economies in the region, Brazil and Mexico, have consistently prioritized strengthening trade ties with extra-regional partners over advancing the bloc’s integration objectives, further undermining the prospects of achieving meaningful regional cohesion.

Conclusions

LAIA began its operations aligned with the prevailing trend of open regionalism in Latin America, emphasizing a flexible institutional structure and prioritizing commercial integration among its 12 founding members, later expanded to include Panama. However, it has not developed into a comprehensive regional integration process, remaining focused exclusively on trade exchange dynamics.

The intergovernmental model of regionalism adopted by LAIA has not achieved significant progress toward the establishment of a free trade area. This limitation is particularly striking given that LAIA’s inception coincided with an era of global trade liberalization. Consequently, the prospect of realizing a common market, as originally envisioned in the Treaty of Montevideo, appears increasingly unattainable.

The inability to achieve its foundational objective stems from the lack of commitment among member states, who have consistently prioritized trade relationships with extra-regional actors over advancing the goals of regional integration. While LAIA provides a framework for commercial integration through mechanisms facilitating trade relations between member states and blocs, the institutionalization of these instruments has proven insufficient to consolidate a cohesive and effective model of regionalism.

About the authors:

María Esther Morales-Fajardo – PhD, Professor of Regional Centre of Multidisciplinary Researches, Faculty member of Economics Department, Autonomous University of the State of Mexico. Eduardo González y Pichardo 908 Sur, 50140, Col. Morelos segunda sección, Toluca, México. E-mail: moralesf@crim.unam.mx

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

This work was supported by UNAM-PAPIIT IN300223.

УДК: 339.923(8):338.2:32
Поступила в редакцию: 13.07. 2024
Принята к печати: 09.12.2024

Гибкий регионализм в Латинской Америке: институциональная динамика и торговая в Латиноамериканской ассоциации интеграции

 М. Э. Моралес-Фахардо
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-155-174](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-155-174)

Национальный автономный университет Мексики

Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ) являет собой пример региональной экономической интеграции, соответствующей характеристикам неустойчивого (liquid) регионализма. Среди её отличительных черт: отсутствие строгих обязательств, слабая заинтересованность её членов в углублении интеграции, а также стремление к поиску альтернативных торговых партнёров за пределами региональных границ. Вместо реализации цели по созданию прочного общего рынка, ЛАИ остается зоной тарифных преференций.

Цель статьи – охарактеризовать причины хрупкости экономической интеграции в ЛАИ. Автор доказывает наличие выраженного тренда на усиление внерегиональной торговли, которая подрывает принципы латиноамериканского регионализма. Анализ включает изучение предыстории, эволюции и институциональной структуры ЛАИ с особым акцентом на анализе динамики внутрирегиональной торговли, а также торгово-экономических отношений с другими регионами и странами.

Основной вывод заключается в том, что ЛАИ является примером неустойчивого регионализма в Латинской Америке. Это обусловлено отсутствием обязательств со стороны государств-членов, институциональной гибкостью ассоциации и приоритетом, отдаваемым внешней торговле.

Несмотря на то что ЛАИ задумывалась как инструмент развития открытого регионализма, до настоящего времени ассоциация так и не смогла консолидироваться в полноценную региональную интеграционную группу, оставаясь сосредоточенной исключительно на торговом обмене. Модель межправительственного регионализма не достигла прогресса и в части развития зоны свободной торговли, что идёт в разрез с целями, изложенными в Договоре Монтевидео.

Ключевые слова: регионализм, региональная интеграция, внерегиональная торговля, Латинская Америка, Латиноамериканская ассоциация интеграции, неустойчивый регионализм

Об авторе:

Мария Эстер Моралес-Фахардо – PhD, профессор Регионального центра мультидисциплинарных исследований, Экономического факультета Автономного университета штата Мехико. Eduardo González y Pichardo 908 Sur, 50140, Col. Morelos segunda sección, Toluca, México. E-mail: moralesf@crim.unam.mx

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

References:

- Almeida R, Urquidí V and Vega G (Eds.). 1991. Reflexión acerca de la integración latinoamericana. *Unas y Otras Integraciones, Lecturas de Trimestre Económico*. México: El Colegio de México, FCE. (In Spanish)
- Alvarez M.A. 2021. América Latina y el Caribe y la Unión Europea afrontan la pandemia sin interlocutores. *Posdata*. 26(2). P. 415–423. (In Spanish)
- Briceño J. 2013. Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina. *Estudios Internacionales*. №175. P. 9–39. (In Spanish)
- Briceño Ruíz J., Quintero Rizzuto M.L. and Ruíz de Benítez D. 2013. El pensamiento estructuralista de la CEPAL sobre el desarrollo y la integración latinoamericana: reflexiones sobre su vigencia actual. *Revista aportes para la integración latinoamericana*. XIX(28). P. 1–34. (In Spanish)
- Corbella V.I. and de Souza K.S.G. 2017. La integración comercial y productiva de aladi y su cambio estructural. *Economía UNAM*. 14(41). P. 90–109. (In Spanish)
- da Motta Veiga P. and Ríos S. 2007. O regionalismo pós-liberal, na América do Sul: origens, iniciativas e dilemas. *Comercio Internacional*. №82. Santiago de Chile. (In Spanish)
- Estay R.J. 1997. Pasado y presente de la integración económica latinoamericana. Preciado Corona J and Rocha Valencia A (eds) *América Latina Realidad, Virtualidad y Utopía de La Integración*. México: Universidad de Guadalajara, Centro de Estudios Mexicanos-centroamericanos de la Embajada Francesa en México, UNAM, Universidad de Colima, UAP, UAM-X, Centro Extremeño de Estudios y Cooperación con Iberoamérica. (In Spanish)
- Ffrench-Davis R., Muñoz O. and Palma J.G. 1997. Las economías latinoamericanas, 1950–1990. In: *Historia de América Latina*. Cambridge University Press, Crítica. Tomo 11. (In Spanish)
- Guillén R.H. 2001. De la integración cepalina a la neoliberal en América Latina. *Comercio Exterior*. 51(2). (In Spanish)
- Hummer W. and Dietmar P. 1997. La cláusula de la nación más favorecida en ALADI y los recientes procesos de integración con países de fuera de América Latina. Análisis particular de la pertinencia simulátena de México en ALADI y el TLCAN. *Revista integración y comercio*. Sep–Oct(3). P. 51–72. (In Spanish)
- Lerman A.A. 2002. *Multilateralismo y Regionalismo En América Latina*. México: Miguel Ángel Porrúa, UAM, INTAM. (In Spanish)
- Malamud A. 2011. Conceptos, teorías y debates sobre la integración regional. *Norteamérica* 6(2). Universidad Nacional Autónoma de México, Centro de Investigaciones sobre América del Norte. P. 219–249. (In Spanish)
- Malamud C. 2015. *Integración y cooperación regional en América Latina: diagnóstico y propuestas*. Análisis del Real Instituto Elcano. Madrid. (In Spanish)
- Malamud C. and Rogelio Núñez. 2020. *La crisis del coronavirus en América Latina: un incremento del presidencialismo sin red de seguridad*. Análisis del Real Instituto Elcano 34. Madrid (In Spanish)

Mariano K.P., Bressan R.N. and Luciano B.T. 2021. Liquid Regionalism: A Typology for Regionalism in the Americas. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 64(2).

Quiliconi C. 2022. Economía Política Global latinoamericana: un campo de estudio efervescente entre el desarrollo y el regionalismo. *Relaciones Internacionales*. 50. Servicio de Publicaciones de la Universidad Autónoma de Madrid. P. 127–144. (In Spanish)

Salgado G. 1991. La crisis de la integración. Urquidí V and Vega G (eds) *Unas y Otras Integraciones, Lecturas de Trimestre Económico*. México: El Colegio de México, FCE. (In Spanish)

Sanahuja J.A. 2008. Del regionalismo abierto al regionalismo post-liberal. Crisis y cambio en la integración y cambio en la integración regional en América Latina. In: Martínez A, Peña L, and Vázquez M (eds) *Anuario de La Integración Regional de América Latina y El Gran Caribe*. Buenos Aires: CEGRE, CIEL, CIEM, CRIES. P. 11–54. (In Spanish)

Tarazona Cruz K. 2021. *Reflexiones a los 41 años de creación de la ALADI: convergencia en la diversidad*. CEERI. (In Spanish)

Urquidí V. 2005. *Otro Siglo Perdido. Las Políticas de Desarrollo En América Latina (1930-1950)*. México: Colegio de México, FCE. (In Spanish)

Vacchino J.M. 1991. ALALC-ALADI: Experiencias y perspectivas. Urquidí V. and Canovas Vega G. (eds) *Unas y Otras Integraciones, Lecturas de Trimestre Económico*. México: El Colegio de México, FCE. (In Spanish)

Помощь школьному образованию в повестке Нового банка развития

Р.Р. Садыков¹, Е.И. Учаев²

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации

² МГИМО МИД России

Несмотря на существовавшие в середине 2010-х гг. ожидания, что Новый банк развития сможет стать значимым новым донором помощи образованию, за первые девять лет работы банка образовательные проекты составляют менее 0,3% его кредитного портфеля. Что объясняет такую низкую вовлечённость НБР в эту область? На материале первоисточников (официальных документов БРИКС и НБР, выступлений представителей стран-членов, статистических данных о получаемой международной помощи) в статье прослеживается, как менялось место помощи школьному образованию в повестке и практической деятельности НБР, а также проверяется несколько возможных объяснений этих изменений: динамика предпочтений стран БРИКС в отношении образовательного сотрудничества, смена высшего руководства Банка, влияние пандемии COVID-19, уровень потребности стран-членов НБР в помощи образованию, а также логика разделения труда между «старыми» и «новыми» многосторонними банками развития.

Результаты исследования показывают, что исходное появление образования как одной из второстепенных тем в повестке НБР можно рассматривать как успешный кейс «управления посредством постановки целей»: оно было связано со стремлением банка в репутационных целях охватить своей деятельностью максимально широкий спектр ЦУР. Затем рост внимания на высшем и министерском уровне к образовательному сотрудничеству в рамках БРИКС, в том числе в результате осознания негативного влияния пандемии COVID-19 на прогресс в этой сфере, а также приход нового руководства НБР в лице Дилмы Руссефф способствовали постепенному закреплению темы развития социальной инфраструктуры (в частности, образовательной) как одного из приоритетов банка. Однако увеличение частоты упоминаний образования в декларациях и стратегических документах пока не привело к наращиванию объёмов финансирования проектов в этой области. Это объясняется: 1) сложившейся системой разделения труда между «старыми» (ВБ, МАБР, АзБР и др.) и «новыми» (НБР, АБИИ) банками развития, где первые с 1990-х гг. всё активнее финансируют проекты в социальном секторе в ущерб традиционным инфраструктурным проектам, а вторые были созданы как раз для компенсации возникшего дефицита инфраструктурного финансирования; 2) отсутствием на данный момент у стран-членов НБР явного интереса в изменении этого распределения функций. Вместе с тем стагнация объёмов и политизация помощи школьному образованию со стороны традиционных доноров в сочетании

УДК 339.732:339.96:373

Поступила в редакцию: 25.07.2024

Принята к публикации: 07.12.2024

с сохраняющейся потребностью многих развивающихся стран в международном содействии развитию своих образовательных систем делает актуальной для БРИКС задачу совершенствования механизмов образовательного сотрудничества как внутри объединения, так и с другими странами мирового большинства.

Ключевые слова: Новый банк развития; помощь образованию; школьное образование; содействие международному развитию; БРИКС; цели устойчивого развития

В момент создания Нового банка развития (НБР) звучали надежды, что он станет значимым донором помощи образованию. Так, в рекомендациях для БРИКС по перспективным направлениям сотрудничества в области образования, разработанных ЮНЕСКО в 2014 г. в консультациях с экспертами из стран «пятёрки», одним из 12 пунктов значилось «Создание совместного фонда/программы для помощи образованию в Африке». В документе отмечалось, что НБР также может стать инструментом оказания такой помощи¹. Более того, в утверждённой в ноябре 2015 г. всеми государствами – членами ЮНЕСКО Рамочной программе действий «Образование-2030» было прямо выражено ожидание, что «создание Бразилией, Китаем, Индией, Российской Федерацией и Южной Африкой Банка развития стран БРИКС может открыть новые источники финансирования образования и содействовать решению проблемы снижения помощи»².

Однако к настоящему моменту эти ожидания по большей части не оправдались. За уже почти девять лет работы (с 2016 г. и по состоянию на конец ноября 2024 г.) НБР одобрил всего два проекта, полностью или частично направленных на развитие образования. Финансирование, выделяемое на сферу образования, составляет менее 0,3% от общего объёма финансирования, одобренного Банком³.

Определённая положительная динамика всё же наблюдается, но её нельзя назвать устойчивой. С одной стороны, в пятилетней Стратегии на период 2022–2026 гг. в качестве одной из приоритетных сфер деятельности НБР впервые⁴ указана «социальная инфраструктура», причём школы стоят на первом месте в перечне объектов социальной инфраструктуры, на строительство и модернизацию которых банк планирует выделять средства. С другой стороны, обновление Стратегии пока не приводит на практике к росту финансирования проектов в области образования.

¹ BRICS: building education for the future: recommendations for cooperation. 2014. UNESCO. P. 4. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000229692> (accessed 25.11.2024).

² Образование-2030: Инчхонская декларация и рамочная программа действий по осуществлению цели 4 в области устойчивого развития: Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех. 2015. ЮНЕСКО. С. 69. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245656_rus (дата обращения 25.11.2024).

³ Обоснование расчётов приводится в третьем разделе статьи («Помощь школьному образованию в повестке и деятельности НБР»).

⁴ То есть в отличие от первой Стратегии на период 2017–2021 гг.

Вопрос об участии Нового банка развития в оказании помощи образованию приобретает повышенную актуальность в связи с расширением состава членов Банка: в 2021 г. присоединились Бангладеш и ОАЭ, в 2023 г. – Египет, ожидается присоединение Алжира⁵, Эфиопии⁶, а также, возможно, других новых членов БРИКС и «стран-партнёров» БРИКС. Многие из этих стран зависят от внешней помощи образованию сильнее, чем первоначальная пятёрка стран – учредителей НБР. В условиях стагнации объёмов помощи образованию со стороны традиционных доноров, а также её всё более явной политизации (Садыков 2024: 67–68), НБР мог бы внести существенный вклад в развитие систем образования стран Африки и Азии.

Для многих стран из этих регионов особую остроту сохраняет проблема развития *школьного (начального и среднего) образования*. Согласно последнему Всемирному докладу по мониторингу образования, по данным на 2023 г. 251 млн детей и подростков соответствующего возраста не посещают школу, из них 100 млн проживает в странах Африки южнее Сахары (АЮС), и ещё 86 млн – в Южной Азии. Относительные показатели хуже всего в странах АЮС, где не ходят в школу 19% детей младшего школьного возраста, 33% среднего школьного возраста и 46% старшего школьного возраста⁷. Без устранения подобных провалов в области школьного образования любая помощь развитию профессионального или высшего образования неизбежно будет иметь лишь ограниченный эффект (Heuneman, Lee 2016: 9), поэтому данное исследование фокусируется на перспективах участия НБР в оказании помощи развитию именно школьного образования.

Такая конкретизация области исследования имеет и два дополнительных обоснования. На теоретическом уровне, школьное образование носит массовый характер в противовес более элитарному (особенно в развивающихся странах) высшему, что обуславливает интерес к нему в условиях активизации участия масс в политических – и, в частности, мирополитических – процессах (Садыков 2022: 1996). Хотя в последние десятилетия массовизации политики содействовали, в первую очередь, мегатренды глобализации и демократизации (Лебедева 2022: 99), есть основания полагать, что она, будучи более фундаментальной характеристикой современности (Rosenau 2008), сохранится и в условиях наблюдаемого отката этих мегатрендов. В практической плоскости как раз на школьное образование направлены единственные два одобренных НБР к настоящему моменту проекта в образовательной сфере.

⁵ BRICS New Development Bank authorizes Algeria to join. 2024ю Reuters. 31.08. URL: <https://www.reuters.com/world/algeria-authorized-join-brics-bloc-2024-08-31/> (accessed 25.11.2024).

⁶ BRICS members give green light to Ethiopia's NDB pursuit: MoFA. 2024. *The Ethiopian Herald*. 21.06. URL: <https://press.et/herald/?p=97620> (accessed 25.11.2024).

⁷ Global Education Monitoring Report 2024/5: Leadership in education – Lead for learning. 2024. Paris, UNESCO. UNESCO. P. 330. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391406> (accessed 25.11.2024).

Вместе с тем, чтобы оценить перспективы становления Нового банка развития значимым донором помощи школьному образованию, необходимо сначала проанализировать причины его слабой вовлеченности в эту сферу в первые девять лет его работы. Настоящая статья, таким образом, стремится ответить на следующий исследовательский вопрос: какие факторы определяют масштаб поддержки Новым банком развития проектов в области школьного образования? С учётом приведённых выше наблюдений этот общий вопрос можно логически разбить на два более конкретных вопроса: 1) Почему на настоящий момент НБР так мало финансирует проекты в области образования? 2) Чем вызвана тенденция к постепенному росту вовлечённости Банка в это направление деятельности? И почему эта тенденция остаётся неустойчивой?

Статья состоит из шести разделов, включая это введение. Во втором разделе представлены обзор литературы и методология исследования. Третий раздел описывает эволюцию деятельности НБР в области помощи школьному образованию, а также изменение места данной темы в повестке Банка. В четвёртом разделе характеризуется динамика основных факторов, которые, как мы предполагаем, объясняют эти изменения. Пятый раздел обобщает материал третьего и четвёртого, тем самым проверяя выдвинутые гипотезы. В заключении содержится прогноз дальнейшей эволюции деятельности НБР в сфере помощи школьному образованию, а также ряд рекомендаций по её оптимизации.

Обзор литературы и методология

Среди существующей литературы о Новом банке развития нет систематических исследований, объясняющих секторальное распределение финансируемых проектов и эволюцию этого распределения. Больше внимания уделяется географическому измерению развития НБР, в частности, причинам и ожидаемым последствиям присоединения новых членов (Cooper, Cannon 2024; Mendez 2024; Chin, Kamal 2024; Bradlow, Masamba 2024), а также более широкому институциональному контексту деятельности Банка: преемственности и потенциалу взаимодействия между НБР и Фондом ИБСА (Alden, le Pere 2024; Dmitrieva, Kuznetsov 2024), подходу НБР к выстраиванию стратегического партнёрства с другими международными организациями (Nanwani 2024), влиянию НБР на глобальную финансовую архитектуру (Hofman, Srinivas 2024).

И всё же в литературе можно обнаружить ряд релевантных для целей настоящей статьи положений, особенно если включить в обзор также и работы по эволюции повестки других многосторонних банков развития. Так, А.К. Морозкина и Л.М. Григорьев приходят к выводу, что секторальное распределение финансирования НБР «полностью совпадает с мандатом банка, в котором основным сектором инвестиций названа инфраструктура» (Морозкина, Григорьев 2023: 96). Они также утверждают, что выделение средств на проекты в социальной сфере («социальное обеспечение, образование, здравоохранение»)

стало результатом адаптации НБР к последствиям пандемии COVID-19 (Там же: 108), впрочем, никак дополнительно не обосновывая этот тезис. Что же касается того, почему мандат НБР был сформулирован странами-учредителями с акцентом на инфраструктуру, сразу несколько исследований указывают в качестве причины на разрыв между сохраняющейся потребностью развивающихся стран в финансировании крупных инфраструктурных проектов и постепенным отходом «старых» многосторонних банков развития от поддержки таких проектов в пользу выделения средств на социальный сектор и общую поддержку бюджета (Hofman, Srinivas 2024: 451; Stuenkel 2020: 89-91; Cooper 2016: 69). Этот аргумент, однако, может объяснить только исходный мандат НБР, но не его последующую эволюцию.

В свою очередь, Грегори Чин отмечает, что повышенное внимание к проектам в социальной сфере стало характерной чертой повестки Дилмы Руссефф в должности президента НБР, отличающей её от подходов двух предшествующих президентов (Chin 2024: 373). Это наблюдение согласуется с некоторыми исследованиями Всемирного банка, в которых подчёркивалась роль президентов Банка и продвигаемых ими приоритетов в эволюции повестки организации (Карур, Льюис, Уэбб 1997: 10–35)⁸. Вместе с тем исследование причин роста доли «социальных» займов в портфеле Всемирного банка начиная с 1990-х гг. показывает, что эта эволюция политики Банка может быть объяснена изменениями совокупных предпочтений всех его стран-членов (Lyne, Nielson, Tierney 2009).

Отталкиваясь от последнего исследования, а также учитывая, что странам БРИКС присуще «консервативное» понимание интернационализма с особым вниманием к соблюдению принципа суверенитета (Sakwa 2019), мы предполагаем, что (а) эволюция места помощи школьному образованию в повестке и деятельности Нового банка развития определяется, в первую очередь, динамикой предпочтений его стран-членов. Далее в статье проверяется эта гипотеза, а также другие обнаруженные в литературе объяснения: (б) влияние пандемии COVID-19; (в) влияние смены высшего руководства НБР; (г) фокус мандата НБР на инфраструктурных проектах как следствие необходимости заполнить «вакуум», оставленный «старыми» многосторонними банками развития.

Мы также дополнительно проверяем гипотезы о том, что на эволюцию помощи школьному образованию со стороны НБР влияют: (д) общий уровень потребности стран-членов Банка в помощи развитию школьного образования; (е) масштаб получения ими такой помощи от «старых» многосторонних банков развития (МБР). Хотя предыдущие исследования о влиянии уровня нужд стран-реципиентов на распределение помощи развитию образования не дают однозначных результатов (Sumida 2017), эта гипотеза продолжает оставаться

⁸ См. также: Winter J. 2019. Drivers and Dynamics of Agenda Change at the World Bank. Paper presented at the 13th Annual Conference on The Political Economy of International Organization, February 20–22, 2020. P. 4–5, 8–11. URL: https://www.peio.me/wp-content/uploads/2020/02/PEIO13_paper_91_1.pdf (accessed 25.11.2024).

одной из наиболее интуитивно привлекательных и потому заслуживает отдельной проверки в каждом конкретном случае. В свою очередь, большие объёмы помощи школьному образованию от других многосторонних банков могут снижать потребность в финансировании от Нового банка развития – эта гипотеза, таким образом, логически дополняет гипотезу (д).

Зависимая переменная настоящего исследования – место помощи школьному образованию в повестке и деятельности Нового банка развития – описывается нами на основе информации о всех проектах НБР, доступной на официальном сайте Банка⁹, годовых отчётов за 2016–2022 гг.¹⁰, а также двух пятилетних Стратегий¹¹. Методом автоматизированного поиска по официальному сайту Банка были также дополнительно проанализированы все выявленные таким образом веб-страницы и документы, содержащие упоминание «образование»¹².

Основная независимая переменная исследования – динамика предпочтений стран-членов НБР в отношении школьного образования – описывается на основе итоговых деклараций ежегодных саммитов БРИКС (2009–2024 гг.)¹³, деклараций или заявлений для СМИ по итогам встреч министров образования стран БРИКС (2013–2024 гг.)¹⁴, а также выступлений представителей стран-членов на заседаниях Совета управляющих НБР (2023–2024 гг.)¹⁵. Влияние пандемии COVID-19 оценивается на основе анализа хронологии появления образовательных проектов в повестке и деятельности НБР, а также анализа совместного упоминания тем пандемии и образования во всех указанных в этом и предыдущем абзаце документах. Для оценки влияния смены высшего руководства НБР рассматриваются выступления президентов НБР на ежегодных заседаниях

⁹ All Projects. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/projects/all-projects/> (accessed 25.11.2024).

¹⁰ All Documents (Document Category – Annual Report). *New Development Bank*. URL: https://www.ndb.int/governance/corporate-assets-documents/?document_category=annual-report&yearval=#paginated-list (accessed 25.11.2024).

¹¹ General Strategy. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/general-strategy/> (accessed 25.11.2024).

¹² Поиск осуществлялся на английском языке по слову “education”.

¹³ Kazan Declaration. *BRICS 2024 Russia*. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Kazan_Declaration_FINAL.pdf?1729693488349783 (accessed 25.11.2024); BRICS Summits. *BRICS Information Centre*, University of Toronto. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/summits/index.html> (accessed 25.11.2024).

¹⁴ Education Ministers Meetings. *BRICS Information Centre*, University of Toronto. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/education/index.html> (accessed 25.11.2024); Beijing Declaration on Education, 5th meeting of *BRICS Ministers of Education*, July 5, 2017. BRICS Network University. URL: https://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/beijing_declaration_1_1.pdf (accessed 25.11.2024); The 6th BRICS Education Ministers Meeting – Cape Town Declaration on Education and Training, 10 July 2018. *Department of Higher Education and Training – Republic of South Africa*. URL: <https://www.dhet.gov.za/SiteAssets/Minister%20Speech%202018/FINAL%20Declaration%2010%20July%202018%20Approved%20By%20MINISTERS.pdf> (accessed 25.11.2024); BRICS Education Ministers Meeting Media Statement on the Outcome of the 10th Meeting of *BRICS Ministers of Education Held on the 13 July 2023*. Department of Higher Education and Training – Republic of South Africa. URL: <https://www.dhet.gov.za/SiteAssets/Media%20Advisory%20and%20Statements%202023/Media%20Statement%20Address2.pdf> (accessed 25.11.2024); Kazan Declaration of the 11th Meeting of the BRICS Ministers of Education. *BRICS 2024 Russia*. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/2024-06-13-Final_Kazan_Declaration_of_the_11th_Meeting_of_BRICS_Ministers_11.pdf?1718349998309901 (accessed 25.11.2024).

¹⁵ New Development Bank Eighth Annual Meeting, 30 May 2023 – 31 May 2023. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/event/2023-annual-meeting/> (accessed 25.11.2024); Watch: Statements by Board of Governors in NDB 2024 Annual Meeting, 6 Sep 2024. New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/news/watch-statements-by-board-of-governors-in-ndb-2024-annual-meeting/> (accessed 25.11.2024).

Совета управляющих¹⁶, а также все прочие выступления президентов НБР с упоминанием образования, обнаруженные на официальном сайте Банка методом автоматизированного поиска. Для дополнительной проверки того, является ли фокус мандата НБР на традиционной инфраструктуре в ущерб проектам в социальном секторе реакцией на обратную эволюцию приоритетов «старых» многосторонних банков развития, мы сравниваем секторальное распределение финансируемых НБР проектов с ещё одним «новым» банком развития – Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Потребности стран-членов НБР в международной помощи развитию школьного образования оцениваются: 1) на основе объёмов актуальной получаемой помощи и её соотношения с государственными расходами на школьное образование; 2) исходя из доли детей и молодёжи школьного возраста, не посещающих школу.

Помощь школьному образованию в повестке и деятельности НБР

Стратегия НБР на период 2017–2021 гг., принятая его Советом управляющих в июне 2017 г., чётко обозначала приоритет деятельности Банка – «развитие устойчивой инфраструктуры», на которое должно было идти около 2/3 выделяемых средств¹⁷. Основной фокус в документе был сделан на энергетическую, транспортную, ирригационную и жилищно-коммунальную инфраструктуру. Образование в тексте Стратегии упоминалось лишь один раз, в контексте вклада транспортной инфраструктуры в повышение доступности образовательных услуг. Вместе с тем косвенно на возможность финансирования проектов в области образования указывало включение (хотя и в конце списка) «связанной социальной инфраструктуры и услуг» в описание «Устойчивого городского развития» как одной из пяти ключевых областей деятельности Банка¹⁸.

В этом отношении вторая и действующая сейчас Стратегия на период 2022–2026 гг., одобренная Советом управляющих в мае 2022 г., представляет собой свидетельство достаточно заметной эволюции подхода. В аналитической части Стратегии появился раздел «От мускул к мозгу – трансформация торговых потоков», в котором отмечается растущая роль знаний как источника сравнительных преимуществ в торговле, что, в свою очередь, обуславливает необходимость «наращивания инвестиций в цифровую инфраструктуру и интегрированную с технологиями образовательную инфраструктуру»¹⁹. Значение инвестиций

¹⁶ Ввиду большого количества источников в этом блоке (9), ссылки на них приводятся в соответствующем разделе статьи.

¹⁷ New Development Bank. *NDB's General Strategy: 2017–2021*. P.3. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/08/NDB-Strategy.pdf> (accessed 25.11.2024).

¹⁸ Ibid. P. 20–21.

¹⁹ New Development Bank. *New Development Bank General Strategy for 2022-2026: Scaling Up Development Finance for a Sustainable Development*. P. 12. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_Eversion-1.pdf (accessed 25.11.2024).

в социальную инфраструктуру для обеспечения устойчивого и инклюзивного экономического роста также подчёркивается в документе в связи с демографическими изменениями²⁰, а также в контексте влияния пандемии COVID-19. Пандемия, как отмечается в докладе, «ясно показала необходимость направить инвестиции на создание более устойчивой к внешним шокам социальной инфраструктуры, включая здравоохранение и образование»²¹. В этих условиях «социальная инфраструктура» становится одной из шести приоритетных областей деятельности НБР²², причём особо указывается, что Банк «активизирует усилия по поддержке проектов в области цифровой и социальной инфраструктуры»²³. В более подробном описании планируемой деятельности по данному направлению фигурируют поддержка строительства и модернизации школ, а также «поддержка проектов, способствующих цифровому, гибкому и оперативному предоставлению социальных услуг в сферах образования и здравоохранения»²⁴.

В свою очередь, анализ годовых отчётов НБР демонстрирует, что тема социальной инфраструктуры и образования входила в повестку Банка достаточно постепенно. Во-первых, хотя в Стратегии на 2017–2021 гг. «социальная инфраструктура» указывалась лишь как одно из второстепенных направлений в рамках более широкой приоритетной области «Устойчивое городское развитие», уже начиная с годового отчёта за 2017 г. (и во всех последующих) «социальная инфраструктура» выделяется в одну из самостоятельных ключевых областей деятельности Банка²⁵. Во-вторых, в отчётах за 2017 и 2018 гг. президент Банка Кундапур Ваман Каматх в своём предисловии уделял немало внимания перспективам «революции» в образовании под влиянием технологий 4-й промышленной революции²⁶. В-третьих, ещё в отчёте за 2020 г. приводились планы НБР в следующем пятилетнем цикле «увеличить долю прорывных проектов в своём портфеле, в том числе в сферах умной инфраструктуры и дистанционного образования»²⁷.

Далее, в отчёте за 2021 г. отмечалось проведение НБР совместно с министерством финансов Индии в мае 2021 г. семинара «Социальная инфраструктура: финансирование и использование цифровых технологий»²⁸. Президент

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 13.

²² Ibid. P. 3.

²³ Ibid. P. 20.

²⁴ Ibid. P. 21.

²⁵ Annual Report 2017. *New Development Bank*. P. 42–45. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2018/07/NDB_AR2017.pdf (accessed 25.11.2024)

²⁶ Ibid. P. 6–9; Annual Report 2018. *New Development Bank*. P. 6. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2019/11/NDB_ARA_pages.pdf (accessed 25.11.2024).

²⁷ Annual Report 2020. *New Development Bank*. P. 16. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/NDB-AR-2020_complete_v3.pdf (accessed 25.11.2024).

²⁸ Annual Report 2021. *New Development Bank*. P. 14. URL: <https://www.ndb.int/annual-report-2021/pdf/SmartPDF/> (accessed 25.11.2024).

Банка Маркус Троиго в своём выступлении на семинаре подчёркивал, что «Новый банк развития стремится стать ведущим институтом развития в области социальной инфраструктуры, не только в странах БРИКС, но и в развивающихся странах в целом»²⁹. В концепции семинара, а также в выступлениях на нём неоднократно затрагивалась сфера образования, главным образом в контексте перспектив её развития путём интеграции образовательной и цифровой инфраструктуры³⁰.

Наблюдаемая по Стратегиям и годовым отчётам НБР эволюция места социальной инфраструктуры в повестке Банка нашла отражение и в заключаемых им меморандумах о взаимопонимании с другими многосторонними банками развития. «Социальная инфраструктура» впервые упоминается в качестве одной из планируемых областей взаимодействия в последнем на данный момент меморандуме – между НБР и Азиатским банком развития от июня 2022 г.³¹, тогда как во всех 10 аналогичных меморандумах, заключённых до 2022 г., эта область никак не отмечена³².

Однако приходится отметить, что такой отчётливый рост внимания, уделяемого в целом социальной инфраструктуре и конкретно образованию в *повестке* Нового банка развития, пока не находит соответствующего отражения в его *практической деятельности*. По состоянию на конец ноября 2024 г. НБР одобрил всего два проекта, полностью или частично направленных на развитие образования, причём в обоих случаях речь идёт именно о школьном (в сочетании с дошкольным) образовании (см. Таблицу 1). Ни один из проектов пока не завершён, оба реализуются в Бразилии, в муниципалитетах Терезина (столица штата Пиауи) и Апаресида-ди-Гояния (второй по величине город штата Гояс).

²⁹ Virtual Seminar Discussed Financing Social Infrastructure and the Role of Digital Technologies. 2021. *New Development Bank*. May 17. URL: <https://www.ndb.int/news/virtual-seminar-discussed-financing-social-infrastructure-and-the-role-of-digital-technologies/> (accessed 25.11.2024).

³⁰ Ibid; Concept Note: Virtual Seminar on Social Infrastructure: Financing and Use of Digital Technologies. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2021/05/Concept-Note-Seminar-on-Social-Infrastructure.pdf> (accessed 25.11.2024).

³¹ Memorandum of Understanding between Asian Development Bank and New Development Bank on General Cooperation. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/MoU-between-ADB-and-NDB2022.pdf> (accessed 25.11.2024).

³² Memoranda of Understanding. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/partnership/memoranda-of-understanding/> (accessed 25.11.2024).

Таблица 1. Проекты в области школьного образования, одобренные НБР по состоянию на ноябрь 2024 г.

Table 1. Educational projects approved by the NDB as of November 2024

Название проекта	«Программа развития образовательной инфраструктуры Терезины»	«Программа развития инфраструктуры к 100-летию Апаресиды-ду-Гоянии» ³³
Страна реализации проекта	Бразилия	Бразилия
Объём финансирования	50 млн долл. США	30 млн долл. США
Дата одобрения концепции проекта	05.12.2019	24.12.2021
Дата одобрения финансирования	29.06.2020	10.07.2023
Краткое описание проекта	Строительство с нуля восьми новых школ для (в совокупности) 9400 учащихся 1-9 классов; переоборудование семи школьных зданий в детские сады; завершение строительства 13 школ неполного дня; благоустройство городских территорий вокруг 15 школ; финансирование исследований по улучшению качества образования в городе	Строительство с нуля 11 зданий для дошкольных учреждений (для 9500 учащихся в совокупности) и четырёх зданий для начальных школ (для 1800 учащихся)

Источник: составлено авторами на основе данных Нового банка развития³⁴.

Source: compiled by the authors based on the NDB data.

Как видно из Таблицы 1, суммарный объём финансирования одобренных образовательных проектов равен 80 млн долл. США, что составляет лишь 0,25% от общего объёма одобренного НБР финансирования (32 млрд долл. США по состоянию на конец 2023 г.³⁵). Для сравнения, у Всемирного банка в середине 2010-х гг. доля образовательных проектов в кредитном портфеле составляла 8,5%, у Азиатского банка развития – 4%, у Африканского банка развития – 2,3%, у Межамериканского банка развития – 1,3% (Морозкина, Сабельникова 2017: 26).

³³ Данный проект направлен на комплексное развитие городской инфраструктуры и включает в себя, помимо образовательной части, также модернизацию транспортной инфраструктуры (мосты, дороги) и парковых зон. В опубликованной на сайте НБР информации не указано распределение финансирования между четырьмя составляющими проекта, поэтому, в соответствии с распространённой практикой (см., напр., Морозкина, Сабельникова 2017: 28), мы предполагаем равномерное распределение. Ниже в графе таблицы «Краткое описание» приведена информация только об образовательной составляющей.

³⁴ Teresina Educational Infrastructure Program. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/project/brazil-teresina-educational-infrastructure-program/> (accessed 25.11.2024); Aparecida de Goiânia 100 Years' Infrastructure Program. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/project/aparecida-de-goiania-100-years-infrastructure-program/> (accessed 25.11.2024).

³⁵ Investor Presentation, August 2024. *New Development Bank*. P. 18. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2024/02/Investor-Presentation-Q3_2024-NDB_22Aug2024.pdf (accessed 25.11.2024).

Наши расчёты отличаются как от данных самого НБР, согласно которым на Цель устойчивого развития (ЦУР) 4 «Качественное образование» приходится 50 млн долл. США в портфеле Банка³⁶, так и от оценок А.К. Морозкиной и Л.М. Григорьева, которые, используя несколько иную методологию, насчитывают три проекта общим объёмом финансирования 650 млн долл. США, соотносящиеся с ЦУР 4 (Морозкина, Григорьев 2023: 106). Расхождение с данными НБР объясняется тем, что Банк соотносит каждый проект только с одной ЦУР (Там же: 103), в результате чего в статистику по ЦУР 4 попадает только проект в Терезине, а комплексный проект в Апаресида-ди-Гоянии учитывается, вероятно, в статистике по ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты». Расхождения с данными Морозкиной и Григорьева объясняются двумя причинами: во-первых, частичной устарелостью их исследования (оно проводилось, судя по всему, до отмены 500-миллионного проекта по созданию в российских вузах передовых инженерных школ³⁷ и до одобрения проекта в Апаресида-ди-Гоянии)³⁸; во-вторых, учётом с их стороны в статистике по ЦУР 4 займа Банку развития Южной Африки (DBSA) на 100 млн долл. США, в связи с упоминанием в описании проекта «жилья для студентов». Мы, однако, приняли решение учитывать подобные проекты, подразумевающие займы НБР национальным банкам развития для последующего кредитования частного сектора и/или муниципалитетов, только если образование явно прописано в них как приоритетная область. В противном случае до завершения их реализации невозможно гарантировать, что будут профинансированы подпроекты по всем исходно запланированным направлениям деятельности³⁹.

Реализуемые проекты в сфере образования также отражаются в годовых отчётах НБР. В отчётах за 2016 и 2018 гг. лишь несколько раз кратко отмечается, что реализация проектов в сфере транспортной инфраструктуры, среди прочего, улучшает доступ к образовательным учреждениям⁴⁰ (аналогичные тезисы

³⁶ Ibid. P. 20.

³⁷ Program of Development of Educational Infrastructure for Highly Skilled Workforce. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/project/russia-development-educational-infrastructure-highly-skilled-workforce/> (accessed 25.11.2024).

³⁸ На это указывает используемая авторами статистика по количеству одобренных и отменённых проектов: 94 и 5, соответственно (Морозкина, Григорьев 2023: 103). Проект по передовым инженерным школам не входит в первые пять отменённых, а проект инфраструктурного развития Апаресида-ди-Гоянии – в первые 94 одобренных. См.: Annual Report 2022. *New Development Bank*. P. 141–146. URL: <https://www.ndb.int/annual-report-2022/pdf/SmartPDF/> (accessed 25.11.2024).

³⁹ В случае рассматриваемого займа DBSA условие «образование как явный приоритет» не выполняется. «Жильё для студентов» упоминается как одно из пяти направлений реализации проекта в его описании, однако в целях проекта (project objective) фигурирует только «обеспечение доступа к дешёвому и безопасному жилью» в целом. См.: DBSA Sustainable Infrastructure Project. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/project/dbsa-sustainable-infrastructure-project/> (accessed 25.11.2024).

⁴⁰ Annual Report 2016. *New Development Bank*. P. 31. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/NDB-ANNUAL-REPORT-2016.pdf> (accessed 25.11.2024);

Annual Report 2018. *New Development Bank*. P. 38. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2019/11/NDB_ARA_pages.pdf (accessed 25.11.2024).

сохраняются и в последующих отчётах). Впервые о прямом вкладе Банка в достижение ЦУР 4 говорится в отчёте за 2019 г., когда был одобрен (впоследствии отменённый) проект по российским передовым инженерным школам⁴¹. Начиная с 2020 г. в отчётах естественным образом появляется и проект в Терезине, а количество построенных или модернизированных школ с тех пор неизменно выносятся в «хайлайты» ожидаемых результатов от реализации поддержанных Банком проектов⁴².

Результаты исследования

Предпочтения стран-членов НБР

Мы исходим из того, что предпочтения стран БРИКС в отношении образовательного сотрудничества в целом и в области школьного образования в частности, выражаемые в ежегодных декларациях саммитов БРИКС, а также декларациях встреч министров образования, являются достаточно надёжными индикаторами их интереса к реализации образовательных проектов в рамках Нового банка развития.

В Таблице 2 представлены результаты анализа деклараций саммитов. Упоминание образования характеризуется в третьем столбце как «краткое», если в декларации образование только перечислено (одним словом) в ряду других направлений сотрудничества; как «подробное», если образовательному сотрудничеству и его отдельным направлениям посвящён минимум один абзац. Для тех деклараций, где образование в целом упоминается подробно, затем в четвёртом столбце характеризуется упоминание конкретно школьного образования. Оно обозначено как «косвенное» в тех случаях, когда декларация не содержит непосредственных упоминаний «школьного», «начального» или «среднего» образования, но ссылается на Цели развития тысячелетия или Цели устойчивого развития в области образования. Это связано с тем, что вторая Цель развития тысячелетия охватывала исключительно начальное образование, а среди индикаторов ЦУР 4 на первом месте также стоит обеспечение именно начального и среднего образования.

⁴¹ Annual Report 2019. *New Development Bank*. P. 47. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2020/07/NDB_2019_ARA_1.pdf (accessed 25.11.2024).

⁴² Annual Report 2020. *New Development Bank*. P. 9, 62. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/11/NDB-AR-2020_complete_v3.pdf (accessed 25.11.2024). Любопытно отметить, что в отчётах за 2020 и 2021 гг. в это число включались также 30 «передовых инженерных школ», которые планировалось создать в России, несмотря на то что в данном случае речь шла фактически о программах развития организаций высшего образования.

Таблица 2. Тема образования в целом и школьного образования в частности в декларациях саммитов БРИКС, 2009–2024 гг.

Table 2. The topic of education in general and primary & secondary education in particular in the declarations of BRICS summits, 2009–2024

Год саммита	Председательство в БРИКС	Упоминание образования	Упоминание школьного образования
2009	Россия	краткое	-
2010	Бразилия	нет	-
2011	Китай	краткое	-
2012	Индия	краткое	-
2013	ЮАР	нет	-
2014	Бразилия	подробное	косвенное
2015	Россия	подробное	нет
2016	Индия	подробное	нет
2017	Китай	подробное	косвенное
2018	ЮАР	краткое	-
2019	Бразилия	нет	-
2020	Россия	подробное	нет
2021	Индия	подробное	прямое
2022	Китай	подробное	нет
2023	ЮАР	подробное	нет
2024	Россия	подробное	косвенное

Источник: составлено авторами на основе текстов деклараций (см. сноску 13).

Source: compiled by the authors based on the texts of the declarations (see footnote 13).

Мы видим, что образование как важная самостоятельная тема закрепляется в повестке саммитов стран БРИКС только с 2014 г., а школьное образование в принципе нечасто удостоивается не только прямого, но и косвенного упоминания. Единственное прямое упоминание фиксируется в 2021 г. в пункте 42 Делийской декларации: «Мы обязуемся укреплять наше сотрудничество в области развития детей младшего возраста, начального, среднего и высшего образования...»⁴³. Примечательно, что в том же пункте указывается, во-первых, на влияние пандемии COVID-19, а, во-вторых, на необходимость преодоления цифрового разрыва в образовательной сфере.

Для сравнения интересно отметить, что сотрудничество в области высшего образования отдельно упоминается во всех девяти декларациях саммитов, где тема высшего образования в целом рассматривается подробно; тогда как в шести из девяти таких деклараций (и во всех начиная с 2020 г.) присутствует тема сотрудничества в области «технического и профессионального образования и подготовки (ТПОП)»⁴⁴. Эти же две подобласти были эксплицитно обозначены

⁴³ Декларация XIII саммита БРИКС – Нью-Дели. Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). URL: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6148/6c7a/6272/6906/7842/0000/original/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D1%8C%D1%8E-%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%B8.pdf?1632136314 (дата обращения: 25.11.2024).

⁴⁴ Подсчитано авторами на основе анализа текстов всех ежегодных деклараций саммитов БРИКС.

как приоритеты образовательного сотрудничества в пункте 76 Московской декларации саммита 2020 г.⁴⁵.

В Таблице 3 представлены результаты анализа деклараций и заявлений для СМИ по итогам встреч министров образования стран БРИКС. Сюда, за исключением встречи 2013 г., включались только прямые упоминания школьного образования. Мы видим, что тема школьного образования появляется в повестке министерских встреч лишь периодически, не являясь устойчивым приоритетом. Показательным в отношении приоритетов служит заявление для СМИ по итогам самой первой встречи, в 2013 г.: тогда «в качестве важных вопросов для сотрудничества были отмечены укрепление взаимодействия между университетами стран БРИКС, партнёрство и обмен знаниями в области технического и профессионального образования и подготовки, а также взаимное признание документов об образовании»⁴⁶. Эти же вопросы регулярно оказывались в центре внимания и во всех последующих декларациях.

Таблица 3. Тема школьного образования в декларациях и заявлениях для СМИ по итогам встреч министров образования стран БРИКС, 2013–2024 гг.

Table 3. The topic of primary & secondary education in the declarations and media statements of the BRICS Education ministers meetings, 2013–2024

Год встречи	Председательство в БРИКС	Упоминания школьного образования*
2013	ЮАР	«...БРИКС и ЮНЕСКО должны работать совместно для помощи наименее развитым странам в достижении глобальных целей в области образования».
2015 (1)	Бразилия ⁴⁷	нет
2015 (2)	Россия	нет
2016	Индия	«[Страны – члены БРИКС] подтверждают необходимость всеобщего и равного доступа к качественному образованию, включая среднее и высшее образование...»
2017	Китай	нет
2018	ЮАР	«[Страны – члены БРИКС] поддерживают инициативу Индии по разработке предложений по цифровизации в целях улучшения образования и подготовки, а также политик в этой области. Это включает в себя сравнительное исследование цифрового обучения в школах, колледжах и университетах стран-членов БРИКС...»
2020	Россия	нет
2021	Индия	«Использование потенциала цифровых и технологических решений для улучшения доступа к качественному школьному и высшему образованию...»

⁴⁵ Московская декларация XII саммита БРИКС. Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). URL: [https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6052/2d9c/6272/697e/b441/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_\(%D0%B3.%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F__17_%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F_2020_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0\).pdf?1615998364](https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6052/2d9c/6272/697e/b441/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_(%D0%B3.%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F__17_%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F_2020_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0).pdf?1615998364) (дата обращения: 25.11.2024).

⁴⁶ BRICS Ministers Discuss Education (Press Release, November 5, 2013, Paris). BRICS Information Centre, University of Toronto. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/131105-education.html> (accessed 25.11.2024).

⁴⁷ Хронологически встреча состоялась 2 марта 2015 г., но проводилась в Бразилии и, тем самым, условно относилась к бразильскому председательству 2014 г.

2022	Китай	нет
2023	ЮАР	«...восемь тематических областей, определенных в качестве образовательных приоритетов для стран – членов БРИКС. К ним относятся <...> <i>проблема молодежи, не посещающей школу...</i> »
2024	Россия	нет

*Курсив в этом столбце – авторов статьи.

Источник: составлено авторами на основе текстов деклараций (см. сноску 14).

Source: compiled by the authors based on the texts of the declarations (see footnote 14).

Также показательно, что хотя в 2023 г. «проблема молодежи, не посещающей школу» попала в перечень восьми приоритетных направлений сотрудничества⁴⁸, из Казанской декларации 2024 г. она уже исчезла, в отличие, например, от таких направлений, как экологическая грамотность, цифровое образовательное сотрудничество, взаимное признание документов об образовании, глобальные университетские рейтинги⁴⁹. Стоит отметить и тот факт, что все пять случаев прямого упоминания школьного образования в министерских декларациях приходится на годы председательства в БРИКС Индии или ЮАР.

В свою очередь, ещё более прямым отражением приоритетов стран – членов НБР в отношении его деятельности можно считать выступления представителей стран на ежегодных заседаниях Совета управляющих Банка. Из-за значительной неполноты доступной информации за более ранние годы здесь мы берём только выступления на заседаниях 2023–2024 гг.⁵⁰. Это, конечно, ограничивает анализ, но всё же позволяет увидеть, выражают ли страны – члены НБР интерес к изменению сложившегося на данный момент (и описанного в предыдущем разделе) статус-кво. Необходимость в табличном представлении данных здесь отсутствует, поскольку из 15 доступных для анализа выступлений⁵¹, только в выступлении управляющего от Индии в 2024 г. содержится призыв к НБР «наращивать инвестиции в новые сектора, такие как чистая энергетика, устойчивая к бедствиям инфраструктура и социальная инфраструктура, уделяя особое внимание здравоохранению, образованию и цифровой инфраструктуре»⁵². В выступлениях управляющих от других стран-членов за оба рассматриваемых года, равно как и в выступлении управляющего от Индии за 2023 г., данная тема не поднималась.

⁴⁸ BRICS Education Ministers Meeting Media Statement on the Outcome of the 10th Meeting of BRICS Ministers of Education Held on the 13 July 2023. *Department of Higher Education and Training – Republic of South Africa*. URL: <https://www.dhet.gov.za/SiteAssets/Media%20Advisory%20and%20Statements%202023/Media%20Statement%20Address2.pdf> (accessed 25.11.2024)

⁴⁹ Kazan Declaration of the 11th Meeting of the BRICS Ministers of Education. *BRICS 2024 Russia*. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/2024-06-13-Final_Kazan_Declaration_of_the_11th_Meeting_of_BRICS_Ministers_11.pdf?171834998309901 (accessed 25.11.2024).

⁵⁰ См. сноску 15.

⁵¹ Выступление управляющего от Бразилии на заседании 2023 г. на сайте НБР отсутствует.

⁵² Address by Ms. Manisha Sinha, Temporary Alternate Governor for India, Additional Secretary, Department of Economic Affairs, Ministry of Finance, India. 2024. *New Development Bank*. 30.08. URL: <https://www.ndb.int/news/address-by-ms-manisha-sinha-temporary-alternate-governor-for-india-additional-secretary-department-of-economic-affairs-ministry-of-finance-india/> (accessed 25.11.2024).

Приоритеты высшего руководства НБР

Хотя выше уже отмечалось, что странам БРИКС свойственно повышенное внимание к соблюдению принципа суверенитета, НБР – как и любая другая бюрократическая организация – в любом случае обладает некоторой автономией в своей деятельности (Barnett, Finnemore 2004), в связи с чем влияние президента Банка на повестку и деятельность организации также необходимо учитывать.

В Таблице 4 приводятся результаты анализа выступлений президента НБР на ежегодных заседаниях Совета управляющих Банка. Мы видим, что президенты Банка действительно различаются по степени внимания, уделяемого образованию и социальной инфраструктуре в целом. Так, Маркус Троихо в принципе не поднимал эти темы в своих выступлениях. Кундапур Ваман Каматх в выступлениях 2019–2020 гг., как и в своих предисловиях к годовым отчётам 2017 и 2018 гг. (см. предыдущий раздел), подчёркивал перспективы революции в образовании и социальном секторе в целом вследствие широкого внедрения цифровых технологий⁵³. Наконец, для действующего президента Банка Дилмы Руссефф развитие социальной инфраструктуры самой по себе, включая образование, выступает отдельным приоритетом.

Таблица 4. Тема образования в выступлениях президента НБР на заседаниях Совета управляющих, 2016–2024 гг.

Table 4. The topic of education in the NDB president’s speeches at the meetings of the Bank’s Board of Governors, 2016–2024

Год	Действующий президент	Упоминания образования
2016	Кундапур Ваман Каматх (Индия)	нет
2017	Кундапур Ваман Каматх (Индия)	«Благодаря появлению более доступной и взаимосвязанной инфраструктуры бедные слои населения получают более широкий доступ к экономическим возможностям, образовательным и медицинским учреждениям».
2018	Кундапур Ваман Каматх (Индия)	нет
2019	Кундапур Ваман Каматх (Индия)	«Развитие этих технологий производит революцию в финансах, телемедицине, образовании и государственных услугах <...> Можно ли представить, <...> что дети будут иметь почти всеобщий доступ к высококачественному дистанционному образованию?»
2020	Кундапур Ваман Каматх (Индия)	«Инвестируя в цифровую инфраструктуру, государства могут <...> создавать платформы для предоставления качественного образования в сельской местности...»
2021	Маркус Троихо (Бразилия)	нет
2022	Маркус Троихо (Бразилия)	нет

⁵³ В свою очередь, его выступление 2017 г. обращает внимание на косвенные преимущества для образования от развития транспортной инфраструктуры – сюжет, который мы уже также видели в годовых отчётах.

2023	Дилма Руссефф (Бразилия)	«Опыт многих стран-членов показывает, что социальная инклюзивность также зависит от доступа населения к здравоохранению, образованию, санитарии, транспорту и жилью. Все эти общественные блага и связанные с ними услуги зависят от инвестиций в конкретные объекты инфраструктуры <...> и Банк намерен играть более активную роль в поддержке таких инвестиций».
2024	Дилма Руссефф (Бразилия)	«...развивающиеся страны сталкиваются с масштабными препятствиями на пути к устойчивому развитию, такими как неравенство, крайняя бедность, неразвитая инфраструктура, и низкая доступность образования, здравоохранения и жилья. <...> Диверсификация источников финансирования и использования более широкой валютной корзины <...> может укрепить фискальную устойчивость, что позволит финансировать логистическую, социальную и цифровую инфраструктуру, жильё, коммунальные службы, образование и здравоохранение».

Источник: составлено авторами на основе текстов выступлений⁵⁴.

Source: compiled by the authors based on the texts of the speeches.

Эти результаты подтверждаются и в том случае, если не ограничивать анализ выступлениями на заседаниях Совета управляющих. Поиск по официальному сайту НБР не обнаруживает в принципе ни одного выступления Маркуса Троио с упоминанием образования, всего одно за пять лет выступление Кундапура Вамана Каматха⁵⁵, и уже четыре (менее чем за два года) выступления Дилмы Руссефф⁵⁶.

⁵⁴ The First Annual Meeting of the Board of Governors. 2016. *New Development Bank*. 19.07. URL: <https://www.ndb.int/insights/first-annual-meeting-board-governors/> (accessed 25.11.2024); Opening Remarks by President K. V. Kamath at the Second Annual Meeting of the New Development Bank, New Delhi, India. 2017. *New Development Bank*. 01.04. URL: <https://www.ndb.int/insights/opening-remarks-president-k-v-kamath-second-annual-meeting-new-development-bank-new-delhi-india/> (accessed 25.11.2024); Opening address by President K. V. Kamath at the Third Annual Meeting of The New development bank, Shanghai, China. 2018. *New Development Bank*. 28.05. URL: <https://www.ndb.int/insights/opening-address-president-k-v-kamath-third-annual-meeting-new-development-bank-shanghai-china/> (accessed 25.11.2024); Opening Address of Mr. K. V. Kamath, President, New Development Bank at the Fourth Annual Meeting on April 1, 2019. 2019. *New Development Bank*. 01.04. URL: <https://www.ndb.int/insights/opening-address-of-mr-k-v-kamath-president-new-development-bank-at-the-fourth-annual-meeting-on-april-1-2019/> (accessed 25.11.2024); Speech of Mr. K. V. Kamath, President, New Development Bank at the Fifth Annual Meeting of the Board of Governors. 2020. *New Development Bank*. 20.04. URL: <https://www.ndb.int/insights/speech-of-mr-k-v-kamath-president-new-development-bank-at-the-fifth-annual-meeting-of-the-board-of-governors/> (accessed 25.11.2024); Opening address by President Troyjo at the Sixth Annual Meeting of The New development bank, Shanghai, China. 2021. *New Development Bank*. 30.03. URL: <https://www.ndb.int/insights/opening-address-by-president-troyjo-at-the-sixth-annual-meeting-of-the-new-development-bank-shanghai-china/> (accessed 25.11.2024); Opening address by President Troyjo at the Seventh Annual Meeting of the Board of Governors of the New Development Bank. 2022. *New Development Bank*. 20.05. URL: <https://www.ndb.int/insights/opening-address-by-president-troyjo-at-the-seventh-annual-meeting-of-the-new-development-bank/> (accessed 25.11.2024); Address by NDB President, Dilma Rouseff at Opening of the Plenary Session of the 8th Annual Meeting of the NDB. 2023. *New Development Bank*. 30.05. URL: <https://www.ndb.int/insights/address-by-ndb-president-dilma-rousseff-at-opening-of-the-plenary-session-of-the-8th-annual-meeting-of-the-ndb/> (accessed 25.11.2024); Remarks by H.E. Mrs. Dilma Rouseff, President of the New Development Bank. 2024. *New Development Bank*. 30.08. URL: <https://www.ndb.int/insights/remarks-by-h-e-mrs-dilma-rousseff-president-of-the-new-development-bank/> (accessed 25.11.2024).

⁵⁵ В нём просто кратко упоминается первый проект Банка в сфере образования – впоследствии отменённый проект по российским передовым инженерным школам. См.: Report of the President On the status of the New Development Bank. 2019. *New Development Bank*. 14.11. URL: <https://www.ndb.int/insights/report-president-status-new-development-bank/> (accessed 25.11.2024).

⁵⁶ Address by NDB President, Dilma Rouseff at Presidential Visit and Inauguration Ceremony. 2023. *New Development Bank*. 14.04. URL: <https://www.ndb.int/insights/address-by-ndb-president-dilma-rousseff-at-presidential-visit-and-inauguration-ceremony/> (accessed 25.11.2024); Speech by the President of the NDB, Dilma Rouseff, at the XV BRICS Summit. 2023. *New Development Bank*. 25.08. URL: <https://www.ndb.int/insights/speech-by-the-president-of-the-ndb-dilma-rousseff-at-the-xv-brics-summit-johannesburg-l-august-24-2023/> (accessed 25.11.2024); NDB's Board of Directors and Senior Management Meet with Governor Wang Zhonglin, Discuss Development Priorities and Areas

«Старые» и «новые» многосторонние банки развития

Под влиянием экологических кампаний гражданского общества 1980–1990-х гг. большинство традиционных доноров, включая многосторонние банки развития, начали с подозрением относиться к крупным инфраструктурным проектам в развивающихся странах из-за их негативного влияния на окружающую среду (Wade 1997). Как следствие, они начали активнее финансировать проекты в социальной сфере (Lyne, Nielson, Tierney 2009: 414–415)⁵⁷. Вместе с тем потребность развивающихся стран в традиционной «физической» инфраструктуре никуда не исчезла, однако образовался дефицит источников её финансирования. Многие исследования отмечают, что стремление восполнить этот дефицит служило одной из основных мотиваций создания НБР (Stuenkel 2020: 89–91; Cooper 2016: 69).

Сравнение с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций (АБИИ) развития показывает, что для «новых» многосторонних банков развития действительно характерен общий акцент на «традиционных» инфраструктурных проектах (транспортных, энергетических) в сочетании с лишь небольшим вовлечением в социальную инфраструктуру. Так, за аналогичный период с 2016 г. АБИИ одобрил лишь два образовательных проекта общим объёмом финансирования 345 млн долл. США⁵⁸. В процентах от общего объёма одобренного финансирования на конец ноября 2024 г. (58,61 млрд долл. США)⁵⁹ это составляет всего около 0,6% – несколько больше, чем 0,25% у НБР, но по-прежнему существенно меньше, чем 8,5% у ВБ, 4% у АзБР или даже 2,3% у АфБР (Морозкина, Сабельникова 2017: 26).

Вышеописанные соображения дают повод отдельным экспертам говорить о своего рода разделении функций между «старыми и новыми» банками развития. Так, бангладешский экономист Дебаприя Бхаттачарья отмечает, что «в мире формируется новое разделение труда: если вам нужны средства на здравоохранение, образование или другие социальные вопросы, вы идёте к западным международным финансовым организациям; если вам нужен мост, дорога или другая физическая инфраструктура, то вы обращаетесь в новые банки» (цит. по: Chin, Kamal 2024: 417).

of Collaboration. 2023. *New Development Bank*. 15.09. URL: <https://www.ndb.int/news/ndbs-board-of-directors-and-senior-management-meet-with-governor-wang-zhonglin-discuss-development-priorities-and-areas-of-collaboration/> (accessed 25.11.2024); NDB President Dilma Rousseff Met with Leaders and Heads of Delegations of BRICS Plus/Outreach Countries at 16th BRICS Summit. 2024. *New Development Bank*. 24.10. URL: <https://www.ndb.int/insights/ndb-president-dilma-rousseff-met-with-leaders-and-heads-of-delegations-of-brics-plus-outreach-countries-at-16th-brics-summit/> (accessed 25.11.2024).

⁵⁷ См. также: Winter J. 2020. Drivers and Dynamics of Agenda Change at the World Bank. *Paper presented at the 13th Annual Conference on The Political Economy of International Organization*, February 20–22. P. 3–5, 9–12. URL: https://www.peio.me/wp-content/uploads/2020/02/PEIO13_paper_91_1.pdf (accessed 25.11.2024).

⁵⁸ Our Projects (Sector – Education Infrastructure). *Asian Infrastructure Investment Bank*. URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/All/sector/Education%20Infrastructure/financing_type/All/status/All (accessed 25.11.2024).

⁵⁹ Project Summary. *Asian Infrastructure Investment Bank*. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html> (accessed 25.11.2024).

Потребности стран – членов НБР в помощи образованию

Для оценки того, насколько страны – члены НБР (как действующие, так и перспективные) нуждаются в помощи образованию, мы использовали два набора показателей. Во-первых, объём уже получаемой помощи образованию и её соотношение с госрасходами на образование (см. Таблицу 5). Во-вторых, процент детей и молодёжи школьного возраста, не посещающих школу – в разбивке по разным уровням школьного образования (см. Таблицу 6).

Таблица 5. Помощь развитию школьного образования в странах – членах БРИКС и НБР

Table 5. Aid to basic and secondary education in BRICS and NDB member states

Страна	Среднегодовой объём полученной помощи школьному образованию, млн долл. США		Помощь в % от государственных расходов на школьное образование (на 2019 г.)*
	2017-2019 гг.	2020-2022 гг.	
Алжир	5.0	5.8	1.56
Бангладеш	425.9	230.1	6.33
Бразилия	5.3	5.3	0.01
Египет	60.6	33.1	0.90
Индия	121.5	36.5	0.18
Иран	1.1	0.9	0.02
Китай	147.4	102.5	н/д
Эфиопия	208.3	160.7	н/д
ЮАР	23.7	19.9	0.17

*Для Бразилии, Египта, Индии, Ирана, ЮАР взято отношение среднегодовой помощи в 2017–2019 гг. к государственным расходам в 2019 г. По Бангладеш данные о госрасходах имеются только для среднего образования, поэтому при расчётах и помощь учтена только для данного уровня. Для Алжира данные о госрасходах доступны только за 2023 г., поэтому рассчитано отношение к ним среднегодовой помощи в 2020–2022 гг. По Китаю и Эфиопии в базе ЮНЕСКО полностью отсутствуют данные о госрасходах. Россия и ОАЭ, согласно данным ОЭСР, в рассматриваемый период времени не являлись получателями помощи образованию.

Источник: составлено авторами на основе данных Комитета содействия развитию ОЭСР и Института статистики ЮНЕСКО⁶⁰.

Source: compiled by the authors based on the data from OECD DAC and UNESCO Institute for Statistics.

Из представленных данных видно, что страны – члены БРИКС/НБР значительно различаются по уровню потребности в помощи образованию. С одной стороны, есть Россия и ОАЭ, которые в принципе не получают такую помощь и имеют по состоянию на 2023 г. близкие к 100% показатели посещаемости школ

⁶⁰ CRS: Creditor Reporting System (flows). *OECD Data Explorer*. URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?fs\[0\]=Topic%2C1%7CDevelopment%23DEV%23%7COfficial%20Development%20Assistance%20%28ODA%29%23DEV_ODA%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=19&df\[ds\]=dsDisseminateFinalDMZ&df\[id\]=DSD_CRS%40DF_CRS&df\[ag\]=OECD.DCD.FSD&df\[vs\]=1.2&dq=ALLD..113%2B112.100._T._T.D.Q._T..&pd=2017%2C2022&to\[TIME_PERIOD\]=false](https://data-explorer.oecd.org/vis?fs[0]=Topic%2C1%7CDevelopment%23DEV%23%7COfficial%20Development%20Assistance%20%28ODA%29%23DEV_ODA%23&pg=0&fc=Topic&bp=true&snb=19&df[ds]=dsDisseminateFinalDMZ&df[id]=DSD_CRS%40DF_CRS&df[ag]=OECD.DCD.FSD&df[vs]=1.2&dq=ALLD..113%2B112.100._T._T.D.Q._T..&pd=2017%2C2022&to[TIME_PERIOD]=false) (accessed 25.11.2024); Education: Other policy relevant indicators: Government expenditure on education in constant US\$. *UIS.Stat*. URL: <https://data.uis.unesco.org/> (accessed 25.11.2024).

на всех уровнях школьного образования. С другой стороны, есть Бангладеш, выделяющийся как по абсолютным значениям объёмов получаемой помощи, так и по её отношению к государственным расходам. При этом статистика посещаемости однозначно показывает, что страной – членом НБР, наиболее нуждающейся в помощи образованию, в случае своего присоединения к Банку станет Эфиопия. Индия является крупным получателем помощи образованию и, судя по статистике посещаемости школ (особенно в случае старшего школьного возраста), продолжает в ней нуждаться. Сравнительно благополучной (высокие показатели посещаемости и низкое отношение помощи к госрасходам) по состоянию на 2023 г. является ситуация в Бразилии, Египте и Иране; тогда как более проблемные тенденции наблюдаются в Алжире (достаточно высокое отношение помощи к госрасходам и низкая посещаемость в когорте старшего школьного возраста) и ЮАР (низкая посещаемость во всех когортах). Китай продолжает получать существенные объёмы помощи образованию в абсолютных значениях, а также оказывается единственной страной БРИКС, где в 2023 г. наблюдалось ухудшение показателей посещаемости школ сразу в двух возрастных когортах: младшего и среднего школьного возраста.

Таблица 6. Доля детей и молодёжи школьного возраста, не посещающих школу, в странах – членах БРИКС и НБР (в %)
Table 6. Out-of-school rate in BRICS and NDB member states (%)

Страна	Начальное образование (primary)		1-я ступень среднего образования (lower secondary)		2-я ступень среднего образования (upper secondary)	
	2015 г.	2023 г.	2015 г.	2023 г.	2015 г.	2023 г.
Алжир	1	1	4	5	24	18
Бангладеш	17	5	18	3	47	26
Бразилия	5	3	4	2	12	9
Египет	3	2	10	1	30	8
Индия	10	4	13	12	42	42
Иран	2	1	4	1	16	9
Китай	3	5	3	7	16	12
ОАЭ	5	1	10	1	28	3
Россия	4	0.3	2	0.3	1	2
Эфиопия	24	17	39	42	64	64
ЮАР	6	13	8	8	25	20

Источник: составлено авторами на основе данных Глобального мониторинга образования⁶¹.
Source: compiled by the authors based on Global Education Monitoring data.

Обращает на себя внимание заметное сокращение в период пандемии (2020–2022 гг.) объёмов помощи образованию в тех странах, которые выступают крупными получателями такой помощи: Бангладеш, Египте, Индии, Китае,

⁶¹ Global Education Monitoring Report 2024/5: Leadership in education – Lead for learning. 2024. Paris, UNESCO. UNESCO. P. 310–318. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000391406> (accessed 25.11.2024).

Эфиопии. При этом, если в абсолютном значении больше всего потерял Бангладеш – почти минус 200 млн долл. США в год, то в относительном больше всего пострадала Индия, которая в 2020–2022 гг. получала в среднем в три раза меньше помощи, чем в 2017–2019 гг.

Образовательные проекты других многосторонних банков развития в странах – членах НБР

Анализ перечней поддержанных проектов на официальных сайтах Всемирного банка и региональных банков развития даёт интересные результаты (см. Таблицу 7). Только 5 из 11 стран – членов БРИКС/НБР активно взаимодействуют с многосторонними банками развития в реализации проектов в сфере школьного образования. Лидерами здесь являются Бангладеш и Бразилия с 16 и 14 проектами, соответственно. По семь проектов у Индии и Эфиопии, шесть – у Китая. Россия, ОАЭ и Иран (что не слишком удивительно), а также Алжир и ЮАР (что несколько более неожиданно) с 2016 г. не реализовывали проектов в области школьного образования при поддержке многосторонних банков развития.

Таблица 7. Проекты других многосторонних банков развития в сфере школьного образования в странах – членах НБР, 2016–2024 гг.

Table 7. Other MDBs' educational (primary & secondary) projects in the New Development Bank's member states, 2016–2024

Страна	Проекты Всемирного банка	Проекты региональных банков развития
Алжир	-	-
Бангладеш	8	8
Бразилия	5	9
Египет	1	-
Индия	5	2*
Иран	-	-
Китай	1	5
ОАЭ	-	-
Россия	-	-
Эфиопия	7	-
ЮАР	-	-

*в том числе один проект Азиатского банка реконструкции и развития.

Источник: составлено авторами на основе официальных данных Всемирного банка, Африканского банка развития, Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Межамериканского банка развития⁶².

Source: compiled by the authors based on the official data from the World Bank, African Development Bank, Asian Development Bank, Asian Infrastructure Investment Bank, Inter-American Development Bank.

⁶² Project List. *World Bank Group*. URL: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/projects-list> (accessed 25.11.2024); Projects. *Inter-American Development Bank*. URL: <https://www.iadb.org/en/project-search> (accessed 25.11.2024); Projects. *Asian Development Bank*. URL: <https://www.adb.org/projects> (accessed 25.11.2024); Projects. *AfDB Data Portal*. URL: <https://projectsportal.afdb.org/dataportal/VProject/list> (accessed 25.11.2024); Our Projects. *Asian Infrastructure Investment Bank*. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/list/index.html> (accessed 25.11.2024).

Из Таблицы 7 также напрашивается вывод, что Всемирный банк, Азиатский банк развития и Межамериканский банк развития активно финансируют образовательные проекты, тогда как Африканский банк развития ведёт себя на данном направлении более сдержанно. Это наблюдение в целом согласуется с приводившимися выше данными о доле образовательных проектов в кредитном портфеле разных банков.

Обсуждение результатов

После приведения подробной описательной статистики, мы можем оценить влияние предполагавшихся факторов на эволюцию места помощи школьному образованию в повестке и деятельности НБР и, тем самым, проверить выдвинутые гипотезы.

В первую очередь необходимо отметить, что *эволюция повестки (декларируемых приоритетов) Банка и динамика его практической деятельности в области школьного образования не полностью коррелируют друг с другом*. Так, первый образовательный проект (в Терезине) был одобрен ещё в 2020 г., в период действия первой пятилетней Стратегии, где образованию уделялось сравнительно мало внимания. В свою очередь, принятие новой Стратегии на 2022–2026 гг., с более выраженной приоритизацией образования и социальной инфраструктуры в целом, пока не привело к соразмерным изменениям на практике: за уже более чем половину стратегического цикла (три года из пяти) был одобрен всего один проект, частично затрагивающий школьное образование. Также, хотя в повестке Банка значительное внимание уделяется интеграции образовательной и цифровой инфраструктуры, оба одобренных проекта носят достаточно «консервативный характер»: их ключевым элементом является постройка школ. Такое частичное несоответствие риторики и практической деятельности само по себе не является чем-то уникальным, оно отмечалось, в частности, и в исследованиях Всемирного банка⁶³. Однако это означает, что при дальнейшей оценке влияния предполагаемых объяснительных факторов имеет смысл рассматривать отдельно влияние на повестку, и отдельно – на практическую деятельность.

Что касается нашей основной *гипотезы (а)* о влиянии динамики предпочтений стран-членов, то в отношении эволюции повестки НБР она подтверждается только частично, а в отношении эволюции практической деятельности не подтверждается вообще. С одной стороны, к моменту выработки первой пятилетней Стратегии Банка в 2016–2017 гг. образовательное сотрудничество уже несколько лет (с 2013 г.) как вошло в повестку БРИКС, однако тогда это никак не способствовало появлению этой темы в повестке НБР. С другой стороны, воз-

⁶³ См.: Winter J. 2020. Drivers and Dynamics of Agenda Change at the World Bank. Paper presented at the 13th Annual Conference on The Political Economy of International Organization, February 20–22. P. 12–13. URL: https://www.peio.me/wp-content/uploads/2020/02/PEIO13_paper_91_1.pdf (accessed 25.11.2024).

вращение темы образования в декларации саммитов БРИКС с 2020 г. совпало с периодом подготовки новой Стратегии НБР, уделяющей значительно больше внимания образованию. В плане практической деятельности концепция первого образовательного проекта НБР (в Терезине) была одобрена в 2019 г. – в период (2018–2019 гг.), когда тема образования почти или полностью выпадала из повестки саммитов БРИКС.

Ещё одно расхождение связано с тем, что – согласно декларациям и саммитов, и министерских встреч – приоритетными направлениями образовательного сотрудничества для стран БРИКС являются высшее образование и ТПОП, тогда как оба существующих образовательных проекта НБР посвящены школьному образованию, и Стратегия на 2022–2026 гг. также отдельно отмечает именно строительство школ как одно из направлений деятельности. Вместе с тем недостаток систематического внимания к теме школьного образования на высшем политическом уровне может частично объяснить, почему рост внимания НБР к образованию на уровне декларативных приоритетов не конвертируется в новые проекты «на земле».

Только частично подтверждается и *гипотеза (в)* о влиянии смены высшего руководства НБР. С одной стороны, в период президентства Маркуса Троихо, который меньше всего уделял внимания теме образования в своих выступлениях, действительно не было одобрено финансирование ни одного образовательного проекта⁶⁴. С другой стороны, именно при нём была разработана Стратегия на 2022–2026 гг., значительно поднявшая образование вверх по шкале приоритетов Банка. И напротив, в период президентства Дилмы Руссефф, так много внимания уделяющей образованию, пока не было одобрено (даже на уровне концепции) ни одного нового проекта в данной области. Вместе с тем, президентство Руссефф, несомненно, способствует закреплению темы развития социальной инфраструктуры в повестке НБР.

В свою очередь, *гипотезы (б) и (г)* о влиянии пандемии COVID-19 и о «компенсирующей»⁶⁵ логике концентрации НБР на «традиционной» (физической) инфраструктуре в целом подтверждаются. Именно после пандемии тема образования окончательно закрепляется в повестке саммитов БРИКС, и не случайно единственное пока прямое упоминание школьного образования в декларациях саммитов приходится на 2021 г. и соседствует с признанием негативного влияния пандемии на достижение целей устойчивого развития. Как мы видели выше, необходимость инвестиций в социальную инфраструктуру увязывается с преодолением негативных последствий COVID-19 и в Стратегии НБР на 2022–2026 гг.. Вместе с тем вновь приходится отмечать, что влияние на повестку Банка прослеживается здесь более явно, чем на практическую деятельность.

⁶⁴ Впрочем, если смотреть не на дату одобрения финансирования, а на дату одобрения концепции, то проект в Апаресида-ди-Гоянии был одобрен как раз при нём.

⁶⁵ В смысле компенсации нехватки финансирования со стороны «старых» многосторонних банков развития.

Опять же, концепция проекта в Терезине – первого и пока самого крупного образовательного проекта НБР – была одобрена ещё в 2019 г., до пандемии.

Сравнение НБР с АБИИ показывает общий для них фокус на «традиционной» (транспортной, энергетической, коммунальной) инфраструктуре и невысокую долю социальных проектов. А сопоставление с проектами «старых» банков развития в странах – членах БРИКС/НБР демонстрирует, что такой фокус вполне соответствует интересам самих развивающихся стран: продолжая реализовывать образовательные проекты при поддержке Всемирного банка и региональных банков развития, к «новым» банкам они обращаются преимущественно за средствами на традиционную инфраструктуру.

Наконец, *гипотеза (д)* о влиянии уровня потребностей стран-членов скорее не подтверждается, а *гипотеза (е)* о масштабе финансирования со стороны других банков развития подтверждается частично. Мы видим, что образовательные проекты при поддержке НБР реализуют не страны-члены, более всего нуждающиеся в помощи образованию (Индия, Бангладеш, ЮАР), а сравнительно более благополучная Бразилия. При этом, если в случае Бангладеш и Индии можно сослаться на их активное финансирование со стороны ВБ и АзБР, то для ЮАР такое объяснение не работает – у неё нет образовательных проектов, финансируемых АфБР. И напротив, большое число образовательных проектов при поддержке ВБ и МАБР не мешает Бразилии получать финансирование также и от Нового банка развития. Почему, в таком случае, именно Бразилия на данный момент является единственной страной, где НБР реализует проекты в сфере образования? По всей видимости, объяснение этому следует искать в каких-то частных, контекстуальных причинах, которые остались за пределами внимания настоящей статьи.

Собранный и изложенный в предыдущих разделах эмпирический материал также указывает на два фактора эволюции повестки и деятельности НБР, которые не предполагались нами исходно. Во-первых, учитывая, что первый образовательный проект был одобрен и до пандемии, и до первой смены высшего руководства, и в период спада внимания к теме на высшем уровне – представляется, что в этом случае просто происходило *постепенное эндогенное расширение повестки*. Недавние исследования показывают, что международные организации с «открытым»⁶⁶ исходным мандатом с течением времени склонны распространять свою деятельность на новые сферы (Lenz, Ceka, Hooghe et al. 2023). В данном же случае речь идёт не о полностью новых сферах, исходно напрямую не оговоренных в соглашении, но о том, что организация начинает деятельность с наиболее приоритетных направлений, а затем постепенно охватывает всё более и более второстепенные.

⁶⁶ То есть не ограниченным жёсткими и исчерпывающими рамками конкретных направлений деятельности.

Во-вторых, важным двигателем такого эндогенного расширения повестки в случае НБР выступил перечень Целей устойчивого развития. Миссия содействия «устойчивому развитию» эксплицитно прописана в Соглашении о Новом банке развития⁶⁷ и составляет ключевой элемент бренда и самопозиционирования Банка⁶⁸. В годовых отчётах НБР соотносит все поддерживаемые проекты с какой-то из ЦУР, информация о распределении поддерживаемых проектов по ЦУРам и конкретном вкладе Банка в достижение ЦУР включается в презентации для инвесторов⁶⁹. В этих условиях поддержка даже небольшого количества образовательных проектов оказывается сравнительно «дешёвым» способом записать себе в актив ещё одну цель – ЦУР 4 «Качественное образование», укрепляя репутацию Банка как одного из ключевых институтов в области устойчивого развития. Таким образом, распространение деятельности НБР на сферу образования можно рассматривать как результат эффективного «управления посредством постановки целей» (Kanie, Biermann 2017), где перечень ЦУР и индикаторов их достижения, принятый консенсусом государствами-членами ООН и наделённый в силу этого авторитетом, начинает затем функционировать как ориентир для деятельности отдельных акторов.

Вместо заключения: что дальше?

Рассмотрение опыта первых девяти лет работы НБР демонстрирует сложный и неоднозначный характер эволюции его участия в сфере помощи школьному образованию. Несмотря на усиление декларативного внимания к образовательным проектам и социальной инфраструктуре в стратегиях и отчётах, Банку не удалось существенно нарастить объёмы фактического финансирования. Одобрены всего два проекта в области школьного образования, и их масштаб остаётся незначительным. Причины кроются в отсутствии устойчивого запроса со стороны стран-членов на приоритизацию школьного образования, в исходном фокусе Банка на «традиционную» инфраструктуру, а также в инерции международной системы помощи, где за образовательные проекты по-прежнему отвечают в основном «старые» многосторонние банки развития. Пандемия COVID-19 и приход нового руководства способствовали закреплению темы образования в официальной повестке, но пока не дали прорывных результатов на практике.

Расширение круга стран – членов Банка за счёт государств с большим дефицитом образовательных ресурсов (например, Эфиопии) само по себе

⁶⁷ Соглашение о Новом банке развития от 15 июля 2014 г. (ратифицировано Федеральным законом от 08.03.2015 № 29-ФЗ, вступило в силу для Российской Федерации 3 июля 2015 г.). *Официальное опубликование правовых актов*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507070019> (дата обращения: 25.11.2024).

⁶⁸ Например: «В НБР, устойчивое развитие составляет сердцевину нашего мандата». См.: About NDB. *New Development Bank*. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/> (accessed 25.11.2024).

⁶⁹ Investor Presentation, August 2024. *New Development Bank*. P. 19–20. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2024/02/Investor-Presentation-Q3_2024-NDB_22Aug2024.pdf (accessed 25.11.2024).

не гарантирует более активного вовлечения НБР в данную сферу. Можно ожидать появления отдельных проектов, связанных с дистанционным обучением и интеграцией цифровой и образовательной инфраструктуры, поскольку эти направления нередко упоминаются в официальных документах и выступлениях. Тем не менее значительного увеличения объёмов финансирования образовательной сферы со стороны НБР в обозримом будущем вряд ли стоит ждать, учитывая ограниченность его ресурсов и необходимость соблюдать разумный баланс между приоритетами.

Вопрос о том, стоит ли НБР повышать долю помощи, направляемую на образование, и не разумнее ли оставить эту нишу за «традиционными» многосторонними банками развития, остаётся открытым. В то же время представляется, что монополия западных структур в предоставлении помощи школьному образованию способна усугубить наблюдающиеся тенденции стагнации объёмов финансирования и политизации данной области.

В таком случае в качестве рекомендаций для НБР и стран БРИКС в целом стоит рассмотреть разработку отдельной стратегии по развитию социальной инфраструктуры, содержащей специальный раздел по образованию. При этом следует расширить представление об «образовательной инфраструктуре» за пределы простого строительства школ, уделяя внимание цифровым решениям, дистанционному обучению, повышению квалификации педагогов и укреплению связей между разными уровнями образовательной системы.

Кроме того, странам БРИКС имеет смысл искать альтернативные форматы сотрудничества в образовательной сфере, не ограничиваясь рамками многостороннего банка развития. Перспективным примером может служить использование безвозмездных грантовых механизмов, подобных Фонду ИБСА. Подобный подход позволит преодолеть ряд институциональных ограничений, присущих НБР, и, возможно, обеспечит более гибкий и целевой характер поддержки⁷⁰. Наконец, важно помнить о необходимости сбалансированного развития системы образования, чтобы внешняя помощь не приводила к «утечке мозгов», а напротив, укрепляла научный и образовательный потенциал стран-реципиентов, повышая их устойчивость и самостоятельность.

Об авторах:

Родион Рамилович Садыков – третий секретарь Департамента Африки МИД России, 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34; аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-5097-9697. E-mail: sadykov93@bk.ru.

⁷⁰ В этой связи заслуживает внимания недавно выдвинутый В.А. Дмитриевой и Д.А. Кузнецовым тезис о потенциальной целесообразности подключения России и КНР к деятельности Фонда ИБСА (Dmitrieva, Kuznetsov 2024: 126–129). Помощь школьному образованию как раз могла бы стать одной из первоочередных областей такого взаимодействия.

Евгений Иванович Учаев – преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-4359-4203.
E-mail: eugeneuchaev@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

UDC 339.732:339.96:373
Received: July 25, 2024
Accepted: December 07, 2024

New Development Bank as Aid Donor to School Education

 Rodion Sadykov¹, Yevgeny Uchaev²
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204)

¹ The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

² MGIMO University

Abstract: Despite initial expectations that the New Development Bank (NDB) would emerge as a significant contributor to education aid, educational projects constitute only 0.3% of the Bank's portfolio after nine years of operation. Why have the aspirations of the mid-2010s remained largely unrealized? Drawing on primary sources, including official BRICS and NDB documents, speeches by member states' representatives, and aid statistics, this article traces the evolution of education aid within the NDB's operational framework. The analysis tests several hypotheses to explain this trajectory, examining BRICS member states' preferences for educational cooperation, leadership changes within the Bank, the impact of COVID-19, the demand for educational aid among NDB member states, and the division of labor between "old" and "new" multilateral development banks.

The findings indicate that the inclusion of education as a secondary focus area in the NDB's agenda initially exemplified a case of "governing through goals," as the Bank sought to enhance its reputation by contributing to the broadest possible range of Sustainable Development Goals (SDGs). Subsequent developments, including heightened attention to BRICS educational cooperation at high-level and ministerial meetings, the adverse impact of COVID-19 on global educational progress, and the appointment of Dilma Rousseff as NDB President, further solidified social infrastructure (including education) as a priority on the Bank's strategic agenda. However, despite increased rhetorical emphasis in declarations and strategic documents, financing for educational projects has not followed suit.

This disconnect can be attributed to two primary factors. First, the established division of labor between "old" multilateral development banks (e.g., World Bank, Inter-American Development Bank, Asian Development Bank) and "new" institutions (e.g., NDB, AIIB) has positioned the former to prioritize social sector investments while the latter address deficits in

infrastructure financing. Second, NDB member states have shown limited interest in altering this status quo. At the same time, stagnating aid volumes and the increasing politicization of educational aid by traditional donors, coupled with persistent needs to improve education systems in many developing countries, underscore the challenge for BRICS states to develop more effective mechanisms for educational cooperation—both within the bloc and with the broader Global South.

Keywords: New Development Bank; aid to education; primary and secondary education; development assistance; BRICS; sustainable development goals

About the authors:

Rodion R. Sadykov – Third Secretary of the Department of Africa, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34 Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow, Russia, 119200; PhD student at the World Politics Department, MGIMO University, 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-5097-9697. E-mail: sadykov93@bk.ru.

Yevgeny I. Uchaev – Lecturer at the World Politics Department, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-4359-4203. E-mail: eugeneuchaev@gmail.com.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This publication was supported by the MGIMO University “Priority 2030” program.

References:

- Alden C., le Pere G. 2024 Southern Multilateralism from IBSA to NDB: Synergies, Continuities and Regional Options. *Global Policy*. 15(2). P. 389–397. DOI: 10.1111/1758-5899.13246.
- Bradlow D.D., Masamba M.L. 2024. The New Development Bank in Africa: Mid-term evaluation and lessons learned. *Global Policy*. 15(2). P. 427–433. DOI: 10.1111/1758-5899.13310.
- Chin G.T. 2024. Introduction – The evolution of New Development Bank (NDB): A Decade Plus in the Making. *Global Policy*. 15(2). P. 368–382. DOI: 10.1111/1758-5899.13399.
- Chin G.T., Kamal R.D. 2024. Bangladesh and New Development Bank (NDB): Accession and after, Money and More. *Global Policy*. 15(2). P. 414–426. DOI: 10.1111/1758-5899.13379.
- Cooper A.F. 2016. *The BRICS: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 160 p.
- Cooper A.F., Cannon B.J. 2024. The United Arab Emirates and the New Development Bank: Mutual Interests and First-Mover Advantages. *Global Policy*. 15(2). P. 398–404. DOI: 10.1111/1758-5899.13249.
- Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. 2024. The Role of the IBSA Fund in Foreign Aid Policies of IBSA and BRICS Member States. *MGIMO Review of International Relations*. 17(1). P. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-113-134.
- Heyneman S.P., Lee B. 2016. International Organizations and the Future of Education Assistance. *International Journal of Educational Development*. Vol. 48. P. 9–22. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.11.009.
- Hofman B., Srinivas P.S. 2024. New Development Bank's Role in the Global Financial Architecture. *Global Policy*. 15(2). P. 451–457. DOI: 10.1111/1758-5899.13389.

Kanie N., Biermann F. (eds.) 2017. *Governing Through Goals: Sustainable Development Goals as Governance Innovation*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 333 p. DOI: 10.7551/mitpress/10894.001.0001.

Kapur D., Lewis J.P., Webb R. 1997. *The World Bank: Its First Half Century*. Vol. 1: History. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 1275 p.

Lenz T., Ceka B., Hooghe L., Marks G., Burilkov A. 2023. Discovering Cooperation: Endogenous Change in International Organizations. *Review of International Organizations*. 18(4). P. 631–666. DOI: 0.1007/s11558-022-09482-0.

Lyne M.M., Nielson D.L., Tierney M.J. 2009. Controlling Coalitions: Social Lending at the Multilateral Development Banks. *Review of International Organizations*. 4(4). P. 407–433. DOI: 10.1007/s11558-009-9069-2.

Mendez A. 2024. Latin American Agency: The New Development Bank, Uruguay's Accession and Brazilian Influence. *Global Policy*. 15(2). P. 405–413. DOI: 10.1111/1758-5899.13214. DOI: 1758-5899.13214.

Nanwani S. 2024. The New Development Bank: Directions on Strategic Partnerships. *Global Policy*. 15(2). P. 434–442. DOI: 10.1111/1758-5899.13268.

Rosenau J.N. 2008. *People Count! Networked Individuals in Global Politics*. Boulder, Colorado: Paradigm Publishers. 200 p.

Sakwa R. 2019. The International System and Models of Global Order. *Russia in Global Affairs*. 17(3). P. 8–31. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-3-8-31.

Stuenkel O. 2020. *The BRICS and the Future of Global Order*, Second Edition. Lanham: Lexington Books. 264 p.

Sumida S. 2017. Donor's Motivation of the Educational Aid. *International Journal of Educational Development*. Vol. 55. P. 17–29. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2017.04.004.

Wade R. 1997. Greening the Bank: The Struggle over the Environment, 1970–1995. *The World Bank: Its First Half Century*. Volume 2: Perspectives. Ed. by D. Kapur, J.P. Lewis, R. Webb. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. P. 611–734.

Lebedeva M.M. 2022. Vlianie pandemii COVID-19 na mirovuiu politiku [COVID-19 Pandemic: Impact on World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(1). P. 92–110. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110. (In Russian)

Morozkina A.K., Grigoryev L.M. 2023. The NDB and SDGs: Does the Bank Fulfill Its Mandate? *Contemporary World Economy*. 1(3). P. 86–102. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-95-112. (In Russian and English).

Morozkina A.K., Sabelnikova E.M. 2017. Education Systems and Multilateral Development Banks: International Practices and Perspectives. *International Organisations Research Journal*. 12(1). C. 24–42. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-24. (In Russian and English).

Sadykov R.R. 2022. Znachenie shkol'nogo obrazovaniia v sovremennykh miropoliticheskikh protsessakh [The Importance of School Education in Modern World Political Processes]. *Political Science Issues*. 12(6). P. 1996–2003. DOI: 10.35775/PSI.2022.82.6.019. (In Russian).

Sadykov R.R. 2024. Transformatsiia global'noi pomoshchi: analiz evoliutsii mezhdunarodnoi politiki sodeistviia razvitiu i optimizatsiia strategii v period 2000-2030 gg. [Transforming Global Aid: An Analysis of the Evolution of International Development Assistance Policies and the Optimisation of Strategies During the 2000–2030's]. *Governance and Politics*. 3(1). P. 58–76. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-1-58-76. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Лебедева М.М. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(1). С. 92–110. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110.

Морозкина А.К., Григорьев Л.М. 2023. Новый банк развития и цели устойчивого развития: выполняет ли банк свой мандат? *Современная мировая экономика*. 1(3). С. 95–112. DOI: 10.17323/2949-5776-2023-1-3-95-112.

Морозкина А.К., Сабельникова Е.М. 2017. Вклад многосторонних банков развития в финансирование систем образования в развивающихся странах. *Вестник международных организаций*. 12(1). С. 24–42. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-24.

Садыков Р.Р. 2022. Значение школьного образования в современных мирополитических процессах. *Вопросы политологии*. 12(6). С. 1996–2003. DOI: 10.35775/PSI.2022.82.6.019.

Садыков Р.Р. 2024. Трансформация глобальной помощи: анализ эволюции международной политики содействия развитию и оптимизация стратегий в период 2000–2030 гг. *Управление и политика*. 3(1). С. 58–76. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-1

Инструменты внешней политики ЕС в странах «восточного соседства»: от помощи развитию к помощи войне

О.В. Шишкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В 2022 г. ЕС впервые в своей истории начал предоставлять финансовую помощь на военные нужды воюющему государству, Украине, и создал механизмы, стимулирующие поставки странами-членами вооружений и военной техники (ВВТ) Киеву. Принятые меры были обозначены как «силовые инструменты» внешней политики Брюсселя, которые он развил в ответ на «возвращение в Европу войны высокой степени интенсивности»¹. При этом на протяжении 2000–2010-х гг. Брюссель подчёркивал уникальность имеющегося у него набора несиловых внешнеполитических инструментов, гордился своей способностью добиваться реализации интересов, не прибегая к силе, и демонстративно избегал любых проявлений военно-силового давления в международных отношениях.

В статье автор обращается к вопросу о том, что такое внешнеполитические инструменты и какие существуют их виды (силовые, несиловые и гибридные). Затем рассматривает, какими инструментами располагает ЕС, определяет, какие из них являются для него традиционными, а какие были развиты относительно недавно. Путём анализа внешнеполитических документов выявляются интересы ЕС в исторической перспективе в отношении стран «восточного соседства» – Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины – и рассматривается практика применения инструментов на этом направлении за годы, прошедшие с момента разработки т. н. «восточной политики» (Европейской политики соседства и Восточного партнёрства). На основании представленных данных сделаны выводы об особенностях применения несиловых, силовых и гибридных инструментов в отношении стран «восточного соседства», о сути произошедших трансформаций и высказываются предположения об их причинах. Изменения во внешнеполитическом инструментарии ЕС позволяют выявить тенденции его развития и особенности политики в отношении шести постсоветских стран, которые сохраняют своё приоритетное значение для ЕС и остаются в сфере жизненно важных интересов России.

Ключевые слова: инструменты внешней политики, внешняя политика ЕС, Восточное партнёрство, Европейская политика соседства, миссии ОПБО, помощь развитию

¹ Borrell J. 2022, the Year That War Returned to Europe. *The Diplomatic Service of the European Union*. 27.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/2022-year-war-returned-europe_en (accessed 12.12.2024).

В 2003 г. в преддверии восточного расширения ЕС шесть постсоветских государств – Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина – были определены им в группу «соседей», т. е. стран по периметру его границ, не имеющих перспектив членства. С 2009 г. они стали «восточными соседями», т. е. участниками и Европейской политики соседства (ЕПС), и Восточного партнёрства – двух внешнеполитических инициатив Брюсселя. За время реализации «восточной политики» почти все страны-адресаты сталкивались с масштабными внутривнутриполитическими потрясениями, наиболее ярко проявившими себя на Украине. В этом контексте представляется актуальным обратить внимание на инструменты, которые ЕС применял при выстраивании отношений с непростым «восточным соседством».

Хотя повестка дня двусторонних отношений Брюсселя с каждым из «восточных соседей» имеет свою специфику, внешнеполитические интересы ЕС в отношениях с ними в значительной степени совпадают. Брюссель обозначил их как стремление распространять экономическое процветание, безопасность и демократию на соседние страны. На практике это означало меры по постепенному вовлечению всей «шестёрки» в углублённое взаимодействие с ЕС и их перевод на «европейские нормы и стандарты». Такие меры полностью укладывались в концепцию «стрессоустойчивости», которая во внешней политике начала использоваться Брюсселем в 2010-е гг., а в политике в отношении соседей понималась как способность противостоять «шокам и рискам» и восстанавливаться посредством укрепления государственных институтов, экономики и обществ² (Романова, Павлова 2019: 102; Biscop 2022: 3).

Вплоть до начала Россией СВО Брюссель предпочитал подчёркивать, что применявшиеся им для достижения интересов инструменты внешней политики были исключительно «несиловыми». Тем не менее по мере нарастания противоречий между Брюсселем и Москвой в 2010-е гг. «укрепление стрессоустойчивости» соседей получило новое секьюритизированное содержание – как способность справляться с шоками и рисками, которые ассоциировались с Россией (энергетического, кибер- и гибридного характера) (Романова 2017: 21–22; Романова, Павлова 2019: 103). В этих условиях ЕС всё чаще считал необходимым обращаться к средствам политики безопасности и обороны и развивать их. Уже в 2014 г. в стратегических приоритетах ЕС на следующий период работы Европейской комиссии речь шла о том, чтобы на международной арене в условиях «быстро меняющейся стратегической и геополитической среды», превратиться из «преимущественно “мягкой силы” в “более сильного игрока”»³.

² Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action. Brussels, 7.6.2017. JOIN(2017) 21 final. *The Diplomatic Service of the European Union*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (accessed 12.12.2024)

³ Junker, J.-Cl. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission, Strasbourg, 15.07.2014. *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/document/download/ad3f4ceb-aed8-4cc5-b6bb-4c60f448a5f2_en?filename=junker-political-guidelines-speech_en.pdf (accessed 12.12.2024).

В 2021–2022 гг. к трём внешнеполитическим интересам добавился ещё один – сдерживание России через повышение стрессоустойчивости «восточных соседей»⁴. На фоне начала СВО Брюссель перешёл от слов к делу, инициировав ранее немыслимое для него финансирование поставок оружия на Украину (из внебюджетных средств) и создав военную миссию по подготовке военнослужащих для вооружённых сил Украины (EUMAM). Традиционный для ЕС внешнеполитический инструментарий был явно расширен. Комментируя происходящее, верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель объявил о том, что «акцент должен быть сделан на поставках вооружений», потому что «санкции важны, но санкции не решат проблему сражения на Донбассе»⁵. Такие заявления контрастировали с созданным ЕС образом внешнеполитического игрока, ориентированного на применение исключительно несиловых инструментов (Mahncke 2011: 20).

Автор статьи поставил цель рассмотреть, какие инструменты внешней политики ЕС применял в отношении стран «восточного соседства» в 2003–2024 гг., какие из них являлись традиционными для этого направления внешней политики и каковы особенности применения силовых ресурсов. На основании этих данных делаются выводы о произошедших изменениях и высказываются предположения о том, что они означают для самовосприятия ЕС и его позиционирования на международной арене.

Инструменты внешней политики ЕС

Толковый словарь определяет слово «инструмент» как «средства, способ, применяемый для достижения чего-либо». Таким образом, применительно к внешней политике «инструменты» – это устойчивые практики (способы, формы) применения ресурсов для достижения внешнеполитических целей. Как правило, они формируются под влиянием исторических условий, внутренних характеристик участника международных отношений и его понимания того, как имеющиеся ресурсы можно использовать для достижения своих интересов. При всей специфике ЕС как объединения региональной экономической интеграции и сложностях согласования внешней политики внутри него, характер действий Союза, как и любого участника международных отношений, определяется его пониманием актуальных внешнеполитических задач, представлением о своей роли и допустимом образе действий на международной арене, наличием ресурсов и степенью обеспеченности ими.

⁴ Push back, constrain and engage. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on EU-Russia relations. Brussels, 16.6.2021 JOIN(2021) 20 final. P. 1–3.

⁵ „Krieg wird in der Schlacht um den Donbass entschieden“: EU-Außenbeauftragter hält Waffen für wichtiger als Sanktionen. *Tagesspiegel*. 09.04.2022. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/eu-aussenbeauftragter-halt-waffen-fur-wichtiger-als-sanktionen-8140408.html> (accessed 12.12.2024)

Подтверждение такой логике формирования внешней политики ЕС можно найти в тексте консолидированной версии Договора о Европейском союзе (ДЕС): «Действия ЕС на международной арене будут основываться на принципах, которые вдохновили его создание, развитие и расширение, и которые он стремится продвигать в мире: демократия, господство закона, универсальность и неделимость прав человека и фундаментальных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, уважение принципов Устава ООН и международного права»⁶.

Исследователи международных отношений, как правило, выделяют несколько укрупнённых групп внешнеполитических инструментов, силовых и несиловых (дипломатических, экономических, гуманитарных и информационных). С середины 2000-х гг. также можно встретить упоминание т. н. «гибридных», которые, не являясь в чистом виде силовыми или несиловыми, направлены на оказание давления на участников международных отношений и могут наносить им существенный ущерб (Mattis 2005; Герасимов 2013).

Силовые инструменты могут включать в себя как, собственно, военное-силовое достижение интересов с применением вооружённых сил, так и угрозу применения силы⁷. Дипломатические инструменты представляют собой способность в процессе обсуждения и согласования договориться с контрагентами о взаимоприемлемом решении проблемы (при нежелании применять силу или дефиците силовых инструментов) (Aydin 2018: 149). Экономические и финансовые инструменты включают в себя содействие торговле или её ограничение, а также механизмы помощи развитию, и проистекают из взаимозависимости участников международных отношений (Братерский 2010: 7–8). Они могут иметь силовое (если, например, речь о критически важных ресурсах) и несиловое измерение. Гуманитарные инструменты предполагают использование такого ресурса как привлекательность модели развития и подкрепляются тем, что в конце XX в. получило общее обозначение «мягкой силы» — т. е. всего, что может содействовать сближению позиций участников международных отношений (Nye 2004: 5)⁸, включая идеологию, ценности, культуру, образование, знание языка и др. без применения или угрозы применения силы. Особенность информационных инструментов заключается в возможностях специфической подачи достоверной или недостоверной информации о любых ресурсах и инструментах участника международных отношений (Хрусталёв 1984: 43), что может принимать формы пропаганды и агитации, психологических операций и др. (Aydin 2018: 149). Они, как правило, применяются в сочетании с иными инструментами для усиления их воздействия.

⁶ Consolidated version of the Treaty on European Union. Title V, Chapter 1, Article 21.

⁷ Устав ООН призывает страны-члены «...воздерживаться от угрозы силой или её применения». Ст. 2.

⁸ «...заставить других стремиться к результатам, которых хотите вы» (англ.: "getting others to want the outcomes that you want").

Традиционные для ЕС внешнеполитические инструменты стали результатом его развития с 1950-х гг. как объединения региональной экономической интеграции и были основаны на имеющихся у него в достатке политических, финансово-экономических и гуманитарных ресурсах, которые дополнительно подкреплялись привлекательностью созданной модели развития за счёт грамотного применения информационных ресурсов. Таким набором располагали при разработке и проведении внешней политики комиссии во главе с Ж.-М. Баррозу (2004–2014 гг.), Ж.-К. Юнкером (2014–2019 гг.) и У.фон дер Ляйен (2019 – по н. в.), сделавшие страны «восточного соседства» своим внешнеполитическим приоритетом.

В официальных документах ЕС чаще всего в качестве инструментов внешней политики называются «нормативность» как способность продвигать в международных отношениях нормы и стандарты, разработанные ЕС, «кондициональность» (обусловленность) — предоставление консультаций, технической и финансово-экономической помощи развитию в обмен на соблюдение определённых политических условий и «мультилатерализм» – активное вовлечение участников международных отношений в переговорный процесс. Они стали результатом многих лет реализации политики расширения, богатого опыта проведения политики помощи развитию (Rasquement 2013: 7–12), сложностей согласования вопросов «высокой политики» (в т. ч. международной безопасности) внутри ЕС и недостаточного развития военно-силовых инструментов.

С начала 2000-х гг. Брюссель пытался восполнить имевшиеся пробелы в наборе инструментов. Во-первых, в рамках Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) он работал над созданием инструментов, позволяющих вооружённым силам стран – членов ЕС реагировать на проблемы международной безопасности (конфликты, терроризм, пиратство). Были созданы компактные подразделения для реализации военных и гражданских миссий в конфликтных регионах мира¹⁰ (первая проба сил происходила в Африке и на Балканах), и многонациональные Боевые группы (БГ, по две на боевом дежурстве в течение полугода численностью от 1500 до 3000 чел.) в качестве сил быстрого реагирования. Правда, в отличие от многочисленных военных и гражданских миссий ЕПБО, БГ ни разу не применялись.

Во-вторых, в 2010-е гг. получили развитие дипломатические инструменты. С принятием Лиссабонского договора в 2009 г. были усилены полномочия главного ответственного за внешнюю политику лица – Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности – за счёт совмещения с постом

⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 2016. P.4, 9. *The Diplomatic Service of the European Union*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 12.12.2024)

¹⁰ В целях выполнения т. н. «петербургских задач», перешедших к ЕС от прекратившего своё существование Западноевропейского союза. Прим. авт.

заместителя председателя Европейской комиссии и его постоянного председательства в Совете ЕС по иностранным делам для координации внешнеполитических интересов стран-членов. Кроме того, у ЕС появились собственная дипломатическая Служба внешних действий (СВД) и представительства за рубежом.

В-третьих, одновременно происходила организационная оптимизация военно-силовых и дипломатических инструментов. В целях развития стратегического и оперативного планирования были созданы новые структуры при основных интеграционных институтах: при Совете ЕС – Комитет по политике и безопасности (в составе послов стран-членов) и Военный комитет (в составе начальников Генеральных штабов стран-членов), а в составе Службы внешних действий – Военный штаб, Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования и Директорат по вопросам безопасности и обороны. Возможности информационных инструментов в дополнение к регулярной работе дипломатической службы ЕС по обеспечению информационной поддержки действий Брюсселя на международной арене были расширены созданным в Еврокомиссии генеральным директоратом по коммуникациям.

Таким образом, за 2000–2010-е гг. дисбаланс во внешнеполитическом инструментарии был выровнен и созданы, как минимум, прототипы недостающих элементов классического набора инструментов внешней политики участника международных отношений — военно-силовых и дипломатических. При этом к концу 2000-х гг. и в начале 2010-х гг. ЕС продолжал гордиться высокой эффективностью своих несиловых инструментов и акцентировать внимание на «непохожести» объединения на классического участника международных отношений, применяющего силу в реалистском понимании. Большинство исследователей внешней политики ЕС определяли её как «гражданскую», «мягкую» и «нормативную» силу (Тосси 2008: 3; Романова 2011).

Инструменты на постсоветском направлении: начало

Инструменты внешней политики, которые Брюссель применял на постсоветском направлении, развивались по мере осознания им своего места в системе международных отношений, понимания значимости постсоветских государств и формирования представлений об интересах в этой части мира. Застигнутое врасплох распадом СССР, объединение приняло решение распространить действие заключенного с Москвой летом 1991 г. «Регламента о предоставлении технической помощи для реализации экономических реформ и восстановления СССР»¹¹ на 12 постсоветских республик (все, кроме стран Балтии). Так появился финансовый инструмент ТАСИС – Технической помощи для Содружества Независимых Государств (англ. TACIS), действовавший до 2007 г.

¹¹ Council Regulation (EEC, Euratom) No 2157/91 of 15 July 1991 concerning the provision of technical assistance to economic reform and recovery in the Union of Soviet Socialist Republics, 15.07.1991. *EUR-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:31991R2157> (accessed 12.12.2024).

Целью многолетней программы помощи было обозначено развитие рыночной экономики и связанных с ней демократических институтов в целях «содействия интеграции новых независимых государств в мировую экономику и их политической стабилизации»¹². Ежегодно определялись пять-шесть приоритетных направлений, на которых осуществлялось консультирование, передача «ноу-хау» и практического опыта для ускоренного проведения реформ¹³. В 1990-е гг. приоритетными были обозначены поддержка малых и средних предприятий (включая проведение приватизации, конверсии и развитие финансовых услуг); обучение и переподготовка в сфере государственного и корпоративного управления, экономического образования и финансов; развитие человеческих ресурсов (социальная и образовательная политика); производство и распределение продовольствия; и развитие инфраструктурных сетей (энергетических, транспортных, телекоммуникационных).

Интересно, что несмотря на «технический» характер оказываемой помощи, уже в первых документах ТАСИС фигурировала необходимость уделять внимание созданию в странах-адресатах «демократических обществ», которые рассматривались в качестве «предварительных условий для успешного развития рыночной экономики». Для этого осуществлялась поддержка «формальных и неформальных организаций» – основы «плюралистических демократических обществ»¹⁴.

Договорно-правовая основа двусторонних отношений интеграционного объединения с постсоветскими государствами была заложена чуть позднее, после учреждения Европейского союза в 1993 г. Это позволило дополнить контакты Европейской комиссии со странами-партнёрами (именно она отвечала за реализацию ТАСИС и ежегодно отчитывалась Совету и Парламенту о потраченных и законтрактованных средствах) регулярными контактами на уровне высшего политического руководства. С точки зрения применения внешнеполитических инструментов это означало, что помимо финансовых и гуманитарных во внешней политике ЕС начали использоваться политические, дипломатические и нормативные инструменты: регулярные встречи на высшем уровне и распространение норм и стандартов ЕС.

Заключенные в 1994–1998 гг. двусторонние Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, хотя и разные по наполнению, содержали унифицированный набор разделов, включавший в себя политический диалог, торговлю товарами, предпринимательскую деятельность и инвестиции, платежи и капиталы,

¹² TACIS (Technical Assistance to the former republics of the Soviet Union) annual report from the Commission. 1991 and 1992. COM(93) 362 final. Brussels, 28 July 1993. P. 6. *Commission of the European Communities*. URL: <http://aei.pitt.edu/5630/1/5630.pdf> (accessed 12.12.2024).

¹³ TACIS 1992. Operational guide. EU Commission – Working Document. *Commission of the European Communities*. URL: <http://aei.pitt.edu/36320/1/A2436.pdf> (accessed 12.12.2024).

¹⁴ TACIS 1992. Operational guide. EU Commission – Working Document. *Commission of the European Communities*. URL: <http://aei.pitt.edu/36320/1/A2436.pdf> (accessed 12.12.2024).

правила конкуренции и охраны интеллектуальной собственности, внутреннее законодательство, экономическое сотрудничество, противодействие противоправной деятельности, культурное, финансовое сотрудничество. Все они в значительной степени были направлены на «сближение», «гармонизацию», «обеспечение совместимости» норм и стандартов ЕС и партнёров или просто «внедрение стандартов Сообщества» в странах-партнёрах¹⁵.

В целом, на постсоветском направлении в 1990-е – начале 2000-х гг. ЕС использовал ситуацию, при которой, как отмечала Европейская комиссия в своих отчётах, бывшие советские республики в основном, «были дезориентированы, не понимали, как проводить реформы и какими должны быть их приоритеты»¹⁶. Брюссель осознавал своё превосходство в уровне экономического развития и в форме организации общества и считал себя не только вправе, но и обязанным содействовать политической и экономической трансформации постсоветских стран. Широкий спектр направлений сотрудничества с «новыми независимыми государствами» свидетельствовал об их важности для ЕС со стратегической, экономической и ценностно-цивилизационной точек зрения. Отношения складывались как неравные, на основе политического, морально-ценностного и экономического доминирования ЕС, что не вызывало ни отторжения, ни беспокойства в постсоветских республиках.

Политические, дипломатические, гуманитарные инструменты

Начиная с 2003 г. применение внешнеполитических инструментов в отношении стран «восточного соседства» определялось целями, поставленными в двух внешнеполитических инициативах ЕС – Европейской политике соседства (2004 г.) и Восточном партнёрстве (2009 г.). Первая возникла как ответ на масштабные восточные расширения, которые приближали его к «неспокойным зонам» (“troubled areas”¹⁷) и могли в перспективе угрожать ЕС¹⁸. Перед ней ставились задачи предотвращения возникновения «новых разделительных линий в Европе», создания «пояса дружественных государств», поддержания мира

¹⁵ Partnership and Cooperation Agreements (PCAs): Russia, the Southern Caucasus and Central Asia. *Eur-Lex*. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/partnership-and-cooperation-agreements-pcas-russia-the-southern-caucasus-and-central-asia.html> (accessed 12.12.2024). См., например, Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, учреждающее партнёрство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Полный текст Соглашения, подписанного 24 июня 1994 года на о. Корфу между Европейским союзом и Российской Федерацией. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 25 ноября 1996 года N135-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁶ TACIS (Technical Assistance to the former republics of the Soviet Union) annual report from the Commission. 1991 and 1992. COM(93) 362 final. Brussels, 28 July 1993. P. 6. *Commission of the European Communities*. URL: <http://aei.pitt.edu/5630/1/5630.pdf> (accessed 12.12.2024).

¹⁷ European Security Strategy, Brussels, 8 December 2003. *Council of the European Union*. P. 10. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 12.12.2024).

¹⁸ *Ibid*, p. 9.

и стабильности, а также достижения экономического процветания по периметру границ Европейского союза после его расширения в 2004 г.¹⁹ Она должна была содействовать созданию к востоку от ЕС и на границах средиземноморского региона «кольца хорошо управляемых государств, с которыми Брюссель мог бы развивать тесные отношения в духе сотрудничества»²⁰.

Вторая инициатива стала результатом работы над «восточной политикой» ЕС группы стран во главе с Польшей и Швецией. Запущенная в условиях начавшегося мирового финансово-экономического кризиса и двух кризисов на постсоветском пространстве – пятидневной войны в Грузии и газового российско-украинского, она должна была содействовать «развитию демократии, укреплению стабильности и процветанию, созданию долгосрочных и ощутимых преимуществ для граждан всех участвующих государств»²¹. Достичь поставленных целей предлагалось путём повышения эффективности институтов государственного управления и стимулирования экономического развития за счёт установления более тесных отношений с ЕС.

В рамках новой, проактивной восточной политики речь шла в первую очередь о «трансформации» соседних государств при помощи политических, финансовых и гуманитарных инструментов. От участников требовалось принять «общеευропейские ценности», проводить согласованные с ЕС реформы институтов государственного управления, экономики, судебной и правоохранительной систем (модернизация через переход на нормы и стандарты ЕС), что увязывалось с получением финансовой помощи и перспективой получения доступа к внутреннему рынку Союза. Таково было содержание принимавшихся на двусторонней основе документов. Финансирование неправительственных организаций и различных образовательных программ должно было обеспечить общественную поддержку реформ в странах-соседях и заложить основу для будущего сближения.

Политика соседства и Восточное партнёрство создавали устойчивые механизмы (инструменты) регулярного политико-дипломатического взаимодействия ЕС со странами региона на дву- и многосторонней основе; позволяли определить объёмы и условия применения финансовых инструментов; расширяли возможности применения гуманитарных. Фактически речь шла о переориентировании постсоветских государств на ЕС как регионального лидера или, иными словами, об их включении в сферу влияния Брюсселя²², что он сам до

¹⁹ COM(2003) 104 final, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament "Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours". 2003. COM. 11.03.2003, p. 3.

²⁰ European Security Strategy, Brussels, 8 December 2003. *Council of the European Union*. P. 10. <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 12.12.2024).

²¹ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit, Brussels, 7 May 2009 8435/09 (Presse 78). *Council of the European Union*. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009_eap_declaration.pdf (accessed 12.12.2024).

²² Бабынина Л.О. ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? *ПСМД*. 29.05.2013. URL: <https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurentsia-za-postsovetское-prostranstvo/> (дата обращения: 12.12.2024).

2013 г. категорически отрицал, называя саму «логику сфер влияния» пережитком прошлого, ему несвойственным²³ (Deen 2021: 5–6).

Чётко обозначенная «ценностная основа» Восточного партнёрства, как и в случае с политикой соседства, работала на укрепление положительного восприятия ЕС вообще и его политики в частности. Теоретическим обоснованием для этого выступала концепция т. н. «структурной политики», которая должна проводиться в долгосрочной перспективе и иметь целью влияние или формирование устойчивых политических, правовых, социально-экономических и ментальных «структур». Став «частью образа мышления и системы убеждений» широких слоёв населения и элит, эти структуры должны проникнуть в коренные традиции и процессы в целевом государстве, обществе или регионе, и продолжать действовать после окончания активной политики по их внедрению (Keukeleire 2008: 28). Таким образом, фактически обе инициативы в отношении «восточных соседей» работали на формирование в странах-партнёрах лояльных Брюсселю слоёв населения, «мыслящих, как европейцы», что должно было обеспечить достижение внешнеполитических интересов ЕС.

Проектный характер инициативы Восточного партнёрства позволял шире использовать информационно-пропагандистские инструменты привлечения внимания соседних стран-партнёров к возможностям ЕС по оказанию, фактически, помощи развитию – традиционной политики развитых государств в отношении развивающихся. На это же указывал Брюссель, подчёркивая, что работа с соседями – это в том числе работа по реализации взятых им на себя в рамках ООН обязательств по достижению целей устойчивого развития²⁴. Одновременно подводилась не только ценностно-гуманитарная, но и финансово-экономическая основа под асимметричный характер отношений с соседями.

Обе внешнеполитические инициативы прошли через обновления и адаптацию к новым международным условиям. В случае Европейской политики соседства это были повышение требований к соблюдению условий предоставления финансовой помощи (принцип «больше за большее», 2011 г.), введение принципов дифференциации и «соучастия» в определении приоритетов взаимодействия (2015 г.²⁵). В случае Восточного партнёрства – стабилизация и «укрепление институтов» стран-партнёров, а также борьба с коррупцией и неэффективным

²³ Pop V. EU Expanding its 'Sphere of Influence,' Russia Says. *EU Observer*. 21.03.2009. URL: <https://euobserver.com/eu-and-the-world/ar5fd18608> (accessed 12.12.2024).

²⁴ European Neighbourhood Policy. Strategy Paper. Communication from the Commission, Brussels. 2004. COM. 373 final. P. 13.

²⁵ Review of the European Neighbourhood Policy. 2015. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. Brussels, 18.11.2015. 50 final. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/review-european-neighbourhood-policy-enp_en (accessed 12.12.2024). Towards a new European Neighbourhood Policy. Joint Staff Working Document Accompanying the document Joint Communication. Brussels. 2015. SWD. 500 final URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf (accessed 12.12.2024).

расходованием средств²⁶, указанные в документах 2017²⁷ и 2020²⁸ гг. Поводами для адаптации при принятии документа 2017 г. стали масштабы украинского кризиса и угроза отклонения от проевропейского курса Молдовы, осознание долгосрочного характера противоречий с Россией и новые внешнеполитические приоритеты Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности. В 2020–2021 гг. ЕС реагировал на постпандемийный экономический и энергетический кризисы и разрастание кризиса европейской безопасности. Кроме того, на восточную политику ЕС влияло намерение Брюсселя в целом «укрепить» и «усилить» свою роль в международных отношениях за счёт развития «оборонных возможностей» и внешнеполитического сотрудничества по вопросам безопасности и обороны с заинтересованными в этом партнёрами²⁹, что стало заметно уже в первой половине 2010-х гг.

Начиная с 2017 г. повестка дня Восточного партнёрства была максимально приближена к приоритетным направлениям работы Европейских комиссий на 2014–2019 и 2019–2024 гг. Подтверждением этого стало появление в двусторонних документах ЕС со странами соседства направлений, касающихся обеспечения гендерного равенства, создания устойчивого, справедливого и инклюзивного общества, стрессоустойчивой, стабильной и интегрированной экономики, устойчивой (и низкоуглеродной) энергетики, защиты окружающей среды и климата (в соответствии с «Зелёным курсом» ЕС); устойчивой цифровой трансформации, кибербезопасности и расширения доступа к сети Интернет^{30, 31}.

²⁶ Special report no 32/2016: EU assistance to Ukraine. 2016. *European Court of Auditors*. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/publications?did=40134> (accessed 12.12.2024). Gotev G. Court of Auditors unable to say how EU money was spent in Ukraine. 2016. *Euractiv*. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement-neighbourhood/news/court-of-auditors-unable-to-say-how-eu-money-was-spent-in-ukraine/> (accessed: 11.08.2024), Gotev G. Auditors expose failures in EU assistance to Moldova. 2016. *Euractiv*. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement-neighbourhood/news/auditors-expose-failures-in-eu-assistance-to-moldova/> (accessed 12.12.2024).

²⁷ Eastern Partnership – 20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results. 2017. *SWD*. Brussels. 300 final. <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/20-deliverables-for-2020/> (accessed 12.12.2024).

²⁸ Recovery, resilience and reform: post 2020 Eastern Partnership priorities, Brussels. 2021. *SWD*. 186 final. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/swd_2021_186_f1_joint_staff_working_paper_en_v2_p1_1356457_0.pdf (accessed 12.12.2024).

²⁹ Junker J.-Cl. 2014. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change Political Guidelines for the next European Commission, Strasbourg, 15.07.2014. *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/document/download/ad3f4ceb-aed8-4cc5-b6bb-4c60f448a5f2_en?filename=junker-political-guidelines-speech_en.pdf (accessed 12.12.2024). Von der Leyen, U. A Europe that strives for more. My agenda for Europe. Political Guidelines for the next European Commission. 2019–2024. *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-04/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf (accessed 12.12.2024).

³⁰ Annex 3. Monitoring of the 20 deliverables for 2020. Recovery, Resilience and Reform: Post 2020 Eastern Partnership priorities, Brussels, 2.7.2021 186 final. 2021. P. 40. *European Commission* URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/swd_2021_186_f1_joint_staff_working_paper_en_v2_p1_1356457_0.pdf (accessed 12.12.2024).

³¹ Recovery, Resilience and Reform: Post 2020 Eastern Partnership priorities, Brussels, 2.7.2021. 186 final. 2021. P. 18. *European Commission*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/swd_2021_186_f1_joint_staff_working_paper_en_v2_p1_1356457_0.pdf (accessed 12.12.2024).

Экономические и финансовые инструменты

Экономическое значение государств восточного партнёрства для ЕС, за исключением Украины и Азербайджана³², было и остаётся незначительным. Так, товарооборот Грузии, Молдовы с ЕС даже после либерализации торговли составляет по 0,1%; Армении – 0,1% Беларуси – 0,2%, Азербайджана – 0,4%, Украины – 1,2% от объёма товарооборота ЕС со странами мира³³. ЕС, напротив, занимает лидирующие позиции в списке внешнеторговых партнёров стран «восточного соседства». Такая ситуация создаёт выгодные условия для использования экономических ресурсов в качестве инструмента внешней политики, что было использовано Брюсселем при разработке и ЕПС, и Восточного партнёрства. В обеих внешнеполитических инициативах доступ к общему рынку объединения рассматривался ЕС не только как способ углубить экономическое взаимодействие, но и как полноценная замена членства, возможность расширения нормативного воздействия и перевода стран восточного соседства на нормы и стандарты ЕС. Именно об этом речь в Соглашениях об ассоциации (СА), которые вступили в силу в 2016–2017 гг. для Грузии, Молдовы и, в условиях конфликта на востоке страны и кризиса в отношениях с Россией, Украины.

Разделы, посвящённые торгово-экономическому и секторальному взаимодействию, предусматривали постепенное принятие соседями законодательства ЕС. В торговле ставка была сделана на создание глубоких и всеобъемлющих зон свободной торговли с постепенной полной отменой всех таможенных и тарифных ограничений и принятием восточными соседями норм ЕС в сфере торговли, инвестиций, конкуренции и экономического регулирования. Секторальное сотрудничество, например, для Украины включало в себя переход на нормы ЕС в сфере энергетики, макроэкономического сотрудничества, управления государственными финансами, налогообложения, защиты окружающей среды, политики в области промышленности и предпринимательства, вопросов

³² Основные категории импорта из Азербайджана – минеральные продукты; с Украины – продукция с/х, металлургии, минеральные продукты, станки и бытовые приборы, а также дерево и древесный уголь. Подробнее: European Union, Trade in goods with Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Moldova, Ukraine. 2023. *European Commission, Directorate-General for Trade*. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_ukraine_en.pdf (accessed 12.12.2024).

³³ European Union, Trade in goods with Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Moldova, Ukraine. 2023. *European Commission, Directorate-General for Trade*. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_armenia_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_belarus_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_moldova_en.pdf, URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_ukraine_en.pdf (accessed 12.12.2024).

занятости, социальной политики и т. д.³⁴; для Молдовы – в сферах занятости, промышленности и предпринимательства, а также рыболовства, транспорта, энергетики, здравоохранения и климата и др.³⁵

Финансовые инструменты использовались ЕС для повышения привлекательности программ внутривосточных реформ, продвигаемых в рамках Европейской политики соседства и Восточного партнёрства, и для дополнительного стимулирования участников к их осуществлению. На этом направлении инструменты применялись на основании опыта реализации помощи развитию, которую европейское интеграционное объединение практиковало с 1970-х гг. (Rasqueiment 2013: 7–12).

В первые несколько лет существования Политики соседства финансовая поддержка продолжала осуществляться по программе ТАСИС. В 2007–2013 гг. ее заменил Инструмент европейского соседства и партнёрства (ИЕСП), в 2014–2020 – Инструмент европейского соседства (ИЕС), в 2021–2027 гг. – Инструмент соседства, развития и международного сотрудничества (ИСРМС). Во всех случаях финансирование ЕС предоставлялось на национальные и региональные (многосторонние) программы на условиях т. н. «кондициональности», предусматривающей в качестве условия предоставления помощи положительную оценку Брюсселем степени уважения «общих ценностей» и хода проведения реформ. ЕС таким образом имеет возможность добавлять средства «отличникам» и урезать «двоечникам», для чего применяется специально разработанный коэффициент.

Национальные программы финансирования регулировались планами действий, стратегиями и индикативными программами, содержащими приоритеты на перспективу в семь лет. В середине срока на основании оценок хода реализации приоритеты могли дополняться. Например, в 2007–2013 гг. стимулировались меры по поддержке демократии, приближение к экономическим стандартам ЕС, развитие энергетической и транспортной инфраструктуры и модернизация механизмов государственного управления. После учреждения Восточного партнёрства в приоритеты шести стран были включены укрепление институтов, необходимых для введения в действие Соглашений об ассоциации, создание зон свободной торговли, либерализация визового режима и подписание соглашений о реадмиссии (программа «Всеобъемлющее строительство институтов»), а также поддержка регионального экономического развития и социального равенства (программа «Пилотные программы регионального

³⁴ Association Agreement with Ukraine. *EUR-Lex*. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-ukraine.html> (accessed 12.12.2024).

³⁵ Association Agreement with Moldova. *EUR-Lex*. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/association-agreement-with-moldova.html> (accessed 12.12.2024).

развития»)³⁶. На эти цели были добавлены еще 350 млн евро, которые довели общий объём выделенных на 2010–2013 гг. средств до 600 млн евро³⁷.

Региональные программы ИЕСП («соседство-восток») покрывали все страны соседства и включали в себя такие, как Erasmus Mundus и TEMPUS (студенческие обмены, академическое сотрудничество, научные исследования), Фонд инвестиций соседства (Neighbourhood Investment Facility, NIF, – инвестиции в ключевые инфраструктурные (энергетические, транспортные и др.) проекты), TAIEХ (краткосрочная техническая поддержка и обмен информации по вопросам повышения эффективности трёх ветвей государственной власти), SIGMA (поддержка государственного управления и менеджмента) и трансграничное сотрудничество (Cross Border Cooperation, CBC).

В 2007–2013 гг. на все страны соседства, включая южное, было выделено около 12 млрд евро. Из них шесть постсоветских государств получили 3,82 млрд (чуть более 30%): около 2,5 млрд – на двусторонние программы и около 1,28 млрд – на региональные программы с их участием³⁸. В 2014–2020 гг. сумма, выделенная на все страны соседства в рамках ИЕС, выросла до 15,4 млрд евро. При этом «восточные соседи» не всегда получали 100% выделенных средств (их надо было соответствующим образом запросить), а часть они получали по иным внешнеполитическим³⁹ и внутриевросоюзским⁴⁰ программам⁴¹. Всё это сильно усложняет оценку объёмов полученных средств. Тем не менее в страны «восточного соседства» в 2014–2020 гг. из ИЕС на национальные программы могло быть направлено до 3,6 млрд евро, на региональные программы – до 0,9 млрд, на программы, покрывающие все страны соседства (в основном, Erasmus+, TAIEХ, SIGMA), – 0,26 млрд⁴². Т. е. восточные соседи и в этот период получили около

³⁶ European Neighbourhood and Partnership Instrument. Overview of Activities and Results. 2007–2013. 2014. *European Commission Directorate General Development and Cooperation – EuropeAid*. P. 46–49. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/d5cdf670-6d37-4c33-a38f-ae7f2ddb1ce3_en?filename=overview_of_enpi_results_2007-2013_en_0.pdf (accessed 12.12.2024).

³⁷ Eastern Partnership. Memo. 2009. *European Commission*. Memo/09/217. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/MEMO_09_217 (accessed 12.12.2024).

³⁸ European Neighbourhood and Partnership Instrument. Overview of Activities and Results. 2007–2013. 2014. *European Commission Directorate General Development and Cooperation – EuropeAid*. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/d5cdf670-6d37-4c33-a38f-ae7f2ddb1ce3_en?filename=overview_of_enpi_results_2007-2013_en_0.pdf (accessed 12.12.2024).

³⁹ Европейская инициатива по правам человека, Инструмент ядерного сотрудничества, Инструмент развития, Инструмент стабильности и мира. Прим. авт.

⁴⁰ Фонд политического убежища, миграции и интеграции, Фонд внутренней безопасности; Connecting Europe, Creative Europe, COSME, Horizon 2020 and Erasmus +, программа ЕС по поддержке образования, повышения квалификации, молодежи и спорта.

⁴¹ Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) 2014–2020. Regional East Strategy Paper (2014–2020) and Multiannual Indicative Programme (2014–2017). *EEAS*. P. 12. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/financing-the-enp/regional_east_strategy_paper_2014_2020_and_multiannual_indicative_programme_2014_2017_en.pdf (accessed 12.12.2024).

⁴² Данные: расчёты автора на основании Многолетних индикативных программ – национальных, региональной и программ соседства.

трети от 15,4 млрд евро, даже без учёта средств из программы трансграничного сотрудничества (около 0,4 млрд евро на программы с участием шести постсоветских стран и членов ЕС).

В целом, заинтересованность восточных соседей в сотрудничестве существенным образом отражается на объёмах выделяемого ЕС финансирования. Средства на реализацию национальных программ в Беларуси, которая с самого начала в весьма ограниченном объёме участвовала в Восточном партнёрстве, в 2014–2020 гг. сокращались, а после политического кризиса 2020 г. и вовсе сошли на нет. На национальные программы взаимодействия с Азербайджаном, который не форсирует сближение с Брюсселем, на 2021–2024 гг. в рамках ИСРМС заложены 60 млн. евро. При этом, например, на программы Молдовы – 260 млн., Грузии – 340 млн., Украины – 640 млн. евро. Опубликованные предварительные цифры позволяют сделать вывод, что «восточным соседям» через ИСРМС планируется выделить те же 30%, но теперь от 19,3 млрд евро средств, предусмотренных для всех стран-соседей в 2021–2027 гг.⁴³ Ряд проектов реализуется через Инвестиционную платформу соседства, преемницу Фонда инвестиций соседства, которая позволяет изыскивать средства на реализацию конкретных проектов в европейских финансовых организациях (Европейский инвестиционный банк, Европейский банк реконструкции и развития и др.).

Также на условиях кондициональности «восточным соседям» (и странам-кандидатам) в периоды острых финансовых кризисов могут быть предоставлены средства макрофинансовой помощи в форме грантов и займов. В постпандемический кризис 2020 г. по этой программе получали помощь Грузия (согласованы 150 млн евро, выплачены 75, от остальных Тбилиси отказался, а Брюссель их заблокировал из-за несоблюдения условий проведения судебной реформы) и Молдова (согласованы и полностью выплачены 100 млн евро). Украина пользовалась этим видом помощи на протяжении многих лет: в 2014–2021 гг. ей были предоставлены 5 млрд евро, в 2022 г. – ещё 7,2 млрд, из которых 1,3 млрд – до начала СВО⁴⁴. В настоящее время действует пакет на 18 млрд евро (3 млрд перечислены в 2023 г., выплата процентов начнется с 2033 г.).

В свете развернутой масштабной финансовой поддержки Украины весной 2024 г. было принято решение Совета ЕС о создании Фонда для Украины (Ukraine Facility) в целях сведения воедино всей оказываемой помощи (кроме

⁴³ Данные: EU external action budget: European Commission welcomes the final adoption of the EU's new long-term external action budget for 2021–2027. 2021. *An Official Website of the European Union*. 9.06.2021. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/eu-external-action-budget-european-commission-welcomes-final-adoption-eus-new-long-term-external-2021-06-09_en (accessed 12.12.2024), расчёты автора на основании Многолетних индикативных программ – национальных, региональной и программ соседства.

⁴⁴ MFA Programmes (including Ukraine). *European Commission*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/eu-budget/eu-borrower-investor-relations/mfa-programmes-including-ukraine_en#mfa-for-ukraine-over-the-years (accessed 12.12.2024).

военной). Фонд включает в себя три «опоры»: финансовую помощь в форме займов (33 млрд) и грантов (5 млрд евро), инвестиционную рамочную программу (9,3 млрд евро в виде гарантий и грантов и до 40 млрд средств государственного и частного инвестирования планируется привлечь), меры поддержки вступления Украины в ЕС (техническую и консультативную помощь в проведении реформ). Выплаты осуществляются ежеквартально на основе принципа кондициональности. За 2024–2027 гг. планируется распределить до 50 млрд евро.

Силовые и гибридные инструменты

В условиях отсутствия классических угроз безопасности со стороны «восточных соседей» и слабо развитых силовых ресурсов ЕС не применял соответствующие инструменты в их классической форме («применение или угроза применения силы»). Военные миссии и операции Европейской (позднее – Общей) политики безопасности и обороны (ОПБО) первое время ограничивались Африканским континентом и Балканским полуостровом. Попытки ЕС после восточных расширений подключиться к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве включали в себя направление Специальных представителей (в Молдову в 2005–2011 гг. и Грузию в 2008–2011 гг.), размещение миссий наблюдателей (Грузия) и подключение дипломатов ЕС к переговорам в существующих форматах (Грузия, Молдова).

При этом следует отметить, что попытки оказать давление на страны «восточного соседства» и подтолкнуть их к удобному для ЕС направлению развития всё же были. Чаще всего они принимали гибридные формы, которые активизировались в пред- и поствыборные периоды политической активности в странах соседства. Применявшиеся методы варьировались от открытой политической поддержки нужных сил до отказа от предоставления финансовой помощи или ограничений экономического сотрудничества под предлогом несоответствия принципу кондициональности. Такие меры не были военными, но наносили или угрожали нанести ущерб развитию уязвимых с экономической точки зрения государств. В разное время и в разной степени с такими гибридными инструментами ЕС сталкивались все шесть стран. В наиболее жёсткой форме (информационно-пропагандистское давление, использование НКО и СМИ в целях дестабилизации политической ситуации, торгово-экономические ограничения и др.) их испытала на себе Беларусь, чьё политическое руководство вызывало наибольшее неприятие у представителей ЕС.

Начиная с 2009 г. ЕС рассматривает свою политику в отношении «восточных соседей» через призму сначала «конкуренции» с Россией (Adomeit 2011: 2; Борко 2018: 60), а затем – её «отбрасывания и сдерживания»⁴⁵. Начав в 2009 г.

⁴⁵ Push Back, Constrain and Engage. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on EU-Russia relations. Brussels, 16.6.2021. 20 final.

с завуалированного «ослабления российского влияния на регион» (Meister 2009: 3; Adomeit 2011: 7), к 2016–2021 гг. Брюссель определил Москву как своего стратегического конкурента на постсоветском пространстве и источник гибридных угроз⁴⁶. Уже в 2016 г. был сделан вывод о необходимости повышения «стрессоустойчивости» «восточных соседей», особенно Грузии, Молдовы и Украины как наиболее активных участников Восточного партнёрства, а чуть позднее – Армении, продемонстрировавшей при руководстве Н. Пашиняна свою заинтересованность в особых отношениях с Брюсселем. После начала СВО Брюссель обозначил Москву ещё и как источник классических угроз, что, по его мнению, требовало наращивания оборонного потенциала ЕС и «восточных соседей»⁴⁷.

По мере увеличения гибридных и классических вызовов укрепление стрессоустойчивости в странах «восточного соседства» стало всё чаще пониматься как меры в рамках ОПБО ЕС. По данным на 2024 г., миссии ОПБО были развернуты в четырёх из шести стран (кроме Азербайджана и Беларуси). Из шести действующих миссий военная только одна, на Украине (EUMAM), запущенная осенью 2022 г. для подготовки военнослужащих ВСУ к «защите территориальной целостности государства» и координации политической, военной, финансовой и гуманитарной поддержки. Остальные миссии – гражданские, созданные для наблюдения за зонами конфликтов (Грузия – с 2008 г., Армения – с 2023 г.), консультаций по вопросам реформы правоохранительной и судебной систем (Украина – с 2014 г. и завершённая в Грузии – 2004–2005 гг.) и организации пограничного контроля (Молдова/Украина – с 2005 г.), а также для укрепления «структур кризисного реагирования» и «противодействия гибридным угрозам и дезинформации» (Молдова с 2023 г.).

Для реализации военной миссии на Украине и оказания ей масштабной финансовой помощи военного назначения был адаптирован внебюджетный Европейский фонд мира (ЕФМ)⁴⁸. Он был создан в марте 2021 г. для финансирования миссий и операций ОПБО ЕС по всему миру, мер по укреплению военных и оборонных возможностей нечленов ЕС (в основном, в Африке, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе и на Балканах), а также «военных аспектов операций по поддержанию мира»⁴⁹. ЕФМ располагал на 2021–2027 гг. средствами в размере 5,7 млрд евро, но уже в конце 2022 г. они были на 86% израсходованы на оказание помощи Киеву⁵⁰. Фактически все выделенные изначально

⁴⁶ Ibid., p. 1–3.

⁴⁷ A Strategic Compass for Security and Defence. 2022. *European Union*. P. 18–19. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed 12.12.2024).

⁴⁸ За счёт использования внебюджетных средств ЕС обошел положение статьи 41(2) ДЕС, запрещающей финансирование из средств бюджета ЕС «операций, имеющих военные или оборонительные последствия». Прим. авт.

⁴⁹ Council Decision (CFSP) 2021/509 of 22 March 2021 establishing a European Peace Facility, and repealing Decision (CFSP) 2015/528. *Eur-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02021D0509-20240318> (accessed 12.12.2024).

⁵⁰ European Peace Facility. Timeline. *European Council of the European Union*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-peace-facility/timeline-european-peace-facility/#gsc-main-content> (accessed 12.12.2024).

5,7 млрд были потрачены на поддержку Украины, а остаток в 200 млн – на Молдову и Грузию. Из-за перекосов в финансировании было принято решение создать внутри ЕФМ Фонд помощи Украине (Ukraine Assistance Fund) в размере 5 млрд евро (пока не израсходованы) на период до 2027 г. для «поддержки растущих потребностей вооружённых сил Украины путём предоставления летального и нелетального ВВТ и подготовки военнослужащих»⁵¹. Задача Фонда помощи – в расширении финансирования EUMAM, дополнении усилий отдельных стран-членов и концентрации на совместных закупках вооружений и военной техники (ВВТ) у «европейского ВПК и Норвегии»⁵². Правила кондициональности действуют и здесь: так, в 2024 г. в ответ на принятие Грузией «закона об иноагентах», который ЕС посчитал не соответствующим европейским нормам, были заблокированы 30 млн евро, предназначавшиеся для проведения реформы её оборонного сектора⁵³. Средства планируется перенаправить на поддержку гражданского общества.

Результатом незапланированных расходов ЕФМ стало увеличение до 17 млрд евро общего объёма средств, которыми он располагает в 2021–2027 гг. (данные на лето 2024 г.). Значительная их часть пошла на компенсацию странам-членам стоимости поставленных на Украину ВВТ (6,1 млрд евро) и на военную миссию EUMAM (362 млн евро; подготовлены 52 000 военнослужащих).

Помимо указанной финансовой помощи военного назначения, в качестве силовых инструментов ЕС на Украине можно рассматривать наращивание темпов производства военной техники и боеприпасов. Именно Брюссель брал на себя обязательства по производству 1 млн 155 мм снарядов в течение года (правда, в середине 2024 г. оно было выполнено лишь наполовину)⁵⁴ и регулярно отчитывался о предпринятых шагах по дальнейшей активизации работы ВПК стран-членов для осуществления поставок Киеву и пополнения собственных складов, а также о мерах по созданию общего «ВПК ЕС»⁵⁵. Следует, однако отметить, что хотя в качестве главного обоснования усилий по созданию «европейского ВПК» Брюссель неоднократно называл «возвращение войны в Европу», готовиться к этой войне он начал задолго до её начала: первые инициативы многостороннего военного материально-технического обеспечения внутри ЕС

⁵¹ Ukraine Assistance Fund: Council allocates €5 billion under the European Peace Facility to support Ukraine militarily. 2024. *Council of the EU. Press release*. 18 March 2024. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/03/18/ukraine-assistance-fund-council-allocates-5-billion-under-the-european-peace-facility-to-support-ukraine-militarily/> (accessed 12.12.2024).

⁵² Ibid.

⁵³ ЕС из-за закона об иноагентах заморозил выделенные для МО Грузии €30 млн. 2024. ТАСС. 9.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21311677> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵⁴ Where does the EU stand on its ammunition pledge to Ukraine? 2024. *Euractiv*. 17.04.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/news/where-does-the-eu-stand-on-its-ammunition-pledge-to-ukraine/> (accessed 12.12.2024).

⁵⁵ EU military support to Ukraine. EU Solidarity with Ukraine. *European Commission*. URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-assistance-ukraine/eu-military-support-ukraine_en (accessed 12.12.2024).

относятся к 2012 г. Тогда они были запущены дискуссией в НАТО и мотивировались необходимостью экономить на военных расходах в условиях только что завершившегося мирового финансово-экономического кризиса (Grand 2012: 45). Позднее в качестве мотивации служило стремление достичь «стратегической автономии», немислимой без способности обеспечить себя вооружениями собственного производства⁵⁶.

Заключение: помощь развитию и помощь войне

Инструменты внешней политики ЕС в странах «восточного соседства» определяются его интересами и имеющимся набором внешнеполитических ресурсов. В 2003–2004 гг. среди интересов были названы создание «пояса дружественных государств», с территорий которых не исходили бы угрозы безопасности ЕС, а также поддержание мира и стабильности, развитие демократии и достижение экономического процветания. Такая мотивировка делала создаваемую политику соседства близкой к официальной помощи развитию, которая с 1966 г. координировалась Программой развития ООН. По ней экономически развитые страны предоставляли финансовую помощь и консультационные услуги для поддержки развивающихся (в основном, оказавшихся в тяжёлом положении бывших колоний) для искоренения бедности, нищеты и болезней, а также создания условий для устойчивого развития и обмена опытом государственного управления⁵⁷.

ЕС оказывал помощь развитию наименее развитым государствам начиная с 1970-х гг. и к 2000-м гг. располагал необходимым опытом и наработанными инструментами. Благие цели подкреплялись т. н. «исторической ответственностью» бывших европейских метрополий за десятилетия экономической эксплуатации, которая привела к бедственному положению стран. При этом важно понимать, что значительная часть доноров руководствовалась не только альтруизмом, но и необходимостью обеспечить себе льготный доступ к дефицитным, но критически значимым для успешного развития природным ресурсам (Африка... 2023: 95–99), создавала на перспективу благоприятные условия развития и поддерживала высокий международный авторитет объединения.

⁵⁶ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016. *An official website of the European Union*. URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_review_web.pdf. P. 49. (accessed 12.12.2024). COM(2017) 295 final Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Launching the European Defence Fund. Brussels, 7.6.2017. *Eur-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017DC0295>. (accessed 12.12.2024). Council Decision (CFSP) 2017/2315 of 11 December 2017 establishing permanent structured cooperation (PESCO) and determining the list of participating Member States. *Eur-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017D2315&from=EN> (accessed 12.12.2024).

⁵⁷ United Nations Development Programme. URL: <https://www.undp.org/> (accessed 12.12.2024).

Помощь развитию постсоветским странам «восточного соседства» оказывалась, несмотря на отсутствие у ЕС по отношению к ним «исторической ответственности». Значимыми запасами дефицитных для ЕС ресурсов, за исключением Украины и Азербайджана, они не располагали. Тем не менее их значимость после восточных расширений определялась географическим расположением в непосредственной близости от границ ЕС. По-видимому, в момент разработки Европейской политики соседства Брюссель, действительно, в первую очередь стремился противодействовать угрозам т. н. «мягкой безопасности» и продемонстрировать свою способность как регионального лидера формировать безопасное и предсказуемое окружение, оказывая соответствующее влияние на близлежащие регионы. При этом вопрос о региональном лидерстве неизбежно превращал его в конкурента и соперника России, которая от своего лидерства никогда не отказывалась, а с середины 2000-х гг. в достаточной степени окрепла после потрясений начала 1990-х гг., чтобы проводить более активный и суверенный внешнеполитический курс.

Спустя всего пять лет при разработке Восточного партнёрства был учтён фактор всё более расходящихся интересов России и ЕС. Брюссель пока на уровне отдельных стран и экспертного сообщества начал формулировать ещё один интерес в странах «восточного соседства» – противодействие и вытеснение России, воспринимавшейся как игрок, сошедший с пути управляемой извне трансформации и оспаривающий региональное лидерство ЕС. К моменту, когда в 2013 г. перед подписанием Соглашений об ассоциации начинался Украинский кризис, Россия уже несколько лет как осознавалась Брюсселем в качестве стороны, которая препятствует «праву всех европейских государств свободно определять свою внешнюю политику и членство в альянсах»⁵⁸. В 2014–2016 гг. политика в отношении «восточных соседей» была прочно увязана с политикой в отношении России, а в официальных документах ЕС ставились задачи укрепления их «стрессоустойчивости», включая риски, источником которых Брюссель считал Москву. В 2022 г. Россия была названа «гибридной угрозой» с которой должны были бороться и страны ЕС, и «восточные соседи», находящиеся «на переднем крае», в непосредственной близости от России.

Подавляющая часть инструментов, применявшихся Брюсселем в странах «восточного соседства» до 2022 г., была направлена на предоставление консультативной и финансовой помощи по вопросам государственного управления (включая правоохранный сектор и судебную систему) и экономики. Странам при этом предлагалось переходить на принятые в ЕС нормы и стандарты (правда, согласованные с международными финансовыми институтами), а результатом реформирования должны были стать принятие ими на себя обязательств по соблюдению законодательства ЕС (т. е. ассоциация с ЕС), создание

⁵⁸ Presidency Conclusions, Brussels, 1.09.2008. *Extraordinary European Council*. 12594/08. P.2. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2012594%202008%20INIT/EN/pdf> (accessed 12.12.2024).

«глубоких и всеобъемлющих» зон свободной торговли и либерализация визового режима. Отличительной чертой проводимой политики было повышенное внимание к гуманитарным инструментам – принятию гражданами стран «восточного соседства» «общеευропейских ценностей», а также к поддержке и развитию структур гражданского общества. Его роль должна была возрастать вплоть до экспертного консультирования органов государственной власти.

Хотя ЕС регулярно подчёркивал, что был вынужден начать развитие силовых инструментов в результате «действий России» после начала Украинского кризиса в 2013 г., гибридные инструменты он многократно и весьма активно применял в странах «восточного соседства» уже с начала 2000-х гг. Они имели целью оказать давление на внутривнутриполитическое развитие стран «восточного соседства» и вызывали их длительную дестабилизацию, а столкнулись с ними все шесть стран. Для такого воздействия адаптировались и использовались в определённых сочетаниях «несиловые» инструменты – политические, дипломатические, экономические, финансовые и, конечно, гуманитарные и информационно-пропагандистские.

После начала Россией СВО Брюссель, действительно, начал применять во внешней политике в отношении одного из государств «восточного соседства» силовые инструменты. К таковым следует отнести военную миссию ОПБО EUMAM, предоставление финансирования военного назначения и льготные поставки странами-членами продукции европейского ВПК. При этом важно отметить, что силовые инструменты, применяющиеся на Украине, нацелены не на оказание силового давления на страну соседства, а на сдерживание и отбрасывание России, которая страной «восточного соседства» не является. Кроме того, силовые инструменты ЕС – «помощь войне» – противоречат целям помощи развитию и препятствуют заявленным изначально целям «поддержания мира и стабильности, развития демократии и достижения экономического процветания». Тем не менее, если исходить из того, что главным интересом Брюсселя в странах «восточного соседства» является поддержание и демонстрация своего статуса лидера, способного сформировать соседство в удобном для себя ключе и функционирующее по нормам и стандартам ЕС, то «помощь войне» объяснима, как и предоставление статуса кандидатов Украине, Молдове и Грузии в 2022–2023 гг.

При всей значимости СВО как повода для преобразований в инструментах внешней политики ЕС важно отметить, что финансовые средства для поддержки Украины и компенсации странам-членам поставок вооружений «нашлись» в фонде, созданном за год до начала спецоперации; при обсуждении мер поддержки речь шла не о создании, а о «повышении производительности» созданных ранее механизмов оборонного и военно-технического взаимодействия; стремление развить «силовые инструменты» и «научиться говорить на языке силы» дипломатия ЕС озвучила за два года до начала СВО.

В целом, развитие ЕС силовых инструментов – это свидетельство его намерения продемонстрировать свою способность вписаться, сохранив статус лидера, в изменившуюся систему международных отношений, где возросла конкуренция, в т. ч. силовая, между глобальными центрами силы, а процессы глобализации перестали быть доминирующими⁵⁹. Кроме того, это подтверждает, что несиловые и гибридные инструменты в отношении «восточных соседей» оказались недостаточно эффективными для достижения Брюсселем своих внешнеполитических интересов.

Об авторе:

Ольга Владимировна Шишкина – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России, 119454, Москва, Пр. Вернадского, 76. Email: o.shishkina@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта №2025-04-07 «Контурь дестабилизации в Европе: социально-экономические, политические и ценностные аспекты»

UDC: 327(4:47+57):355.02:94(4:47+57)
Received: September 10, 2024
Accepted: November 25, 2024

EU Foreign Policy Instruments in the Eastern Partnership: From Development Assistance to Military Support

 O.V. Shishkina
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-205-229](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-205-229)

MGIMO University

Abstract: In 2022, the European Union (EU) took the unprecedented step of providing financial assistance for military purposes to a warring state, Ukraine, while also establishing mechanisms to incentivize member states to supply arms and military equipment to Kyiv.

⁵⁹ US: Speech by High Representative Josep Borrell at Georgetown University: "Europe is rediscovering the harshness of the world". EEAS Press Team. Washington, 15.03.2024. https://www.eeas.europa.eu/eeas/us-speech-high-representative-josep-borrell-georgetown-university-%E2%80%99Europe-rediscovering-harshness_en

These measures, characterized as "hard instruments" of EU foreign policy, were developed in response to the "return of high-intensity warfare to Europe." This marked a significant departure from the EU's traditional emphasis, particularly in the 2000s and 2010s, on non-military foreign policy tools. During that period, the EU took pride in achieving its objectives without recourse to force and deliberately avoided military pressure in international relations.

This article explores the concept of foreign policy instruments, categorizing them into hard, soft, and hybrid tools. It examines the EU's repertoire of foreign policy instruments, distinguishing between its long-standing approaches and those recently developed. Through an analysis of EU policy documents, the article identifies the Union's evolving interests in the Eastern Partnership countries—Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine—and evaluates the practical application of its tools in the region since the launch of the "Eastern Policy" (comprising the European Neighborhood Policy and the Eastern Partnership initiative).

The study concludes by analyzing the use of soft, hard, and hybrid instruments in the Eastern Partnership, outlining the nature of the transformations in EU foreign policy and hypothesizing their underlying causes. These changes in the EU's foreign policy toolkit reveal broader trends in its strategic development and shed light on the specific dynamics of its engagement with six post-Soviet countries, which remain strategically significant for the EU while occupying a critical space within Russia's sphere of interests.

Keywords: foreign policy instruments, EU foreign policy, Eastern Partnership, European Neighbourhood Policy, CSDP missions, development aid

About the author:

Olga V. Shishkina – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454.
E-mail: o.shishkina@inno.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article was prepared with the financial support of MGIMO University under the project No. 2025-04-07, "Contours of Destabilization in Europe: Socio-Economic, Political, and Value Aspects."

References:

Adomeit H. 2011. *Russia and Its Near Neighbourhood: Competition and Conflict with the EU*. College of Europe Natolin Campus. 75 p. URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/adomeit_0.pdf (accessed 12.12.2024).

Aydin M. 2018. Foreign Policy Instruments of States (Diplomacy, Propaganda, Economic Methods). *Foreign Policy Analysis*. Anadolu University, Eskişehir. P. 146–181. URL: <https://ets.anadolu.edu.tr/storage/nfs/ULI209U/ebook/ULI209U-18V1S1-8-0-1-SV1-ebook.pdf> (accessed 12.12.2024).

Bisop S. 2022. Strategic Autonomy: Not Without Integration. *FEPS Policy Brief*. 15 p. URL: https://fepe-europe.eu/wp-content/uploads/downloads/publications/220113%20strategic_autonomy_sven_bisop.pdf (accessed 12.12.2024).

Deen B. Wouter Zw., van Loon I. 2021. The Eastern Partnership. Three Dilemmas in a Time of Troubles. *Clingendael Report*. 37 p. URL: <https://www.clingendael.org/sites/default/files/2021-01/the-eastern-partnership.pdf> (accessed 12.12.2024).

Grand C. 2012. Smart Defense. *Smart Defense and the Future of NATO. Can the Alliance Meet the Challenges of the Twenty-First Century?* Conference report and expert papers. P. 45–49. URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Conference_Report.pdf (accessed 12.12.2024).

Keukeleire S., MacNaughtan J. 2008. *The Foreign Policy of the European Union*. Palgrave Macmillan. 320 p.

Mahncke D. Post-modern Diplomacy: Can EU Foreign Policy Make a Difference in World Politics? *EU Diplomacy Papers 4/2011*. College of Europe. Department of EU International Relations and Diplomacy Studies. 29 p. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=69a04a155bdae736262c92b0d2cc1f145914e48b> (accessed 12.12.2024).

Mattis J.N., Hoffman F. 2005. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars. *Proceedings Magazine*. November. 132(11(1)). URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2005/november/future-warfare-rise-hybrid-wars> (accessed 12.12.2024)

Meister S., May M.-L. 2009. The EU's Eastern Partnership – a Misunderstood Offer of Cooperation. *DGAP Standpunkt*. №7. P. 3. ISSN 1864–3477. URL: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/2009-07_Stp_May-Meister_engl_www.pdf (accessed 12.12.2024)

Nye Josef S. 2004. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: PublicAffairs. 191 p.

Pacquement F. 2013. Statistics on Fifty Years of European Development Aid. *France, Europe and Development Aid. From the Treaties of Rome to the Present Day*. Bossuat G., Cummings, Gordon D. IGPDE. P. 7–12. URL: <https://books.openedition.org/igpde/2937#bodyftn3> (accessed 12.12.2024).

Tocci N. 2008. When and Why Does the EU act as a Normative Power in its Neighbourhood? *What Prospects for Normative Foreign Policy in a Multipolar World? Working Paper No. 29*. The European Security Forum, July 2008. 32 p. URL: <https://cdn.ceps.eu/wp-content/uploads/2009/08/1682.pdf> (accessed 12.12.2024).

Afrika: neoplachennyi dolg kolonizatorov [Africa: The Unpaid Debt of the Colonialists]. 2023. IAfr RAN. 122 p. (In Russian)

Borko Iu.A. 2018. *Vostochnoe partnerstvo: proekt, real'nost', budushchee [Eastern Partnership: Project, Reality, Future]*. Moscow: In-t Evropy RAN. 70 p. (In Russian)

Braterskii M.V. 2010. *Èkonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i èkonomicheskie riski [Economic Instruments of Foreign Policy and Economic Risks]*. Moscow: GU-VShÈ. 232 p. (In Russian)

Gerasimov V. 2013. Tsennost' nauki v predvidenii [The Value of Science is in Foresight]. *Voenno-promyshlennyyi kur'er*. 8(476). (In Russian)

Khrustalev M.A. 1984. *Osnovy teorii vneshnei politiki gosudarstva [Fundamentals of the Theory of Foreign Policy of the State]*. Un-t družby narodov im. Patrisa Lumumby. Moscow. 80 p. (In Russian)

Romanova T.A., Pavlova E.B. 2019. Stressoustoichivost' v Evrosoiuzie i Rossiia: sut' i perspektivy novoi kontseptsii [Stress Tolerance in the European Union and Russia: the Essence and Prospects of the New Concept]. *Mirovaia èkonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 63(6). P. 102–109. (In Russian)

Romanova T.A. 2011. Evrosoiuz kak normativnaia sila i problemy ee vospriiatiia v Rossii kak bar'er na puti politiko-pravovogo sblizheniia [The European Union as a Regulatory Force and the Problems of its Perception in Russia as a Barrier to Political and Legal Rapprochement]. *Vestnik SPbGU*, Ser. 6. Vyp. 1. P. 52–66. (In Russian)

Romanova T.A. 2017. Kategoriiia «stressoustoichivost'» v Evropeiskom soiuze [Stress Tolerance Category in the European Union]. *Sovremennaia Evropa*. №4. P. 17–28. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Африка: неоплаченный долг колонизаторов. 2023. ИАФР РАН. 122 с.

Борко Ю.А. 2018. *Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее*. Москва: Ин-т Европы РАН. 70 с.

Братерский М.В. 2010. *Экономические инструменты внешней политики и экономические риски*. Москва: ГУ-ВШЭ. 232 с.

Герасимов В. 2013. Ценность науки в предвидении. *Военно-промышленный курьер*. 8(476).

Романова Т.А. 2011. Евросоюз как нормативная сила и проблемы её восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения. *Вестник СПбГУ*, Сер. 6. Вып. 1. С. 52–66.

Романова Т.А. 2017. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе. *Современная Европа*. №4. С 17–28.

Романова Т.А, Павлова Е.Б. 2019. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(6). С. 102. 109 с.

Хрусталёв М.А. 1984. *Основы теории внешней политики государства*. Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Москва. 80 с.

Концепция *Zeitenwende* в зеркале стратегических документов правительства Олафа Шольца

А.П. Соколов, С.Е. Проценко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Исследование посвящено анализу германских доктринальных документов, опубликованных правительством Олафа Шольца в контексте объявленной им в 2022 г. «смены эпох», среди которых: Стратегия национальной безопасности, Руководящие принципы по формированию феминистской внешней политики, Стратегия в отношении Китая и Руководящие принципы оборонной политики.

Происходящие в стратегической культуре ФРГ изменения представляют особый интерес, поскольку носят беспрецедентный характер и направлены на создание из германского государства полноценного игрока в военной политике. В качестве реакции на начало специальной военной операции России на Украине Берлин взял курс на укрепление силового компонента своей политики и приступил к отправке оружия Киеву, нарушив послевоенный принцип отказа от поставок вооружений сторонам конфликта.

Статья отвечает на вопрос о том, как внутригерманская дискуссия по военно-политической проблематике отражается в публикуемых министерствами и ведомствами ФРГ руководящих документах. Участники данной дискуссии условно разделены на три группы: те, кто поддерживает как идею *Zeitenwende*, так и усилия правительства на данном направлении; те, кто поддерживает идею *Zeitenwende*, но не согласен с методами или инструментами её реализации; противники «смены эпох» в целом.

Методом качественного контент-анализа опубликованных документов выявляются противоречия как в их содержании, так и в процессах реализации Берлином заявленных целей. Отмечается, что многие формулировки носят расплывчатый характер и, следовательно, могут быть изменены или дополнены в дальнейшем. Большое влияние на содержание новых документов оказывает партия «Союз 90 / Зелёные», которая задаёт воинственную риторику и отстаивает расширительное понимание проблем безопасности.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что на практике германский подход более сбалансирован и осторожен, чем артикулируемые руководством ФРГ внешнеполитические установки. Тем не менее сам факт закрепления в стратегических документах идей «смены эпох» придаёт им долгосрочный характер и делает невозможным их игнорирование будущим правительством страны.

УДК: 327.5+351.86+355.02

Поступила в редакцию: 13.11.2023

Принята к печати: 09.03.2024

Ключевые слова: Германия; смена эпох; внешняя политика; политика безопасности ФРГ; военно-политическая стратегия; доктринальные документы

Основы внешнеполитических практик современной Германии сформировались под влиянием событий, вызванных глобальными переменами в международных отношениях: окончание Второй мировой войны, распад Советского Союза, воссоединение Германии. При этом императивом внешней политики страны оставался принцип преемственности (*нем. Kontinuität*), который гарантировал предсказуемый и поступательный курс германского государства как во внутренних делах, так и в мировой политике.

После эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. стало очевидно, что разворачивающийся на востоке Европы конфликт стал испытанием для умеренной позиции Берлина по внешней политике и политике безопасности. Правительство Олафа Шольца выдвинуло концепцию «смены эпох» (*нем. Zeitenwende*) в качестве новой основы внешней политики страны. Германия пошла на беспрецедентное увеличение военных расходов и нарушила свой давний принцип отказа от поставок оружия сторонам конфликта.

В попытках переосмыслить многолетние представления о своём месте в Европе и мире, а также приспособить свой внешнеполитический курс к изменившейся международной ситуации руководство ФРГ инициировало разработку и принятие новых доктринальных документов в сфере внешней политики и безопасности. Позиция и идеи, изложенные в них, могут стать определяющими для внешнеполитического курса Германии в долгосрочной перспективе.

Анализировать происходящие изменения в стратегии можно лишь с учётом широкого контекста внешней политики Германии. Комплексный анализ деятельности Берлина на мировой арене представляют работы профессора МГИМО Н.В. Павлова, опубликовавшего ряд монографий (Павлов 2023), посвящённых эволюции внешней политики объединённой Германии. Большой период и широкий географический диапазон деятельности ФРГ в военно-политической сфере охватывают работы Ф.О. Трунова (Трунов 2023). Исследователь определяет постоянно действующие факторы, влияющие на решения, которые руководство ФРГ принимает в сфере безопасности.

На изменения в принципиальном подходе Берлина ко внешней политике ещё в начале 2000-х гг. обратили внимание зарубежные авторы, среди которых Х. Мауль (Maul 2000), Ф.-Й. Майерс (Meiers 2006), Х. Биэль (Biehl 2001), Ч. Купчан (Kupchan 2002). Поводом для исследований на эту тему стало осмысление вооружённого участия ФРГ в югославских событиях в 1995 и 1998–1999 гг. Так, Х. Мауль расценил эти действия как отход Германии от послевоенной политики «гражданской державы».

Изменениям в оборонной стратегии и политике безопасности ФРГ, а также другим аспектам немецкой внешней и внутренней политики посвящены работы отечественных германистов ИМЭМО РАН В.И. Васильева (Васильев 2018), Ф.А. Басова (Басов 2022), А.М. Кокеева (Кокеев 2018), М.В. Хорольской (Хорольская 2023). Предпринимаемые в рамках «смены эпох» шаги Германии на мировой арене рассматривает А.П. Соколов (Соколов 2023), отмечая, что немецкое руководство стремится использовать события на Украине для того, чтобы переломить тренд на демилитаризацию Германии, сложившийся в постбиполярную эпоху.

Публикация новых стратегических документов в ФРГ уже привлекла внимание российских и зарубежных исследователей. Так, В.К. Белозёров (Белозёров 2023) анализирует вышедшую в июне 2023 г. Стратегию национальной безопасности (СНБ) ФРГ, делая вывод, что актуальная политика безопасности Германии слабо отражает национальные интересы страны, является идеологизированной и иррациональной, а выстраивание политической идентичности основано на идеях противодействия России. Сомнения относительно «прорывного характера» Стратегии высказывает В.Б. Белов (Белов 2023). По мнению автора, за отдельными блоками этого документа просматриваются интересы конкретных министерств и партийная принадлежность их руководителей, а сам текст напоминает коалиционное соглашение 2021 г.

С бóльшим оптимизмом оценивает СНБ глава Немецкого института международных отношений и безопасности (нем. SWP) Ш. Майр, который видит в ней готовность Германии активно участвовать в продвижении нового многополярного устройства мира, основанного на трёх элементах: Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и международном праве (Mair et al. 2023). На некоторый разрыв традиций в свете выхода германской Стратегии в отношении Китая обращает внимание научный сотрудник Германского совета по международным отношениям (нем. DGAP) Т. Рюлиг (Rühlig 2023). Противоречия и проблемы в процессе формирования феминистской внешней политики Германии изучают политолог К. Цилла (Zilla 2023), научные сотрудники DGAP Д. Ширвон и Л. Штамм (Schirwon et al. 2023; Hauschild and Stamm 2024).

В основе данного исследования лежит метод качественного контент-анализа. Выпущенные германскими министерствами и ведомствами руководящие документы использовались в качестве главного источника информации. Цель настоящего исследования заключается в определении того, как в этих документах отражена внутригерманская дискуссия по военно-политической проблематике. Авторы работы исходят из того, что, несмотря на противоречивый характер публикуемых документов и проблемы с реализацией целей, заявленных в этих документах, закрепление в доктринальных документах ФРГ идей «смены эпох» придаёт им долгосрочный характер. В то же время отсутствие конкретики по многим вопросам позволит будущему правительству Германии внести коррективы и уточнения в провозглашённый кабинетом О. Шольца курс.

Для анализа изменения внешнеполитических установок ФРГ были выбраны основные и вызвавшие наибольший резонанс доктринальные документы, опубликованные в период работы правительства под руководством федерального канцлера Олафа Шольца: коалиционный договор 2021 г., Стратегия национальной безопасности, Руководящие принципы по формированию феминистской внешней политики, Стратегия в отношении Китая и Руководящие принципы оборонной политики. Кроме этого, нами проанализированы особенности внутригерманского дискурса, который складывается как вокруг этих документов, так и вокруг общего внешнеполитического курса Германии в свете политики «смены эпох».

Коалиционный договор

Приход в ноябре 2021 г. к власти в ФРГ «светофорной коалиции» эксперты не связывали с перспективой коренного перелома германского внешнеполитического курса. Коалиционный договор 2021 г. не содержал в себе принципиально новых положений в сфере оборонной политики и политики безопасности. В документе выражалась готовность укреплять европейскую опору НАТО, поддерживать сотрудничество в рамках ООН, продолжать модернизацию бундсвера¹. Заметный акцент на безопасности Восточной Европы² можно объяснить присутствием в коалиции партии «Союз 90/ Зелёные», представители которой ещё во время предвыборной гонки призывали к ужесточению диалога с Россией, закрытию проекта «Северный поток – 2» и, в целом, в большей степени следовали политике «ценностей», чем «интересов»³. Вместе с тем фундамент будущей работы трёх партий (СДПГ, Зелёных и СвДП) казался непрочным: учитывая сильное расхождение позиций участников нового правительства, коалиционный договор представлял собой скорее компромиссный документ, чем чёткое руководство к действию. Эксперты отмечали наличие множества нерешённых вопросов, среди которых были, например, судьба газопровода «Северный поток – 2», углеродный налог, некоторые социальные меры (Пименова 2022). В то же время, в немецком экспертном сообществе высказывалось мнение о том, что Германии следует расширить сферу своей ответственности в мировой политике (Maihold et al. 2021) в контексте таких вызовов, как растущее число

¹ Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen SPD, Bündnis 90/Die Grünen und FDP: Mehr Fortschritt wagen – Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Berlin, 2021. *Социал-демократическая партия ФРГ: официальный сайт*. Dezember 7, 2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (accessed 14.11.2024).

² Ibid. S. 115.

³ Baerbock zu Nord Stream 2. „Diese Gemeinsame Erklärung ist keine Lösung“. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Juli 22, 2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/annalena-baerbock-kritisiert-uebereinkunft-zu-nord-stream-2-17449306.html> (accessed 15.11. 2024).

авторитарных государств, ослабление позиций Запада и влияния международных институтов, обострение глобальных проблем. Соответственно, тезис про внешнюю политику в «условиях перемен» возник ещё до событий на Украине.

Начало специальной военной операции России на Украине повлекло за собой пересмотр Берлином своих внешнеполитических подходов, наглядным выражением чего стала провозглашённая федеральным канцлером 27 февраля 2022 г. концепция «смены эпох» (нем. *Zeitenwende*)⁴. Среди анонсированных канцлером мер были: пакет санкций «невиданного ранее масштаба», отключение России от международной межбанковской системы SWIFT, строительство терминалов сжиженного природного газа для ускоренного отказа от российских энергоносителей.

Действительно эпохальными, однако, стали изменения не в экономической, а в военной сфере. Канцлер объявил, что Германия планирует увеличить до 2% ВВП расходы на оборону в рамках НАТО «безо всяких ”но”» (то есть, выполнять взятое на себя ещё в 2014 г. обязательство); создать специальный фонд для нужд бундесвера на сумму 100 млрд евро; поставлять оружие Украине; расширить военные контингенты в Литве, Румынии и Словакии; работать над производством истребителей нового поколения. По мнению Шольца, эти шаги должны ознаменовать более активную роль Берлина в международных отношениях и наращивание его вклада в обеспечение европейской безопасности.

Подкрепление данных идей реальными шагами в поддержку Украины происходило на фоне критики канцлера за отсутствие решительных действий со стороны союзников, оппозиции и даже партнёров по коалиции. О. Шольц, чей рейтинг, в отличие от рейтингов зелёных политиков и лидера оппозиции Ф. Мерца, неуклонно снижался, был вынужден деятельно доказывать свою готовность ко внешнеполитическим переменам⁵. Самым ярким примером давления на канцлера стала ситуация вокруг поставок Киеву танков «Леопард-2»: за передачу данного типа вооружений войскам Украины выступали представители Зелёных, СвДП и блока ХДС/ХСС, некоторые члены партии СДПГ, включая канцлера, не одобряли отправку танков Киеву, за что подвергались критике как со стороны международных партнёров, так и внутри страны. В итоге германское правительство пошло на этот шаг при условии, что США поставят Украине боевые танки «Абрамс» собственного производства⁶. Между декларируемыми федеральным правительством мерами и их реализацией на практике и сейчас

⁴ Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. *Die Bundesregierung*. Februar 27, 2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (accessed 18.11.2024).

⁵ Hoff H. 2022. A Sandwiched Scholz. *Internationale Politik Quarterly*. May 5. URL: <https://ip-quarterly.com/en/sandwiched-scholz> (accessed 15.11.2024).

⁶ Scholz zu Kampfpanzer-Lieferung bereit - unter einer Bedingung. 2023. *Süddeutsche Zeitung*. Januar 18. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/ukraine-leopard-panzer-bundesregierung-1.5734901> (accessed 27.11.2024).

существуют значительные расхождения. Освоение выделенных на военную сферу средств тормозят сложные бюрократические процедуры, внутрикоалиционные разногласия (например, по вопросам создания Совета Безопасности, поставкам оружия Киеву).

Несмотря на некоторые сложности в реализации военных реформ, происходящая трансформация немецкого курса в сфере обороны заслуживает внимания: поставки оружия на Украину и резкое увеличение военных расходов свидетельствуют о нарушении германским руководством послевоенных традиций, определявших сдержанность страны в вопросах задействования силового потенциала во внешней политике.

Внутригерманская дискуссия на тему «смены эпох»

Если на официальном уровне члены правящей коалиции продвигают, хотя и не всегда слаженно, концепцию «смены эпох», то дебаты на тему её целесообразности и содержания не прекращаются. С критикой выступают как сторонники, так и противники концепции. Первые призывают к ускорению темпов «смены эпох», наращиванию помощи Украине и более решительному противостоянию России. Данная группа многочисленна, именно она доминирует в общем дискурсе на тему «смены эпох». Противников концепции официальный Берлин стремится представить как радикалов и по возможности исключить из общественной дискуссии.

В числе представителей первой группы – оппозиционный блок ХДС/ХСС, члены которого разделяют мнение федерального правительства о том, что политика безопасности ФРГ нуждается в фундаментальных переменах, но критикуют медлительность и нерешительность действий коалиции. «Мы хотим и дальше поддерживать вас в ваших усилиях по противодействию этой войне вместе с нашими партнёрами в ЕС и НАТО. Мы делаем это по глубочайшему внутреннему убеждению. Однако мы также по-прежнему убеждены, что спустя год после начала войны курс вашего правительства не соответствует требованиям, которые вы сами себе предъявляете», — резюмировал позицию блока глава ХДС Ф. Мерц на заседании бундестага в марте 2023 г.⁷. Депутат бундестага, эксперт ХДС по обороне и внешней политике Р. Кизеветтер заявил, что «отношение Германии к войне должно измениться с наивной нестратегической позиции на решительные действия, иначе ”смена эпох” останется лишь пожеланием»⁸.

⁷ Merz fordert schnelleres Handeln. 2023. *Партия ХДС: официальный сайт*. März 2. URL: <https://www.cdu.de/artikel/merz-fordert-schnelleres-handeln> (accessed 17.11.2024).

⁸ Kieseewetter R. Neutral geht gar nicht. *Entscheidende Wochen*. 2022. *Konrad Adenauer Stiftung*. Oktober 7. URL: <https://www.kas.de/de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/entscheidende-wochen> (accessed 17.11.2024).

Представители Министерства обороны также делают критические заявления, в основном, по поводу недостаточности выделенных средств для создания действительно боеспособной армии и слишком медленного процесса закупок военной техники. Парламентский комиссар по вооружённым силам Германии Е. Хёгль описала состояние немецкой армии словами «бундесверу не хватает всего»⁹. Министр обороны ФРГ Б. Писториус уверен, что 100 млрд евро недостаточно для покрытия всех потребностей вооружённых сил¹⁰.

Среди экспертов, активно призывающих к более решительным мерам поддержки Киева и укреплению собственной безопасности в рамках «смены эпох», выделим профессора мюнхенского Университета Людвиг-Максимилиана М. Шульце-Весселя, руководителя исследовательской группы по политике безопасности SWP К. Майор, главу Мюнхенской конференции по безопасности К. Хойсгена, историка Г. Винклера. Наряду с другими учёными, политиками и общественными деятелями они в декабре 2023 г. подписали обращение к федеральному правительству с призывом усилить поддержку Украины.

К числу критиков концепции «смены эпох» относится, прежде всего, стремительно набирающая популярность Альтернатива для Германии (АдГ). Представители этой партии считают, что поставки вооружений на Украину лишь затягивают конфликт и препятствуют мирным переговорам¹¹. «Смена эпох, которую Вы объявили, ведёт в будущее без мира и экономической безопасности», — заявил сопредседатель АдГ Т. Хрупалла, обращаясь к О. Шольцу на заседании бундестага в марте 2023 г.¹². Оппонентом нынешнего правительственного курса выступает и С. Вагенкнехт, бывшая глава фракции Левой партии в бундестаге, создавшая в январе 2024 г. собственную политическую партию. Если к парламентским выборам 2025 г. политик не изменит своих позиций, её партия сможет объединить вокруг себя некоторую часть противников «смены эпох» и сторонников более сбалансированного подхода в отношениях с Россией, преодолев 5% барьер для прохождения в бундестаг.

Критической оценки курса правительственной коалиции придерживается бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер. «Правительству Германии необходимо инвестировать в первую очередь в инфраструктуру, образование и строительство жилых домов, нежели чем в бундесвер из-за опасности, которая якобы исходит от России», — считает отставной политик¹³.

⁹ Wehrbeauftragte Eva Högl „Der Bundeswehr fehlt es an allem“. 2023. *Zeit Online*. März 13. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2023-03/wehrbeauftragte-eva-hoegl-kritik-ausruestung-jahresbericht> (accessed 18.11.2024).

¹⁰ Pistorius reicht das Sondervermögen nicht. 2023. *Tagesschau*. Januar 27. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/geellschaft/pistorius-sondervermoegen-bundeswehr-101.html> (accessed: 13.11.2024).

¹¹ Лидер АдГ заявил, что решение о поставках танков Киеву ведёт к третьей мировой войне. 2023. TACC. 25.01. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16885449> (дата обращения: 14.11.2024).

¹² Regierungserklärung von Tino Chrupalla (AfD). 2023. *Deutscher Bundestag*. 20. WP. Sitzung 88. Tagesordnungspunkt 6. März 2. URL: <https://de.openparliament.tv/media/DE-0200088009?a=media&id=DE-0200088009&termID=Q15860072&ontext=NER&sort=date-desc&lang=de> (accessed 15.11.2024).

¹³ Schröder sieht SPD auf falschem Kurs. 2023. *Süddeutsche Zeitung*. Oktober 13. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/schroeder-altkanzler-spd-kritik-1.6287323> (accessed: 17.11.2024).

Несмотря на попытки руководства страны изолировать представителей данной группы в рамках общественной дискуссии (показательны в этом контексте попытки добиться в судебном порядке запрета деятельности АдГ и признание её молодёжной организации экстремистским движением), экономические издержки и проблемы, связанные с реализацией заданного внешнеполитического курса (в первую очередь, рост темпов инфляции, повышение потребительских цен, высокие затраты на энергоносители), заставляют немецких избирателей обратить внимание на альтернативные официальному дискурсу идеи. Об этом свидетельствует высокий рейтинг партии АдГ, которая, согласно опросам общественного мнения, занимает второе после блока ХДС/ХСС место по популярности среди населения¹⁴. Данные опросов подкрепляются рядом побед партии на выборах земельного уровня¹⁵.

В таких условиях федеральные министерства и ведомства Германии опубликовали документы, призванные зафиксировать новые внешнеполитические установки страны. Белая книга по вопросам безопасности 2016 г., основной документ по военно-политическим вопросам страны, как и другие, выпущенные до февраля 2022 г. документы, уже не соответствовали изменившейся риторике германского руководства, особенно в части взаимоотношений с Россией. Если в Белой книге 2016 г. ещё использовалась формула «безопасности в Европе вместе с Россией, а не против неё»¹⁶, то теперь на официальном уровне Берлин рассматривает Россию как главную угрозу европейской безопасности¹⁷.

Стратегия национальной безопасности

Главным из недавно вышедших стратегических документов стала первая в истории ФРГ Стратегия национальной безопасности (СНБ), увидевшая свет 14 июня 2023 г. Процесс подготовки данного документа был запущен в марте 2022 г. главой немецкого МИД. Изначально планировалось представить документ 7 декабря 2022 г.

То обстоятельство, что ответственность за написание подобных текстов перешла от Министерства обороны к внешнеполитическому ведомству, свидетельствует об изменении расстановки правительственных сил в пользу Зелёных и растущем влиянии этой партии (Белозёров 2023). Бывшая сопредседатель

¹⁴ Sonntagsfrage Bundestagswahl. 2024. *Infratest demap*. März 7. URL: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/sonntagsfrage/> (accessed 15.11.2024).

¹⁵ AfD-Kandidat gewinnt Oberbürgermeisterwahl in Pirna. 2023. *Süddeutsche Zeitung*. Oktober 17. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/sachsen-afd-kandidat-gewinnt-oberbuergemeisterwahl-in-pirna-1.6321049> (accessed: 17.11.2024).

¹⁶ Weißbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr, 2016. 2016. *Bundesministerium für Verteidigung* (Hrsg.). Berlin. S. 31–32.

¹⁷ Chancellor Olaf Scholz Wants to Transform Germany's Place in the World. He'd Just Rather Not Talk About It. 2022. *Time*. April 27. URL: <https://time.com/6170974/olaf-scholz-germany-interview/> (accessed 25.11.2024).

партии, министр иностранных дел предложила толковать безопасность как взаимосвязь трёх элементов: неприкосновенности жизни, защиты свободы жизни, безопасности основ жизни¹⁸.

Центральным предметом спора между Зелёными и социал-демократами стал вопрос о создании Совета национальной безопасности – структуры, которая бы решала вопросы безопасности на межведомственном уровне. СвДП призывала к учреждению такого органа ещё во время избирательной кампании¹⁹, и эта инициатива нашла отклик в СДПГ, однако встретила сопротивление со стороны Зелёных. Опасаясь чрезмерного усиления Ведомства федерального канцлера, Зелёные потребовали прикрепить новую структуру к МИД. В итоге компромисс не был найден²⁰. Заявления некоторых членов партии СвДП²¹, однако, свидетельствуют о том, что либералы по-прежнему настроены учредить Совет. Что касается позиций по данному вопросу других парламентских партий, то наиболее последовательным сторонником создания СНБ остаётся ХДС²². Берлинский политолог К. Мориц считает, что провал попытки создания Совета лишает Германию не только способности действовать стратегически, но и негативно сказывается на международной репутации страны²³.

Другим предметом разногласий в процессе написания СНБ были закулисные переговоры при составлении бюджета. Отдельные заинтересованные лица хотели добиться как можно более конкретных обязательств по своим направлениям, из чего впоследствии можно было бы вывести финансовые требования²⁴. Представители партии «Зелёные», по данным Spiegel²⁵, требовали, в случае включения в Стратегию обязательства о целевом 2%-ном финансировании оборонных нужд, одновременного увеличения расходов на дипломатию и сотрудничество в целях устойчивого развития. В итоге в документе было прописано намерение повысить военные расходы до 2% без указания каких-либо сроков²⁶.

¹⁸ Außenministerin Annalena Baerbock bei der Auftaktveranstaltung zur Entwicklung einer Nationalen Sicherheitsstrategie. 2022. Сайт министерства иностранных дел ФРГ. März 18. URL: <https://germania.diplo.de/ru-de/aktuelles/baerbock-nationale-sicherheitsstrategie/2517980> (accessed 26.11.2024).

¹⁹ Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten. 2021. Berlin. *Свободная демократическая партия Германии: официальный сайт*. URL: https://www.fdp.de/sites/default/files/2021-06/FDP_Programm_Bundestagswahl2021_1.pdf (дата обращения: 25.11.23). S. 51.

²⁰ Hoffer R. 2023. Das sind die wichtigsten Punkte in Deutschlands erster Nationaler. *Neue Zürcher Zeitung*. Juni 14. URL: <https://www.nzz.ch/international/nationale-sicherheitsstrategie-deutschland-will-wehrhaft-werden-id.1742376> (accessed 21.11.2024).

²¹ Wyssuwa M. 2023. Diese Sicherheitsstrategie ist sicher nicht das Ende. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Juni 14. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/fdp-fordert-die-einrichtung-eines-nationalen-sicherheitsrats-18961308.html> (accessed 22.11.2024).

²² Taurus-Abhöraffaire – Union plädiert für Nationalen Sicherheitsrat. 2024. *Deutschlandfunk*. März 5. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/union-plaediert-fuer-nationalen-sicherheitsrat-100.html> (accessed 15.11.2024).

²³ Moritz C. Nationaler Sicherheitsrat – Deckel drauf? 2023. *Deutsche Atlantische Gesellschaft*. April 26. URL: <https://ata-dag.de/opinions-on-security/ausgabe-29-moritz/18688/> (accessed 25.11.2024).

²⁴ Hoffer R. Ibid.

²⁵ Gebauer M., Korbaki M. Ampel verzichtet auf nationalen Sicherheitsrat. 2023. *Spiegel Politik*. März 11. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nationaler-sicherheitsrat-kommt-nicht-dissens-zwischen-olaf-scholz-und-annalena-baerbock-a-93090bc0-e61a-47af-a9ce-e4d8f915f17c> (accessed 25.11.2024).

²⁶ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. S. 33.

Нерешённые вопросы распределения власти и юрисдикции между Ведомством канцлера и министерствами, а также отсутствие единой стратегии привели к задержке публикации документа и расплывчатости формулировок по его ключевым моментам.

Понятие «безопасность» авторы Стратегии трактуют комплексно, включая в него, сверх военного компонента, доступ к продовольствию, устойчивость демократических институтов, защиту личной информации, цепочки поставок, биоразнообразие. Стремление к расширительному пониманию безопасности характерно, опять же, именно для Зелёных, которые рассматривают проблемы безопасности в различных сферах жизни в качестве потенциальных источников угроз для страны.

Критики документа, прежде всего из оппозиции, указывают на его бессистемный и повествовательный характер. «Изложение идей — это ещё не стратегия», — отметил глава парламентской группы баварского Христианско-социального союза А. Добриндт²⁷. Эксперт DGAP К. Мёллинг также считает, что по многим пунктам документ даёт лишь приблизительное понимание будущего направления внешней политики Германии. По мнению исследователя, Стратегия не позволяет определить место и роль Германии на международной арене²⁸. Менее критического взгляда на СНБ придерживаются эксперты SWP, которые отмечают достигнутое между членами правящей коалиции согласие относительно необходимости изменений в сфере обороны и сдерживания, которого не было в начале работы «светофорной» коалиции. Тем не менее они также обращают внимание на то, что СНБ опирается на идеи коалиционного договора 2021 г. и Стратегической концепции НАТО 2022 г., но в ней слабо прописаны будущие вызовы и новые подходы (Kaim et al. 2023).

Руководящие принципы по формированию феминистской внешней политики

Военно-политические вопросы не обошли стороной и другой ключевой документ немецкой дипломатии – «Руководящие принципы по формированию феминистской внешней политики»²⁹, опубликованный Министерством иностранных дел Германии 1 февраля 2023 г. Данный 80-страничный документ не ограничивается расширением представительства и защитой прав женщин:

²⁷ Nationale Sicherheitsstrategie: „Blutleer“ und „irrelevant“. 2023. Фракция ХДС/ХСС в бундестаге: официальный сайт. Juni 14. URL: <https://clck.ru/36ukP7> (accessed 25.11.2024).

²⁸ Nationale Sicherheitsstrategie stößt auf geteiltes Echo. 2023. *Deutscher Bundestag*. Juni 19. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw25-pa-auswaertiges-sicherheitsstrategie-952500> (accessed 25.11.2024).

²⁹ Feministische Außenpolitik gestalten. Leitlinien des Auswärtigen Amts. 2023. Министерство иностранных дел ФРГ: официальный сайт. Februar 1. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2585008/d444590d5a7741acc6e-37a142959170e/ll-ffp-data.pdf> (accessed 12.11.2024).

речь в нём идёт о «внешней политике для всех членов общества»³⁰, хотя основной фокус внимания обращён на дискриминируемые группы населения. Предполагается, что противодействие социальной дискриминации должно происходить через предоставление этим группам определённых преимуществ (т. н. «позитивная дискриминация») (Zilla 2023), как то: усиление представительства в политике, финансирование проектов, способствующих достижению гендерного равенства, улучшение доступа маргинализированных групп к финансовым и природным ресурсам. Данная идея, как отмечает редактор *Neue Zürcher Zeitung* Р. Хоффер, повторяет инициативу ООН 20-летней давности «Обязанность по защите» (*англ. Responsibility to protect; R2P*), приоритизирующую безопасность человека над безопасностью государства. В этом смысле документ не содержит новизны и даже может снизить эффективность внешней политики страны – например, если немецкие дипломаты будут участвовать в панельных дискуссиях внутри страны и за рубежом лишь при условии «сбалансированного соотношения полов» среди участников мероприятия³¹. Отсутствие германских дипломатов в дискуссиях, где этот принцип соблюдаться не будет, не позволит Берлину донести отстаиваемые им идеи либеральной демократии, что в конечном счёте нанесёт ущерб последней³².

В рамках данной статьи наибольший интерес представляют собой те положения концепции, которые связаны с Россией и конфликтом на Украине. Хорошо просматривается смена приоритетов и ориентиров партии «Зелёные», выступавшей на заре своего существования с антивоенных позиций. Теперь авторы концепции феминистской внешней политики заявляют о том, что такая политика не является синонимом пацифизма. Как и в остальных документах, написанных под решающим идейным влиянием Зелёных, здесь доминирует бинарная логика победы и поражения, которая, на самом деле, отодвигает на задний план проблемы людей, непосредственно затронутых военными действиями. С акцентом на борьбу с гендерным насилием звучат призывы к оказанию всесторонней помощи Украине, в том числе военными средствами. Женское сообщество рассматривается авторами в качестве «проводников перемен», как сила, способная «продвигать общество вперёд и укреплять демократию». Апеллирование к женской части населения других стран теоретически может использоваться Берлином для воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств, будучи продолжением политики «мягкой силы».

Эксперты DGAP С. Динкель, Д. Ширвон и Л. Штамм выделяют три лагеря участников обсуждений феминистской внешней политики (Schirwon et al. 2023).

³⁰ Ibid. S. 5.

³¹ Ibid. S. 76.

³² Hoffer R. Ibid.

1) В нормативно-активистском лагере рассматривают феминистскую внешнюю политику в качестве средства для перехода к будущему, свободному от насилия. Экспорт оружия, меры военного сдерживания отвергаются как практики патриархальных структур.

2) Прагматичный лагерь в лице федерального правительства считает, что поставки оружия, если того требуют задачи обороны, совместимы с феминистской внешней политикой.

3) Представители консервативного лагеря скептически относятся к феминистской внешней политике и рассматривают её как утопию.

Попытки членов партии «Союз 90/ Зелёные» во главе с А. Бербок гармонизировать «смену эпох» и феминистскую внешнюю политику выглядят как стремление примирить явно конфликтующие принципы. В одном пассаже документа речь идёт о связи с «гуманитарной традицией, которая является основой классической политики мира и контроля над вооружениями», а в другом – о необходимости прибегнуть к военным средствам в отношении России. В результате возникает противоречивая картина, не позволяющая сделать ясные выводы о том, какой должна быть внешняя политика Германии в «новой эпохе».

Ещё один документ, посвящённый феминистской тематике, представила 1 марта 2023 г. на совместном с министром иностранных дел ФРГ мероприятии федеральный министр экономического сотрудничества и развития Германии С. Шульце: это «Стратегия феминистской политики развития»³³. Документ формулирует руководящие принципы, которые должны определять деятельность Министерства экономического сотрудничества и развития. В данном тексте упор делается на вопросы справедливости: «женщины и девочки составляют половину населения земного шара, поэтому они также должны обладать половиной власти». Обсуждение феминистской проблематики в контексте острых политических сюжетов, таким образом, остаётся прерогативой МИД.

Стратегия в отношении Китая

Немало противоречий среди членов правящей коалиции возникло при выработке стратегии взаимодействия с Китаем, одним из ключевых экономических партнёров Германии. В то время как в СДПГ призывали сохранять диалог с «критически важным партнёром», Зелёные и либералы делали акцент на рисках, которые такая кооперация может нести, приводя в пример «горький опыт с Россией»³⁴. В Стратегию национальной безопасности вопросы взаимодействия с Пекином включены не были, поскольку федеральное правительство по-

³³ Feministische Entwicklungspolitik. Für gerechte und starke Gesellschaften weltweit. *Министерство экономического сотрудничества и развития*. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/146200/strategie-feministische-entwicklungspolitik.pdf> (accessed 12.11.2024).

³⁴ China-Strategie der Bundesregierung im Parlament beraten. 2023. *Deutscher Bundestag*. September 28. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw39-de-chinastrategie-967318> (accessed 16.11.2024).

святило подходам немецкой дипломатии на китайском направлении отдельный 64-страничный документ³⁵. Иной, по сравнению с СНБ, была и презентация Стратегии: тогда как СНБ публике представили канцлер и несколько федеральных министров, на презентации документа, посвящённого Китаю, единственным представителем от правящей коалиции была А. Бербок. Стоит обратить внимание и на место, которое было выбрано для этой цели: выступление главы немецкого МИД состоялось в Институте китаеведения имени Герхарда Меркатора (*Mercator Institute for China Studies*), некоторые сотрудники которого находятся под санкциями КНР.

Повторяя изобретённую в Европейском союзе формулу «Китай как партнёр, конкурент и системный соперник», документ даёт подробное описание политики Берлина по отношению к Китаю в различных сферах. Наибольшее внимание при этом уделяется именно соперничеству с Пекином, причём свою зависимость от поставок из Китая в критически важных областях Берлин рассматривает как угрозу оказаться жертвой политического давления³⁶. В этой связи федеральное правительство ставит цели снижения односторонней зависимости, диверсификации экономических связей с зарубежными партнёрами, экспортного контроля и защиты потока немецких конфиденциальных технологий и ноу-хау. В Стратегии несложно заметить и некоторые противоречия: авторы заявляют о приоритете двусторонних отношений и в то же время говорят о выстраивании связей на основе общеевропейского подхода; подтверждают приверженность политике «одного Китая» и в то же время ратуют за более активное участие Тайваня в международных организациях. Неоднозначный подход к взаимодействию с Китаем, изложенный в Стратегии, – результат компромисса партий – участниц правящей коалиции, каждая из которых по-своему расставляет акценты в отношениях с Пекином. Если Зелёные и СвДП обращают внимание на риск утраты независимости в критических областях и развитие экономических отношений с тем или иным государством ставят в зависимость от соблюдения в нём прав человека, то СДПГ делает акцент на взаимовыгодном партнёрстве.

В Стратегии не прописаны обязательные требования или цели, что вызывает сомнения касательно того, насколько серьёзно Германия относится к необходимости «снижения рисков». Хотя концептуально в документе преобладает риторика соперничества, на практике германский подход вполне сбалансирован. Показательным примером стала покупка китайской компанией «Коско» (*Cosco*) 24,99% акций контейнерного терминала «Толлерорт» (*Tollerort*) в Гамбурге. Данная сделка, получив поддержку со стороны властей Гамбурга и крупнейшей

³⁵ China-Strategie der Bundesregierung. 2023. *Министерство иностранных дел ФРГ: официальный сайт*. July 14. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (accessed: 03.04.2024).

³⁶ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. S. 54.

портовой группы Германии ННЛА, на федеральном уровне спровоцировала скандал: против неё решительно выступили представители Зелёных и СвДП, опасавшиеся чрезмерного усиления влияния китайцев на деятельность логистического хаба³⁷. Заключение сделки, как предполагается, произошло по решению канцлера и, как и по многим другим вопросам, стало результатом компромисса между членами правящей коалиции, согласно которому вместо планируемых 35% компании из КНР позволили владеть 24,99% акций контейнерного терминала³⁸. Другим недавним примером активности китайских инвесторов стало приобретение китайско-немецкой компанией Agile Robots AG за 33 млн евро технологического стартапа Franka Emika. По некоторым данным, Agile Robots контролируется китайскими государственными учреждениями³⁹.

Прежнюю политику в отношении Китая проводит немецкий бизнес. Так, концерн Ebm-papst Group не только рассматривает Китай как ключевой рынок для своей продукции, но и планирует выделить 25 млн евро на расширение своего присутствия в стране⁴⁰. Один из крупнейших в мире химический концерн BASF инвестирует 10 млрд евро в строительство завода по производству инженерных пластиков в южно-китайской провинции Гуандун⁴¹. Аналогичное решение о сохранении инвестиций в Китай приняла крупнейшая фармацевтическая, химическая и биологическая компания Merck, генеральный директор которой Б. Гарихо категорически отвергла призывы по сокращению операций с китайскими партнёрами, заявив: «Мы ожидаем ускорения темпов нашей деятельности в Китае»⁴². Экономист из Института немецкой экономики в Кёльне Ю. Маттес считает, что принимаемые правительством меры по снижению рисков, среди которых, например, сокращение количества спонсируемых промышленных выставок в Китае и уменьшение числа выданных Китаю инвестиционных гарантий, оказывают влияние в первую очередь на малые и средние компании, тогда как на крупные корпорации имеют лучший доступ к частным страховым услугам и больший потенциал для анализа рыночных возможностей⁴³.

³⁷ China ist nun an einem Hamburger Hafentermin beteiligt. 2023. *Welt*. Juni 20. URL: <https://www.welt.de/regionales/hamburg/article245951350/China-ist-nun-an-einem-Hamburger-Hafentermin-beteiligt.html> (accessed 15.11.2024).

³⁸ Regierung einigt sich auf begrenzten China-Einstieg beim Hamburger Hafen. 2023. *Spiegel*. Oktober 26. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/hamburg-hafen-regierung-einigt-sich-auf-begrenzte-china-einstieg-a-d3a99bf9-edca-435c-bd5e-a278cefcfed2> (accessed 27.11.2024).

³⁹ Haupt A. 2023. Franka Emika, Hamburger Hafen und Kuka: So viele Übernahmen von deutschen Unternehmen durch chinesische Investoren gab es wirklich. *Businessinsider*. November 5. URL: <https://www.businessinsider.de/wirtschaft/chinesische-uebernahmen-in-deutschland-partner-oder-eher-konkurrent/> (accessed 01.12.2024).

⁴⁰ Steitz C., Marsh S., Martinez M. 2023. How German companies are tackling China risk. *Reuters*. October 19. URL: [https://www.reuters.com/markets/europe/derisking-dilemma-how-german-companies-are-tackling-china-risk-2023-10-19/#:~:text=China%20became%20Germany's%20single%20biggest,BASF%20\(BASFn.DE\)](https://www.reuters.com/markets/europe/derisking-dilemma-how-german-companies-are-tackling-china-risk-2023-10-19/#:~:text=China%20became%20Germany's%20single%20biggest,BASF%20(BASFn.DE)) (accessed 01.12.2024).

⁴¹ BASF breaks ground on syngas plant at Zhanjiang Verbund site in China. 2023. *BASF: официальный сайт*. September 4. URL: <https://www.basf.com/global/en/media/news-releases/2023/09/p-23-295.html> (accessed 01.12.2024).

⁴² Strategische Alternativen für deutsche Chemieunternehmen in China. De-Risking oder aufs Ganze gehen? 2023. *CHEManager*. October 18. URL: <https://www.chemanager-online.com/news/strategische-alternativen-fuer-deutsche-chemieunternehmen-china#:~:text=BASF%20setzt%20die%2010-Mrd,der%20möglichen%20Arbeitsplatzverluste%20in%20Ludwigshafen> (accessed 01.12.2024).

⁴³ Steitz C., Marsh S., Martinez M. Ibid.

Таким образом, несмотря на конфронтационную риторику федерального правительства Германии, в отношении Китая во многом сохраняется прагматический подход. Отсутствие обязательных требований к предприятиям позволяет последним продолжать прежний бизнес-курс в отношении КНР. Отчасти этому способствует позиция СДПГ в отношении ведения дел с китайскими партнёрами.

Руководящие принципы оборонной политики

Закреплением воинственной риторики в духе «смены эпох» стали опубликованные Министерством обороны Германии 9 ноября 2023 г. новые директивы по оборонной политике⁴⁴. После 1990 г., за отсутствием непосредственных угроз безопасности, руководство ФРГ сосредоточилось на участии в зарубежных миссиях НАТО и ООН. Реформы бундесвера и изменение концептуальных установок проводились для повышения эффективности в решении задач вне зоны ответственности НАТО. Теперь же, согласно новым директивам, на первый план военного планирования германских вооружённых сил выходит обеспечение собственной безопасности и защита союзников. «Германия, как самая густонаселённая и экономически сильная страна в центре Европы, должна стать основой сдерживания и коллективной обороны в Европе», – сказано в приветственном слове министра обороны ФРГ Б. Писториуса и генерального инспектора бундесвера К. Брейера⁴⁵. Необходимость скорейшего построения «эффективного и боеспособного бундесвера» обусловлена, согласно авторам директив, исходящей от России «самой большой угрозой миру и безопасности в евроатлантическом пространстве». Проведение реформ увязывается с требованиями союзников задействовать военно-силовой потенциал Германии для поддержки Киева и повышения обороноспособности Европы. Директивы дополняют Стратегию национальной безопасности ФРГ и заменяют собой «Концепцию бундесвера» 2018 г., в которой особое внимание уделялось зарубежным миссиям и задачам «миростроительства», которые готов был взять на себя бундесвер в случае неспособности центральных властей той или иной страны обеспечить общественную безопасность и порядок⁴⁶. Новый документ определяет основы эффективной деятельности бундесвера, в том числе в области людских ресурсов, взаимодействия с союзниками, организации, климатической устойчивости (зелёная повестка уже многие годы вписывается во все сферы деятельности государства), а также в сфере вооружений и закупок.

⁴⁴ Verteidigungspolitische Richtlinien 2023. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5701724/eacb54dfc428b-6808c9088402de91836/verteidigungspolitische-richtlinien-2023-data.pdf> (accessed 15.11.2024).

⁴⁵ Ibid. S. 6.

⁴⁶ Ausgewählte Grundlinien der Gesamtkonzeption. *Die Konzeption der Bundeswehr*. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/26546/befaf450b146faa515e19328e659fa1e/20180731-broschuere-konzeption-der-bundeswehr-data.pdf> (accessed 19.11.2024).

Как видится, одной из причин подобной переориентации с ведения зарубежных миссий вне зоны ответственности НАТО на территориальную оборону стало неудачное завершение кампаний в Афганистане и Мали. В первом случае германское руководство последовало за решением старшего партнёра в лице США об эвакуации, подведя таким образом черту под двадцатилетним пребыванием в стране. Во втором случае с просьбой о завершении миссии с участием немецких военнослужащих выступило руководство Мали, заявив, что присутствие иностранных контингентов не сделало жизнь в стране безопаснее⁴⁷.

Ни в Руководящих принципах, ни в Стратегии национальной безопасности не прописано конкретных обязательств, которые должен взять на себя бундесвер, и показателей, которых он собирается достичь. Задача «сделать бундесвер сильнейшей армией Европы», таким образом, ляжет на будущие правительства Германии, которым после исчерпания средств из специальных фондов придётся регулярно наращивать оборонный бюджет. Кроме этого, нерешённым остаётся вопрос повышения вклада Германии в НАТО до 2% ВВП, что, согласно СНБ⁴⁸, должно произойти «в течение нескольких лет».

Как было отмечено выше, представители бундесвера, комментируя задачи, которые ставит перед ними федеральное правительство, указывают на нехватку финансирования и структурные проблемы в оборонном ведомстве, решение которых может затянуться, ведь «получение денег занимает гораздо меньше времени, чем наращивание военной мощи»⁴⁹.

Оценивая реализацию концепции «смены эпох» в сфере обороны, эксперты DGAP К. Мёллинг, Т. Шютц и С. Хэльмондс утверждают, что существующие в бундесвере структурные проблемы не позволят Германии в ближайшее время достичь заявленных целей по перевооружению, и выделенных на нужды армии активов недостаточно. Стране требуется «десятилетие безопасности», за которое необходимо пересмотреть свои стратегические подходы и разработать всеобъемлющую концепцию безопасности, чтобы в будущем иметь возможность противостоять «российской угрозе». Началом такого десятилетия, как предполагается, станет приход к власти нового правительства (Mölling et al. 2023).

Выводы

События февраля 2022 г. представили германскому руководству повод пересмотреть свои внешнеполитические подходы. Принимаемые в рамках концепции «смены эпох» меры и декларируемые намерения носят во многом беспрецедентный характер.

⁴⁷ Бундесвер может покинуть Мали до конца года. 2023. *Deutsche Welle*. 21.07. URL: <https://www.dw.com/ru/bundes-ver-smozet-pokinut-mali-do-konca-goda/a-66090361> (дата обращения: 01.12.2024).

⁴⁸ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. *Nationale Sicherheitsstrategie*. S. 13.

⁴⁹ Militärexperte Mölling: Russland will Nato zermürben. 2023. *Stern*. December 19. URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/ukraine-podcast/nicht-nur-ukraine--militaerexperte-christian-moelling-sieht-risiken-fuer-nato-34299722.html> (accessed 25.11.2024).

Несмотря на участие в военных операциях за рубежом, в вопросах боевого или провокационного использования военно-силового потенциала Берлин традиционно руководствовался принципом «стратегической сдержанности». Однако после эскалации конфликта на Украине имеет место крупнейшее со времён Второй мировой войны повышение расходов на оборону, прекратил действовать принцип отказа от поставок оружия сторонам конфликта. Высказана готовность увеличить вклад в оборону в рамках НАТО, нарастить численность военного контингента в других странах Европы и работать над производством новых типов вооружений.

В то же время сама концепция «смены эпох» адаптируются участниками правящей коалиции под решение узкопартийных задач, о чём свидетельствуют возникающие в процессе стратегического планирования разногласия. Трудности наблюдаются и в практической реализации заявленных канцлером мер, в том числе в ходе освоения выделенных на нужды бундесвера денег.

Впервые после воссоединения страны на первый план выдвинута задача ориентации бундесвера на защиту территории Германии и её союзников, а не на зарубежные операции. Заявления о планах превращения бундесвера в сильнейшую армию на европейском континенте, поставки оружия на Украину и увеличение военных расходов свидетельствуют о стремлении руководства страны пересмотреть место и роль германского государства в меняющихся международных реалиях.

Современный внешнеполитический курс Германии формируется на основе попыток немецкого руководства представить Россию в качестве самой большой угрозы европейской и национальной безопасности. После эскалации украинского конфликта тезис о «российской угрозе», существовавший и до 2022 г., впервые был отражён в доктринальных документах правительства ФРГ и приобрёл универсальный характер. Закрепление антироссийской риторики в официальных документах практически во всех областях, начиная от вопросов климата и заканчивая сотрудничеством с третьими странами, существенно снижает вероятность нормализации диалога между Москвой и Берлином в обозримой перспективе.

Как концептуальное наполнение, так и практическая реализация публикуемых федеральным правительством стратегических документов содержат противоречия.

Во-первых, это объясняется разными позициями партий – участниц правящей коалиции по ряду вопросов. Большое идейное влияние на содержательное наполнение новых доктринальных документов оказывает партия «Союз 90 / Зелёные», что подтверждается характерными для этой партии расширительной трактовкой вопросов безопасности и приоритизацией ценностного аспекта в политике. Представители СДПГ, в сравнении с Зелёными, традиционно придерживаются более умеренного курса и стараются избегать резких высказываний. Однако необходимость поиска компромисса и демонстрации единого

подхода с коалиционными партнёрами в рамках действующего правительства в итоге приводит к более жёстким формулировкам в документах. Риторика опубликованных после обострения украинского кризиса документов гораздо более воинственная, чем та, которая содержалась в коалиционном договоре 2021 г. Кроме того, ответственность за написание большинства текстов, имеющих военно-политическое измерение, перешла от Министерства обороны к контролируемому Зелёными Министерству иностранных дел.

Во-вторых, быстрая практическая реализация положений, которые заявлены в качестве приоритетных в новых доктринальных документах, в настоящее время невозможна из-за отсутствия у Германии необходимых для этого ресурсов.

Расплывчатые формулировки, как и отсутствие в опубликованных документах чётких обязательств, сроков и количественных показателей оставляют возможность в дальнейшем дополнить и уточнить подготовленные нынешним руководством положения. Однако сам факт закрепления идей «смены эпох» в стратегических планах германского государства делает невозможным их игнорирование будущим правительством страны.

Об авторах:

Артём Павлович Соколов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России. Пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru.

Станислав Евгеньевич Проценко – выпускник магистратуры Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России. Пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: procenko_s_e@my.mgimo.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-01501, <https://rscf.ru/project/23-28-01501/>

UDC: 327.5+351.86+355.02
Received: November 13, 2023
Accepted: March 9, 2024

Zeitenwende Through the Lens of Olaf Scholz's Government Strategic Documents

 A.P. Sokolov, S.E. Protsenko
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-6-99-230-251)

MGIMO University

Abstract: This study examines German doctrinal documents issued under the government of Olaf Scholz in the context of the “Zeitenwende” (turning point) proclaimed in 2022. Key documents analyzed include the *National Security Strategy*, *Guidelines for Feminist Foreign Policy*, *Strategy on China*, and *Defense Policy Guidelines*. Of particular interest are the ongoing transformations in Germany's strategic culture, which are unprecedented in scope and aim to position the Federal Republic as a significant actor in military policy. In response to Russia's military intervention in Ukraine, Berlin has increasingly emphasized the military dimension of its policy, including arms deliveries to Kyiv—an action that marks a departure from the post-war principle of refraining from supplying weapons to conflict zones.

The article explores how intra-German debates on military and political issues are reflected in these strategic documents. The participants in these debates can be broadly categorized into three groups: proponents of both the “Zeitenwende” and the government's associated policies; supporters of the “Zeitenwende” who dissent on the methods or tools of implementation; and opponents of the “Zeitenwende” in principle. Using qualitative content analysis, the study identifies contradictions within the documents and inconsistencies in the implementation of Berlin's declared objectives. Many formulations in the documents are characterized by ambiguity, allowing for future revisions or additions. Notably, the Green Party exerts significant influence over the content, promoting a bellicose rhetoric and advocating for an expanded understanding of security issues.

The findings suggest that Germany's practical approach remains measured and cautious. However, the incorporation of the “Zeitenwende” principles into strategic documents ensures their longevity, making it unlikely that any future government coalition will disregard these foundational shifts in Germany's military and foreign policy.

Keywords: Germany; Zeitenwende; foreign policy; German security policy; political-military strategy; doctrinal documents

About the authors:

Artem P. Sokolov – Candidate of Historical Sciences, research Associate of the Center for European Studies, Institute of International Studies, MGIMO University. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Pr. 76. E-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru.

Stanislav E. Protsenko – Master's degree graduate of MGIMO University. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Pr. 76. E-mail: procsenko_s_e@my.mgimo.ru.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01501, <https://rscf.ru/project/23-28-01501/>

References:

- Biehl H. 2001. Wendepunkt Kosovo? Sicherheitspolitische Einstellungen in den alten und neuen Ländern. *SOWI-Arbeitspapier*. Strausberg. №128. 42 S. (In German)
- Dinkel S., Schirwon D., and Stamm L. 2022. Feministische Außenpolitik kann Deutschlands erste Nationale Sicherheitsstrategie prägen. *DGAP Policy Brief*, 24. Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-84481-6> (accessed 30.11.2024). (In German)
- Hauschild A. and Stamm L. 2024. From feminist questions towards Feminist Processes: Strengthening Germany's Feminist Foreign Policy. *European Journal of Politics and Gender*. XX (XX): P. 1–5. DOI: 10.1332/25151088Y2023D000000017
- Kaim M., Mair S. (Koord.). 2023. Nach der Nationalen Sicherheitsstrategie – die nächsten Schritte. Berlin: *Stiftung Wissenschaft und Politik* (360 Grad). URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/nach-der-nationalen-sicherheitsstrategie-die-naechsten-schritte#publication-article-127> (accessed 15.11.2024). (In German)
- Kupchan A. 2002. *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*. New York: Alfred A. Knopf.
- Maihold G., Mair S., Müller M., Vorrath J., and Wagner C. 2021. Deutsche Außenpolitik im Wandel: unstete Bedingungen, neue Impulse. *SWP-Studie*, 15. DOI: 10.18449/2021S15 (In German)
- Mair S. 2022. Die Nationale Sicherheitsstrategie im Zeichen der außenpolitischen Zeitenwende: Prioritäten, Risiken, Potentiale. *VerfBlog*. DOI: 10.17176/20220330-131209-0 (In German)
- Maull H. 2000. Germany and the Use of Force: Still a "Civilian Power"? *Survival*. 42(2). P. 56–80. DOI: 10.1093/survival/42.2.56
- Meiers Fr.-J. 2006. *Zu neuen Ufern? Die Deutsche Sicherheits- und Verteidigungspolitik in einer Welt des Wandels 1990–2000*. Germany, Paderborn. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2007.00654.x (In German)
- Mölling C., Schütz T. and Hellmonds S. 2023. Zeitschleife statt Zeitenwende. *DGAP Policy Brief*, 15. URL: <https://dgap.org/de/forschung/publikationen/zeitschleife-statt-zeitenwende> (accessed 12.12.2024). (In German)
- Rühlig T. 2023. *Germany's New China Strategy: Following*. Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik. URL: <https://dgap.org/de/forschung/publikationen/germanys-new-china-strategy-following-brussels> (accessed 23.11.2024). (In German)
- Zilla C. 2023. Neuausrichtung der Außenpolitik. *SWP-Aktuell*, A21. DOI: 10.18449/2023A21
- Basov F.A. 2022. Vnutrennie i vnesnie determinanty pozicii FRG v otnoshenii proekta «Severnij potok-2». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. [Germany's Stance on the Nord Stream 2 Project: Internal and External Determinants]. №2. P. 76–108. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-76-108. (In Russian).

Belov V.B. 2023. Pervaja v istorii Germanii kompleksnaja Strategija nacional'noj bezopasnosti [The First in German History Comprehensive National Security Strategy]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*. (Vypusk II) 13(310). <http://doi.org/10.15211/analytics21320234453>. (In Russian).

Belozjorov V.K. 2023. Germanija konstruiuet strategicheskiju kul'turu [Germany Constructs a Strategic Culture]. *Rossija v global'noj politike*. 21(5). P. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177 (In Russian).

Horol'skaja M.V. 2023. Izmenenija v politicheskom landshafte Germanii posle nachala boevykh dejstvij na Ukraine: vyzovy dlja Rossii [Changes in the German Political Landscape After the Outbreak of the Conflict in Ukraine: Challenges for Russia]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMJeMO RAN*. № 2. P. 73–83. DOI: 10.20542/afij-2023-2-73-83. (In Russian).

Kokeev A.M. 2018. Novye akcenty v oboronnoj strategii i politike bezopasnosti Germanii [New Emphases in German Defense Strategy and Security Policy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 62(11). P. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-26-34 (In Russian).

Kokeev A.M., Vasil'ev V.I., Basov F.A., Horol'skaja M.V. 2018. Nemeckoe predstavlenie o bezopasnosti [German Perception of Security]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. №10. P. 37–54 (In Russian).

Pavlov N.V. 2023. *Jera Angely Merkel'* [The Era of Angela Merkel]. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 431 p. (In Russian).

Pimenova E.V. 2022. Jepoha, kotoraja uhodit. Kakuju Germaniju ostavljaet Angela Merkel' [Epoch which Goes. What Germany Leaves Angela Merkel]. *Svobodnaja mysl'*. 2(169). P. 125–134. (In Russian).

Sokolov A.P. 2023. Quo vadis, Germania? *Rossija v global'noj politike*. 21(4). P. 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149 (In Russian).

Trunov F.O. 2023. Modelirovanije uchastija strany v uregulirovanii vooruzhjonnykh konfliktov: kejs dejstvij FRG v Mali [Modeling the Country's Participation in Armed Conflict Resolution: Case of Germany's Activity in Mali]. *Vestnik RUDN*. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. №1. P. 48–66. (In Russian).

Vasil'ev V.I. 2018. Strategicheskie imperativy Germanii [Germany's Strategic Imperatives]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'*. 3(338). P. 6–25. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Басов Ф.А. 2022. Внутренние и внешние детерминанты позиции ФРГ в отношении проекта «Северный поток – 2». *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. №2. С. 76–108. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-76-108

Белов В.Б. 2023. Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности. *Аналитические записки Института Европы РАН*. (Выпуск II) 13(310). DOI: 10.15211/analytics21320234453

Белозёров В.К. 2023. Германия конструирует стратегическую культуру. *Россия в глобальной политике*. 21(5). С. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177

Васильев В.И. 2018. Стратегические императивы Германии. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель»*. 3(338). С. 6–25.

Кокеев А.М. 2018. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности. *Мировая экономика и международные отношения*. 62(11). С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-26-34

Кокеев А.М., Васильев В.И., Басов Ф.А., Хорольская М.В. 2018. Немецкое представление о безопасности. *Международная жизнь*. №10. С. 37–54.

Павлов Н.В. 2023. *Эра Ангелы Меркель*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 431 с.

Пименова Е.В. 2022. Эпоха, которая уходит. Какую Германию оставляет Ангела Меркель. *Свободная мысль*. 2(169). С. 125–134.

Соколов А.П. 2023. Quo vadis, Germania? *Россия в глобальной политике*. 21(4). С. 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149

Трунов Ф.О. 2023. Моделирование участия страны в урегулировании вооружённых конфликтов: кейс действий ФРГ в Мали. *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. №1. С. 48–66.

Хорольская М.В. 2023. Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России. Анализ и прогноз. *Журнал ИМЭМО РАН*. №2. С. 73–83.